

ЖУРНАЛ ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ
СИБИРЬ
375/4 4•2019

Литературно-художественный и культурно-просветительский
журнал писателей Восточной Сибири

Учредитель — Иркутское региональное отделение
Общероссийской общественной организации
«Союз писателей России»

Журнал выходит при финансовой помощи
Министерства культуры и архивов Иркутской области
Основан в 1930 году. Выходит 6 раз в год

Содержание

Эрестоматия

235 лет со дня рождения Дениса Васильевича Давыдова, русского поэта,
гусара, генерал-лейтенанта, героя Отечественной войны 1812 года

Денис Давыдов. Эскадрон гусар летучих 3

130 лет со дня рождения русского поэта Анны Андреевны Ахматовой

Анна Ахматова. Не с теми я, кто бросил землю 9

95 лет со дня рождения русского писателя Владимира Алексеевича Солоухина

Владимир Солоухин. Девочка на урзе моря. Рассказ 13

Поэзия

К 80-летию известного сибирского поэта

Юрий Аксаментов. Хочу я быть задумчивой рекой 21

К 85-летию выдающейся русской поэтессы

Светлана Кузнецова. Уже завершаю свой срок на земле 41

Леонид Лебедев. Я птица, летящая в небе 57

Иннокентий Чулкин. Лёня.

Воспоминания о моем друге Лебедеве Леониде Анатольевиче 62

Евгений Юшин. Какой потерей полнится душа 72

Виктор Коврижных. Сквозь тишину предчувствий и мерцанья 90

Александр Обухов. На реке Белой. Маленькая поэма 97

Анна Токарева. Быть душистым цветку суждено 103

Проза

Владимир Личутин. Пожар в мастерской художника.

Рассказ из повествования «В ожидании Бога» 35

Даль Орлов. Богатые опыты малой жизни. Рассказ из книги воспоминаний 51

Надежда Калиниченко. Клад. Рассказ 67

Анатолий Казаков. История с конём и человеком. Рассказы 80

Сквозь веки истории

Митрополит Иоанн (Снычев). Битва за Россию 109

Публицистика

Валентина Семенова. «Снисходя друг ко другу любовью...». Заметки с Круглого стола

«Валентин Распутин и семейное воспитание в современном мире» 117

Критика

- Алексей Шорохов.** Ганина яма и лестница к небеси.
Новый роман Личутина к столетию Царевубийства 125
- Анна Третьякова.** Всякий человек — загадка...
Взаимоотношения Тургенева и Достоевского 132

Агг

- Анатолий Байбородин.** Русский обычай.
Очерк о языческом и христианском в народной этике 144

Радоница

- Тамара Гийтанен.** Учитель! Поэт! Человек! *Памяти Лии Алексеевны Болдыревой* 237

Вернисаж

- Федор Ясников.** На пороге величия...
О творчестве художника Аркадия Вычужанина 247

Сумочка к другу

- Степан Правдурубский.** «Когда с меня ты выбьешь дурь...». *Пародии* 255
- Василий Козлов.** Орлиная песнь. *Пародия* 256
- Владимир Скиф.** С рябчиком. *Пародии* 257

Книжная лавка

- Александр Лаптев.** Обретение веры, или Разговор начистоту.
(К выходу в свет новой книги Василия Гинкулова «Обретение веры») 259
- Сергей Корбут.** Двойственность «двойной жизни».
О книге А. Хромовских «Двойная жизнь» 263
- Эдуард Анашкин.** «...Смертны мы... Но ты — не верь!».
О книге лауреатов литературной конференции «Молодость. Творчество. Современность — 2018» 266
- Книжная полка** 269

События

- Наши лауреаты** 271
- Новости Иркутского Дома литераторов** 271

Главный редактор **А.Г. БАЙБОРОДИН**

Директор редакции **Ю.И. БАРАНОВ**

Заведующий отделом поэзии **В.П. СКИФ**

Заведующий отделом прозы, ответственный секретарь **С.В. ЗУБАКОВА**

СОВЕТ ЖУРНАЛА

Г.В. Аксаментов, А.А. Антипин, А.С. Гурулёв, В.К. Забелло, В.В. Козлов, И.И. Козлов,
А.К. Лаптев, М.П. Попова, О.К. Стасюлевич, Л.А. Сулейманова, В.Н. Хайрюзов

Редакция знакомится с письмами читателей, не вступая в переписку. Рукописи не рецензируются и не возвращаются, кроме особо оговоренных случаев. Редакция оставляет за собой право принятые к печати рукописи редактировать и корректировать. Произведения более пяти авторских листов к рассмотрению не принимаются. За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с мнением редакции. Оформление обложки Г.Г. Гордиевских. Комп. верстка А.Л. Гордиевских. Корректор Н.О. Шильникова.

**Журнал зарегистрирован Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Иркутской области.
Свидетельство о регистрации СМИ от 13.12.2012 г. ПИ № ТУ38-00600**

Адрес редакции: 664025, г. Иркутск, ул. Степана Разина, 40. Адрес учредителя: 664025, г. Иркутск, ул. Степана Разина, 40.
Телефон редакции: 8-914-92-75-720. Электронный адрес редакции: sve-t-lana@mail.ru
Подписано в печать 15.08.2019 г. Выход в свет: 30.08.2019 г. Формат 70x108/16.

Усл-печ. л. 21. Тираж 1300. Цена свободная.

Издательство: ИП Лаптев А.К. Адрес: 664047, ул. Трудовая, 55-51. Тел. 8 (3952) 23-38-45.

Отпечатано в типографии: ООО «Принт Лайн», 664006, г. Иркутск, ул. Сергеева, 3, корп. 4, оф. 21. Тел. 8 (3952) 48-66-00.

Р/сч. № 40702810608030001744 к/с 30101810200000000777 Банк получателя ФЛ ПАО Банк ВТБ в г. Красноярск

Сч. № 30101810200000000777 БИК 040407777

ИНН/ КПП 3808086540/381201001 ОКПО 13623582 ОКПО 13623582

Юрестоматия

*235 лет со дня рождения
Дениса Васильевича Давыдова,
русского поэта, гусара, генерал-лейтенанта,
героя Отечественной войны 1812 года*

ДЕНИС ДАВЫДОВ

Эскадрон гусар летучих

Бородинское поле

ЭЛЕГИЯ

Умолкшие холмы, дол некогда кровавый!
Отдайте мне ваш день, день вековой славы,
И шум оружия, и сечи, и борьбу!
Мой меч из рук моих упал. Мою судьбу
Попрали сильные. Счастливы горделивы
Невольным пахарем влекут меня на нивы...
О, ринь меня на бой, ты, опытный в боях,
Ты, голосом своим рождающий в полках
Погибели врагов предчувственные клики,
Вождь гомерический, Багратион великий?
Простри мне длань свою, Раевский, мой герой!

Ермолов! я лечу — веди меня, я твой:
О, обреченный быть побед любимым сыном,
Покрой меня, покрой твоих перунов дымом!
Но где вы?.. Слушаю... Нет отзыва! С полей
Умчался брани дым, не слышен стук мечей,
И я, питомец ваш, склоняюсь главой у плуга,
Завидую костям соратника иль друга.

Бурцову

В дымном поле, на биваке	Или лошадь осадим,
У пылающих огней,	Или миленькой плутовке
В благодетельном араке	Даром сердце подарим!
Зрю спасителя людей.	Пусть не сабельным ударом
Собирайся вкруговую,	Пресечется жизнь моя!
Православный весь причёт!	Пусть я буду генералом,
Подавай лохань златую,	Каких много видел я!
Где веселие живёт!	Пусть среди кровавых боев
Наливай обширны чаши	Буду бледен, боязлив,
В шуме радостных речей,	А в собрании героев
Как пивали предки наши	Остр, отважен, говорлив!
Среди копий и мечей.	Пусть мой ус, краса природы,
Бурцов, ты — гусар гусаров!	Черно-бурый, в завитках,
Ты на ухарском коне	Иссечется в юны годы
Жесточайший из угаров	И исчезнет, яко прах!
И наездник на войне!	Пусть фортуна для досады,
Стукнем чашу с чашей дружно!	К умножению всех бед,
Нынче пить еще досужно;	Даст мне чин за вахтпарады
Завтра трубы затрубят,	И георгья за совет!
Завтра громы загремят.	Пусть... Но чу! гулять не время!
Выпьем же и поклянёмся,	К коням, брат, и ногу в стремя,
Что проклятью предаёмся,	Саблю вон — и в сечу! Вот
Если мы когда-нибудь	Пир иной нам бог дает,
Шаг уступим, побледнеем,	Пир задорней, удалее,
Пожалеем нашу грудь	И шумней, и веселее...
И в несчастьи оробеем;	Ну-тка, кивер набекрень,
Если мы когда дадим	И — ура!
Левый бок на фланкировке,	Счастливым день!

Вечер в июне

Томительный, палящий день	Луга и лес благоухали.
Сторел; полупрозрачна тень	Луна во всей красе плыла на высоту,
Немого сумрака приосеняла дали.	Таинственным лучом мечтания питая,
Зарницы бегали за синюю горой	И, преклоняясь к лавровому кусту,
И, окропленные росой,	Дышала роза молодая.

Вечерний звон

Вечерний звон, вечерний звон, — То был не звук, но глас страстей,
Как много дум наводит он! То говор был с душой моей!
Не тот, что на закате дня *Вечерний звон, вечерний звон, —*
Гудит в стенах монастыря, *Как много дум наводит он!*
Но тот, что пасмурной порой Все вторило в природе ей:
Поется девой молодой... Луна средь облачных зыбей,
Вечерний звон, вечерний звон, — Пустыня в сумрачной тиши
Как много дум наводит он! И ропот девственной души,
Как он мучителен и мил! Терзаемой любви тоской,
Как он мне чувства возмутил, И очи, полные слезой!..
Когда впервые звук его *Вечерний звон, вечерний звон, —*
Коснулся слуха моего!.. *Как много дум наводит он!*

Бурцову:

призывание на пунш

Бурцов, ёра¹, забияка,
Собутыльник дорогой!
Ради бога и... арака
Посети домишко мой!
В нем нет нищих у порогу,
В нем нет зеркал, ваз, картин,
И хозяин, слава богу,
Не великий господин.
Он — гусар, и не пускает
Мишурою пыль в глаза;
У него, брат, заменяет
Все диваны куль овса.
Нет курильниц, может статья,
Зато трубка с табаком;
Нет картин, да заменяются
Ташкой² с царским вензелём!
Вместо зеркала сияет
Ясной сабли полоса:
Он по ней лишь поправляет
Два любезные уса.
А на место ваз прекрасных,
Беломраморных, больших
На столе стоят ужасных
Пять стаканов пуншевых!
Они полны, уверяю,
В них сокрыт небесный жар.
Приезжай — я ожидаю, —
Докажи, что ты гусар.

¹Ёра - беспутный человек

²Ташка - у гусар свободно висящий кожаный декоративный карман

Гусарский пир

Ради Бога, трубку дай!	Бурцев, брат, что за раздолье!
Ставь бутылки перед нами,	Пунш жестокий!..
Всех наездников сзывай	Хор гремит!
С закручёнными усами!	Бурцев, пью твоё здоровье:
Чтобы хором здесь гремел	Будь, гусар, век пьян и сыт!
Эскадрон гусар летучих,	Понтируй, как понтируешь,
Чтоб до неба возлетел	Фланкируй, как фланкируешь;
Я на их руках могучих;	В мирных днях не унывай
Чтобы стены от ура	И в боях качай-валяй!
И тряслись и трепетали!..	Жизнь летит: не осрамяся,
Лучше б в поле закричали...	Не проспи её полет,
Но другие горло драли:	Пей, люби да веселися! —
«И до нас придет пора!»	Вот мой дружеский совет.

* * *

ДАВЫДОВ Денис Васильевич (1784–1839) родился в селе Верхняя Маза Сызранского уезда Симбирской губернии в семье бригадира Василия Денисовича Давыдова, служившего под командованием Александра Суворова. Когда Денису было всего девять лет, полководец удостоил своим вниманием его и его младшего брата. Удалому Денису фельдмаршал предсказал блестящую военную карьеру, а его младшему брату Евдокиму — гражданскую службу. Во втором случае он ошибся, не разглядев в застенчивом мальчике будущего героя Аустерлица.

В 1801 году отец определил Дениса Давыдова в Кавалергардский полк. Из-за маленького роста, от которого и сам Денис Васильевич страдал немало, дежурный офицер отказался его принять. Однако наш герой добился, чтобы его приняли, и вскоре подружился со многими офицерами полка, а 28 сентября 1801 года уже стал эскадрон-юнкером. В кавалергардах Давыдов оставался недолго. В 1803 году в рукописях и устных пересказах начали распространяться его политические басни: «Голова и Ноги» и «Река и Зеркало» (последняя — перевод из французского поэта Луи Филиппа Сегюра). Давыдову приписывают и одну из самых острых басен того периода — «Орлица, Турухтан и Тетерев», где в образе мудрой Орлицы выступает Екатерина II, ее жестокий и глупый наследник Турухтан — Павел I, а в «выбранном» птицами Тетерева легко угадать Александра I. На смелые выпады против правительства у Давыдова были свои причины. После смерти Екатерины попал в опалу блестящий Суворов, а вместе с ним и все его соратники. В полку, которым командовал Василий Денисович Давыдов, обнаружили недостачу в 100 тысяч рублей. Бригадир был уволен по решению суда, который также обязал его выплатить потерянную сумму. Дворцовый переворот 11 марта, в результате которого на престол взшел Александр I, не принес служащему дворянству желаемых результатов. Глухота (отсюда образ Тетерева) и безразличие к поданным, возлагавшим на молодого царя особенные надежды, не способствовали популярности самодержца. Басни Давыдова в это время были выражением общего настроения служащей знати. Позже с таким же осуждением поэт отнесется и к «аракчеевщине», однако идею государственного переворота не одобрит и, будучи приятелем многих декабристов, так и не станет членом тайного общества. В 1804 году за

творчество, которое правительство сочло «возмутительным», Давыдов был выпровожен из гвардии в Белорусский гусарский полк, стоявший в Подольской губернии в Малороссии.

Но наш герой переживал недолго, в гусарах ему понравилось. Оставив свои острые политизированные басни, он разрабатывает совсем другое направление в творчестве. Давыдовская «гусарщина» стала одним из самых ярких бытовых и психологических явлений 1800–1810 годов. Живописный и полнокровный образ старого вояки, наездника, «еры и забияки», созданный автором в его стихотворениях, оказался любим не только среди военных, но прижился и в светских салонах. Опыты написания «гусарских» стихотворений были и ранее, однако именно Давыдов, смело использовавший разговорную лексику, экспериментирующий со стихотворными размерами и впервые заговоривший в «гусарских стишках» о патриотизме и доблести, оказался лучшим в этом направлении. Лирический герой поэта очень скоро стал ассоциироваться с ним самим, тем более что и Давыдов не возражал против такого сравнения и всячески подчеркивал свою гусарскую натуру. Такое отождествление чуть было не сыграло с поэтом злую шутку: после двух неудачных романов он, наконец, решил жениться на девице Софье Чирковой, дочери покойного генерала Николая Чиркова. Давыдов получил согласие, но свадьба оказалась под угрозой после того, как мать девушки увидела его стихотворения. Решив, что будущий зять — пьяница и кутила, она намеревалась отказать поэту. Его друзьям стоило немалых усилий, чтобы убедить женщину в том, что поэт и военный историк Денис Давыдов имеет лишь внешнее сходство со своим литературным двойником, пьет в меру и за картами не замечен.

Дело происходило в 1819 году, к тому моменту наш герой был не только уже известным литератором, но и участником войны с Наполеоном, а также героем Отечественной войны 1812 года. О том, как Давыдов сумел попасть в самую гущу боевых действий, ходят легенды. По одной из них, молодой гусар, скусающий в Подольской губернии, ночью проник к фельдмаршалу Михаилу Каменскому, назначенному в это время главнокомандующим русской армии, с требованием отпустить его на фронт. Старания Давыдова были бы напрасными, так как Каменский вскоре был смещен с должности, однако о его «подвиге» узнали при дворе, и гусар попал в адъютанты к князю Петру Ивановичу Багратиону. Сам Давыдов описывает эту историю несколько иначе. Багратион стал любимым начальником, старшим другом и наставником Дениса Давыдова. Есть знаменитый анекдот о князе и его адъютанте, историкам он известен в двух вариантах благодаря дневникам Александра Пушкина. Согласно первой редакции, Давыдов, явившись к генералу Беннингсену, сказал: «Князь Багратион прислал меня доложить, что неприятель у нас на носу». На что тот ответил: «Денис Васильевич, ежели на вашем, так он уже близко, ежели на носу князя Багратиона, так успеем еще отобедать». Согласно второму варианту, связвил по поводу носа уже сам Багратион, некогда обиженный на Давыдова за эпиграмму, высмеивающую его профиль. Очевидно, что обе эти истории идут от самого Давыдова, прославившего остряком и удивительным рассказчиком, и подчеркивают не только внешние особенности героев анекдота, но и дружественность их отношений. Вместе с Багратионом Давыдов участвовал в ряде важных сражений, после одного из которых получил орден Святого Владимира IV степени. В 1812 году именно к нему поэт обратится с идеей о создании партизанского отряда.

Приказ о формировании этого подразделения, сыгравшего столь серьезную роль в победе над Наполеоном, Багратион подписал накануне Бородинского сра-

жения, в котором был смертельно ранен. Что же касается летучего отряда Давыдова, то во время войны он прославился небывалыми подвигами, вот лишь некоторые из них: с 50 гусарами и 80 казаками в одной из вылазок Давыдов умудрился взять в плен 370 французов, отбив при этом 200 русских пленных, телегу с патронами и девять телег с провиантом; под Ляхово он вместе с другими партизанами взял в плен двухтысячный отряд генерала Ожеро; при подходе к Парижу он вместе с казаками прорвался сквозь гусар бригады генерала Жакино к французской артиллерийской батарее и, уничтожив прислугу, решил исход сражения. После 1812 года о Давыдове и его невероятной храбрости знал, без преувеличения, весь мир. Гравюра работы английского художника Дениса Дайтона с подписью «Денис Давыдов. Черный капитан» хранилась в рабочем кабинете Вальтера Скотта, с которым поэт вел переписку и которому показывал некоторые из своих стихотворений.

Едва ли английский романист смог по достоинству оценить талант гусарского поэта, а вот в России почитателей его творчества было немало. Среди прочих — Пушкин, Языков, Жуковский. Давыдов был членом литературного общества «Арзамас», и, по мнению остальных резидентов кружка, его ухарским веселым текстам невозможно было подражать. Менее известны прозаические тексты Дениса Давыдова, среди которых такие статьи, как «Встреча с великим Суворовым», «Встреча с фельдмаршалом графом Каменским», «Воспоминание о сражении при Прейсиш-Эйлау», «Тильзит в 1807 году», «Дневники партизанских действий» и «Записки о польской кампании 1831 года». По ценности сообщаемых данных эти военные воспоминания и до сих пор остаются важными источниками для истории войны той эпохи. После окончания Отечественной войны карьера Давыдова складывалась не лучшим образом. Для правительства он навсегда остался вольнодумцем, а значит, человеком, которого нельзя задействовать в серьезных кампаниях. И хотя до 1831 года Денис Давыдов принимал участие в военных действиях, он считал себя человеком обделенным по службе. Скончался знаменитый партизан и поэт 22 апреля (по григорианскому календарю — 4 мая) 1839 года на 55-м году жизни. Прах его был перевезен в Москву и погребен на кладбище Новодевичьего монастыря.

*130 лет со дня рождения русского поэта
Анны Андреевны Ахматовой*

АННА АХМАТОВА

Не с теми я, кто бросил землю

Мужество

Мы знаем, что ныне лежит на весах
И что совершается ныне.
Час мужества пробил на наших часах,
И мужество нас не покинет.

Не страшно под пулями мертвыми лечь,
Не горько остаться без крова,
И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.

Свободным и чистым тебя пронесем,
И внукам дадим, и от плена спасем
Навеки.

* * *

Мне голос был. Он звал утешно,
Он говорил: «Иди сюда,
Оставь свой край глухой и грешный,
Оставь Россию навсегда.

Я кровь от рук твоих отмою,
Из сердца выну чёрный стыд,
Я новым именем покрою
Боль поражений и обид».

Но равнодушно и спокойно
Руками я замкнула слух,
Чтоб этой речью недостойной
Не осквернялся скорбный дух.

* * *

Не с теми я, кто бросил землю
На растерзание врагам.
Их грубой лести я не внемлю,
Им песен я своих не дам.

А здесь, в глухом чаду пожара
Остаток юности губя,
Мы ни единого удара
Не отклонили от себя.

Но вечно жалок мне изгнанник,
Как заключенный, как больной.
Темна твоя дорога, странник,
Полынью пахнет хлеб чужой.

И знаем, что в оценке поздней
Оправдан будет каждый час...
Но в мире нет людей бесслезней,
Надменнее и проще нас.

* * *

Натальи Рыковой

Всё расхищено, предано, продано,
Черной смерти мелькало крыло,
Все голодной тоскою изглодано,
Отчего же нам стало светло?

Ночью блещет созвездьями новыми
Глубь прозрачных июльских небес, —

Днем дыханьями веет вишневыми
Небывалый под городом лес,

И так близко подходит чудесное
К развалившимся грязным домам...
Никому, никому неизвестное,
Но от века желанное нам.

* * *

Все мы бражники здесь, блудницы,
Как невесело вместе нам!
На стенах цветы и птицы
Томятся по облакам.

Навсегда забиты окошки:
Что там, изморозь или гроза?
На глаза осторожной кошки
Похожи твои глаза.

Ты куришь черную трубку,
Так странен дымок над ней.
Я надела узкую юбку,
Чтоб казаться еще стройней.

О, как сердце мое тоскует!
Не смертного ль часа жду?
А та, что сейчас танцует,
Непременно будет в аду.

* * *

Сжала руки под тёмной вуалью... «Отчего ты сегодня бледна?» — Оттого, что я терпкой печалью Напоила его допьяна.	Я сбежала, перил не касаясь, Я бежала за ним до ворот. Задыхаясь, я крикнула: «Шутка Всё, что было. Уйдешь, я умру».
Как забуду? Он вышел, шатаясь, Искривился мучительно рот...	Улыбнулся спокойно и жутко И сказал мне: «Не стой на ветру».

* * *

АХМАТОВА Анна Андреевна (урождённая Горенко) (1889–1966) родилась в Одессе Херсонской губернии. Русская поэтесса Серебряного века, переводчица и литературовед, одна из наиболее значимых фигур русской литературы XX века. Была номинирована на Нобелевскую премию по литературе (1965 и 1966). Репрессиям были подвергнуты трое близких ей людей: первый муж, Николай Гумилёв, был уже после их развода расстрелян в 1921 году; третий муж, Николай Пунин, был трижды арестован и погиб в лагере в 1953 году; единственный сын, Лев Гумилёв, провёл в заключении в 1930–1940-х и в 1940–1950-х годах более 10 лет. Горе жён и матерей «врагов народа» было отражено в одном из наиболее значительных произведений Ахматовой — поэме «Реквием». Признанная классиком отечественной поэзии ещё в 1920-е годы, Ахматова позже подвергалась замалчиванию, цензуре и травле (включая постановление ЦК ВКП(б) 1946 года, не отменённое при её жизни), многие произведения не были опубликованы на родине не только при жизни автора, но и в течение более чем двух десятилетий после её смерти. В то же время имя Ахматовой ещё при жизни окружала слава среди почитателей поэзии как в СССР, так и в эмиграции.

Анна Горенко родилась в одесском районе Большой Фонтан в семье потомственного дворянина, инженера-механика флота в отставке А.А. Горенко (1848–1915), ставшего после переезда в столицу коллежским асессором, чиновником для особых поручений Госконтроля. Она была третьей из шести детей. Её мать, Инна Эразмовна Стогова (1856–1930), состояла в отдалённом родстве с Анной Буниной: в одной своей черновой записи Анна Ахматова записала: «...В семье никто, сколько глаз видит кругом, стихи не писал, только первая русская поэтесса Анна Бунина была тёткой моего деда Эразма Ивановича Стогова...». Женой деда была Анна Егоровна Мотовилова — дочь Егора Николаевича Мотовилова, женатого на Прасковье Федосеевне Ахматовой; её девичью фамилию и избрала Анна Горенко в качестве литературного псевдонима, создав образ «бабушки-татарки», которая, якобы, происходила от ордынского хана Ахмата. К этому выбору оказался причастен отец Анны: узнав о поэтических опытах семнадцатилетней дочери, он попросил не срамить его имени. В 1890 году семья переехала сначала в Павловск, а затем в Царское Село, где в 1899 году Анна Горенко стала ученицей Мариинской женской гимназии. Ахматова вспоминала, что училась читать по азбуке Льва Толстого. В пять лет, слушая, как учительница занималась со старшими детьми, она научилась говорить по-французски. В Петербурге будущая поэтесса застала «краешек эпохи», в которой жил Пушкин; при этом запомнился ей и Петербург «дотрамвайный, лошадиный, конный, коночный, грохочущий и скрежещущий,

завешанный с ног до головы вывесками». Как писал Н. Струве, «Последняя великая представительница великой русской дворянской культуры, Анна Ахматова в себя всю эту культуру вобрала и претворила в музыку». Свои первые стихотворения она опубликовала в 1911 году («Новая жизнь», «Gaudeamus», «Аполлон», «Русская мысль»). В молодости примыкала к акмеистам (сборники «Вечер», 1912, «Чётки», 1914). Характерными чертами творчества Ахматовой можно назвать верность нравственным основам бытия, тонкое понимание психологии чувства, осмысление общенародных трагедий XX века, сопряжённое с личными переживаниями, тяготение к классическому стилю поэтического языка. Автобиографическая поэма «Реквием» (1935–1940; впервые опубликована в Мюнхене в 1963, в СССР — в 1987) — одно из первых поэтических произведений, посвящённых жертвам репрессий 1930-х годов. «Поэма без героя» (1940–1965, относительно полный текст впервые опубликован в СССР в 1976) отражает взгляд Ахматовой на современную ей эпоху, от Серебряного века до Великой Отечественной войны. Поэма имеет выдающееся значение как образец современной поэзии и уникальное историческое полотно. Кроме поэтических произведений перу Ахматовой принадлежат статьи о творчестве А.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова, воспоминания о современниках.

Начиная с 1922 года, книги Анны Ахматовой подвергались цензурной правке. С 1925 по 1939 год и с 1946 по 1955 год её поэзия не печаталась совершенно, кроме стихотворений из цикла «Слава миру!» (1950). По мнению давнего знакомого Ахматовой Юзефа Чапского, её первый, с 1914 года, выезд за рубеж состоялся, скорее всего, только в 1964 году, в итальянскую Таормину. «Британника» уточняет первую дату — с 1912 года. Первое относительно полное и научно прокомментированное посмертное издание: *Ахматова А. Стихотворения и поэмы / Под ред. В.М. Жирмунского. — Л., 1976. — (Большая серия Библиотеки поэта)*. Стихи Ахматовой переведены на многие языки мира. В 1960-е годы творчество Ахматовой получило широкое признание — поэтесса стала номинантом на Нобелевскую премию, получила литературную премию «Этна-Таормина» в Италии. Оксфордский университет присвоил Ахматовой степень почетного доктора литературы. В мае 1964 года в Музее Маяковского в Москве прошел вечер, посвященный 75-летию поэтессы. На следующий год вышел последний прижизненный сборник стихов и поэм — «Бег времени». Болезнь заставила Анну Ахматову в феврале 1966 года переехать в подмосковный кардиологический санаторий. В марте она ушла из жизни. Поэтессу отпели в Никольском морском соборе Ленинграда и похоронили на Комаровском кладбище.

95 лет со дня рождения русского писателя
Владимира Алексеевича Солоухина

ВЛАДИМИР СОЛОУХИН

Девочка на уресе моря

РАССКАЗ

Обращаются за советом, когда колеблются. Решение еще не принято. Все еще можно сделать так, а можно и эдак. Цепочка жизни, цепочка событий, фактов, судеб, начинающаяся от точки принятого решения, будет вязаться и плестись либо одна, либо другая. Как же тут, скажите, не колебаться?

Посоветуйте вы вашему другу Сергею не жениться на девушке Тане, он послушается вашего совета и не женится. Что же произошло? А то, что с

СОЛОУХИН Владимир Алексеевич (14 июня 1924, село Алепино, Владимирская губерния — 4 апреля 1997, Москва) — русский советский писатель и поэт, видный представитель «деревенской прозы». В 1942 г. окончил Владимирский механический техникум по специальности механик-инструментальщик. Первые стихи были опубликованы во владимирской газете «Призыв». После службы в Советской армии (1942–1945, в охране Кремля), Владимир Солоухин начал всерьёз заниматься литературной деятельностью. В 1951 году окончил Литературный институт имени А. М. Горького. Состоял в редколлегии журнала «Молодая гвардия» (1958–1981), а затем был членом Совета редакции журнала «Наш современник». Автор книг поэзии: *«Имеющий в руках цветы»* (1962), *«Жить на земле»* (1965), *«Не прячьтесь от дождя»* (1967), *«Разрыв-трава»* (1972), *«Славянская тетрадь»* (1972), прозы: *«Рождение Зеленограда»* (1955), *«Владимирские проселки»* (1957), *«Капля росы»* (1960), *«Мать-Мачеха»* (1964), *«Письма из Русского музея»* (1966), *«Камешки на ладони»* (1977) и др. Награжден орденом Трудового Красного Знамени, орденом «Знак Почёта», орденом Дружбы народов. Лауреат Государственной премии РСФСР имени М. Горького (1979).

ответственностью, настолько изумляющей, что, пожалуй, лучше ее назвать безответственностью, вы передвинули рычаги, перевели очень важные стрелки, и теперь несколько поездов понесутся в пространстве и времени другими путями, нежели они понеслись бы без вашего совета, о котором вы, проснувшись на другой день, возможно, и не вспомните.

А поезда эти — судьбы. Судьба самого Сергея. Судьба бедняжки Тани. А может, и не бедняжки. Судьбы Сергеевых и Таниных детей, но уж не их совместных детей, заметьте! У них должны были народиться Светочка, Ирочка и Андрюшка, из которых вышли бы со временем эстрадная певица, учительница и техник по ремонту телевизоров. Теперь же у Тани совсем не будет детей, а у Сергея родятся Танечка и Славик. Танечка поступит кое-как в лесной институт, а Славика возьмут в армию. Их часть будет стоять на Украине. Он женится на местной девушке и поселится под Винницей. Устроится в совхоз трактористом, а дома разведет поросят и тыквы в огороде.

Вот что наделали вы своим советом!

А разве мы знаем, что за дети народились бы у не родившихся по вашей вине Светочки, Ирочки и Андрюшки? И что за дети родятся у Танечки и Славки, и что они натворят, пока живут на земле? Давая тот давнишний совет, я не задумывался над важностью происходящего. И занятие у меня было самое прозаическое: я сидел за столом и ел южное блюдо, приготовленное из сладкого перца, кабачков, помидоров, зеленой фасоли и лука.

С этим домом я впервые познакомился лет двенадцать назад (боже мой, как летит время!) совершенно случайно. Шел по перегретой приморской улочке в поисках комнаты. В середине сентября побережье заметно пустеет, свободные комнаты попадаются на каждом шагу. Но выбрать из многого всегда труднее, чем просто найти.

Дворик, затененный особенным, привлекательным образом, и домик, белеющий в глубине зелени, остановили меня. Я открыл калитку, пошел по прямой дорожке, и свисающие гроздья черного винограда, затуманенного белой пылью, все время, пока я шел, просили, чтобы я подставил просторные пригоршни и принял в них тяжелую прохладную гроздь.

Мне показали комнату с окном на старую узловатую хурму, дикую, осыпанную мелкими, как черешня, желтенькими плодами, на бамбукоподобные стебли кукурузы, между желтизной которых проглядывала яркая синева близкого моря. В комнате помещались койка, стол и платяной шкаф, то есть все, что мне нужно.

Хозяйка взялась и кормить меня. Я приходил к столу трижды в день и вскоре узнал всю семью.

Глава семьи Михаил работал на рыбозаводе. Он возвращался домой после шести вечера, и от него пахло соленой рыбой. Хозяйка Катя работала только дома на участке. Земля требовала ухода, дети тоже.

Осенью начиналась особенная пора. Наливали в бутылки цицель, запечатывали их проволокой и варом, зарывали в землю. Готовили аджику. Варили, мариновали, солили, сушили, вялили. Давили виноград. Винный дух стоял над деревней.

Семья была русская, но делали они все то же, что и местные люди, то есть то, что предопределялось климатом, землей, всевозможными плодами, вызревающими на этой земле, и обычаями народа, возделывающего эту землю.

Михаилу было лет сорок пять, Катя казалась лет на десять моложе, но, возможно, разница в годах между ними была не так велика.

Старшему сыну моих хозяев исполнилось четырнадцать лет: он учился в восьмом классе. Дочка Людочка перешла в шестой.

Как это часто бывает, на следующий год мы списались, и я приехал прямо к моим добрым хозяевам. Да так и наладил с тех пор каждую осень ездить в их чистый домик. Разложишь вещи, бумаги на столе, посмотришь в окно, увидишь синеву моря между кукурузными стеблями, и на душе делается тепло и тихо, легко и радостно. Много ли человеку надо?

Значит, я сидел за столом и ел южное блюдо, приготовленное из сладкого перца, кабачков, помидоров, зеленой фасоли и лука, Катя сидела напротив меня и чистила чеснок для соленья. Виктор зашел в комнату, взял подводное ружье, ласты и ушел к морю, Людочка была неизвестно где. Михаил еще не вернулся с работы.

Разговор у нас с Катей шел самый дежурный, повседневный, невозможно и вспомнить, о чем мы тогда говорили. Да оно и не важно. Хотя, пожалуй, неплохо бы вспомнить, как именно наш никчемный разговор пришел к той неожиданной точке, когда Катя, несколько смутясь и покраснев, поделилась со мной:

— Нет, мы с Мишей твердо решили. Виктор, можно сказать, на ногах, Людочка тоже стала взрослая девочка. Неужели теперь снова все начинать? Это только со стороны хорошо. Или кому не дали дети в жизни, те тоскуют. Это я понимаю. И то правильно говорят: «Без детей — горе, а с детьми — вдвое». Мы, слава богу, двоих вырастили. Долг перед природой исполнили.

Насчет природы и долга она сказала с некоторым озорством, со смешинкой, но во всем остальном была очень даже серьезна.

— Мы теперь стали вольные птицы, руки наши развязаны. Хотим — здесь будем жить, хотим — в Россию подадимся, ближе к родным местам. И вообще... Разве кто знает, сколько я пережила, когда у Людочки двустороннее воспаление легких было в двухлетнем возрасте? А как я ее ночи напролет на своем плече носила, и так целый год?

— Почему надо было носить?

— Орала. День молчит. А как только нам спать ложиться, так и начинает концерт. Орет и орет. Пока на плече носишь — замолкнет. Только положишь — снова ор. Я стала на тень похожа. И рожать — не конфетку съесть. Мы забываем. Так, наверно, устроено, чтобы женщины забывали. А ведь мука мученическая. Кричим ведь, визжим, как недорезанные поросята. Нет уж, как только вспомнишь... Б-рр! Ну и возраст не тот. И Миша, как вы знаете... попивает. Мало ли как на ребенке отразится. Родится какой-нибудь трегубый. Вы которого, двадцатого уезжаете? Ну вот, вас проводивши, двадцать третьего и пойду. Четверг будет — хороший день.

Что за стих нашел на меня? Я и сам понимал, что двум этим людям, прошедшим своевременно через молодость, влюбленность, замужество, устройство гнезда, рождение детей, не нужен теперь новый пискун. А если и нужен, то — господи! — ни Виктор, ни Людочка не отложат дела в долгий ящик. Не успеешь опомниться — получай внуков! Ловкие пальцы женщины шелушили чеснок. Головка трескалась и с легким звуком рассыпалась на части. Белая и лиловая шелуха оставалась в стороне, и было ее много по сравнению с крепкими, глянцевыми дольками в тарелке, хранящими в себе тот крепчайший, сложнейший экстракт, изобретенный природой, который мы в человеческом обиходе зовем чесноком.

Пальцы Кати ловко шелушили чеснок. Я загляделся на них и именно по движениям пальцев, по их неуловимому почти волнению понял, что решить-то Катя с Михаилом решили, но все же теперь, сию вот минуту, Катя ждет еще и моего слова, совета, одобрения их поступку.

Отчетливо помню, что я хотел сказать: «Правильно вы решили. Конечно, придется перенести операцию. Но в наше время от нее никто, пожалуй, не умер. Отдохните, поживите спокойно. Скоро внуки пойдут. А знаете ли вы, что внуков любят больше, чем своих детей?» Тут я, возможно, развил бы теорию о степенях биологического родства между ближайшими и между следующими поколениями, но вместо всех этих рассуждений я неожиданно и простодушно спросил:

— А не жалко?

Пальцы дрогнули и выронили дольку чеснока, которую чистили. Катя подняла голову и взглянула на меня удивленно.

Я не отдавал себе отчета, что от меня сейчас, в сущности, зависит жизнь человека: родиться ему или не родиться, быть или не быть. Высокие материи были чужды мне в тот миг. Я хотел одобрить решение семьи, а вместо этого выпалил свое нелепое, неуместное: «А не жалко?»

— Если бы все жалели... — начала Катя и не закончила фразу.

Кто-то продолжал говорить за меня, ведя свою линию:

— Мне отчасти знакомо это чувство. Я поэт, а вынужден заниматься прозой.

— Но вы же пишете и стихи.

— Время от времени. Но если бы я не занимался прозой, то стихов у меня теперь было бы гораздо больше. Я недосчитываюсь нескольких сот стихотворений. Выходит дело, проза их задушила, и они не появились на свет.

— И вам не жалко? — с горьковатой усмешкой спросила Катя.

— Не то чтобы жалко, — серьезно ответил я, — но иногда хочется знать, какие это были бы стихи, о чем, насколько хороши или плохи, и, поверьте, нападает тоска. Делается страшно от необратимости происшедшего, от того, что никогда уж я не узнаю, что задохнулось и погибло во мне под тяжелыми плитами проклятой прозы.

Я помолчал и ударил, выражаясь по-спортивному, ниже пояса:

— А женщины разве не думают о своих неродившихся детях? У вас, наверное, не первый аборт. Скажите, никогда не хотелось вам хоть одним глазком взглянуть на детей, от которых вы избавились.

— Зачем же вы так? — Катя побледнела, у нее задрожали губы.

— Извините, конечно, я грубовато выразился. Но обычно женщины в этом не раскаиваются. Только одна женщина раскаивается и мучится, и то лишь потому, что умерла дочка, а дочке приснился сон.

— Какой сон? — насторожилась Катя. — И как мог девочке присниться сон, если она умерла?

— Перед смертью. Девочка умирала и знала, что умирает. И мать знала. И вот в день смерти, с утра, девочка говорит: «Бедная мама. Останешься ты одна. Мне приснилось сегодня, что ты стоишь на поляне и вокруг тебя много детей. Три девочки и четыре мальчика. Но только все они ужасные, жалкие, у одного голова похожа на бутылку, у другого три ноги. У девочки вместо рук маленькие лапки, как крылышки ошипанного цыпленка. Жуткий-прежуткий сон. А ты их всех обнимаешь и плачешь. И будто я бегу к ним, и они принимают меня в свою игру...» Женщина пропустила все мимо ушей: не тем была занята ее голова. Но потом, через месяц, вспоминая все время и перебирая в памяти последний день бедняжки и каждое ее слово, женщина вдруг похолодела от совпадения. Она вспомнила, что сделала в жизни именно семь аборт. И семь детей приснилось умирающей девочке. Так вы знаете, она едва не свихнулась. Кажется, ее даже лечили.

— Ужасно вы рассказываете. Я не думала, что вы такой злой...

Тут прибежала Людочка. Разговор наш оборвался, и больше мы к нему не возвращались. Через несколько дней я уехал в Москву, и выпало несколько неудачных лет, без южного солнца, без теплого моря, без комнаты, выходящей окнами на старую узловатую хурму и на кукурузу, громко шелестящую в те часы, когда на сочной и звучной голубизне появляются яркие белые барашки.

Шли сентябри и октябри, тоже прекрасные, с листопадами в березовых рощах, с полосатыми рыжиками в молодых соснах, с хрустальными заморозками по утрам либо уж с черными ненастными ночами, в которых чувства и настроения ничуть не меньше, чем в прозрачном утре или в солнечном полдне.

Но тело истосковалось по солоноватому йодистому ветерку, по теплой, но уже не горячей гальке и по той неизъяснимой бархатной ласке, которую умеет дарить только одна морская вода.

Больше я ждать не мог. Я бросил всю суету (а основное дело всегда со мной) и поехал, помчался к морю. После долгого перерыва я подходил к поселку около рыбозавода, словно к родной деревне, по которой соскучился. У знакомой калитки поставил свой чемодан и уже предвкушал всплеск рук и возгласы, неизбежные при внезапной встрече. Улыбка заранее расплылась на моем лице и, как бы я ни хотел ее согнать, становилась только шире и лучезарнее, сказал бы я, если бы речь шла о чужой улыбке, про свою же приходится сказать, что она становилась все глупее.

Глупее еще и потому, что никто не шел мне навстречу по дорожке от белого домика к калитке, под гроздьями черного винограда, все так же свисающими с витиеватых, загнутых в виде арки лоз.

Оставив чемодан на улице, я сам пошел к домику и около ступенек обнаружил чужую девочку, играющую в морские камешки.

Девочка оторвалась от игры и подняла на меня... Ну как там говорилось в старинных сентиментальных романах? Васильки глаз? Незабудки глаз? Бывают же такие синие, такие светлые глаза у детей! Вместе с тем во взгляде девочки не было никакой младенческой наивности и, ну как бы это сказать, голубизны херувимчика, ангелочка, что ли. Напротив, взгляд ее был исполнен серьезности и даже строгости.

Надо было бы как можно дольше, ухватившись как за соломинку, держаться за эти глаза. Но как быть? Одновременно я увидел и то, что сама девочка поразительно, безнадежно некрасива. Что-то старушечье, что-то от сморщенного печеного яблока, что-то от жалкой обезьянки было в ее лице. Но самое главное, и это поразило меня, подобно выстрелу, у девочки была раздвоенная, заячья губа. С откровенной надеждой на чудо, как если бы вывалился из самолета и надеялся остаться в живых (известны же подобные случаи), я спросил:

— Ты чья?

— Миронова, — внятно ответила девочка.

— Как Миронова? Мироновых я всех знаю.

— Я Миронова. Я не виновата.

«Господи! Да конечно же, ты не виновата! — ослепительно сверкнуло в мозгу. — Это я, я виноват во всем! Начал плести тогда какую-то ахиною. Задел за живую струну, и вот результат. Посоветовал, называется, отговорил, убедил. Девочка, миленькая, да знаешь ли ты, что, если бы не я, тебя могло бы не быть?..»

Я смотрел на нее, как на чудо. Некрасивость ее ступсевалась и отошла на задний план. Руки, ноги, вздернутый носик, веснушки на носике и глаза, словно

смотровые отверстия в некий сосуд, в котором горит ровный синий огонь. Волшебный огонь. Огонь любви, чистоты, приятия мира. Огонь души. И все это уже есть, двигается, отвечает на вопросы, морщит лобик, улыбается. И всего этого могло не быть. Должно было не быть. А где же оно было бы? Куда делось бы? Нелепым образом всплыла в памяти фраза какого-то индийского мудреца (Ганди?), которую я не помнил про себя, но которая, как видно, запала когда-нибудь: «В этом мире редко удается родиться в виде человеческого существа».

— Девочка, как же тебя зовут?

— Аннушка.

— А где мама?

— Пошла на базар. Ты кто?

— Меня зовут дядя Петя. Я раньше жил у вас вон в той комнате.

— А теперь там моя кровать.

— Ну и хорошо. Только можно ли мне внести чемодан? Я подожду твою маму.

— Хочешь, покажу тебе мои секреты?

— Если ты не боишься их открыть...

— Я тебя не боюсь, — отрезала Аннушка и повела меня за угол дома.

Мы пришли на площадку, засыпанную песком. Тут валялись инструменты Аннушки: совочки, лопаточки и формочки.

— Сейчас увидишь секреты. Они очень красивые. Смотри.

В одном месте Аннушка начала разгребать песок, который лежал здесь довольно толстым слоем. Я ждал, что она вытащит сейчас из песка какую-нибудь игрушку, что-нибудь спрятанное. Или, может быть, там у нее кто-нибудь похоронен, птичка например? Тем неожиданнее было то, что я увидел. Я даже не сразу понял, что это такое и как это сделано. Но Аннушка не обманула: это было красиво. Странно, что мы не знали этого в нашем детстве и что я нигде не встречал этого раньше. Уж не придумала ли это Аннушка сама?

Секрет заключался в том, что в песке на некоторой глубине были уложены разные цветы, одни только головки цветов без стеблей и листьев. Эти цветы были уложены плотно, один к одному, придавлены осколком стекла величиной с чайное блюдце и засыпаны слоем песка. Когда Аннушка разгребла песок, то цветы под стеклом, сплюснутые в ровную плоскость, предстали взгляду как яркое, живописное пятно, как драгоценность, неожиданно обнаруженная в земле.

— Ну и секрет! — вырвалось у меня.

— Правда, красиво?

— Очень! Покажи еще, если есть.

Аннушка подводила меня то к одному месту песчаной площадки, то к другому, вглядывалась некоторое время, как бы видя сквозь землю, и начинала открывать очередное маленькое чудо. Цветы были разные. И еще ярче, еще необычнее вспыхнули и засветились они, когда Аннушка откопала мне «секрет» не на песчаной площадке, а в обыкновенной черной земле, около грядки с огурцами. В одном месте под стеклом оказались уложенными разноцветные морские камешки, и это тоже получилось неожиданно и красиво, хотя и не равнялось цветам.

— Правда, хорошие камешки?

— Правда.

— Пойдем к морю, я наберу тебе таких же. Я знаю, где водятся самые красивые камешки.

— Пожалуй, пойдем! Я искупаюсь с дороги. Сколько лет не окунался в синее море.

- Сколько лет?
- Тебя еще не было на свете.
- А свет был?
- Свет был.
- И море было? И мама?
- Да. Только одной тебя не было. Чудно.
- Чудно, — согласилась Аннушка, и мы пошли к морю.

Я разлегся на гальке, с наслаждением ощущая излучаемое камнями тепло. Раскинув руки, я купался в золотистом безоблачном небе.

Стоило мне чуть-чуть приподнять голову — и я видел на самой кромке воды и земли, на самом урезе моря, как сказал бы какой-нибудь водник, девочку в ситцевых трусиках, беленьких, в крупный красный горошек. Девочка бежала вслед за откатывающейся, словно нарочно для нее, волной, выхватывала из-под волны нужные ей камешки и мчалась назад, потому что волна начинала обратное движение. Так они играли — море и девочка.

Девочка была маленькая, а море большое. И можно было увеличивать еще и еще то, что окружало маленькую девочку, потому что больше моря — страна, больше страны — океан, больше океана — земля, больше земли — небо, больше неба... Но сколько бы ни разбегалось вширь и вдаль, подобно бесшумному взрыву, наше воображение, девочка оставалась все той же, не становилась меньше. Вселенная вселенной, а девочка девочкой. Может быть, обе они — песчинки, может быть, обе они безграничны. А может быть, даже равны.

«Отговорил, насоветовал... — думал я между тем, все время взглядывая на девочку. — А что же с ней будет дальше? Можно, конечно, оттолкнувшись от этой точки, в два счета разработать ту или иную сюжетную линию, и после воплощения в форму романа (повести) будут эти линии убедительны и правдоподобны».

О, миллионы сюжетов и вариантов, которые тщетно было бы сводить к двум-трем нарочито огрубленным литературным схемам.

В том-то и дело, что мы и судьбы наши — как камешки на этом морском берегу. Все похожи один на другой, но двух одинаковых не найдешь. И хоть все камешки, вместе взятые, есть масса, и гальку для каких-нибудь строительных нужд можно черпать ковшом экскаватора, исчисляя на тонны, но каждый камешек все-таки сам по себе: этот в желтых прожилках, этот в розовых крапинках, этот черный, словно агат (а ведь бывает и вправду агат!), этот бел, как сахар, этот прозрачен, подобно стеклу.

Итак, миллионы сюжетов и вариантов, не поддающихся даже воображению, но и поддающихся, традиционных тоже много — до Улановой, до Тарасовой, до Гоар Гаспарян или по другому ответвлению — до Космодемьянской, до Терешковой, а там еще до матери Есенина, до подруги и сподвижницы протопопа Аввакума. Или самое-самое простое: дом, муж, работающий на рыбозаводе. Базар. Кабачки и помидоры, стирка, готовка, глаженье, подметанье, московские постельцы, двое выучившихся детей.

Тут определилось во мне то, что существовало все это время, эти час-полтора, как смутная, но настойчивая помеха: я понял, что боюсь показаться Кате на глаза.

Не возникало ли в ее сердце упрека, когда разглядывала спящей свою некрасавицу, свою незадачницу, свою уродинку, не проливалось ли над ней тайной или явной слезы? Виду, конечно, не подает, но встретит прохладно, холодно. Откажет от дома? Комната занята Аннушкой, очень удобно отказать. Если будет холодно, и

сам уйдешь, не дожидаясь отказа, надо скорее, до ее прихода, вынести чемоданы, перебраться на другую улицу, в другой конец поселка, в другой город. Что, в самом деле, я же независимый человек!

Девочка и море продолжали играть.

— Ну, ты пойдешь со мной? Не боишься у моря? Не утонешь?

— Пойду с тобой. Что-то мама задержалась на базаре.

— А... она любит тебя, твоя мама?

— Я не спрашивала. Разве есть мамы, которые не любят детей?

Уйти, не показавшись, все же было б смешно. Но и чемодан разбирать я пока не стал. Прилег на койку поверх шерстяного жесткого одеяла, и зыбкая, легкая дремота одолела меня. Кажется, я даже уснул. Во всяком случае, не заметил, много ли прошло времени, прежде чем послышался в саду знакомый, ничуть не изменившийся голос:

— Солнышко ты мое, ласточка ты моя! Заждалась. Я вон зашла к Наде Кавун и заболталась. Ах ты, ненаглядная моя! Как ты тут без меня? А почему трусы мокрые?! Ты что, купаться ходила? Одна?

— Я не одна. К нам дядя приехал.

— Какой дядя?

— Старый знакомый. Когда меня еще не было.

— Где же он?

— Спит в моей комнате.

— Ах ты, господи! Да ведь это, знаешь ли, наверное, кто?! Давай мы с тобой скорее переоденемся, чтобы он поглядел, какая ты у нас красавица. А то что же ты перед ним такой замарашкой. И я ушла, как на грех. Пойдем, наденешь белое платье, красные сандалики, подвяжем бант. Ах ты! Он ведь, можно сказать, крестный твой, второй отец. А ты перед ним такой замарашкой, нехорошо.

Возраст, что ли, такой. От простых слов, от песни, от кадра в документальном кино наворачивается слеза. А еще меня обожгло стыдом за то, что четверть часа назад я так дурно думал о Кате, а вместе с ней — и обо всех человеческих матерях.

1971

ПОЭЗИЯ

К 80-летию известного сибирского поэта

ЮРИЙ АКСАМЕНТОВ

Хочу я быть задумчивой рекой

Четыре солнца

В речном, березовом краю,
Где никли беды и печали,
Шальную голову мою
Четыре солнца освещали.

Одно — когда пылал восток,
Плескаясь золотом в откосы
И изливая свой восторг
На высыхающие росы.

АКСАМЕНТОВ Юрий Петрович родился 1 мая 1939 года в селе Петрово Жигаловского района Иркутской области на великой сибирской реке Лене. После школы работал, служил в армии. В 1964 г. окончил историко-филологический факультет Иркутского государственного университета. В эти годы он часто печатался в альманахе «Сибирь», журнале «Байкал», еженедельнике «Литературная Россия». В 1974 г. поэт стал членом Союза писателей СССР. После выхода в Москве книги «Встречь солнцу» (1975) в издательстве «Современник» об Аксаментове заговорили как о состоявшемся поэте. Работая в газете «Ленинский путь» вместе с усольским краеведом Василием Фёдоровичем Шаманским, основал при редакции краеведческий клуб «Приангарье», просуществовавший более тридцати лет.

Начинал литературную деятельность в Хабаровске на областном радио вместе с поэтессой Риммой Казаковой. Несколько лет работал в Хабаровском крае директором школы, редактором литературно-драматической редакции краевого радиовещания. Затем переехал в Усолье-Сибирское. Работал в районных газетах в посёлке Мама и в Усолье-Сибирском. Автор книг «Рябиновая гроздь» (1970), «Поединок» (1974), «Встречь солнцу» (1980), «Добрый день, весёлый час» (1987), «Дорога к дому» (1993). В восьмидесятые годы Юрий Аксаментов продолжает публиковать свои стихи в периодической печати. Однако его творчество замедляется в связи с тяжёлой болезнью. В 2000 году книга «Добрый день, весёлый час» была переведена на немецкий язык. В 1993 г. Иркутское издательство «Зорге» выпустило книгу стихов «Дорога к дому». Дальнейшая судьба поэта неизвестна.

Другое — в полдень, в пыль и зной,
Когда над желтым морем хлеба
Несбыточной голубизной
Сияло вымытое небо.

А третье было ввечеру...
Оно усталою рукою
Сгоняло к западу жару...
И ржали кони за рекою.

Четвертым солнцем месяц был.
Звения, как осторожный бубен, —
Негромкий праздник среди буден —
Он отдаленной песней плыл...

И посеючас, когда во тьме
Я вдруг останусь ненароком, —
От первых дней, как от истока,
Четыре солнца светят мне.

И принял я за аксиому

И принял я за аксиому
Речной волны неспешный бег,
Тропу, спустившуюся к дому,
И на стерню упавший снег.

О них я размышлял немного,
Но, как нарочно, из села
Автомобильная дорога
Меня в дорогу позвала.

Она, как ниточкой, связала
Скопление сел и городов,
Многоязычный шум вокзалов,
Непостоянство поездов.

В ущельях гулких коридоров
И на эстрадных биваках
Я хрип в высокоумных спорах,
Но оставался в дураках.

О, как могуч ты, дух витийства!
А ты, Природа, так робка...

В душе моей самоубийством
С собой покончила река.

И даже, помню, показалось,
Что снег, упавший на стерню, —
Предосудительная малость,
Которую я зря храню.

Я позабыл бы все на свете
В войне бунтующих словес,
Когда б однажды не приметил
Тропу, вползающую в лес.

Я шел по ней пропащим сыном —
Словесных битв немой пророк...
И шевелил листву осинам
Вечерний тихий ветерок.

Лес начинал уже сквозиться,
Текла река невдалеке.
Я подошел, сказал реке,
Что я не смог переродиться.

Ангарск

Я рассуждал слегка по-барски:
Ну, было место — город стал...
Я мало думал об Ангарске,
Хоть часто в городе бывал.

Из разговоров между прочим
Узнал я, что на первый взгляд
Он кажется похожим очень
На лучший город — Ленинград.

Но я, как местный уроженец,
Скажу (и не заткнут мне рот!):
Ангарск — стеклянный выдвигенец
Из чернолесья и болот.

Я с ним давно знакомство начал...
Ангарск в разливах той весны
Платформой был четырехзначной
Среди подзола и сосны.

Он рос, как юноша двужильный,
Подналегавший на хлеба...
И вот могучий он и сильный.
Завидна у него судьба!

Не разменявшийся на крохи
Быстротекущих мелких дел,
Он принял облик той эпохи,
В которой рос и матерел.

И в этом облике, как блёстка,
Как штрих, венчающий портрет —
Взгляд чистой девочки-подростка
Семнадцати неполных лет.

Ангарск!
Ты принял... Ты не дрогнул,
Впустив знакомую мою
В свои распахнутые стогны
И в биографию свою.

Илимские разговоры

В той экспедиции давнишней
И романтической слегка
Я был тринадцатым и лишним —
За чудака и рыбака.

Не обладающий талантом,
Я бессистемно землю рыл,
Палатку ставил аспирантам
И чай профессору варил.

Археология и древность
Не тяготели надо мной —
Меня одолевала ревность,
Любовь к студенточке одной.

Отчаиваясь и глупея,
Я слёз однако же не лил,
И разговаривал не с нею,
С рекой Илимом говорил.

Илим с водой коричневатой
Был снисходительным врачом:
— Илим, а в чем я виноватый?
Он успокаивал: — Ни в чём!

Давно те речи отзвучали,
В круговорот ушла вода.
Об этой маленькой печали
Я бы не вспомнил никогда.

Но берег дальний, берег дымный
Шум новостройки огласил,
И мой Илим, Илим интимный,
Со всей страной заговорил.

И громовая медь набата,
Как бы стесняясь, приняла
Скороговорку переката
И каплю с юного весла.

* * *

Зажжётся бакен. Старый теплоход
Растает в сизой дымке за излукой.
Прохладный воздух тело обоймет,
Как старый друг пред новою разлукой.

Что отстояло, вызрело в тебе,
Поведаешь окрестностям знакомым,
Береговому яру, городьбе,
Мосткам и молчаливому парому.

Шепнешь «простите», и они простят
Безумную за призраками гонку,
Пустое слово, равнодушный взгляд,
В болотной хляби сгибшую силёнку.

Стоишь... и словно голос подаёт
Товарищ, затерявшийся во мраке,
Чуть слышен уходящий теплоход.
Едва мерцает одинокий бакен.

Из воздуха милой отчизны

Из воздуха милой отчизны,
Из тайных ее родников
Я черпаю силы для жизни
И стройматериал для стихов.

Не раз помогало мне лето
Теплом, разнотравьем густым...
Ах, как оно, лето, воспето!
Но я все в долгу перед ним.

И осень, и весны, и зимы —
У каждой своя красота:

В крови они бродят, незримы,
И связь их со мной не проста.

Спешу и... спешить не стараюсь
Пить воздух просторов родных,
Некстати порой умиляюсь
Над чудом загадок земных.

Ничто умиление, а все же
С печалью-судьбой пополам
Оно на веселье похоже,
На мягкий туман по горам.

Байкал впервые

Нет, я этой встречи не алкал.
Жил я просто — думал и трудился,
Мне для строчки ручеек годился,
Ты же — море, голубой Байкал!

Не взыскав буйственной красы,
От природы ждал я тихих песен,
А тебе простор широкий тесен,
Волны гложут скалы, словно псы.

Крут и неумысел баргузин,
Скрылись в тучах сумрачные горы.
Как сильны твои с ветрами споры,
Матери-Сибири гордый сын!

Я нарочно встречи не искал,
Но как счастлив радостью нечаянной!
Здравствуй же, впервые мной встречаемый
И разбушевавшийся Байкал!

Байкал

Все б это мирно рассказало
За чаркой в дружеском кругу.
Но то, как море замерзало,
Спокойно вспомнить не могу.

Ходило, хмурилось, взмывало,
И, как в предчувствии беды,
Прибоем тяжко грохотало
О грудь береговой гряды.

Брожение волн, страстей брожение —
То злость, то гнев и торжество
Не оставляли и сомненья
В одушевленности его.

Шторм, нарастая ежечасно,
Как грозный вызов, означал,

Что море вовсе не подвластно
Злу сковывающих начал.

Но, обессилев к третьей ночи,
Все тяжелее от пурги,
Смирялось, берег оторочив
Шуршащей полосой шуги.

А утром выйдешь — и застынешь:
Насколько зренья достает —
Немая белая пустыня.
Под ней — течений скрытый ход.

И потому предполагалось,
Что где-то, за грядой гряда,
Превозмогавшие усталость,
Все грызли волны кромку льда.

Бегство в детство

Дочери Татьяне

Солнце от света слепо. Знойная синева. Необозримое лето. Нескошенная трава.	Самый на свете сладкий, Невыстреленный стручок. От зноя изнемогая, На дно легли облака.
В крапиве непроходимой, Укрытый со всех сторон, Самый необходимый — Нетронутый шампиньон.	Самая дорогая, Невысказанная река... Мне часто чудится бегство, Когда душа устает,
Зеленый на низкой грядке Горох. Сорвал — и молчок.	В светлое солнцем детство, Единственное мое!..

* * *

Я вновь на этих диких берегах...
Вновь серый галечник скрипит при каждом шаге.
По яру здесь и там, на островах
Тальник качается, склоняясь к тихой влаге.

Спокойно, медленно несет свою волну
Река далекого утраченного детства,
Тумана голубого пелену
Она оставила мне в вечное наследство.

Сквозь этот призрачный голубоватый дым
Я вижу все в неверном освещении,
Отжившее я вижу молодым,
А молодое предаю забвенью.

В глазах моих останется навек
Реки родной голубизна немая...
Ее спокойный величавый бег
Как счастье жадным сердцем принимаю.

Хочу я быть задумчивой рекой,
Нести счастливых на спине широкой,
Давать уставшим воду и покой
И укрывать их от борьбы жестокой.

Хочу чтоб вечно на моей спине
На легких лодках плавали мужчины,
А женщины бельем стирали мне
С упругих щек мгновенные морщины.

Хочу я средь высоких берегов
Не красным криком каменных утесов,
А тихим плеском прославлять любовь
И превращать пороги в плесы.

Горная страна

Притихла к ночи горная страна. Умолк бульдозер, взрывы не грохочут. Лишь глухо скрипнет старая сосна, Да филин ухнет или захохочет.	Вот ко скале притрагиваюсь я. Скала молчит — отвергнуто и черство. Но не в борьбе ли тверди и огня, Не в сшибке ль сил — поток ее упорства?
Не ворошу находок и потерь, Судьбы своей не попрекаю вроде, В ней ничего не изменить теперь. Голодный разум отдаю природе.	Насильно смята в складки и жгуты, Бунтует плоть немого минерала. Она собьет оковы немоты В огранке чистопробного кристалла.

* * *

У горы названье Лоб — Очень точное названье. На нее взобраться чтоб, Надобно иметь старанье.	Подсмотрев, не захотел Жить с родителями дома. Повлекло туда, где даль Утопала, как в тумане... Будет радость иль печаль — Кто предскажет жизнь заране?
Но оттуда, свысока Горы рядом — как горушки, Как речоночка река, Деревушки — как игрушки.	Я бы высчитал судьбу На высоком этом месте. Ах, хорош кедрач на Лбу! Он растет с рябиной вместе.
Это там я подсмотрел Даль подальше окоема,	

* * *

Без имени ушедшая во тьму,
Страдальческие губы поджимая,
Явись мне, словно сыну твоему,
Ведь я один тебя и понимаю.
Примером милосердья и любви
Ты навсегда в душе моей осталась.
Война — на фронте пиршество крови,
В тылу — тревога, голод и усталость.
Ты в поле от зари и до зари,
Промокла обувь, рвалась одежонка,
В обед дают картофелины три,
Но ты и их оставишь для ребенка.

Придешь с работы, принесешь воды,
Чугун поставишь на железной печке
— А ну нарежь, — ты скажешь, — лебеды,
А я пока присяду на крылечке.

Работаешь в наклонку... и спина...
Я кину серп, и сам за ним за баню,
Там лебеда всегда росла одна,
Без примесей, как знали мы заранее.

О, лебеда! О, горькая еда!..
Военных лет тылов твоих, Отчизна.
Мне б так хотелось проходить по жизни,
Чтоб этого не видеть никогда.

* * *

Босая, выйдет на крыльцо,
Омытое ночным туманом,
И, изгибаясь тонким станом,
Подставит солнышку лицо.

Потом по шелковой траве
Пойдет, покачиваясь плавно.
Предчувствие дороги славной
Теснится хмелем в голове.

Прищурясь: «Что за красота!» —
Проговорит она не шибко,
И сядет ласточкой улыбка
На приоткрытые уста.

Попробуй-ка пойдти за нею,
Скажи ей: только вам одной.
Лишь вздрогнут косы за спиной,
Будто прирученные змеи.

* * *

*В.П.**

Было что-то в ней такое,
Что как за сердце берет,
Отбивает от покоя
И покоя не дает.

Не смотрела — одаряла,
Ничего не говоря.

Те же руки, те же плечи,
Те же встречи в суете,
Те же очи — человечьи,
Да немножечко не те.

Где ты, милый мой товарищ?
Крепче ль замок, чем шалаш?
Твой подарок не отдаришь
И другому не отдашь.

Что-то в тех очах играло,
Как на озере заря.

Не оставить за рекою,
Как ненужное жильё...
Было что-то в ней такое,
Что теперь навек мое.

В.П. — Валентина Пахалина (Аксаментова), жена поэта.*

День

Как будто отступили годы,
И встал над миром вечный день.
Чуть виден ивовый плетень,
Кругом — разлившиеся воды.

Им здесь господствовать — не течь,
И, омывая берег скальный,
И ближний горизонт и дальний
В двойную красоту облечь.

И небо, и земля — одно,
Сомкнулся остров с облаками...

И солнце — раскаленный камень —
Легло на выгнутое дно.

— Ты где, удачливый рыбак?
— Я очутился посередке,
Здесь два луча сошлись у лодки
И не расцепятся никак.

— Ты осторожней весла вдень
И проскользни, незамечаем!..
Проскальзываю... Нескончаем,
Над миром длится этот день.

* * *

Доченьке Анюточке

В межгорье, в лесистом распадке,
По камням, по мху торопясь,
Речушка бежит без оглядки
От мест, где она родилась.

Подумаешь, рада стараться,
А что впереди тебя ждет?
В широкой реке затеряться
Средь бурных и вздыбленных вод?

Но разве ее остановишь?
Стремится речушка туда,
Где вместо случайных становищ
Большие стоят города.

На шумной речной магистрали
Случайно не видели вы
Речушку? Да как ее звали? —
Сейчас и не вспомнишь, увы!..

У домика Лермонтова

Тенгинского полку поручик
Таких молодых еще лет,
Хочу разглядеть вас получше —
Не выйдете ль из дому? Нет?

Не надо мне белой фуражки!
Зачем этот длинный чубук?!
Вглядеться бы в ваши замашки,
В глаза и в движения рук.

Хочу убедиться не в том я,
Какой Вы такой волевой,
А в том, что в чилиевском доме
Живете — как всякий живой.

Ведь Вы за постой заплатили,
Вы приняли несколько ванн,

С Монго́ и Лорером острили,
От смеха валясь на диван.

Вы часто встаете до света,
И лошадь вас в горы несет,
Вам бабушка Елизавета
По почте Шекспира пришлет...

Иль выгляньте, шторку откинув,
Хотя б на мгновенье, в окно!
Тот, с длинным кинжалом — Мартынов
отпет и схоронен давно.

Нет отклика. С горем горячим
Россия живет и досель...
Тенгинского полку поручик
Отсюда ушел на дуэль.

Две сосны

Когда родиться — я не рассчитал,
К чему стремиться — ясно не представил.
Была дорога — я ее оставил,
Пошел тропой — в двух соснах заплутал.

Ах, эти сосны во поле пустом —
Корявые обломанные ветки!
Ах, эти сосны, где починют предки!
Ушедший в землю деревянный дом!

Не знаю, не решаюсь утверждать
Душой немирной, разумом заблудшим:
Волнуюсь, жить — у этих сосен лучше?
У этих сосен — легче умереть?!

Неясен мне создателя расчет:
Деревья, горы, пажити и реки.
Над ними время воздухом течет...
И не оно ль бунтует в человеке?

Тому б не отлепиться от сосны,
А он уже под деревом коричневым...
Мне, право, быть бы щеголем столичным,
А я в снегах досматриваю сны.

Плутая между сосен, я устал.
Снял сапоги и на скирду взобрался.
Лежал... и все расчетам предавался...
А бог золотозубо хохотал.

* * *

Еще эпоха не настала
На лавры лечь и почивать.
Еще Россия не устала
Большим кочевьем кочевать.

Еще души ее удалой
Суровый век не охладил,
И внятен над землею талой
Широкий плеск незримых крыл.

Еще ремесла и науки
Не сжали в мертвое кольцо
Ее трепещущие руки
И вдохновенное лицо.

Над городами — дух полынный —
Всем запахам наперекор.
Над всей Россией — былинный,
Всепоглощающий простор.

Ничья ей доля не завидна,
Ничья ей милость не мила,
Ничья обида не обидна,
Ничья хула не тяжела.

Воздаст и правым, и неправым —
Все, что положено, — сполна.
Ей лавр ветвистый не по нраву,
Родней береза и сосна.

Унынье — самый тяжкий грех!

Религиозных норм и правил
Я никогда не соблюдал:
Чужих любил, свою оставил,
Ударили — я сдачи дал.

Не причащался, не постился,
Креста на шее не носил.
Ни разу в церкви не молился
И благодати не просил.

Мне все твои заветы — лишни...
Но если все-таки ты есть,

То я тебя прошу, Всевышний,
Одну молитвишку учесть.

Ни вечной жизни, ни блаженства,
Ни райских куш в моей судьбе,
Ни почестей, ни совершенства —
Не надо! Все возьми себе!

Молю тебя, Всевышний, ныне
И присно — на виду у всех —
Не накажи меня уныньем!
Унынье — самый тяжкий грех!

Есенину

Как популярно ваше имя!
Примажусь к краешку, притрусь,
Исправлю полымя в полымя
И стих закончу словом «Русь».

Вы не обидитесь, конечно,
Вы — добрый мальй, не гордец.
А для меня — моя скворечня,
Моя машина, наконец.

Ведь вы и недругам простили,
Кто долго жил и пил за вас,
Их новые автомобили
И подслащенный их рассказ.

Да, вы при жизни их ругали,
Но вы не знали в ваши дни,
Что вас, как личность, — в идеале —
Раскроют именно они.

А я к вам искренне привязан,
Я полюбил вас без статей,
Без разъяснений и приказов,
И понимаю вас простей.

Позвольте мне ввести в стихота
«Копытит», «просинь» и «кугу» —
Живу на слово бедновато,
А сам придумать не могу.

* * *

Не плачьте, если не признают
Вас в поэтической судьбе.
Систему люди выбирают
И в творчестве, и в городье.

Не личность ваша интересна,
А чувств накал и строй ума,
И если вам споется песня,
Она запомнится сама.

И вы не бейтесь в стены лбами,
Не рассчитав, как труден бег.
Ведь ваш талант и личность —
С вами.

А личность — это человек!

Я бы вышел на эстраду

Я бы вышел на эстраду
И, пожалуй, спел бы, да
Для эстрады-балюстрады
Голова моя седа.

Как заметил Саша Балин,
Мой московский друг и брат,
В общем, я хороший парень,
Только малость хрипловат.

В этом деле — знаю — надо
Быть правдивым до конца:
Не влекла меня эстрада
Даже в звании юнца.

И теперь я не заплачу —
Пусть гитарная струна
Поднимает наудачу
Новых бардов имена.

Сердце жжет и саднит душу
Мне совсем другой мотив,
Буду петь и буду слушать
Я его, куда куда жив.

Тот мотив не однозначен,
Он содержит много фраз.

Я как трудную задачу,
Выбираю их для вас.

Так из фраз, из слов, из точек
Строишь — я ведь не ленив...

Вдруг проклонется листочек
И прорежется мотив!

На рыбалке

Г.Г.

Отпраздную черемухи расцвет,
Рождение солнца над речным заливом.
На миг застыну в счастье молчаливом,
Приняв лучи как дружеский привет.

О, это утро! Майский холодок.
Косяк гусей, на родину вернувшихся!
Нет среди них отставших и вернувшихся —
Летят, крича, на северо-восток.

Спущусь к реке, раздвинув тальники:
Простор воды — знакомая картина!
Я закидушки торопливо кину,
Подмастерив к ним чуткие звонки.

Сейчас начнет! (Местечко знаменито.)
Вот первая поклевка. Вот и клев.
Уж солнце поднялось на пять голов,
Вошло в зенит... и вышло из зенита.

А мне и дух нельзя перевести.
Пьянит азарт, ладони жжет удача.
И вместо неродившегося плача
Шальная песня рвется из груди.

Пришел восторг, настиг меня как боль,
Та, что внезапно к сердцу подступает..
Горит костер. Ушица закипает.
Тут хлеб. Тут ложка.
Не забыл ли соль?..

Портрет чиновника-формалиста

В обведенном, как циркулем, круге
У него не глаза — гляделки,
Две застывших безжизненных щелки,
А над ними не брови, а дуги.

Уши — два слуховых аппарата,
Подкосившихся из-за проката.
Нос — чихальник, а лоб — покрывка
От того, в чем не видно излишка.

Служит рот и в большом и в малом
То брехальником, то едалом.
Руки — лишний придаток тела —
На столе возлегают без дела.

Перед ним, аккуратен и чист,
Распластался линованный лист.

Газетное стихотворение

В жилище разума и света,
Где вечности горит звезда,
Мне, как газетному поэту,
Открыты двери не всегда.

Я не скажу, что понял душу
Сограждан проходящих тех,
Но кое с кем делил краюшку —
Утраты, веру и успех.

Помешкав у хрустальных створок,
Спустишь я лестницей крутой
В постылый и любимый город,
Где все просты, и я — простой!

Мечтая о дворце хрустальном,
Я никогда не забывал,
Что некий тип неидеальный
Мне руку помощи подал!

На улицах его нечистых
Встречаю чуть не через шаг
Строителей и журналистов,
Серьезных граждан и гуляк.

И та не будет позабыта
Квартира — до скончания лет,
Что послужила мне защитой
От униженья и клевет.

Мне их обычаи знакомы,
Ухватки ведомы вполне:
На стадионе, в клубе, дома,
На недостроенной стене.

И счастлив буду я, проведав,
Что над газеткой со стихом
Такой Кузьмин или Мамедов
Воскликнет: «Я же с ним знаком!»

Золотой плот

...Сладок мой ранний мед,
Первый мед вдохновенья,
Плывет золотой плот.
Плывет по реке Лене.

Будет моя душа
Пахнуть рекой и лугом.
Люди придут, спеша
Поговорить, как с другом.

На золотом плоту —
Яркую без ромашек —
Сам я судьбу сплету
Из голубых ромашек.

Буду я пить нектар
Радостей человечьих:
День, как большой шар,
Смело приму на плечи.

...Зрелый мой мед горчит,
Меньше он пахнет медом.
Плот на мели торчит.
Иду я к берегу бродом.

Ноет плечо и грудь,
Ноги зашиб о камни.
Лечь бы и отдохнуть,
Но отдыхать нельзя мне.

Грех поэта

Меня корили, уличали,
Приписывали мне грехи:
Зазнайка, я об усольчанах
Гнушаюсь сочинять стихи.

«Ему бы речка да рыбалка,
Да тихоструйная вода,

Сказать о людях слово жалко,
А о природе — никогда».

Оно конечно, я согласен,
В стихах пейзажами грешу...
Но этот грех мой не опасен,
Его я с легкостью ношу.

Хабарово поле

Сковав сошник, а не кинжал,
Среди кочующих селений
Хабаров пашню распахал
В глухом урочище, на Лене.

Новооткрытая река,
Скучая в долгом малолюдстве,
Приветствовала мужика,
Трудолюбивого устюжца.

На поле русский злак растет,
И быть бы урожаю вроде...
Но подошел к реке народ
И воевода — при народе.

Что воеводе хлеб ржаной?
Что воеводе это поле?!
Ему бы только зуб морской,
Ему бы сорока соболя.

Был изгнан с пашни Ерофей,
А пашня заросла травой...
Но не из тех он был людей,
Чтобы поникнуть головою.

Вторую Лену он сыскал,
Набрав из пахарей дружину,
И у амурских черных скал
Вспахал другую десятину.

Среди потомков не забыт
Землепроходец и крестьянин:
На твердом камне он стоит,
Задумчив, мешковат и странен...

Когда на желтые поля
Смотрю я, Леной проплывая,
Мне эта древняя земля
Все что-то шепчет, как живая.

Иван — шоферская башка

Сыну Жене

Когда замерзала река,
По зимней дороге, по клину,
Иван — шоферская башка
Гонял сумасшедше машину.

Он сельских людей поражал.
Мне помнятся возгласы эти:
— Иван проезжал? — Проезжал!
— И как я его не заметил!

Он начал дорогу мою
В суровую, стылую зиму:
Я с матерью рядом стою,
А он открывает кабину.

Он ставит сапог на педаль.
Баранку, склоняясь, обнимает,
И словно придвинулась даль,
Пихтовые вешки мелькают.

Легка у шофера рука,
Он весел, хоть кажется строгим.
Иван — шоферская башка
Всегда напевает в дороге.

Я вскоре, пригревшись, уснул.
И мне не дознаться вовеки,
На чей огонек он свернул,
Кого попросил о ночлеге.

Он валенки мне подшивал,
Он дратву сплетал на колене.
(На Волге огонь бушевал,
Сжигал города и селенья.

Была она так далека,
Война, где людей не щадили.)
Иван — шоферская башка
Уехал на фронт, говорили.

С тех пор я не видел его.
И что-то в душе моей стынет.
Один поворот... Никого!
Второй поворот... Я в кабине

Лечу... Но не гложет тоска,
И так мне поверить охота:
Иван — шоферская башка,
Он — там, за крутым поворотом...

Диоген

Солнце жгло и палило,
И знойная марь
Над землей раскаленной дрожала.
Вылез я из-под бочки, зажег свой фонарь
И к глазам его поднял устало.

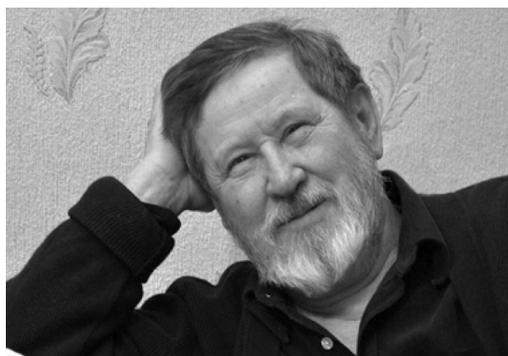
Тут толпа собралась, засмеялся народ,
Зашумел, закричал что есть силы:
«Посмотрите, зажженный фонарь он несет,
А на небе сияет светило!

Он безумец, наверно, бери его прах!
А бровищи-то! Тучей нависли!»
Я глядел на людей и не видел в глазах
Ни одной человеческой мысли.

Вышел тут из толпы в одеянье худом,
На костыль опираясь, калека:
«Ты зачем среди дня бродишь здесь с фонарем?»
Я ответил:
«Ищу человека!»

ВЛАДИМИР ЛИЧУТИН

Пожар в мастерской художника

РАССКАЗ ИЗ ПОВЕСТВОВАНИЯ «В ожидании Бога»

Скажете, де, пьяному море по колено... Э-э-э, братцы мои, — тут всё от натуры, куда поведёт она, за нею и сам Господь следом. Спаситель-то наш не дурак, когда внушал своим апостолам: «Не говорю не пей, но говорю — не упивайся. Ибо вино — это кровь Христова». Вот и вразумляй! Хотя и Сам-то был непрочь приложиться к сикеру, и апостолов угащивал, когда на рыбных-то ловах приустанут за день, измозгнут на ветру, и лица от палящего солнца и ветра забукосеют, превратятся в коросту, а глаза приослепнут, затвердеют, как волдыри.

Николай неторопливо стаскал всё в груд; тут был портрет Нонны Мордюковой без головы, одна уступистая грудь; и царь Николай Романов с выколотыми глазами и дыркой во лбу; словно бы кто сделал русскому императору контрольный выстрел; и отец Александр с порванной щекой и без уха; и замурзанное сажей усталое лицо Льва Гумилёва; и угрюмо-задумчивый образ Вадима Кожинова с разбитыми очками,

ЛИЧУТИН Владимир Владимирович родился в 1940 году в городе Мезень Архангельской области. В 1959 году окончил лесотехнический техникум, в 1963–1969 году — факультет журналистики ЛГУ имени А.А. Жданова. В 1975–1978 году — Высшие литературные курсы при СП СССР. Автор повестей и романов: «Белая горница» (1972), «Иона и Александра» (1973), «Долгий отдых» (1974), «Вдова Нюра» (1973), «Душа горит» (1976), «Бабушки и дядюшки» (1976), «Золотое дно» (1978), «Крылатая Серафима» (1976), «Последний колдун» (1977), «Домашний философ» (1979), «Река любви», «Долгий отдых» (1974), «Фармазон» (1979), «Любостай» (1983), «Скитальцы», трилогия «Раскол» (2000), «Миледи Ротман» (2001), «Душа неизъяснимая» (1989), «Беглец из рая» (2005), «В ожидании Бога» (2017), а также художественной публицистики. Является лауреатом: «Большой литературной премии России» (2006); Литературной премии «Ясная Поляна» (2009); Бунинской премии, премии Правительства РФ в области культуры (2011), премии «Золотой Дельвиг» (2012) и многих других. Живет в Москве.

орошенное кровью; от математика Игоря Шафаревича остались только руки и розовая рубаха... Много тут было русских людей, и все они, от Михаила Лобанова до полковника Солуянова, героя афганской войны, укладывались в общее погребение национальной славы без домовинок и поминок, без прощальных речей и почестей, которое скоро уйдёт из памяти, если поклончивые люди не переймут память на себя. Хотя они, слава Богу, ещё живы и не помышляют о смерти...

А в это время автор пантеона Горыня Алмазов изгонял из себя отчаяние в психлечебнице им. Ганнушкина на Белой Горе.

Куча росла, и последние приметы человеческих черт, написанных художником, прощально, тускло просвечивали из жуткого развала, будто утопленники, погружаясь в тухлую воду. Для русского племени это были рыцари без страха и упрёка, толпы людей сбегались в залы, чтобы только глянуть в эти русские лица, помеченные Божьим перстом, выслушать их мысли, а для тех чужебесов, кто, высунувшись в форточку, дышал ядами с запада, они оставались «быдлом», варварами, краснокоричневыми, фашистами, низкой чернью, «нерукопожатными». С какой неопишуемой радостью «амфисбены» упивались известием о пожаре в мастерской Алмазова, передавая по своей тайной почте только для своих, чтобы не прознали эти «мужиковствующие» и не разнесли печальный слух; укоренившись в народные толпы, несчастный художник неотвратимо превратился бы в героя. А если не вспоминать в газетах и на публике, то сотрется из людской памяти огромный труд живописца, как и не было его. И снова чужебесу праздник, можно выпить за успех так удачно исполненного тайного приговора.

...Осталось лишь вычерпать воду. Надо спуститься к Зиночке за ведром, — подумал Николай, безразлично обегая взглядом мастерскую, вернее то, что осталось от богатства и былого великолепия. Огонь пожирает всё, оставляя по себе скорбь, убитые мечты, отравленное будущее и нищету. Это и называется — Господь посетил? Нет бы какого-нибудь алчного «фармазона» раздел до трусов, того самого бездушного барыгу, что позарился на убогую каменную кладовую без окон. Только и достоинства, что метровые стены можно превратить в камеру пыток; сколько ни вопи, — не услышат. Конечно, деньги всё сделают, были бы шальные бабки; пробьют потолок, выставят окна, с улицы вместо лестницы — стеклянный лифт. Главное — былой барский дом в самом центре города, на устройство никакой «капусты» не жалко. Несчастный Горыня, бедная Зиночка, подбили негодяи под самые коленки у края пропасти, ищи нынче державы, хоть бы крохотный кустышек чертополоха под руку, чтобы удержаться над обрывом...

Вода пузырилась, разбегалась кругами от стены до стены, словно под пеленую сажу и плесени суетились любимые Горыней тритончики. Они шуршали, скреблись суставчатыми лапками о лещадные плиты пола и даже пели какую-то монотонную песенку, вроде: «Чижик-пыжик, где ты был...» Им, пакостникам, наверное, нравится сживать добрых людей со свету, гнать из родных стен куда-нибудь подальше; они проникают сквозь стены, им нет препятствий, чертям поганым, если не покоришься, во сне могут занырнуть и в ноздри, и в уши, пролезть в мозг и вырыть уютную норку. Николай тупо стоял посреди пожарища, чего-то выжидая, будто был дан с небес сигнал по духопроводу: дескать, жди, Коля, вестей.

Вдруг вспомнился дурацкий анекдот «про норку», — ржачка для рыночного «пролетариата». Вроде бы, юморист Задорнов рассказывал по телевизору; тоже надо парню как-то «бабки» делать из воздуха, вот и плетёт со сцены, пританцовывая и ухмыляясь, глядя с презрением в багровые от смеха рожи и широко раззяв-

ленные пасти, полные золота (нет, это раньше были золотые коронки, сейчас фарфор и пластмасса). «Один мужик говорит другому: жена просила норку к Новому году. Второй день копаю, не знаю, понравится — нет?»

...Тут бойся, чтобы крыша не поехала набекрень; сползет — не выправить, строительного материала не хватит. Надо Горыне бежать из «Ганнушкина» на белый свет, ловить случай; только работа подымет. За горями надо ждать радостей, главное — не прозевать, схватить птицу за перо. Ещё до пожара приезжала госпожа Луиза Бляхман из Гамбурга, посетила мастерскую, субтильная рыженькая остроносая бабёнка, ела строганину из нельмы, запивала водкой из морозилки, много смеялась и болтала, уверяла, что в Европе нынче так вкусно не едят, как в России, и так замечательно не пишут картин, как Алмазов. Его там с руками оторвут за большие деньги... Но почему-то глазки строила Николаю, повторяла: Николая, вы кого-то мне очень напоминаете; большой, жирно покрашенный рот расплзался до ушей, так и зазывал к себе. Странная тётка... А куда её тащить, ни сеновала, ни полатей, — на заброшенный чердак что ли, где сквозь стропильник глядится небо?

Портрет русского императора с выколотыми глазами и дыркой во лбу притягивал взгляд. Царь Николай Второй стоит у окна, вполоборота, с опаской дожидаясь встречи с неверными, которой не избежать. Сейчас придут за отречением; уже не могут ждать, припекло чертей; уже копыта стучат. Несчастливая государыня, бедные дети... Душа плачет, отнимает всякую дерзость, мужество и отвагу. Всю ночь молился, стоял на коленях, просил совета у Господа; Он сказал: откажись, не по сеньке шапка... Отсюда и нерешительность, шаткость во всей фигуре, в окне багровый закат, внизу чугунная недвижная река. Наверное, до него уже донеслись вести о близкой беде. Иначе откуда бы взяться признанию: «Всюду трусость, предательство и обман». А вдруг?.. А вдруг пронесёт, само собою рассосется, и полы под ногами не так шатки, как кажутся, и стулцы под империей ещё держат, не подгнили. Эх, кабы так... Нашелся бы решительный человек, который посыльных от бесов ухватил бы под локотки, подвел к стенке штабного вагона и, не колеблясь, расстрелял бунтовщиков. И никто бы не спохватился, не кинулся искать. Ехали, мол, но сгнули в дороге. Мало ли людишек пропало на перепутьях мировой войны, а тут двое безумных, возомнивших себя слугами Господа. Только перепутали они Бога с дьяволом, очаровались сатаной до утраты всякого здравомыслия, потеряли, балабоны, остатки ума в говорильнях в Думе и отправились императора сбрасывать с трона. Ишь ли, захотелось править народом, гнать православных берёзовым дубьём самым диким путём, о котором и сами не ведают...

Всего лишь две пули надобны, чтобы вернуть реку истории в своё русло, где текла она веками. Хотя, особенно прозорливые уже слышали катастрофу, но ждали её неизбежность с двойным чувством; де, что обещано небесами, то неизбежно сбудется, судьбу и на самом лихом коне не обогнуть; но с другой стороны живёт в уме вера, что их, прозорливцев, каким-то образом минует сия суровая чаша, обойдет стороною. В Бога уже худо верили, дали Ему отставку, но часто поминали Его порою без нужды, и казалось, что Он и без просьб, без покаянных молитв непременно встанет заградительной стеною на пути зла, что темной тучею надвигалось на Россию, — и спасёт царя. Но, увы, судьба всероссийского Отца родимого уже была тайно вырешена за океанами, но мало кто знал на Руси о мерзкой кощуне, затеянной придворными «амфисбенами» и ростовщиками. Мировые «каменщики» утвердили приговор, накидали на бумагу сургучных печатей, чтобы выгляде-

ло всё законно, и дело стало лишь за палачами, которых торопливо отыскивали на задворках Европы английские менялы. Даже во Дворце за царя перестали молиться, так нестерпимо захотелось от него избавиться и получить долгожданную волю, и денежную мзду; и пастыри скоро, опоённые ядовитым зельем неверия, отшатнулись от своего помазанника, перестали поминать на молитве, перекрыли голос церкви.

...И вот курки уже взведены, и ружья изготовлены к убиению царской семьи; нужна лишь решительная натура, готовая в последнюю минуту отвести ствол. Где они, куда попрятались эти жертвенные молитвенники, готовые свою жизнь положить за русского царя? В каких чащобах заблудились «черносотенные фаланги» под имперскими стягами? Какое-то окаянное непробудное «очарование» вдруг накатило на Русь, и многие, скоро упав духом, приготовились испить смертную круговую чашу. Ещё не начиналось сражение, а они уже возлегли на одр, скрестив на груди руки. В рай заспешили, в рай... А другие бросились бежать стремглав за бугор. А что император?.. Николай своей рукою всыпал в братину отравы унынья и самолично обнёс питьём своих граждан и охранителей; дескать, место святой Руси на небесах. Добровольно устелил подножье погребального костра миллионами своих искренних, и по их безымянным костям вступил в жертвенный огонь...

...Горыня писал портрет Николая Второго, когда всё так благополучно складывалось для его семьи, и ниоткуда не сулилось беды. В тот вечер Коля Янин был с большого «бодуна», по воле живописца три часа торчал возле кирпичной стены, тарасил глаза на алые щербинки осыпавшейся штукатурки, воображая тёмную ночь, похожую на могильную плиту, и недвижную чугунную воду, в которой отражалось кровавое зарево близкого пожара. Чувство тревоги и боли за отечество должно было жить в глазах Царя (так велел художник). Но Коля был с крутого похмелья, ничего в глазах не отразилось, кроме усталости, недоумения, тоски и безмолвного вопля: «Братцы-ы, а меня-то за что?» А Горыня лишь покрякивал: «Царь, стой, где поставлен!» и багровел от возбуждения щекастым лицом.

Коля поднял портрет в тяжелой багетовой раме, поднёс к лицу, и будто приник к зеркалу, в туманной глубине которого отразился он сам, Николай Янин, только не в гвардейском мундире, а в каких-то затерханных шабалах, которым место в собачьей конуре, и у того царя, что полубернулся к Янину из другого мира, были пулевая дырка во лбу и выколотые ножом глаза. На недвижной чугунной реке в углу холста Янин разглядел вроде бы случайные невнятные слова: «Мене, текел, перес».

Горыня ли нацарапал пророчество иудеев в пьяном уме, или чужая умышленная рука вдруг напомнила о себе, прежде чем сжечь мастерские? Что-то подобное было написано на стене Ипатьевского дома после казни гнезда Романова, когда отправили в «господеви покои» батьку с маткой и всё гнездо.

Дальше размышления не сдвинулись; ноги в резиновых сапожках заковались и затекли. Коля заколебался вдруг, вынес картину из мастерской на божий свет, ещё не зная, зачем; верхнюю площадку винтовой железной лестницы покачивало, а раму с портретом подбивало снизу ветром, и выхудавшего Царя так и норовило скинуть на землю. Николай невольно уцепился за ржавое перильце, чтобы не улечь вниз, на груды щебня и арматуры, густо обросшую крапивой и чертополошиной, на останки старинного дубового буфета с резными колонками и рифлеными стёклами, от которого мало что осталось, любимой полосатой кушетки Горыни, и всякого старинного изысканного приклада, горшков, самоваров и братин, притащенных хозяином из северных деревень и совсем недавно украшавших мастерскую.

Поверх, как бы стыдливо прикрывая разор, по-прежнему лежал двухметровый портрет поэта Кузнецова с обугленными на макушке вздыбленными волосами, от частых летних дождей вдруг порыжевший, взявшийся плесенью, с потёками сажи на гордовато вздёрнутом лице. Поэт укоризненно вглядывался в небо, откуда было ниспослано лихо, а Коле казалось, что знаменитая «столичная штучка» приглашает к себе «за кумпанию». Дескать, дружочек, иди ко мне; три секунды полёта, и будем в одной связке; дескать, дружно — не грузно, а врозь — хоть брось. Картину парусило, и Коля поставил её на ребро, припер коленом. И тут увидел с исподу просунутый меж холстиной и багетом тщательно увязанный сверточек, надёжно упрятанный от чужого глаза. Коля потянул за край обёртки, размотал капроновую нитку, и вдруг обнаружился зелёный, плотно скрученный рулончик «американской зелени»; все, кто «ботаю по фене», от Чубайса и Гусинского до Ельцина с челядью, называют эти чужие деньги валютой, «капустой», — и чинно, и мирно. С казённых бумажек на Колю воззрилось бесстрастное, но высокомерное масонское рыло, чем-то напоминающее лицо знаменитого московского поэта. Оба что-то явно скрывали, чего не стоило бы знать малым мира сего; «меньше знаешь — крепче спишь».

Братцы мои, это же клад! Настоящий клад в тысячу баксов; десять бумажек по сто... У Коли и глаза разбежались. Он дважды пересчитал находку, чтобы не ошибиться, но у него в голове даже и мысли не мелькнуло, что стоит зажилить хоть бы одну бумажку, а после при случае вернуть должок. Можно купить еды, мешок сахару, чайник, банку кофию... Много чего можно прикупить человеку, у которого в хозяйстве ничего нет. Зато у Горыни двое детей, жена без работы, и сам пасётся в «психушке».

Ну, Алмазов как в воду глядел, рассовывая деньги по щелям. Всё погорело вместе с тараканами, но запасец за картиной уцелел, как подарок от Государя. Начитался Горыня, наверное, Гоголя, Николай Васильевич и помог. Но там чёрт баловал, играл на слабой душе, как на валторне, позывал на пагубу, гнул и коверкал, испытывал на прочность, пока не обломал. Зыбок натурою оказался тот художник и продал дьяволу свои мечтания вместе с душою за плотские утехы. Де, на кой мне сдалась эта душа, от которой ни навара, ни привара, но одни лишь страсти-мордасти. Нет, он не сразу, конечно, подпал во власть, слегка поупирался, на пробу, смалодушничав, лишь сунул ноготок, дескать, выправлю жизнь, встану на ноги — и прощай, лукавый бес. Э, братец, не морочь нам голову, — бес-то ему, — хочешь сладко кушать и хмельно жить — послужи. И уцепил хват за ноготок мизинца, и тут художнику пришли концы. Вон пасть-то у дьявола какая огро-мад-ная, туда кит полностью влезет вместе с потрохами и стадо индийских боевых слонов.

Коля сунул «ладонку» на прежнее место, повернул портрет Государя к себе лицом. Вспомнив повесть Гоголя, Янин невольно устыдился, словно бы в уме и взоболь испытал мучительные колебания; он даже покраснел и повлажневшую ладонь вытер о полу пиджака. Ему казалось, что от денег на пальцах осталась невидимая липкая плесень.

— Да Боже ты мой! — воззвал Николай к своей душе. — Да, подумал, как на грех, подумал! Ну и что, мало ли, братцы, какие подлые бредни лезут в голову... Хоть миллион дай, не покусился бы я, даже в мыслях, и на самый крохотный вздох от находки.

Он торопливо спустился к Алмазовым и, отчего-то пряча глаза, передал Зиночке находку. Зиночка пересчитала на несколько раз, казня себя за мелкую душу,

каждый раз недоверчиво взглядывая на Царя; пальцы её мелко тряслись. Женщине казалось, что сейчас её хватит удар.

— Ты что, мне не веришь? — скрипуче спросил Николай.

— Коленька, милый, да ты что... Как ты можешь такое говорить? — Зиночка подскочила, встрепала и без того всклокоченную голову Николая, зашептала на ухо. — Ты нас спас, Коля... От смерти спас... Тебя нам Господь послал.

Зина отслоила от рулончика три казначейских билета с масонским треугольником, стала совать в руку Царю. Тот отбояривался, не хотел брать, завязалась дурашливая борьба, когда каждый хотел поступить по совести, но так, чтобы случайно не обидеть другого, но и не догадывался, как завершить в простоте, чтобы помощь не выглядела милостынькой. Наверное, жалко было Зине делить клад, отрывать копейку у детей, но горше того оказаться жестоковыйной, немилосердной; уйдет бедный Коля в свою нищую избушку, пригорюнится, одинокий, у окна, невольно затаит внутри горечь, и уже никогда не будет возле Алмазовых прежней родной души. Неужели есть некая правда в народном присловье: «Если хочешь потерять друга, дай ему денег»?

ПОЭЗИЯ

К 85-летию выдающейся русской поэтессы

СВЕТЛАНА КУЗНЕЦОВА

Уже завершаю свой срок на земле

* * *

Видно, я еще не любила,
Видно, я еще не скучала,
Если все, что со мною было,
Повторилось теперь сначала.

Я смотрю в глаза твои серые,
Не боясь, что осудят люди.

Ты скажи мне, с какою мерою
Подходить к нашим встречам будем?

Может, ты мне совсем не нужен?
Может, путь без тебя мне страшен?
Мы, взрослея, гораздо хуже
Разбираемся в сердце нашем.

50-е

* * *

Опять от веселого гула
Весь лес пробудиться готов.
На ветках хмельного багула —
Лиловая накипь цветов.

Опять по-весеннему алы
Лукавые губы девчат,

А ветры таежных привалов
Ночными кострами горчат.

И, солнечным светом согрето,
В сосновой густой тишине
Не слушает сердце советов,
Бунтующей верит весне!

50-е

* * *

Холодного солнца осколки Рассыпал закат на снегу. Седые колючие елки Застыли на том берегу.	Упрека слова приготовил, Спеша образумить меня. Я слушаю молча, что вечер, Что яркие зори к пурге, А дома натоплены печи, И глупо бродить по тайге.
Там тропки сплетаются тесно, И дремлет в хрустальной резьбе Под каждой березою песня О чьей-то хорошей судьбе.	С разбуженным сердцем не дружен Привычный уютный покой. Не нужен, не нужен, не нужен Мне больше попутчик такой!
Пойти бы вперед наудачу, Не хочется нынче домой, Но этим всерьез озадачен Попутчик заботливый мой.	Смеркается. Путь запорошен. Сверкают снежинки на льду. Одна я до песни хорошей, До звонкого счастья дойду!
Он хмурит пушистые брови, Сердито торопит коня,	

50-е

* * *

Спящий город сутулится, Видит странные сны. Перечеркнуты улицы Зорким взглядом луны.	В ярой радости щедры, Словно счастье само, Исступленные кедры Гладят щеки домов.
Подытожена с вечера Дня обычного жизнь. Бредя сказками вечными, Гасят свет этажи.	После долгой разлуки, Стосковавшись всерьез, К окнам тянутся руки Легких, светлых берез.
Даль, туманами смятая, Скроет рек берега, И на город косматая Наступает тайга.	И под хвойными ливнями, В непонятном хмелю, Я губами счастливыми Свежесть сосен ловлю.

1957

* * *

«Брови тоньше хвоинок сосновых
И темней соболиных мехов...»
Сердце тянется снова и снова
К неоконченным строкам стихов.

Позабыть бы давно их, и точка.
Разве мало на свете других?
Что мне в этих доверчивых строчках,
Привезенных из дальней тайги?

Издалека, из синей тревоги,
Из забытого детского сна,
Где в распадках медвежьих берлоги,
Где хозяйка всему — тишина.

Где доньне живет на заимке
Та, что парня любого смелей,
Та, чьи брови тонки, как хвоинки,
Та, чьи брови темней соболей.

Ей сродни и ручьев перезвоны,
И прохладные поросли мхов.
...Сердце тянется снова и снова
К неоконченным строкам стихов.

1960

* * *

В бесконечных радужных кругах,
В разноцветных ягодных накрапах,
Плыли сны на низких облаках,
Отдыхали на еловых лапах.

А потом сквозь чьи-то голоса
Ветви сны качали и качали.

Что-то очень важное леса
Говорили этими ночами.

Дом был крепко срублен из сосны,
Хорошо проконопачен мхами,
И ложились в изголовье сны
Мяжкими, пушистыми мехами.

1961

* * *

А вы торопились, а вы не спросили.
А вы посчитали все это игрой.
А там начинались стихи о России,
За тем перелеском, за тою горой.

Там время чеканило высшие пробы
На всем, что в отвал отходило пустой,
И там я однажды сронила в сугробы
Тяжелый, наследственный крест золотой.

Сронила открыто, сронила, как откуп,
Приучена опытом предков — платить.
Так что же нейдет небесному оку?
Оплачен мой счет, и не стоит грустить.

Оплачен мой счет, и оплакана доля.
Сибирская тройка умчалась, спеша.
Огромность родного осеннего поля
Теперь только может осилить душа.

И то не осилит. По краешку муки,
Как ведьма, пройдет, заклинанья творя.
Но знаю — за миг до последней разлуки
Над ней ослепительно вспыхнет заря.

Что я призову у последнего крова,
На самом последнем из смертных кругов?
Лишь черную магию русского слова.
Лишь белую магию русских снегов.

1977

* * *

И вот опять мне снится родина.
И вот опять пуржит пурга.
Что мной утеряно, уронено
На те высокие снега?

Здравствуй,
Здравствуй, мама,
Как хорошо, что ты жива!..

Что мной утрачено, убито?
Никак сегодня не пойму,
Какой неведомый убыток
Мешает счастью моему?

Она в пальто своем не новом,
Бедна, беспомощна, бледна,
Платком покрытая пуховым,
На белизне стоит одна.

Зачем я радовалась мало?
О чем болела голова?
...Ах, здравствуй,

— Давай пойдем вдвоем по полю, —
Она тихонько говорит, —
Давай поплачем, дочка, вволю,
Покуда солнце не горит...

* * *

Печально, что это случилось до срока,
До срока, который дается другим, —
Мне время открыло, что я одинока,
И в том беззащитность моя перед ним.

Мне время не то еще пооткрывало,
Вот только поведать никак не смогу, —
Березовым соком зальет покрывало,
Что я постелила на майском лугу.

Мне время открыло, что в том моя сила
Среди многоцветной и злой маеты,
Что я у него никогда не просила
Таких откровений, такой прямоты.

Заря надо мною сильнее заалеет,
Под ветром покорно поникнет трава,
Березовым соком мне губы заклеит,
И приторно-сладкими станут слова.

1975

* * *

Мать моя лежала на столе
Тихо, словно золото в земле.
Тихо, словно золото, лежала,
Мне и брату не принадлежала.

Не принадлежала никому.
И была счастливой потому.

1976

* * *

На окраине русского края
Ничего у судьбы не моллю,
В сером сумраке лет вспоминая
Тех поэтов, которых люблю.

Не такая случалась погода.
Не такие творились дела.
Бессловесная наша природа
Не такие потери несла.

Уходили они в неизвестность,
Приминая зыбучие мхи.
Бессловесная наша словесность
Не такие не помнит стихи.

На окраине русской надежды,
На окраине русской беды
Я смыкаю усталые вежды,
И метель заметает следы.

* * *

Поведали вещие сны,
Что мы и природа — едины,
Что нашею кровью красны
Воспетые нами калины.

Что силою нашей сильна
Та, нам неподвластная сила,
Которая, волей пьяна,
Леса, словно травы, скосила.

Постигнуть нам было дано
По чьей-то неведомой воле,
Что скупостью нашей давно
Больно оскудевшее поле.

Что вороны тучей взлетят
Над утренней пожней печали,
Что нас никогда не простят
Все те, кого мы не прощали.

* * *

А там, где я теперь живу,
В ручьи сронили птицы перья
И снег, недобрый, жгучий, первый,
Пал на зелёную траву.

Но не хвалюсь своею правдой,
Своею верой не хвалюсь.

Он весь из ревности, из зависти,
Он убивает поутру.
Лесов восторженные замыслы
Опять сникают на ветру.

Я не хвалюсь, а прижимаю
К щеке земли свою щеку
И вместе с ней переживаю
Её осеннюю тоску.

Под снегом я с лесами равной
Встаю. И снова с ног валюсь,

Мои глаза не голубее,
Чем небо северной страны.
Я не сильней, я не слабее
Моей суровой стороны.

* * *

Прядется древняя основа
Познания из обрывков сна.
И ночь в жилище входит снова,
Дремотных ужасов полна.

Он всех нас вяжет вязким бредом,
Необратимостью конца.

Кому полночный страх неведом?
Чей взгляд касается лица?

Уж сколько раз мы погибали...
Но солнце новое взойдет.
Цветок — молитва ли, мольба ли —
Над пустотою расцветет.

80-е

Северный сон мой...

Темные дали комету колышут.
Хлеб не родится. Поэты не пишут.
Северный сон мой, высокие воды,
Ныне все ниже небесные своды.

Северный сон мой, шумливые стаи,
Ныне и вы молчаливыми стали.
Озеро детства, родимые реки,
Прежними вас не увидеть вовеки.

Льдинки застыли в глазах у любимых,
Прежде любовью моею хранимых.
Северный сон мой, не снись мне отныне,
Не предрекай пробужденья в пустыне.
Темные дали комету колышут.
Хлеб не родится. Поэты не пишут.
Северный сон мой...

80-е

* * *

Жизнь мечты-медайки разметала. Подберём ли — насмешливо ждёт. Ибо время тоски и металла По земле беспощадно идёт.	Что же я растерялась сегодня, Глядя ей в золотое лицо?
Ибо время металла и грязи Уравняло друзей и врагов, И любой может выбиться в князи На каком-то из адских кругов.	И не знаю, смогу ли не быть я, Если нужно мне будет — не быть. И не знаю, смогу ли убить я, Если нужно мне будет — убить.
Вот и мне суета, словно сводня, Надевает на палец кольцо...	И не знаю, каким волхованьем, Точно жерновом, перемолоть Эту муку под старым названьем, Над душой вознесённую плоть.

Новый год

Тридцать восемь на столбике ргутном. Этот лютый мороз возлюбя, Отражаясь лишь в зеркале мутном, Поднимаю бокал за себя.	Ну и что же, что все оно — прахом? Жизнь не так уж была хороша. Отчего же сомненьем и страхом Захлебнулась сегодня душа?
Слава Богу, твержу, слава Богу, Погостила на этой земле, Поднимая бокал за дорогу, За последний огонь на столе.	Тишина. И свеча догорает. Я до смерти своей не пойму, Как легко человек умирает, Как легко переходит во тьму.

1979

* * *

Мной создан мир, прообраз смерти некий,
Где не слышны чужие голоса.
Поговорить бы с кем-нибудь, да не с кем.
Уйти бы в лес, да далеки леса.

Уже не верю в то, что с долей слажу.
Не та пора. Не та пошла игра.
Я одряхлевшую собаку глажу.
Она уйдет. Она совсем стара.

Она уйдет. Она меня покинет.
И опустеет сразу в том углу.
И навсегда душа моя остынет
К остатному домашнему теплу.

Глядит собака на меня уныло.
Что помнится ей у конца пути?
Ведь так событий мало в жизни было,
Что, в сущности, их не было почти.

Двух наших судеб странное соседство.
Двух наших судеб общая беда.
Что помню я? Одно лишь только детство.
Все дальше смыла талая вода...

80-е

* * *

Весенней дорогой отчизну прошла, Навечно запомнилось это. Я возраст надежды пережила. Я вышла в палящее лето.	Я возраст отчаянья пережила. Я вышла в прохладную осень. Мне осенью той не во сне, наяву Прощанье с печалью спели. Я возраст спокойствия переживу. Я выйду навстречу метели.
Его торопливость меня обожгла. Что может быть лета короче?	

1981

* * *

Уже завершаю свой срок на земле, И жизнь моя вся — неудобница. Нельзя уподобиться в мыслях пчеле, Хоть хочется ей уподобиться.	Понятнее, ибо предельно ясна И улья всего иерархия, — Здесь каждому роль предопределена, Немыслима в улье анархия.
Хоть хочется долю иную принять На свете, не очень-то белом; Хоть хочется легкие крылья поднять Над сильным, пружинистым телом.	А впрочем, «понятней» не лучше порой, «Понятней» не значит и «проще». Гудит неустанный трудящийся рой, В ближайшей рассыпанный роце.
Заботы пчелы мне понятней забот, Которыми день мой обыден. Понятнее пасечник, видимый бог, Чем тот, кто нам, людям, не виден.	Мед — в сотах, а соты — на чьем-то столе. Что думают пчелы — особица. ...Нельзя уподобиться в мыслях пчеле. А впрочем, легко уподобиться.

80-е

* * *

Дальнего леса печальный реликт,
Буйство родной чернобыли...
В центре беседы — иранский конфликт,
Давние русские были.

В центре беседы — арабские сны,
Сказочки Шехерезады,
Нового горького смысла полны,
Новой горчайшей услады.

В центре беседы — прекрасный Афган,
Запахи гари и крови.
Где он, бывалый кривой ятаган,
Да насурьмленные брови?

В центре беседы — прекрасный Китай,
Многомиллионные сонмы...
Что ж, поскорее из пепла взлетай,
Феникс, чьи крылья огромны.

В центре беседы — прекрасный Восток,
Игры, что мы проиграли.
В центре беседы — последний виток
По безысходной спирали.

*19 августа 1988. Преображение
Москва, больница*

КУЗНЕЦОВА Светлана Александровна (1934–1988) родилась в Иркутске. Детство прошло в Сибири на берегах Витима в центре Ленского золотопромышленного района в Бодайбо, где окончила среднюю школу. Поступила в Иркутский государственный университет на филологический факультет. После смерти отца оставила учёбу. Работала редактором художественной рекламы. Писать стихи начала в 9 лет. Первая книга поэтессы «Проталины» вышла в 1962 году в Москве, в издательстве «Молодая гвардия» с предисловием известного поэта Александра Прокофьева, который выделил Светлану Кузнецову среди молодых и напутствовал её в поэзии. В 1964 году издательство «Молодая гвардия» выпустило сборник Светланы Кузнецовой в серии «Библиотечка избранной лирики», в редколлегию которой входили Михаил Светлов, Борис Ручьёв, Владимир Костров. В предисловии критик Александр Макаров особо отметил «певучесть русской речи, так ласкающей слух, акварельную прозрачность образов, как будто сотканых из любви и света...»

Светлана Кузнецова переехала в Москву в середине 1960-х годов. Поступила в Литературный институт имени Горького. Окончила Высшие литературные курсы в 1965 году. Её приняли в Союз писателей СССР по рекомендации Александра Прокофьева. Первые два года в Москве, пока не приобрела кооперативную квартиру на Красноармейской улице, Светлана Кузнецова жила в доме поэтессы Инны

Лиснянской, дружба с которой длилась до конца дней Светланы. Творчество молодой поэтессы заметил Александр Твардовский: будучи главным редактором, он опубликовал в журнале «Новый мир» стихотворение Светланы Кузнецовой «Мои родители». С 1964 по 1972 год в московских издательствах — «Молодая гвардия», «Советский писатель», «Советская Россия» выходят сборники стихов Светланы Кузнецовой: «Соболи», «Только о любви», «Сретенье», «Забереги». Её стихи публикуются в ежегоднике «День поэзии», в Библиотеке журнала «Огонёк», в газете «Литературная Россия». Она выступает перед большими аудиториями в московских вузах: в МГУ, в МЭИ, научно-исследовательских институтах. Песни на стихи Светланы Кузнецовой в исполнении дуэта популярных (с 2002 года — народных) артистов — Аллы Йошпе и Стахана Рахимова — звучат на радио.

С 1972 года по 1982 год книги не публикуются, имя Светланы Кузнецовой исчезает из средств массовой информации. Как утверждается сегодня, негласный запрет на имя Кузнецовой был наложен по инициативе секретаря правления Союза писателей СССР Риммы Казаковой: по словам исследователя творчества Кузнецовой Н. Егоровой, «когда-то во время одной из поездок по „хлопковому раю“ московских литераторов посетил Рашидов. На банкете меняющая свою партийность вместе с эпохами Римма Казакова заявила, что вместе с ней поднимутся все писатели и выпьют за первого секретаря стоя. Светлана Кузнецова, знающая, что перед ней сидит преступник, громко и ясно, прямо при властительном госте ответила, что ни вставать, ни пить за Рашидова не будет». В эти годы Светлана Кузнецова рассталась с мужем и потеряла мать и брата. Остро ощущая одиночество, отлучённая от литературной жизни Москвы, она писала «в стол» и занималась переводами поэтов союзных республик. 3 декабря 1980 года она направила письмо в Секретариат правления Московской писательской организации с жалобой на травлю со стороны Р.Казаковой. После проверки и подтверждения фактов Казакова была снята с поста секретаря СП и началась «реабилитация» Кузнецовой.

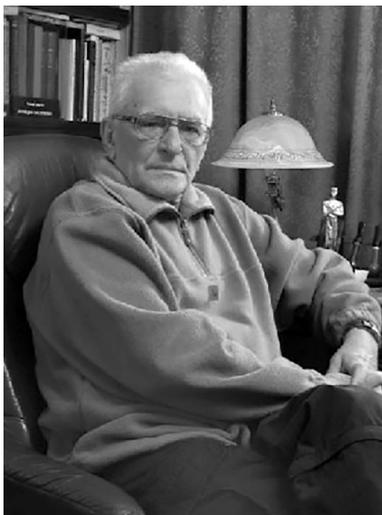
В 1982 году в издательстве «Советский писатель» вышел новый сборник стихов «Гадание Светланы». В аннотации к сборнику отмечалось: «Лирика Светланы Кузнецовой драматична: утраты и обретения зрелости, осмысление противоречий современного мира, живое чувство Родины и слова — все это образует в книге единый исповедальный сплав». Журнал «Новый мир» (№ 1, 1983 год) опубликовал положительную статью-рецензию «Поэзия требует всего человека» критика Аллы Марченко. В 1983 году в Восточно-Сибирском книжном издательстве (Иркутск) вышел сборник стихов «Соболиная тропа» с предисловием поэта, лауреата Государственной премии СССР Анатолия Преловского. Произведения Светланы Кузнецовой появлялись также в ежегоднике «День поэзии», еженедельной газете «Литературная Россия». Журнал «Огонёк» (№ 18, апрель 1988 года) публикует девять стихотворений из цикла Светланы Кузнецовой «Русский венок». За эту работу ей была посмертно присвоена премия журнала «Огонёк» за 1988 год (№ 1, январь 1989 года). Светлане Кузнецовой присуждается государственная награда — медаль (информация опубликована в одном из выпусков «Литературной газеты» 1988 года). Последний прижизненный сборник Светланы Кузнецовой «Стихотворения» выходит в издательстве «Советский писатель» тиражом 35 тыс. экземпляров в 1986 году. Подборка её стихов «Невидимый полёт» появилась в журнале «Новый Мир» (№ 9, 1988 год). В «Литературной газете» развернулась полемика о различии мужской и женской поэзии. В статье «Под женским знаком?» поэт Юрий Кузнецов (11 ноября 1987 года, № 46), рассуждая на эту тему, приводит примеры,

проводя параллели между Нобелевским лауреатом Габриеллой Мистраль и Мариной Цветаевой, между Анной Ахматовой и... Светланой Кузнецовой. А критик и литературовед Вадим Кожинов в своём труде «Свет двуединый...» писал: «Со всей взвешенностью и ответственностью скажу, что лучшие из зрелых стихотворений Светланы Кузнецовой — самое значительное из того, что было создано в русской женской поэзии после Анны Ахматовой...»

В последние годы жизни Светлана Кузнецова подготовила и сдала в печать два новых сборника: «Второе гадание Светланы» и «Светлана Кузнецова. Избранное. Стихи». Обе книги вышли в издательстве «Советский писатель», когда её не стало — в 1989 и 1990 годах. Светлана Кузнецова скончалась 30 сентября в московской городской больнице № 71. Похоронена на Ваганьковском кладбище Москвы.

ДАЛЬ ОРЛОВ

Богатые опыты малой жизни

РАССКАЗ ИЗ КНИГИ ВОСПОМИНАНИЙ

...К моменту приезда в Кустанай кое-что было уже доступно моему пониманию. Ведь опыт дается жизнью, а жизнь начинается достаточно рано. Даже самые первые приветы памяти оказываются на поверку «жизненным опытом».

Вот в распашонке подпрыгиваю, вцепился в боковую кроватную сетку. (Сколько мне, если страховка еще не убрана?) Скачу, совершенно счастливый. Отец в это время раскладывает на полу пестрые камешки — привез из командировки на Байкал. Подарок сыну.

Одно память сохраняет, другое, гораздо, кажется, более значительное, стирает. По какому принципу? Нет ответа. Почему, скажем, забылось — знаю только по рассказам, — как однажды почти умер. Подцепил дифтерию. Задыхался, стал

ОРЛОВ Даль Константинович (родился в 1935 г.). Критик, драматург, сценарист, публицист. Заслуженный деятель искусств РСФСР. Член Союза писателей СССР и Москвы, член Союза кинематографистов, член Союза журналистов, член Российского театрального общества. В 1957 г. окончил филологический факультет МГУ. В 1969–1972 работал заместителем главного редактора журнала «Искусство кино». В 1978–1986 — главный редактор журнала «Советский экран». С 1980 по 1986 г.г. — ведущий популярной телепрограммы «Кинопанорама». Автор нескольких книг, в том числе: *«Реплика в зал. Записки действующего лица»* (2011), *«Мне было столько, сколько надо»* (2013), *«От любви до Бобровки. Новая крымская сага»* (2017) и др. Автор пьес, а также сценариев художественных и документальных фильмов. Среди них: «Быстрее собственной тени», «Лидер», «Капа-бланка», «Трудно быть богом», «Лев Толстой — наш современник». Автор множества работ об отечественном и зарубежном кинематографе, театре и литературе. Живет в Москве.

синеть. Ничто не помогало. Тогда главный врач военной части, дело происходило всё в том же Иркутске, прибег к последней попытке вытянуть меня с того света. Рискаю заразиться, стал отсасывать через трубочку ту гадость, что забивала мою гортань. Примерно так поступают народные лекари. Повезло — военный доктор не заразился, но почти бездыханного ребенка вернул к жизни. Почему, спрашивается, именно этого не помню?

В годы выкашивания Сталиным верхушки военного руководства Красной армии — это в основном конец тридцатых — отцу повезло быть молодым. До молодых руки тогда не дошли, или их припасали для будущего. Так под волну репрессий отец не попал, но кое-что успел увидеть. Вернувшись на Дальний Восток после годовой учебы в Москве, он не застал никого из прежнего начальства — все исчезли. Не было и того главврача, что через трубочку вытянул меня к жизни.

Иногда думаю: а может не совсем забыл? И живет на самом доньшке подсолнечника, тайно напутствуя на путях-дорогах, тот военврач со шпалами в петлицах, что рисковал собой, чтобы мне дожить до мемуаров.

Отчетливо помню, как там же, в Иркутске, принесли из роддома белый сверток — запеленатую сестру. Мне уже пять. С ногами сижу на родительской кровати, на покрывале. Сверток рядом. А взрослые в соседней комнате. Я кричу им нечто восторженное про этот сверток, про то, как радостно мне иметь теперь сестренку, кричу и одновременно понимаю, что на самом деле вру — нет во мне никакой особой радости, вполне ровен внутри, просто понимаю, что услышать мои восторги взрослым приятно, а я хочу им понравиться.

Лицемерие, конечно, не врожденное чувство, но то, что раннее — это точно.

Или первый день войны... Помню практически весь. Погода такая выдалась отменная. Был выходной, и с утра состоялся затеянный коллективный выезд офицерских семей в городской парк — для отдыха и развлечений. Мороженое, качели, фотографии. Некоторые сохранились. Мама, легкая, беззаботная, в выходном креплещиновом платье. Я рядом, прижимаюсь.

После полудня, когда усаживались в обратный автобус, откуда-то прилетела и стала распространяться по парку эта пугающая и странная весть: война! И никто не сказал «не может быть», — все поверили сразу. А когда автобус достиг пределов нашего военного городка, люди быстро и озабоченно повыпрыгивали из него и побежали на площадь к зданию штаба. Там уже шел митинг. На высоком пандусе перед фасадом стояла трибуна, на неё поднимались офицеры, вольнонаемные, офицерские жены — выступали.

А день продолжал быть ясным, солнце едва клонилось к закату, и голоса звучали уверенно, напористо: «встанем, как один», «враг коварен, но поплатится за свое вероломство», «два-три месяца... на чужой территории...», «могучим ударом», «с нами Сталин, первый маршал Ворошилов...».

Я в это время мотаюсь за спинами взрослых — вперед не протиснуться — вожу в воздухе бабочкой на булавке, как самолетиком, — трофей из парка. И бабочкой порхает в голове легкая довольная мысль: вот и на мою жизнь пришла война! Хорошо. А то казалось, всё только в прошлом: тачанки, конница Буденного, строчит пулеметчик, шашки наголо! Теперь и мне повезло...

Мне долго потом казалось, что зафиксированная услужливой памятью радость от возможности пожить во время войны характеризует только мои симптомы задержки в развитии, но нет. Похожие признания встречал и у других мемуаристов примерно моего возраста.

Кто спорит: каждый из нас неповторим, каждый оригинален. Только почему-то глупости всегда подозрительно сходны.

Незадолго до того страшного исторического дня отец получил новую квартиру. Она была в новом красивом, под белой штукатуркой кирпичном доме у самого городского парка. А в парке — открытый небу амфитеатр, дощатые скамейки и сцена с гулкой раковиной. Естественно, ни один концерт я не пропускал. Не пропустил и гастроль оркестра Леонида Утесова. Да, можно записать в анналах: за считанные дни до войны Утесов выступал в Иркутске. То, что присутствую «при событии», конечно не осознавал. Пялился на сияющие саксы и тромбоны, на музыкантов в бриолине, в концертных белых костюмах. Они дружно подсакивали и туда-сюда слаженно поводили трубами, будто стая гусей клювами при раздаче корма. Праздник!

А самым красивым, уверенным, первым парнем на гульбе был, конечно, тот, кто на упругих ногах ходил перед оркестрантами, — Костя из «Веселых ребят», молодой и стройный, уже набравший к тому времени свою эстрадную славу Леонид Осипович Утесов. Сипловатый душевный голос брал в полон, а артист к тому же перемежал пение короткими беседами.

Не знаю почему, но одна из тех реприз застряла в голове: поспорили двое — кто больше стопок выпьет. Причем один закусывать отказался. Ему говорят: «Хоть булочкой закуси!» Не хочет. Наконец, сдался: после ...надцатой закусил. И рухнул без чувств. Но вымолвить успел: «Вот что твоя булочка наделала!»

Хохот был в зале изрядный, конечно. А я, как видите, запомнил ту репризу на всю оставшуюся жизнь. Незамысловато шутили перед войной.

Когда «на раннем этапе творческого пути» сочинял для эстрады, — как-то по всей Москве даже афиши висели: новогодние концерты в Лужниках «Вот и стали мы на год взрослей», много, и кроме того, сочинил куплетов-фельетонов, — так любил иногда с серьезным видом пробросить при застолье: «Так я же ученик Леонида Утесова! Еще с довоенных времен...»

А рядом, короткой вспышкой, следующая картинка: папа собирается на фронт. Балконная дверь раскрыта, за ней тот самый парк с эстрадой, там всегда теперь тихо, а здесь, перед балконом папа, легко сгибаясь, натягивает на икры хромовые голенища, подтягивает, прихлопывает ладонями. Он молод и крепок, как трюкач на арене, и сапоги его сияют.

Я рядом — сурком на кочке. Где-то и мама здесь, где — не запомнилось. Запомнились наставления отца. Преподаватель политических дисциплин в войсковом училище, он по привычке и сейчас вещает веско и доходчиво: «Слушайся маму!». И добавляет, закончив с сапогами: «Маме помогай, ты уже большой».

Последнее слышать отрадно: вот и папа признал, что шесть лет — возраст зрелости. Мои достоинства признаны, мне, как большому, оказано доверие, лично на меня возложена конкретная ответственность — помогай! Я готов! Не пионер пока, но «Будь готов — всегда готов!» давно и прочно во мне посеяно. С самого детского садика.

Волочу карликовый стульчик вдоль стены, а на ней, надо мной — большущий портрет Сталина с девочкой Мамлакат на руках. Помню, что смотрю на себя его глазами: конечно мальчик не очень складный — голова великовата, ноги кривоваты, — думает, как мне кажется, этот портрет, — но какой же он разумный, этот мальчик со стулом, исполнительный, преданный! Наш мальчик!

Надо ли удивляться, что именно я в скором времени в глубинных лесах Сибири выловил настоящего шпиона.

Провал шпиона у Родины в тылу

Очень скоро, не запылив сапог, отец вдруг снова возник в Иркутске и, не теряя времени, переместил нас в деревню Асино Томской области. А там, напишет потом в воспоминаниях, «тайга подступала к окнам». В должности начальника политотдела ему предстояло срочно создать в этих лесных дебрях школу военных авиамехаников.

Поселились в сторожке путевого обходчика. Вокруг сугробы и мощные ели в снежных шубах, всё видимое окрест скроено щедро, размашисто, как на вырост. Сибирь!

Оно бы всё и ничего, но по прибытии выяснилось, что приехали мы напрасно. Оказывается, пока перемещались, Генштаб свое решение о создании этих школ уже отменил, но сообщить о том Главному политическому управлению забыл. Вот Главпур и продолжал рассылать своих комиссаров по объектам, которых не только не было, но им и быть не полагалось. Всякое случалось в неразберихе первых месяцев войны.

Наступал новый, 1942 год. Отец успел установить в нашей сторожке елочку, причем в тайгу не углублялся, срубил под окошком, и отбыл на войну окончательно — на Брянский фронт.

Мы же, семья, остались на месте: среди сугробов, с лесами вокруг, чтобы мерзнуть и по-настоящему голодать. У меня по телу пошли гнойные свищи. «Лечения не помогут, — сказал асиновский фельдшер, — хорошо бы подкормить сливочным маслом. Постарайтесь достать». Мама достала. Аккуратную горку на блюдечке выменяла за крепдешиновое платье, в котором фотографировалась в парке — в день объявления войны. Ел с пальца и не мог остановиться.

От несостоявшейся школы авиамехаников осталась память: длинная приземистая казарма, еще нечто штабное из бревен с широкими ступенями у входа, ну и всякого рода подсобные возведения с незаконченными крышами. Вокруг колючая проволока. Из живой силы — десятка полтора-два озабоченных солдат — в нынешних терминах: «комиссия по ликвидации предприятия».

Живые люди притягивали. Было видно как они там, на плацу за проволокой строятся, маршируют, что-то копают, перетаскивают, укладывают — несут свою службу. Служба, как говорится, идет.

Дислокацию обрисовываю не случайно: требуется знать для полного представления о подвиге ради поимки шпионского гада.

Так вот. Как-то в лесу, миновав подсохшее болото, через которое ходил в поселковый детский сад (кстати, ходил самостоятельно; мама на службе в парткабинете; по дороге, если делалось страшно, начинал орать патриотические песни, что помогало), заканчивая привычный маршрут, в полутемной чаще вдруг увидел одинокого мужчину. Меня он не видел, и вообще по сторонам не смотрел. Он что-то сосредоточенно выглядывал в заваленной сушняком глубокой и длинной канаве, еще недавно бывшей, похоже, учебным окопом — остатки военного расположения были недалеко. Человек осторожно продвигался по краю этой канавы, наклонялся и что-то упорно пытался там рассмотреть. Самые худшие подозрения возникли сразу. Тем более, что субъект был во всем темном, длиннополом, был сутул и руки держал в карманах. «Что здесь делает? Откуда взялся в дремучем безлюдье? Что выискивает?» — промчался в голове рой вопросов, и ответ родился единственно возможный: ищет им же заложенную взрывчатку! Это — шпион! Папа бьется на фронте, а шпионский гад замышляет здесь!

Медлить было нельзя. Он мог уйти. Мог успеть приступить к диверсии. Скрываясь за стволами, я бесшумно отступил на безопасное расстояние, и что было духу припустил в сторону родной своей воинской части.

Часовому сообщил, задыхаясь, что для срочного сообщения мне требуется командир. «А что такое?» «Командира! Срочно!» Постовой пропустил. Рассудил, видимо, что ни для обороноспособности Родины, ни для остатков несостоявшейся школы авиамехаников я угрозы не представляю.

Историкам еще долго предстоит разбираться, что это такое было — «советский человек». Что за социальный, общественный, психологический феномен? Как складывался, из чего выросал? Как получались у них шестилетние мальчишки, готовые при самых средних своих аналитических способностях увидеть даже в одиноком грибнике вражеского лазутчика? Смешно, конечно, но все-таки... Не та ли всеобщая народная заостренность на борьбу и Победу, в буквальном смысле — «от мала до велика» (или от «велика до мала»), эта вот — народная мобилизованность и обрушилась, в конце концов, на московскую брусчатку снопы из частоколов поверженных фашистских штандартов?

Командир части — свежий молодой человек с тремя кубиками в петлицах — увидев меня в дверях дощатого кабинета, удивления не выказал — будто регулярно встречал детей с докладами. А я на его пороге разразился рыданиями, не выдержал — от напряжения чувств, от груза впечатлений, от того, что делом помогаю папе, что бдительный, и, значит, образцовый!

Старший лейтенант успокаивать не вскочил, не бросился гладить по головке, — остался сидеть, где сидел, и только старался понять, какая суть не может прорваться сквозь мои неуправляемые рыдания.

Когда понял, тоже не изменился. Возможно, понял больше того, что говорили слезы и означали мои жесты в сторону леса.

— Проверим, — сказал он серьезно, как взрослому. — Спасибо, молодец. Всякие могут тут шастать. Хорошо, что сразу. Сейчас вышло людей.

Вечером обо всем рассказал маме — теперь уже спокойно, без слез. Одним шпионом стало меньше — можно успокоиться. Мама прижала к себе мою голову, погладила её, и тут я обнаружил, что она почему-то плачет.

...Так что, когда высадились семьей на берега Тобола, определенный багаж прожитого и пережитого у меня все-таки имелся. Кроме перечисленного, можно вспомнить, что к тому времени я уже летал на американском «Дугласе», видел их «Кобры» и наши аэросани, блевал над сибирскими хребтами, умел сушить Люсины пеленки в окне мчащегося вагона, представляя себя парламентарием с белым флагом. Да что там: мне уже не надо было объяснять, что значит «быть заеденным клопами» — в том же грохочущем вагоне или где-нибудь в жилье на пересадках. Здесь был почти безупречный метод борьбы с полчищами — ставить на ночь ножки кровати в банки с водой — устраивать клопам водную преграду. Плавать они не могут. Но на беду неплохо соображают: ночью по стенам выбираются на потолок и сыпаются на тебя сверху.

Много знаний накопило человечество. Шаг за шагом начинал их осваивать. Проигрывая в одном — тем же клопам, скажем, — вполне креативно набирал очки на другом. Повели, скажем, в первый класс — это осень 1942 года, населенный пункт Асино. Школьных тетрадей нет даже как понятия. И что? Вывожу свои кривые палочки с правым наклоном в тетрадках, сшитых из газет. Сам резал и сшивал. Выуживал грамотность между строк.

Там же, в Асино, впервые поучаствовал в борьбе за жизнь ближнего своего. Звучит красиво, а выглядело довольно прозаично. От общего истощения у двухлетней Люси стало ухудшаться здоровье... Жили уже не в сторожке, а в закутке за местной типографией, до маминого парткомовского кабинета было через поляну. Я мчался к ней, она мчалась домой и с осторожной точностью нежными своими пальцами приводила дочку к норме.

«Учись, мой сын, науки сокращают нам опыты быстротекущей жизни...»
Опыты приходят не спросясь. Приходят и остаются, встречаем их безропотно, вспоминаем благодарно. Но порою не в силах постигнуть смысла, таким он бывает таинственным. Ну кто объяснит, почему нас тогда забросило в Асино, если маму зовут Ася? Жизнь заканчивается, а ответа нет...

ПОЭЗИЯ

ЛЕОНИД ЛЕБЕДЕВ

Я птица, летящая в небе

* * *

Зазвенели от холода звезды.
В Южном небе гостят журавли.
Буйных вьюг белоснежные гроздья
На январском стекле расцвели.

Я не верю, что встречи не будет.
Часто ласточек вижу во сне.

Прочь уйдут беспокойные будни,
Вспыхнет радость и в нашем окне.

Дом вином и весельем нальется.
Разговорам не будет конца.
И в мятежную душу ворвется
Одинокая песня отца.

ЛЕБЕДЕВ Леонид Анатольевич родился 26 октября 1951 года в городе Пыж-Завод Кировской области. Учился в Соликамском технологическом техникуме на горно-химическом отделении. После его успешного окончания поступил в Пермский государственный университет на географический факультет. Много ездил по стране, работал учителем географии в Казахстане, строил Атоммаш в Ростове, работал снабженцем в Москве. В 1970 г. приехал покорять Сибирь, жил в г. Ангарске, потом в Иркутске. Стихи начал писать в 14 лет, печатался в журналах «Урал», «Юность», альманахе «Сибирь», авторском издании «Бригада», принимал активное участие в литературных вечерах. Проникновенные, яркие и даже дерзкие стихи о природе, любви, сложной человеческой жизни отражали характер самого автора, открытого, доброго, щедрого человека, жившего для людей, прекрасного семьянина, отца. По-настоящему поэзии этого автора еще предстоит «выйти в свет», многие из стихов автора еще не опубликованы. Скончался поэт 7 ноября 2018 года.

Возвращение

Я вернулся. На стол приготовь, Ставь вино на вишнёвую скатерть, И явись ко мне в праздничном платье, И пластинку поставь про любовь.	В звонкой музыке птичьего пенья Песни юности нашей слышны. Льет сияние лунная люстра От порога до наших сердец. И не слышат воскресшие чувства Холодка обручальных колец.
Сядем рядом. Пусть ветер весенний Нам навевает минувшие сны.	

Предзимнее

Зима близка. Кудрявый тополь вянет.
К порогу солнца птицы держат путь.
Сквозь слезы встреч, сквозь горечь расстояний
Хочу в глаза любимые взглянуть.

Одну тебя, из миллионов многих,
Что верят в безответную любовь,
Я много лет встречаю на дороге
С букетом поздних полевых цветов.

С байкальских гор морозным ветром тянет.
Сухие листья скачут по буграм.
А ты придешь, когда меня не станет,
К седым березам, к снежным облакам.

И я на том, а ты на этом свете,
По обе стороны востока и земли,
Заплачем так, как могут плакать дети,
Что матерей своих не сберегли.

Поле

Привет, васильковое поле! Поклон, золотое жнивье! Вы снова спасительной болью Наполнили сердце мое.	Безудержность первой погони... Бесхитрость первой слезы... Какое высокое небо Вместили в себя те года. А лучше домашнего хлеба Не ел я нигде, никогда.
А сердце — мятежная память. А память — дыханье берез. И цвет непокорных, как пламя, Заветренных маминых кос.	Вкуснее воды родниковой Не пил я в далеких краях. Привет тебе, луг васильковый. Поклон тебе, поле в стогах.
Из детства летящие кони. Широкая поступь грозы.	

Утреннее

Задрожит над горизонтом солнце.
Синий луг туманами вздохнет.
И, как витязь, в раскаленной бронзе,
Замахнется палицей восход.

Отзовутся радостно дубравы
Златозвонной дудочкой ручья.
С нами избалованные травы
Выпустят на волю соловья.

В ярко-снежной ситцевой косынке,
С утренней ромашкою в руке
Напрямик пройдешь ты, без тропинки,
К полноводной вспененной реке.

Я поверю, что на белом свете,
С теплым взглядом русских деревень,
Только свет рождает жизнь и ветер.
Только свет рождает новый день.

Потому, с душой перекликаясь,
Дышат волей небеса и ширь.
И ладонью лунницу¹ лаская
Над березкой светится Чигирь².

Заря-заряница

Ослепительно алою птицей, Многоцветным, в полнеба, крылом Пролетала Заря-Заряница Над моим задремавшим селом.	И затмила небесные свечки, И земные зажгла купола. Над землею былин и поверий Возвестила о начатом дне.
Пролетела над ясною речкой. Осветила озер зеркала.	И одно из пылающих перьев И в моем обронила окне.

* * *

В час погожий и в час непогоды Мил и дорог мне сельский уют. Вкусно пахнут костры в огородах. Ребятишки картошку пекут.	Очень страшно. Не хочется верить, Что не будет полей и садов, Что земля, как большой муравейник, Задохнется в тисках городов.
--	--

¹Лунница — подвески на груди у славянок

²Чигирь — утренняя звезда

Синтетический хлеб и салаты.
Автоматы с живою водой.
Самодельного грома раскаты
Под рожденною в полдень звездой.

Затаив от волнения дыханье,
Вдруг на миг ощутит человек
Шум берез, облаков колыханье,
Запах сена, движение рек...

Уважая обычаи предков,
Гость вздохнет у музейных витрин.
Словно чудная древняя редкость,
Комбайнер улыбнется с картин.

Мне успеть бы по ясной погоде
В городской возвратиться уют.
Вкусно пахнут костры в огороде.
Ребятишки картошку пекут.

О творчестве

Очень больно рождаются строки.
Словно дети в мученьях, в крови.
Ненасытная жажда дороги
Превращается в жажду любви.

Я, как птица, летящая в небе,
В ожидании светлого дня,
Знаю, надо подумать о хлебе,
А стихи — это хлеб для меня.

Размышление

Безумен мир, желающий войны.
Прекрасен мир, наполненный любовью.
Ребенок видит радостные сны...
Во сне ребенок грозно хмурит брови...

Костры земли теплей далеких звезд.
Бездомна жизнь без солнечного света.
Какой злодей над ясным днем занес
Смертельный коготь атомной ракеты?

* * *

Я серьезный поклонник романтики.
Но реальность страшнее, когда
В беспокойное царство Атлантики
Ураганом ворвется беда.

В небесах, над подводными рифами
Кто-то громко на помощь зовет.

Волны черные грозными скифами
Окружили мятущийся бот.

В злом молчанье ракет термоядерных,
В серых снах Нагасакской пыли
Нет романтики радостней свадебных,
Есть реальность кончины земли.

В Галиче

Синим свистом ветров просквозило высокое небо.
И крылатый простор расцветает в зеленом венце.
Сладко пахнут весною у речки воскресшие вербы.
У счастливых старушек и мир, и покой на лице.

Колокольни церковей, как свидетели древних преданий,
Будят звоном сердца, перед звездами клонят кресты.
Машет Русь голубями, а вольные птицы, как память,
Никогда не стареют в глубинах людской доброты.

Вечная надежда

Торопясь к незнакомому берегу
И доверившись козням судьбы,
Я мечтал, что открою Америку
В трех шагах от отцовской избы.

Годы шли... Повседневные хлопоты
Темной лентой ползут по лицу.
Не всегда и легко, и безропотно,
Но я все-таки крест свой несу.

Гордо мыслил себя покорителем,
Сжавши флаг самодельный в руке.
И казались мне райской обителью
Острова на родимой реке.

И не брежу, как в детстве, Америкой,
Но ночами, прижавшись к стеклу,
Острова, не открытые Берингом,
Ясно вижу сквозь Млечную мглу.

* * *

В январе морозы столь суровы,
Души замерзают на лету.
Вологда прощается с Рубцовым,
Тихий Север в траурном цвету.

На холмы болотистого края
Вдруг пришла неожиданная беда.
В трудный час, нам слезы осветляя,
Полевая вспыхнула звезда.

На земле крещенское заснежье.
В небесах тревожные огни.
И светло звучит сквозь снежный скрежет
Голос хриплый: «Русь, себя храни».

И волшебным неземным свеченьем
В полумгле завьюженных дорог
Над землей надежд и потрясений
Скромно светит русский огонек.

Грустное

На дорогах и солнце, и слякоть.
Нет для грусти серьезных причин.
Отчего же мне хочется плакать,
Видя стаи несущихся льдин.

И, ломаясь, торопятся льдины
К безымянной косе на реке.

В овдовелых глазах лебединых
Тает жизнь, как вода на песке.

Горечь правды не сгладить обманом.
Есть черта между светом и тьмой.
Льдины все приплывут к океану.
Люди все не вернуться домой.

* * *

Под родным непридуманным небом,
У истоков всемирных начал
Вдруг закружится Огненный Лебедь
И звезда упадет на причал.

К неоткрытым дымкам Андромеды
Буду плыть, погрузившись в мечты.
И улыбка возлюбленной Леды
Будет путь освещать с высоты.

Над священной землей славянина,
Под космический рокот ветров
Вновь поднимет моя бригантина
Алый Серпень своих парусов.

Я найду свое Млечное море
И свою голубую страну.
И среди звездных долин и нагорий
Во вселенском саду отдохну.

ИННОКЕНТИЙ ЧУЛКИН

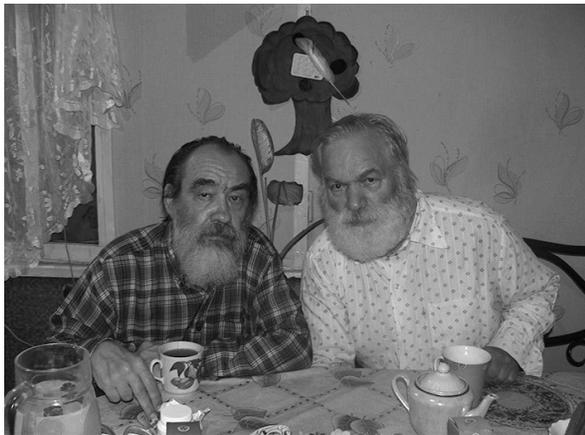
Лёня

Воспоминания о моем друге Лебедеве Леониде Анатольевиче

Познакомил меня с поэтом Леонидом Лебедевым писатель Анатолий Байбородин, мой друг. Оказалось, что Леонид жил в Вятских Полянах Кировской области (Вятской губернии), а родина моих родителей в 100 км оттуда, в деревнях Бураши и Мокрецово, только надо переехать на пароме через реку Вятку. Можно сказать, что Лебедев мой земляк, это нас и сдружило. Леонид гордился, что он вятский, он знал русскую историю. А по истории мы помним, что когда Иван IV ходил на Казань усмирять татар, то вятские полки подсоединялись к войску Ивана Грозного. К Екатерине II вятская знать обращалась с просьбой дать им какие-то права, и она даже определила им автономию. У них был герб — лук со стрелой и ястреб. Я нарисовал Лёне этот герб по его просьбе и подарил.

В Союзе писателей тогда вышла книжка стихов, эдакие бригадные по 5-6 стихов 3-4 автора, тоненькие, маленькие; и Леонид мне такую подарил, но после попросил у меня на время и с концом. Больше я книжку не видел. Может в Союзе писателей хранится в архиве? Больше его не печатали.

Он знал наизусть стихи Пушкина, Лермонтова, Есенина, Рубцова и других. Особенно был пристрастен к стихам Николая Рубцова, и, мне кажется, подражал ему стихийно. Когда он читал свои стихи, то тональность, слог, даже слова Рубцова чувствовались в его стихах. Написал он книжку стихов, но никто не помог издать ее. Сам он по складу своего характера не смог этого сделать. Также и Борис Архипкин не смог бы напечатать свои книжки, если бы не сделал это поэт Василий Козлов.

Справа налево: товарищи Л. Лебедева, художники И. Чулкин и Ф. Ясников.

Я познакомился с ним, кажется, в 80-х, и мы его звали Лёней. В Союзе писателей он считался поэтом со странностями, над которыми иногда посмеивались дружески, но описывать не буду, хотя мне рассказывали один, два случая.

Он ходил в лес по ягоды. Жить тогда было трудно, и поэт продавал ягоды. Я тоже любил лес, так как родился в тайге, и стал с ним ходить в лес. Ходили мы со станций Большой Луг, Трудный, Ягодная, Санаторий, Сосновая, Медвежий, Переезд,

Подкаменная. Сам он без меня ходил и в другие места, часто с ночевкой.

Опишу один случай, когда мы заходили с Андрияновки. Может, это был первый заход мой с ним. Когда мы возвращались из леса к электричке и, не доходя, остановились у ручья. Смотрю, Лёня достает из рюкзака черный костюм, туфли, бритвенный прибор, у ручья тут же намывает кисточкой с холодной водой лицо,

бреется, надевает белую рубашку, черный костюм, галстук, надевает черные туфли, все лесное прячет в рюкзак, я вижу, что он совсем городской человек, будто в лесу и не был. Я совершенно серьезно на это смотрел, боялся его обидеть. Я понял, что когда мы будем ехать в электричке, если он встретит знакомого из писателей, то будет выглядеть вполне прилично. Он этим дорожил, чтобы никто не видел его в неряшливом виде. Но потом, когда он не стал ходить в Союз писателей, он уже так не переодевался.

Познакомились мы, когда ему было за 30, а мне за 40, и жил он с женой Катей в Академгородке в однокомнатной квартире, а я в Юбилейном, и бывал у него. Иногда он продавал ягоды, насыпая в бумажные кулечки, на которых были напечатаны его стихи (у него была машинка), и предлагал почитать.

Расскажу несколько случаев наших походов. Как-то ходили по чернику, куда-то возле Иркутта. Мы уже набрали, как подъехала машина. Дорога была рядом с черникой. Оттуда высыпало человек восемь. Как-то в лесу он стал упрекать меня, что я туда ходил с друзьями. Я говорю: «Да приезжай, посмотри холодильник, никакой черники у меня нет. Да и что ты стережешь, когда машины туда ездят». Я тогда из лесу от обиды хотел уйти домой, но было уже темно, и идти темно, и электрички уже нет. Я успокоился, и мы вместе ночевали. Я, конечно, не должен был принимать это близко к сердцу, так как знал, что на него находят фантазии, и он что угодно может сказать, поэтому при разговоре с ним надо быть осторожным, он цепляется за слова и может почувствовать неприязнь.

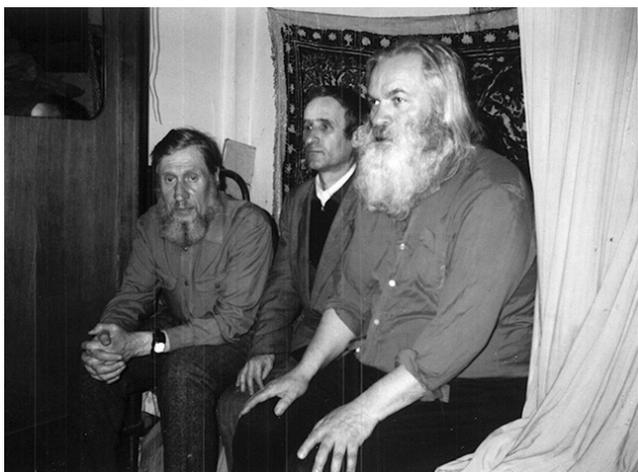
Однажды ходили далеко, за 12 км с ночевкой. Ночью пошел снег. Я обычно в лесу у костра не могу уснуть, боюсь медведей, волков, а он сразу засыпает, причем беззаботно, потому что я слежу за костром. И вот идет легкий снежок, и его сверху засыпало снегом, потом он проснулся, отряхнулся, встал, будто это обычное дело.

На каждой остановке у него, как у белки, что-нибудь да спрятано — или топорик или ножовка, или котелок. Я ягоду собирал руками, а он совком. У костра он очищал ягоду от листьев, и она уже была чиста и готова к продаже. Однажды, наверное, в пятницу мы поехали под ночь и шли до места в темноте, когда встречалась лужа, он поворачивал фонарик ко мне, но я все равно зачерпнул в сапоги. Спрашиваю: «Зачем ночью?». Он сказал: «Чтобы определить тех, городских, которые поедут в субботу, чтобы ягоду собрать раньше».

Раз ходили по чернику, а когда обратно выходили на большую дорогу, он сошел с тропы и вел меня по лесу и рассказывал, что вот тут под скалой водятся змеи, а там в ущелье — медведица с медвежатами. Это для того, чтобы я никого не водил.

Как-то по тропе пришли к шалашу из трех рядов целлофана, пол на два раза устлан старыми фуфайками и матрасами, внутри железная печка, хозяин одноногий здесь живет зимой с маленькой собачкой. Они о чем-то поговорили, и мы пошли дальше.

Однажды его не было из леса уже дня четыре. Я позвонил Кате, его жене, она тоже забеспокоилась и сказала, что у него язва желудка. Я знал, где он может быть, это от электрички полчаса ходьбы. Мы поехали и дошли до места. Там я увидел парня, он рассказал, что Лёня ушел по ягоды и вернется через час. И действительно, он вышел и упал под куст. Я подошел, он сказал, что у него боль. Отдохнул, у него была ягода в ведре, и мы втроем поехали домой. Потом Катя рассказала, что дома опять его схватило, она отвезла его в больницу, там хотели делать операцию, но он так был немощен, что они решили с неделю его покормить. Когда снова проверили, оказалось, что язва зажила, что у него было на нервной почве, сказали врачи.

Друзья. Второй слева Л. Лебедев, третий слева И. Чулкин.

Когда ходил с ним в лес, он шел впереди метров на 50 и сам с собою что-то говорил. Я шел как-то с его другом, он называл его полковником. Я спросил его, что Леня говорит, тот ответил: «Пусть, не надо ему мешать». Я всегда нормально с ним разговаривал, но, когда случилась пауза, он был не занят моим разговором, на него находила фантазия, и он кого-то ругал, я помню, что не нравились ему черные глаза,

иногда вспоминал Христа, что-нибудь из истории Руси и вятских людей. Иногда я ночевал у него. Если это было перед субботой, когда приезжали Катя и Коля, его сын, он мыл полы, готовился, чтобы чисто было. Я забыл сказать, что ночевал я в его даче на Подкаменной, которую приобрела Катя лет 15–20 назад.

Когда в 2002 году со мной случился приступ грыжи диска, мне сделали операцию, и правая голень была частично парализована, я стал ходить с костылем, но в лес ходил до 3 км и собирал ягоду возле тропы и возвращался к электричке к вечеру. С Лёней я уже не ходил, чтобы не задерживать его, хотя раза три и в таком состоянии я с ним ходил за три км, и он даже нашел белые грибы и дал мне несколько, и я нашел два гриба.

Последнее время я ходил на Подкаменную, где была их дача, по возвращении я заходил к нему до электрички на полчаса и, если он был дома, то угощал меня чаем во дворе, там был столик и скамейка. Однажды я написал этюд с видом на его дачу и пририсовал его с собачкой. Собаку звал он Витязем, и она была красивая, белая, крупная, с черными пятнами. Потом у него была другая — черная собачка, а с Витязем не помню, что случилось. Он бывал у меня дома, когда еще жива была моя мама, до 1993 года, а потом заходил как-то раз по срочному какому-то делу. К моей сестре Вале он относился лучше, чем ко мне, и всегда рад был ее видеть.

Он боялся оставить дачу даже на сутки, из-за хулиганов, которые могли залезть и обворовать, хотя была и собака. А может, просто ему не нужен был город. Сына Колю после рождения я не видел долгое время, не ходил на их квартиру, и как-то незаметно Коля вырос; видел его иногда на даче, уже подростком, а потом юношей лет двадцати. Потом Катя купила ему машину, и он уже ездил на машине с Катей. На машине они с Лёней совершали поездки на Байкал и в другие места, где отдыхали. Затем Коля окончил институт и стал работать.

Однажды они пригласили меня весной на какой-то праздник, и мы сидели в лесу за потайным столиком недалеко от дачи. Последнее время у Лёни на даче завелись котята, жили на крыше возле печки. Лёня их считал обузой и ворчал, что они ему надоели, потом он кому-то их раздал.

У Кати была родня, и однажды на даче мы отмечали день рождения, и меня познакомили, а также иногда бывал Александр, который учил Николая вождению и знаниям машины, с Лёней они подружились, и он иногда, как и я, бывал у него.

Как-то Лёня мне сказал, что я могу приезжать к нему со своими друзьями. Я даже удивился. Я как-то приезжал со своим другом, но познакомиться ему с хозяином не довелось — Лёня был в лесу.

Однажды недалеко от его дачи был пожар, и Лёне удалось потушить огонь, и он спас свою дачу и другие дачи.

У него была способность, как у человека, связанного с лесом, а также с людьми, которые там бывают, понимать обстановку и людей. Однажды мы выходили к электричке, а тогда осенью надо было переводить стрелку на час, то вперед, то другой раз — назад. И мы не знали, то ли торопиться, то ли не спешить. И встречаются нам два парня выпившие и просят котелок, вскипятить чай. Лёня достаёт чайник, наливает рядом из болота воды, делает костерок, и через 15 минут чай готов. В это время он взял их ружьё, посмотрел, что оно заряжено, закрыл и положил обратно, хотя парни предлагали ему стрельнуть, но он не стал. Они попили чаю, это около часу прошло или полчаса, в это время он о чем-то с ними разговаривал, я не вмешивался. Я стал шептать Лёне, что нам надо идти, иначе мы не успеем. Наконец Лёня положил чайник в рюкзак, и мы пошли через болото и вышли на дорогу. Надо было быстро идти, чуть не бежать, так как мы не знали, в какую сторону стрелку перевести. На болоте я стал громко сердать на Лёню, зачем с ними связался: «Сказал бы, что нет чайника». В это время раздался выстрел. Похоже, парни услышали мою брань — на болоте, где нет леса, хорошо слышно, — и ответили. Мы скорей пошли, шли быстро около часа. Оказалось, что нам не надо было торопиться, стрелка должна быть на час назад.

Он хорошо играл в шахматы, будто разрядник. По молодости я играл с ним раза 2–3, и он обыгрывал. Он настолько хорошо играл, что по компьютеру сразился с Каспаровым. Я компьютера не имею, и удивился его способностям.

Было время в 90-х, когда трудно было жить. Даже карточки давали на продукты. Он был без работы, и я устроил его в одно место, недалеко от Юбилейного, где в мастерской мой знакомый художник делал с бригадой кувшины для продажи. Я договорился и привел Лёню. Он стал делать эти кувшины до 80 см высоты и 60 см в диаметре. Их мастерили на гончарном круге, обжигали, и Лёня справлялся. Но через месяц ушел, я даже не помню, заплатили ему или нет.

Еще он ходил без меня за клюквой, я хотел с ним сходить, но так и не пришлось. Возле его дачи росло много моховиков, народ их не собирал, хотя они и съедобны, а Лёня кормил ими собаку.

Однажды он заснул на вокзале, и воры украли у него рюкзак, а там был паспорт. Он приехал ко мне и попросил меня, чтобы я составил ему компанию. Я понял так, что он должен был встретиться с ворами и поговорить о паспорте. Мы поехали на вокзал, и он зашел в милицию. Милиция отдала ему паспорт. Оказывается, он рассказал милиционерам, и они разыскали воров.

Однажды на даче на моем участке я спиливал сосну неправильно, и она упала на крышу домика соседа и повредила одну сторону крыши. Я позвал Лёню с собой. Думал, сосед, парень, будет меня ругать, и Лёня будет для меня как защита. И точно, парень стал ругаться, я защищался, а Лёня вдруг стал размахивать топориком, и сосед исчез. У соседа был новый рубероид, и Лёня помог мне покрыть крышу — он был молодой, а уже старый по крышам лазить. Он залез, я подавал ему листы, и мы за час покрыли, и конечно, я его благодарил.

Он дал мне на хранение пачку стихов, около ста, я ему напомнил года два назад, он сказал: «Пусть будут у тебя пока». Я сейчас, после смерти Лёни, стихи

перечитал и понял, что они исходят из души, искренно любящей русскую природу, русского человека. Народ наш талантливый, и многие остаются в забвении.

В год смерти Лёни меня одолевали болезни, и я ходил в поликлинику, и к нему некогда было захватить, но он мне часто звонил, спрашивая о здоровье. Последний раз позвонил в середине октября, говорил немного, а у меня слух плохой, и я не понял, о чем речь, а он видимо говорил, что заболел, как я после узнал от Кати. Катя положила его в больницу, и он лечился там полмесяца, и...

Третью жизнь в Иркутске я провел в общении с Лёней, в поездках в лес по ягоды. Увидел много красивых мест. Ходили со станций по железной дороге, которая идет к Слюдянке и дальше в Бурятию. После я ездил в тайгу со своими друзьями, вспоминал тропы, где ходили с Лёней. Тропы отличаются друг от друга, как люди. У каждой тропы свои прелести, и каждое лето они зовут к себе. И мы, русские сибиряки, любим тайгу, и я в тайге встречался с людьми, которые потом становились моими добрыми знакомцами. Однажды я заблудился и уже думал ночевать, как услышал женские голоса; я вышел к женщинам, и они показали мне тропу. После я встречался с ними, уже как с друзьями. Так что лес сдружил нас с Лёней еще больше, и за это я ему благодарен.

Дача Лёни стоит на Подкаменной у самого леса, а перед домом — большая поляна. Если мне даст Бог здоровья, я загляну на Подкаменную, пройду по тропе до ручья, а может быть, и дальше, зачерпну ладонями прохладной водицы, пособираю возле тропы ягоды и грибы, если кто оставил для меня, затем посижу на старой сухой валёжке, давно мне знакомой, повспоминаю былое, поздороваюсь с проходящими по ягоды, на обратном пути, устав, посижу на большом теплом камне, который тоже меня помнит, зайду к домику Лёни, и если там Катя или Коля, или оба вместе, то они позовут меня на чай. Посижу у них, повспоминаем, и пойду я, простясь, на электричку, что унесет меня мимо сибирских лесов и ручьев в родной город Иркутск, где жил поэт Леонид Лебедев.

Публикацию подготовила Алёна Байбородина

НАДЕЖДА КАЛИНИЧЕНКО

Клад

РАССКАЗ

У дома Малявиных собирался народ. Не то чтобы народ, но мужики, в общем. Бабам-то некогда по сходкам ходить — время к вечеру, кому щи варить, кому козу доить. Да и не женское это дело — клад искать. А Иван Терентьич Малявин, хозяин, стало быть, именно этим сегодня целый день и занимался. Вчера ещё приехал он из города, где два дня сидел в архивах, и с порога заявил жене:

— Нюрка! Скоро разбогатеет с тобой, вот только клад найду.

Нюрка (по паспорту Анна Гермагеновна) молча покрутила пальцем у виска и бухнула на стол чугунную сковородку с жарёхой: пока её непутёвый муженёк ерундой занимался, она с утра за грибами сходила, целый горбовик домой принесла, перебрала да перемыла каждый грибочек, что засолила, а что зажарила с картошкой да лучком на ужин. Терентьич наелся и лёг спать, наказав жене разбудить его засветло.

Утром Нюрка и не подумала будить мужа, а занялась привычными своими делами: на сегодня у неё была запланирована прополка грядок с огородной мелочью. Терентьич, проснувшийся ближе к обеду, выскочил на крыльцо в одних подштанниках и заголосил:

КАЛИНИЧЕНКО Надежда Николаевна родилась в г. Усть-Куте. Окончила Областное училище культуры (г. Иркутск), затем библиотечный факультет Академии культуры и искусств (г. Улан-Удэ). Более 20 лет работает в Усть-Кутской межпоселенческой библиотеке, на сегодняшний день в должности главного библиографа. Стихи и проза публиковались в журналах «Сибирь», «Первоцвет», «Белая радуга», «Северо-Муйские огни». Автор двух поэтических сборников. Живет в Усть-Куте.

— Просил же разбудить, едрит твою налево! Ох, непутёвая ты дженщина, Нюрка! И как с такой бестолочью всю-то жизнь живу!

Анна Гермагеновна разогнула уставшую спину, уткнула кулаки в бока и громко «приласкала» мужа в ответ:

— Ай, от бестолочи слышу! Бога-а-ач тоже мне нашёлся! Кла-а-ад он, видите ли найдёт! Пенсию завтрава принесут — вот и клад тебе! Иди вон, суп грей!

Торопливо поедая наваристые щи с тушёнкой, Терентьич вразумлял супругу:

— Ты, Нюрка, подумай, подумай своими мозгами куриными, рази ж бумаги старинные врать будут? Точно тебе говорю, зарыл Волокитин деньги во дворе где-то! Я в архивах его письмо нашёл, он батраку своему, Терентию, батьке моему, стал быть, написал, что под деревом искать надоть.

— Под каким деревом-то? Ни одного у нас нету.

— Так сёдня нету, а тогда было!

— Ну а где было-то? Чё теперь, весь двор перекапывать?!

— А чё, если надо, и весь перекопаю! — Терентьич гордо выкатил тощую грудь.

— Да лучше б ты забор поправил, не то свалится скоро, людя́м на смех!

— Какой забор, Нюрка, я ж тебе о богатстве толкую, о зо-ло-те!

Анна Гермагеновна горестно махнула рукой и, схватив хозяйственную сумку, ушла из дома, громко хлопнув дверью: в сельпо привезли сахар, нужно было отовариться, а то без варенья останутся на зиму.

Терентьич вышел во двор и огляделся. Его всё же терзали смутные опасения — двор не маленький, а в документах, которые он в городском архиве нашёл, был только один ориентир — дерево. Всю жизнь он прожил в этом доме, всё детство провёл на этом дворе — не было здесь никогда деревьев. Одно не вызывало сомнений, что дом этот когда-то принадлежал раскулаченному после революции зажиточному крестьянину Егорке Волокитину, на которого Терентий Малявин с юных лет батрачил. Егорка от революции сбежал, а Малявиным Советская власть от щедрот душевных отдала половину дома, поселив во вторую половину нищего Заныку, сделавшегося вдруг важной птицей — коммунистом.

Маленький Ванька Малявин, сидя во время праздников под столом, часто слышал разговоры мужиков, разгорячённых отменным первачом, о том, что де Волокитин бежал впопыхах и не мог богатство своё увезти, что закопал он его, непременно закопал где-то поблизости! На что отец всегда отвечал: «Ну где, где? Во дворе? Так вон, гляньте, в огородах всё, пахано-перепахано! Нету тут никакого золота». А Ванька, даже уже став Иваном Терентьевичем, а затем и просто Терентьичем, всё мечтал найти легендарный, маловероятный, но такой желанный клад.

Терентьич тряхнул головой и отправился в сарай за лопатой. Решив идти, так сказать, напролом, он поплевал на руки и начал копать от угла забора — упрямства ему было не занимать, он действительно был готов перекопать весь двор, чтобы уж либо найти, о чём грезил ночами, либо убедиться в правоте жены и разочароваться в своей мечте. Глубину поисков он давно определил: будет рыть на свой рост — а росту ему отмерено метр восемьдесят два — глубже вряд ли кто-то клад закопает.

Терентьич ушёл в землю уже по пояс, когда вдруг услышал:

— Бог в помощь, что ль...

Над ним возвышался попыхивающий папироской Захарка Лепин. Терентьич кивнул и продолжил работать.

— Решился, значит... — Захарка задумчиво наблюдал за вылетающими из ямы кусками земли. — Может, помочь?

Теретьич круто замотал головой, сам, мол. О его мечте знали давно все в округе. Ну, мужики у них в посёлке понимающие, если товарищ помощи не просит или от помощи отказывается, значит, так тому и быть — негоже в душу к человеку лезть, дело значит такое, личное.

Но вот наблюдать в такой ситуации не возбраняется, поэтому Лепин присел на перевёрнутое ведро и задумчиво задымил папиросой. Вскоре к нему присоседился Макар Мазутный, затем явился егозистый Прошка с дальнего конца посёлка, а там уж подтянулись и Виталий Степанович, бухгалтер в отпуске, и молодой, всё время безработный Колян, и Степан Меркулов, и тракторист Василий из дома напротив... В общем, когда Анна Гермагеновна притащила домой десять кг сахара (по пять в каждой руке), её двор кишмя кишел мужиками в трениках, майках и кирзачах — как-никак была суббота, все, так сказать, по-домашнему оделись.

Теретьич устало сидел на краю ямы, отдыхал. Это был только первый шаг, всего одна такая небольшая, но глубокая (метр восемьдесят два примерно) яма, а сколько их ещё придётся выкопать?! В этой клада не было.

Когда Теретьич вылез, ему заботливо поднесли уже подкурленную папироску, которую он принял с благодарностью дрожащими руками. Несколько затяжек сделал при полном молчании. Тишину нарушил Захарка:

— Слышь, Иван, покумекать надо, чего ж так надрываться-то...

— Чё кумекать? — переспросил туповатый Прошка.

— Поразмыслить, где лучше копать.

— И то, — подхватил Колян и загыгыкал, — а то помрёшь, Теретьич, от перенапряга!

— Типун тебе на язык! — воскликнул суеверный бухгалтер, а Захарка спросил:

— Чё ты там про оринтиры говорил?

— Да чё оринтиры, — пыхнул дымом в небо Теретьич, — под деревом, грит, закопал.

Мужики сочувственно закивали головами — где ж взять дерево это. Василий вдруг пихнул Теретьича в плечо, да так, что тот чуть в яму не слетел:

— А у деда Пальто спрашивали? Ему ж лет под сто, должён помнить.

Что тут началось! Все разом заговорили, загомонили! И как они сразу об этом не подумали?! Ай да Васька, ай да... тракторист! Чего молчал-то, раньше бы сказал! Васька зарделся, сам смущённый своей догадливостью, Теретьич смотрел на всех повеселевшим взглядом, а Виталий Степанович уже гнал со двора Коляна, наказывая ему быть повежливей с дедом Пальто и аккуратненько уговорить его прийти на двор к Малявиным.

Самый старый житель посёлка — дед Пальто — с рождения звался Михайловым Михаилом Михайловичем, а прозвище своё он получил лет тридцать назад, когда приобрёл по дешёвке у заезжего городского синее пальто с блестящими пуговицами. Пальто это дед с тех пор носит круглый год: зимой застёгивая на все (до сих пор сохранившиеся!) пуговицы, весной и осенью — молодецкато распахнув на груди, а летом — внакидку. Несмотря на многие годы — через пару лет столетие намечается — дед Пальто удивлял всех живостью и харизмой: ходил без палки, хоть и согнувшись в три погибели, был в курсе всех поселковых событий, любил давать советы и отличался прекрасной памятью. Однажды вспомнил, как Стёпка Меркулов, будучи пацанёнком, наложил в штаны, когда на него со двора

Иваньковых гусь выскочил. Степан тогда деда чуть не прибил, мужики отстояли, да сами потом долго подсмеивались над Меркуловым, пока он паре-тройке дружков по шее не наkostenял.

Дед Пальто явился скоро — Колян по пути к себе домой заскочил, велосипед взял и доставил деда с ветерком. Дед в распахнутом, бывшем когда-то синим, пальто прошествовал во двор, остановился на тротуаре и, прищурив глаза, взглянул на честное собрание:

— Ну?

Захар Лепин, как самый уважаемый дедом соотечественник (дед любил рассудительных и хозяйственных мужиков), выступил вперёд и спросил:

— Слушай, дед, а когда в этом доме ещё Волокитины жили, тебе сколь годков было?

— Не помню, — дед по-прежнему шурился хитровато.

— А ты бывал тогда во дворе здесь?

— Ну, бывал, а чего надоть-то?

— А здесь деревья какие были?

— Было. Одно. Большое такое. Спилили потом, а пень выкорчевали, твой батяка, Вась, трахтуром и тянул.

— Где? Стояло где? Покажь, дед! — раздались нетерпеливые, возбуждённые возгласы. Сквозь толпу мужиков протиснулся Терентьич и встал перед дедом с лопатой в руке и грозным видом. Возгласы утихли, а дед Пальто скукожился — струхнул, видать. Но Терентьич о злом не помышлял, заговорил просительно:

— Дед, а дед, где дерево стояло? С меня магарыч, если вспомнишь! Чесслово, даже если клад не найду, магарыч поставлю!

Дед Пальто окинул всех многозначительным взглядом, подбоченился и пошёл по двору вразвалку. Иногда он останавливался, взглядывал в определённое место сквозь калачиком согнутые пальцы, отрицательно качал головой и шёл дальше — сначала вдоль, потом поперёк, потом слева направо и обратно. После довольно долгого променада дед Пальто остановился и нахмурился — такое несурзное забытьё с ним случилось впервые! Его даже зло разобрало от такой несправедливости, он скинул с головы кепку, словно она мешала ему вспомнить, где же стояло то злополучное дерево. Мужики зашептались, а у Терентьича, ни с того ни с сего, глаз задёргался.

Вдруг дед Пальто взбрыкнул, отпнул многострадальную кепку и ринулся в другой конец двора, чуть не сбив с ног Анну Гермагеновну, направляющуюся в огород. Мужики во главе с Терентичем — за ним.

— Ёколо-мóколо! — возопил дед Пальто, выражая таким образом вселенскую радость. — Чё ж не там ищут-то! Я ж, это самое, малявка был совсем, кто ж меня во двор-то к богачам пустит за просто так, а мы-то, мелюзга, через лаз с поля пробирались и из-за угла подглядывали! А на дереве же качеля расписная висела, на ней волокитинские качались, а нам завидно было, аж до скорби!

Тут дед Пальто остановился, повернулся к мужикам, что гуськом за ним шли, и прикрикнул повелительно:

— Цыть! Здесь стойте! — И пошёл в разведку.

Дед Пальто зашёл за угол дома и тут же высунул оттуда хитрую морду свою, огляделся внимательно из-под руки и вдруг закричал дребезжащим тенором:

— Там вона оно было, точно сказываю, там!

Дед Пальто бежал вслед за своим вытянутым вдаль пальцем, костлявым, с

крупным, прокуренным до черноты ногтем. Столпившиеся мужики во главе с Терентьичем заворожено смотрели туда, куда указывал этот перст — на широкий, обтянутый ситцем в коричневый крупный горох, зад Анны Гермагеновны, склонившейся над морквяной грядкой. Анна Гермагеновна, почуяв неладное, обернулась, увидела деда, с перекошенным лицом бегущего в её сторону, взвизгнула и бросилась от него прочь. Дед Пальто же, добежав до грядки, ткнул пальцем в самую её середину, и проговорил вдохновенно:

— Туточки рой!

Мужики заголосили, кто-то для проформы переспросил деда: «Тут что ли?», кто-то уже подталкивал Терентича и всовывал в его руки лопату. Терентьич замешкался на секундочек несколько, подумал было спровадить зрителей, да понял — не получится, и с размаху воткнул широкое лезвие лопаты прямо в густую поросль разросшейся морквы.

Анна Гермагеновна добежала до крыльца, с перепугу без проблем одолела три крутых ступеньки, распахнула дверь и оглянулась перед тем, как спрятаться в доме. Её взору предстала страшная в своей реальности картина: стадо мужиков топталось по её грядкам, вспахивая их тяжёлыми, ещё отцами железом подбитыми, подошвами кирзачей.

— Иррродыбы! — вскричала Анна Гермагеновна. — Чё ж вы делаете-тааа!

Она уж было собралась разогнать их коромыслом, и даже спустилась на одну ступеньку, да мужики вдруг повернулись в её сторону, все как один насупились и замерли плотной стеночкой. Гермагеновна поняла, что эту броню ей не пробить, поэтому, причитая и охая, осталась на крыльце. А за спинами мужиков Терентьич рьяно махал лопатой.

Когда урожай морквы был загублен окончательно и бесповоротно, а из выкопанной ямы виднелась только блестевшая потом лысина Терентьича, в тишине, наполненной ожиданием и прерываемой еле слышными всхлипами с крыльца, раздался звук удачи — под лопатой звякнуло что-то железное, и звук этот эхом отозвался в головах всех собравшихся. Терентьич, дыша хрипло, с подвыванием, опустил на колени и принялся разгребать руками влажную, рыхлую землю. Вскоре его дрожащие руки уже счищали налипшую за десятилетия грязь с крышки небольшого сундучка, изукрашенного коваными узорами. Терентьич поднял сундучок и с натужным выдохом: «Йех!» выставил его на край ямы. Мужики как-то разом отступили на два шага, а потом и вовсе отошли подальше, скучковавшись у забора. Кладоискатель вылез из ямы и присел на корточки рядом со своей находкой. Замка на сундучке не было, но петли, конечно, заржавели, поэтому Терентичу пришлось напрячься, чтобы открыть крышку. Сундучок открылся со скрипом. В лучах заходящего солнца тускло, но так благородно блестели крупные золотые монеты с царским профилем на аверсе.

На крыльце, раскрыв рот и схватившись за грудь, под которой в волнении билось сердце, стояла бледная Анна Гермагеновна, а на развороченной грядке сидел Терентьич, размазывал по чумазому лицу счастливые слёзы и бормотал:

— Нашёл! Братцы мои разлюбезные! Нашёл!

ПОЭЗИЯ

ЕВГЕНИЙ ЮШИН

Какой потерей полнится душа

* * *

Как прежде ровен статных сосен шум.
Года — прошли, скорее — пролетели.
Я в дом вхожу, как будто в старый трюм —
Давно корабль уплыл от колыбели.

Но свет избы, желанный и родной,
И пятна солнца на полу дощатом
Все эти годы прожили со мной
И в трудную минуту были рядом.

ЮШИН Евгений Юрьевич родился в 1955 году в городе Озёры Московской области. Школу и пединститут (историко-филологический факультет) окончил в Улан-Удэ. Служил в Армии. С 1978 года работал редактором в Центральном Доме культуры железнодорожников г. Москвы. Здесь же несколько лет руководил литературным объединением «Магистраль». В 1986 году перешел на работу в журнал «Молодая гвардия», которым руководил с 2000 по 2014 год. Автор двенадцати поэтических книг. Лауреат ряда литературных премий, в том числе премии имени Александра Невского «России верные сыны», Большой литературной премии России. Его стихи неоднократно звучали по радио и телевидению, переведены на болгарский, сербский, азербайджанский, немецкий и французский языки. Член Союза писателей России. Живёт в Москве.

Какой потерей полнится душа!
Как будто я стою на пепелище,
И вот душа всё что-то ищет, ищет.
На месте всё — и нету ни шиша.

Вздыхнут сиротски форточка и дверь,
И по-сиротски скрипнет половица.
Они теперь до смерти будут сниться
Средь горьких неминуемых потерь.

Кровать, сундук и вековая пыль.
Не возвращайтесь в детские просторы!
Пусть давние леса твои и горы
Живут в тебе, как прожитая быль.

Но как влечёт в родимые места!
Как хочется из мира нажитого
Попасть туда, где у крыльца родного —
Отец и мать, и жизнь твоя — чиста.

Станция Слюдянка

Курила конопатая пацанка На прибайкальской станции Слюдянка. А он, Байкал, дымился, голубел. Тащили бабки теплую картошку, Редиску, лук — мы брали понемножку, И рыжий парень под гитару пел.	А впереди нас ожидала стройка, Речушка Нюкжа и в общаге койка, Танцульки в клубе и зелёный шум. И гордость очарованных скитальцев — На рельсах отпечатки наших пальцев, И всё вокруг — движение наших дум.
--	---

Он пел о глине, сопках и о БАМе. Гудели расфуфыренные бабы, И сосны в небо двигали стволы. Кого-то зацепили, обругали. Кедровые орехи предлагали И свежий омулёк из-под полы.	И было столько солнечного рая, Что не манила нас судьба иная. И мысль о доме не слезила глаз. Светил Байкал. Мы ехали к Амуру. С девчонками крутили шуры-муры, И, как хмельных, покачивало нас.
--	--

* * *

Вздрыгнет берёзы осенняя люстра И полетят медяки на траву. Белые грузди, черные грузди Неторопливо под елями рву.	То пожурит меня дождиком синим, То приголубит певучей волной, Выйдет лучами над полем озимым, Светом незримым взойдёт надо мной.
--	---

Белые грузди. Черные грузди. Что ж это грусти — через края? Где-то высоко небесною Русью Мамочка, мама проходит моя.	Плавно река устремляется к устью, И уплывают дрёмой веков Белые грузди, черные грузди Грустных, осенних, сырых облаков.
---	--

Железный ветер

Родной деревни нет уже на свете.
Заборов перекошенных горбы.
В пустых сенях гуляет сильный ветер
И выметает время из избы.

В морщинах брёвен — пыль иного века.
Какие здесь гремели облака!
С войны вернувшись, гармонист-калека
Одной рукой растягивал меха.

И пел ведь, пел. И радости-печали
Любой избе хватало на судьбу:
И люльки, словно лодочки, качали,
И провожали ближнего в гробу.

И бабушка, и мама — молодые.
И песни — не удержит соловей.
Какие здесь черемухи льняные!
Какие искры на глазах коней!

Мы жили не богато, не убого.
И та, что улыбнулась мне тогда,
Так пристально смотрела на дорогу,
Которой уходил я навсегда.

И все ушли... Кто в города, кто в землю.
Нашли себе загаданный приют.
Все понимаю, но не все приемлю,
И страшно, что меня не узнают

Лужок гусиный около обрыва,
От тишины присевшие сады,
Калина и горячая крапива
У проходящей медленно воды.

Прости-прощай!
Мне страшно в новом мире,
Где по-иному смотрят и поют.
И ветер все железнее и шире,
И все прохладней избранный приют.

Годовые кольца

Я колю дрова — не поддаются.
Жила к жиле — скрученная прядь.
Вот присяду малость раздохнуться,
Годовые кольца посчитать.

Круг — потоньше, а другой — потолще,
А в ином — дожди и холода.
Это значит, у деревьев тоже
Разные сбываются года.

На ветру просушатся поленья,
Наберут последний солнца свет.
Вот и я стал крайним поколеньем:
Ни отца, ни мамы больше нет.

С думами о всех своих утратах
Брошу в печь полено, вздёрну бровь.

Ярко полетит огонь крылатый,
Запоёт про первую любовь.

И ему невольно подпевая,
Загрущу о юности всерьёз.
Изумрудным, захоластным маем
Бьются в небо родники берёз.

И гудят поленья, тянут выи.
Огонёк играет гребешком.
Догорают кольца годовые
Петушиным трепетным пушком.

Гляну в угол. Строгие иконы
Безотрывно смотрят на меня.
И поёт огонь, гудит и стонет,
Как гудит и стонет кровь моя.

* * *

Вишни падают. Вся земля под деревьями — сыпью.
Подобрав гребешок, как заплата цветная, петух
Боком, боком, вприсядку по грядкам шаги свои сыплет.
И угрюмой индюшкой уткнулся в корыто лопух.

Я люблю это время молочное в сахарных осах.
Тонкий ломтик луны у горбатов под сеном телег.
И все смотрит куда-то сквозь поле и небо берёза.
Что-то знает душа, но не может понять человек.

* * *

Оглянешься — полжизни пройдено,
Но светят детства маяки:
Тысячеглазая смородина
И ежевика у реки.

Я не похож на неудачника,
Хоть не нажил золотых камней.
Мне гладит щёку мать-и-мачеха
Ладонью нежною своей.

И я люблю вас, подорожники,
И вас, холмы, и синий пруд.

Мне только страшно, что безбожники
И вас, как души, продадут.

И продают! Земля распорота.
Но не купить небесный свет.
Как не гребь деньгу и золото,
А у гробов карманов нет.

И за туманами, за деревцем
Густеет солнце над рекой:
То золотой икринкой светится,
То плещет рыбкой золотой.

Полустанок

Обочина стремительного мира.
Промчался поезд — и угасла даль.
В известке станционного сортира
Навеки замурована печаль.

Коза у покосившейся ограды,
И пыльный свет нестройных тополей.

И здесь живут, и здесь чему-то рады,
И здесь хватает муки и страстей.

Все на виду: из бани струйка дыма,
Девчушка на качелях. Чья-то песнь.
Промчался поезд — мимо, мимо, мимо.
Никто его и не заметил здесь.

На Покров

Бор певучий, бор колючий,
Снега раннего посол.
Но светло в ночи дремучей
От мерцанья дальних сёл.

Ветер голосом утробным
Дышит в трубы. Снега свист.
Разворачивает рёбра
У гармошки гармонист.

«Покрова! — поёт хрипато, —
Выйди, милка, обними!
Мы и пряником богаты,
И богатые плетями.

Как глаза твои голубы!
У меня душа — в разбой.
Постели медвежью шубу
Полюбится нам с тобой!

Пьёт просторы ветер дикий.
Осветила сердце Русь!
Я умоюсь земляникой,
А метелью оботрусь.

Мне по сердцу наша местность
В золочёном блеске зим.
По дороге скачет месяц —
Волки гонятся за ним.

От полей простором веет,
Дышат снедью погребя.
У меня, что крест на шее, —
Деревянная изба».

Гармонист о кнопки точит
Пальцы грубые: — А-ха! —
И гармонь горит, клокочет —
Задышаются меха.

* * *

Скучаю по зимней деревне,
Где скрипом ложатся следы,
И где молодые деревья,
Как старые, так же седы.

Оглянешься — лето по кружке
Стучит дождевою водой.
И тлеет березовой стружкой
Над лугом туман молодой.

Мне слышится скрипка метели
И голос печного огня.
Мне так города надоели,
Что в городе нету меня.

Зачем же за скриплою дверью
Все кличет меня соловей?
Зачем же так радостно верю
Мечтаниям жизни своей?

И радостно сердцу услышать
В пору воробьиных утех,
Как в холод вонзаются лыжи
И падает тетерев в снег.

Все призрачно: слава, удача.
Неведом начертанный путь.
А вьюга, как женщина, плачет
И песней ложится на грудь.

* * *

Это снег идёт, это снег идёт, это снег идёт, это снег...
На берёзах мех, на осинах мех, и по всей Руси — белый мех.

И луна идёт, и лиса идёт, обе рыжие на снегу.
В полынье густой дышит озеро. Рыбу тихую стерегу.

И шипят снега над костром моим, и шипят меха на ветру.
И уха кипит, и слеза кипит, небеса кипят на юру.

И товарищ мне льёт огня в стакан, шуба пьяная — нараспах.
И лежат на льду шуки чёрные, замороженные в снегах.

И простор я пью, и огонь я пью, и метель я пью — пронеси! —
И гудит слеза: то ли дым в глаза, то ли снег идёт по Руси.

* * *

Облиты озёра морозом,
Но слышал вчера от грачей,
Что скоро уже по берёзам
Прокатится первый ручей.

Надломит угрюмые реки,
Плеснёт на уголья зари.
Взбивая постельные снега,
Глухарок зовут глухари.

Молись! Это время святое:
Призывные трубы лосей,
Омытые талой водою
Латунные латы язей.

Я видел: в дымке перелесиц,
Проталины чуя в полях,
Под вечер спускается месяц
И ладит гнездо в тополях.

* * *

Уткнёшься в дорожную карту,
И юность в душе запоёт.
Усядешься в гулком плацкартном,
Где ближе и гуще народ.

Вокзал покачнётся немножко,
Поедет в дымок голубой,
И только луна за окошком
Останется рядом с тобой.

Чайку принесёт проводница,
Соседи в движение придут,
И яства Российских провинций
Тотчас на столы подадут.

Закусишь нарезкой солений,
Свои не запрядешь харчи.
Галактики дальних селений
Прокатят и канут в ночи.

В колёсах ритмично и сухо
Стальной прозвенит соловей.
И потный мужик с боковухи
Нальёт тебе мутной своей.

Вот он-то тебе и расскажет,
Улыбку свернув набекрень,
Двадцатого века пропажи
И холод пустых деревень.

Забудешь угарность столицы,
Зальёшь разговоры вином.

И всё будет длиться и длиться
Таинственный лес за окном.

Узнаешь от женщины в шали,
Что сын её сел за ларёк.
В глазах её — слёзные дали
Расквашенных наших дорог.

Плацкартный вагон не заманит
Чиновника и торгаша,
А значит, никто не обманет
И может раскрыться душа.

Девчушка гадает на картах.
Монашка глядит на Христа.
...Когда-то не будет плацкартных,
Но жаль, что не будет родства.

Печаль никому ты не выдашь.
И завтрашним утром уже
На станции Дивово выйдешь.
И вправду ведь — дивно душе!

И Ханты-Мансийская вахта,
Рыбацкий баркас голубой,
Столовка Чулымского тракта —
Останутся рядом с тобой.

На всё ты помотришь влюблённо.
А как же — родная страна!
Солдатик с невестой — под клёном,
И древний старик — у окна.

Рюкзак

Лет двадцать ещё поцарапать планету
Примятым литым каблуком,
А там уж отправиться к горнему свету
С потёртым своим рюкзаком.

В нём сложены зори, и песни, и радость,
Любовь и потери мои,
И всё, что по яростной жизни досталось:
Бураны, простор, соловьи.

Но в нём и грехи. Тяжела моя ноша...
За то ли, что в детстве грачонка я спас,
Мне светит в пути родниковая роца
И бабушкин иконостас.

И мама печёт «жаворонков» весенних.
Отец — ордена на пиджак.
Скребётся мышуха под ворохом сена,
Скрипит под сосною лешак.

Брусничные угли — у края болота.
Заря — костерком по реке.
И всё, что копил я от года до года —
В потёртом моём рюкзаке.

Сгорает в руке у отца папироса,
Как думы о счастье земном.
Хлопочут скворцы и трепещут стрекозы,
И сливы запахли вином.

И молится поле моё Куликово,
И молится Бородино
О всех, кто сберёт наше русское слово,
О каждом, ушедшем давно.

Гуляй! Под звездой ничто не возвратно!
Я тоже однажды уйду.
Ложатся заката родимые пятна
На вешние вишни в саду.

Былинка дрожит на ветру — затухает.
Лодчонка скользит по реке.
А прошлое кается, любит и тает
В потёртом моём рюкзаке.

* * *

Взорвалась весны пружина.	Петухи на шест взлетают,
Через кованые льды	Рвут зарю на лоскуты,
Реки мечут, выгнув спины,	И огни её вполетают
Тонны стонущей воды.	В размохрённые хвосты.

На окне — слеза мороза. Как меды, бушуя в ульях,
Солнце режет напрямки. Зреют сосны в небесах.
Сок берёзовый, тверёзый У меня — заря на скулах!
Тащат в вёдрах мужики. У меня — роса в глазах!

* * *

На самой окраине мая, Забытая властью и тленом,
Где пух тополиный плывет, Она не утратила слух.
Певучая скрипка трамвая Америка ей — по колено,
В провинции тихой поет. Как возле забора лопух.

Ее не затронули рыки Ей снятся дожди на капусте,
Столичных и местных громов. Пчела, отыскавшая мед,
Ее петушинные крики И как бы там ни было грустно,
Остались во веки веков. А снова картошка цветет.

Гроза

Вздоха никому не обещала. И тряслись, захлёбываясь, плача,
Навалилась, тяжести полна, Колеи расхристанных дорог.
Оглушила веси, оковала
Неземная, злая тишина.
Но — взялось! И понеслась ограда!
На колени рухнули кусты!
И, кривляясь, в дикой пляске сада
Молнии рубили с высоты.
И грома рубили наудачу,
И швыряли небо на порог.
Так реви, разгульная стихия!
Шеи проводов хрипят навзрыд.
Это скачут кони дождевые,
И вскипают лужи дрожжевые,
И трава копытами бурлит.

АНАТОЛИЙ КАЗАКОВ

История с конём и человеком

РАССКАЗЫ

Саша и мамин квасок

Кваском всё время потчевала маманя Серафима Сергеевна своего последыша Сашку. Квас у неё получался на деревне самый что ни на есть отменный, слезу вышибал зараз. Залётная бригада плотников которое уж лето дома у них строила, и непременно к Серафиме бежали за квасом. А ежели кто с похмелья, и вовсе до-рогу давным-давно протоптали к покрашенному в зелёный цвет дому Сергеевны. Вынесет она жаждущему полный ковшик древнего напитка, ахнет человек алюминевый черпак, передёрнется, выпучит глаза, поблагодарит и работать бежит. А Серафиме радость на душе от этого, всю жизнь своего Степана квасом таким отпаивала, а рецепт — он что? Это от бабушек всё шло. Шестым она родила Сашу.

КАЗАКОВ Анатолий Владимирович. Поэт, публицист. Родился 29 января 1966 г. в г. Братске. Окончил ПТУ, получив специальность сварщика. Долгое время работал на заводе отопительного оборудования «Сибтепломаш». С 1990 г. занимается литературным трудом, основу которому заложил поэтический клуб «У Сербского». С 2011 по 2012 гг. был председателем литературного клуба «Братский самородок». Выпустил в свет 11 книг — рассказы, сказки, очерки. Рассказы опубликованы в литературных журналах «Имена Братска», «Истоки», «Живое слово», «Сибирячок», «ВеликороссЪ». В 2014 году был награждён серебряной грамотой «Духовность» в рамках Национальной литературной премии «Золотое перо Руси». В 2017 г. стал серебряным лауреатом Национальной литературной премии «Золотое перо Руси» за очерк «Беловские чтения». Удостоен юбилейной медали «В память 100-летия восстановления Патриаршества в РПЦ». Живет в Братске.

А последышей завсегда жальче всех. Но, а если жизнь личная не залаживается, то и вовсе горе горькое родителям. Саша работал в колхозе шофёром, и углядел в районе девушку, поженились, сына народили на Божий свет. Хоть и любил очень свою Настю Александр, но окаянное вино пересиливало все чувства, крепко выпивал, и семьи не получилось. Хотя к тому времени уже выстроил дом. А когда уходил, сказал Насте, что чем может, будет помогать. Прошло какое-то время, Настя вышла замуж за хорошего мужика. Саша его знал. И вот странное дело, был рад, что у его Насти всё хорошо, что у сына будет полноценная семья. Сам же вернулся к матери, да так и жил. Поработает в колхозе шофёром, запьёт — выгонят. После права отобрали. Раз десять возвращался в колхоз. Брали, работать он умел, слесарил. Было дело, что дал председатель в наказание пьянчужке Сашке разбитый бортовой ГАЗ, сказал, что если восстановит, возьмёт его на работу в колхоз. Днями, ночами не вылезал из гаража Саша. Ездил в район, доставал за свой счёт запчасти. Бывало, придёт домой, глянет на маму, та ему суп наливает, а сама не в силах со слезами совладать. Навалило тогда на сына такое, что и не высказать, не вышептать нельзя, даже работу кузнеца освоил, чтобы восстановить машину. Кузнец дядя Иван, видя, как выковывает детали Александр, мотал своей седой, но кое-где ещё чернявой головой, водил рукой по бороде, вроде как приглаживая её, и твердил одно: «Да, талант у парня, не пропьёшь его, ядрён корень». Машину Саша восстановил, и председатель снова принял его на работу. После вся деревня говорила, что у Серафиминого сына, хоть он и пьянчужка, золотые руки. Но всякий раз хватало Саши самое большое на полгода...

Напоив страшно болеющего с похмелья сына ядрёным квасом, Серафима говорила:

— Большинство-то люди все, хошь и ругаются, но вместе живут, семьями. А вы, пьянчужки, вам это не надь.

Александр никогда не перечил матери, лишь махал рукой и выходил на двор покурить.

Шли годы, и вот люди на планете Земля дожили до две тысячи седьмого года. Как там за границей живут, мы не ведаем, не бывали, да поди тоже всяких трудностей хватает. А у нас... Что же стало с Серафимой Сергеевной, с её пьющим сыном Сашей?

А стало самое что ни на есть житейское дело. Колхоз развалился напрочь, ещё в девяносто шестом году. Деревня катастрофически пустела. Серафиминого мужа Степана, пьяного в усмерть, лошадь всегда привозила спящего в телеге. И, бывало, люди удивлялись, какая умная лошадь у Степана. Серафима никогда не ругала мужа, был он работающий шибко, но, знамо дело, выпивал. Иногда он пенял на Серафиму, мол, хоть бы поругала его за пьянство, так и говорил, что тошно ему, что она его не ругает. Жили они, как и все, и любовь промеж ними была самая настоящая. Хотя с беглого взгляда и не заметишь будто бы эту любовь. Но когда Степан утром просыпался в чистой постели, ему было всегда стыдно. Накануне он точно помнил, что уснул в телеге. Выросшие дети переносили отца в дом. Так было много лет, и много лет стоял Степан на коленях перед своей Серафимушкой. Выплачется, а она рукой погладит его шевелюру, и скажет, бывало: «Хороший ты мужик, Степан, всё по хозяйству устраиваешь гоже, но пьянчужкой бываешь иногда». Ничего больше она Степану не говорила, шла работать по дому, но знала, что Степан ещё будет бить себя кулаками по груди, плакать, ругать себя. И какое-то время не возьмёт в рот ни капли спиртного. Вскоре Степан умер, и не мучился

вовсе, вышел во двор покурить, да и завалился на лавочке. Всю жизнь проработав в колхозе, пенсию он успел получить только за три месяца. А когда на деревне осталось всего пять домов, в которых жили люди, то померла и Серафима. Окна её дома выходили прямо на давно заброшенную церковь. Деревня стояла на косогоре, и храм стоял на косогоре, разделяла их речка. Перед смертью Серафима рассказывала своему Сашке:

— Мы ещё маленькими были, пришли люди чужие, стали церкву рушить. Уговорили одного крест с храма снять. Ирод окаянный всегда отыщется. Снял он крест, да вскоре сам страшно издох. Потом в храме зернохранилище было. Крышу всё же ремонтировали те годы. Вот это хошь радость. Старухи-то всё равно молились, хоть и запрещали. А если по справедливости, то и не только старухи, все, у кого чего случалось, те и молились. Я, Сашка, наверно, скоро помру. Ты в дому один останешься, так хоть картошку сади, дрова за лето на зиму заготовляй. Речка наша каждую весну дров-то целую уйму наносит, не ленись. Сёстрам твоим я наказала, молока тебе будут возить, продукты, раз в неделю, а может, и в две. Не серчай на них — у них уж внуки у всех, дел прорва. Свет, слава Богу, у нас не отключили, набьют тебе холодильник сёстры, не ленись, готовь еду-то. Курицу там свари с картошкой, вот и еда.

Незадолго до смерти успела Серафима вставить в своём доме пластиковые современные окна. Знала, что Сашка её ни за что не вставит. А старые окна давно погнили, и как их не затыкай, мастикой или пластилином, всё одно дует. Потому как дом старый, садится, рамы оконные корёжит.

На похороны Серафимы собралось народу много, прямо, можно сказать, — целая уйма народа. А и как не быть людям, деревни их местности все рядышком стояли, все знали друг дружку, детей женили, сено косили, хлеб убирали, всё, что садили, то и убирали. И через эту тяжёлую работу, эту окаянную надсаду все крепко сдружились. И ежели кто помирал, то собирались все, соборно, как и было заведено предками. Пять её дочерей все вышли замуж, детей нарожали, теперь внуки уж имели своих детей, и все они были на похоронах, поминки сделали по доброму памятные, и многие старухи вслух говорили, что-де их так не похоронят.

Серафима Сергеевна всё говорила при жизни своему Степану: «Наделали мы с тобой, Стёпушка, себе родственников-то». Улыбался после таких слов её Степан, да, бывало, и сказанёт: «А чего, Серафимушка, может, ещё одну снегурочку состряпаем?» Было это всё теперь уже в прошлом. Саше по наказу матери сёстры раз в неделю или две возили продукты. А он, опять же по наказу матери, садил себе картошку, полон грядки с морковкой, луком. Было Александру уже под пятьдесят. Рядом поселился приехавший из совсем пустой дальней деревни Владимир. Как там у него вышла жизнь — никто не знал. Но жил, по его словам, он в деревне совсем один. И вот сказали ему, чтобы он переселялся сюда, в эту деревню, что возить ему пенсию неудобно из-за плохой дороги. На деревне все стали называть нового жителя не Владимиром, а Вованом. Сашка быстро сдружился с Владимиром, вместе пропивали пенсию Вована, а когда деньги заканчивались, нанимались в соседних деревнях, кому дров заготовить, кому подправить забор. По сантехнике, бывало, прибыль у друзей образовывалась. Звонят по сотовому Саше или Владимиру бабушки из соседних деревень да культурно эдак выговаривают: «Дорогой Володимир, беда у нас, трубу прорвало». Радовало в такие минуты Владимира, что не Вованом назвали, а так уважительно. Берёт с собой самодельный сварочный аппарат, ключи, и опять же со своим оруженосцем Сашкой вместе идут

выручать народ. И воду перекроют, дыру заварят. Одна бабушка Пелагея Никандровна с любопытством смотрела, как Владимир, заваривая трубу, ругался, что она вся гнилая, а Саша тем временем, взявши у Володи держатель, стал заваривать напрочь гнилую трубу, и наконец заварил. Поднял вверх сварочную маску, улыбнулся: «Могём ишшо». После, глядя на то, как радуются этому бабульки, тоже радуются друганы, потому как они тоже люди, хоть и зовут их, когда они запивают, пьянчужками. Вован ещё умел класть печи и ремонтировать их, и тогда, когда появлялись такие заказы, для них с Сашей наступали дни повеселее. Хозяйка хорошо кормила, после работы давали денег, которые на радостях с охотой пропивались. Придут два друга в магазин, который располагался в соседней деревне, наберут консервов, колбасы, мороженого минтая, водки, пива, доберутся до родной деревни да всё с большим азартом в своё нутро тянут. По весне, памятуя о словах матери, Саша с Вованом натаскивали с реки брёвна, распиливали их, через эту тяжёлую работу выходил из них похмельный пот. Да и как ему не выйти, ежели лесину тяжёлую тащишь на своём трёхжильном горбу. После натасканное на распил шло, поначалу пилили они двухручкой, и от такой работы выбивались их уже немолодые силы вконец. Сядут, бывало, друганы отдохнуть, и скажет, тяжело дыша, Саша:

— Мамаля моя, Серафима, очень умная была, знала, что после такой работёнки весь хмель вышибет напрочь.

Вован, раскурив папироску и глубоко затянувшись, улыбался:

— А ведь и вправду, Сашка, заботилась мамаля о тебе, с утра-то нас ещё штормило от вчерашнего, а нынче уж вечер, а мы тверёзые сидим. Это, стало быть, такой механизм лечения от алкоголизма матушка твоя изобрела.

Александр после таких добрых слов о матери глубоко вздыхал:

— Мамаля моя молодец была, святая, ей-Богу, святая!

После удачных калымов купили себе друзья бензиновую импортную пилу и всё удивлялись, как она здорово работает. Делали они всё вместе: садили картошку, калымили, ставили сети на речке. По осени ходили по грибы, набирали лесных орехов, но так как зубов у обоих давно не было, разбивали орехи молотком, и это крошево ели. Едят, а Володя улыбнётся, бывает, и скажет другу:

— Вот, Сашка, Россия наша какая богатая, витаминами нас угощат.

Встрепенётся на эти слова Александр, улыбнётся и тоже скажет сотоварищу:

— Мы всё в детстве за орехами этими бегали, зелёными рвали, никогда до спелости их не ждали. Эх, и радовались матери наши тому, что орехи эти мы в дом приносили. Они ведь на вершине горы растут, упасть можно, расшибиться о камни, что возле речки. И вот, вроде, материнское волнение тут должно быть, а матери наши радовались — дескать, мы, вроде как, если лазаем по горе, значит, выносливее становимся. Словом, выживем в дальнейшем...

Случилась по поздней осени страшная буря, на линии повалило много столбов. Свет отключили по всему району на две недели. В тот момент, когда мела эта окаянная буря, Саша думал, что и крышу-то с его дома снесёт. В их малочисленной деревеньке тоже завалился столб. Через две недели приехали электрики устранять аварию. Заходят в дом к одной бабушке Полине Никаноровне, а у той пироги только что из печи. Угостила электриков. Один, который был помоложе, удивлённо заговорил:

— Вот ведь чудеса, да и только. В районе света две недели не было. Бабы криком кричат — ни постирать, ни приготовить, ни телевизор посмотреть. А тут — гляди, тепло, пироги, и бабушка, похоже, не тужит.

Ответствовала им бабушка Полина:

— А по чём, сыночки, горевать? Телевизор я не смотрю, там один срам показывают, а чё болтают, так и вовсе бы не слышать, пошто живут люди и эдак делают? Пустое это всё, жизни не ведают. Раньше люди Богу молились, работали, тем и спасались.

Увидели электрики и то, как бабушка шила себе юбку. И электрик, что был уже в годах, тоже не выдержал:

— Ну вот гляди, эти молодые хвалятся, что владеют сотовыми телефонами, компьютерами. А ежели бы вдобавок к этой буре да авария на котельной, которая район обогревает. Подыхать бы, пожалуй, стали, а тут, вот кто истинно выживет — и пироги у неё, и тепло.

Саша и Владимир, завидев гостей, тут же явились к Полине, и, узнав, в чём дело, помогли электрикам наладить электричество на деревне. Была попытка найти работу в бывшем районном центре у друзей. Почему же образовалась эта попытка? Серафима очень вкусно умела солить капусту, другие земляки, знамо дело, тоже солили, но вкуснее Серафиминой не было ни у кого. Научила она и Сашку своего солить, но и не только этому, ещё обучила плести корзины. Твердила сыну, что это можно продать на рынке. Саша и Владимира научил плести корзины, а чего их не плести, ивняка по реке росло много. И решился Александр на эксперимент по выживанию. По осени насолил в деревянных бочках капусту, которую они сами вырастили с сотоварищем его. Бочки эти были новёхонькие, потому как кинулись они в чулан, а старые-то бочки давно рассохлись, вот и соорудили новые. Вован всё водил ладонью по новёхоньким бочкам и приговаривал: «Гоже-то как вышло, надо же, баушку вспомнил через это дело».

Кого они упросили довести их до районного центра, неведомо, скорее всего, доехали на автобусе, который ещё два раза в неделю приезжал в соседнюю деревню. И вот стоят друзья, торгуют. Корзины к тому времени в районе уже давно никто не плёл, корзины же у Саши были нарядные, с беленькими переплетениями, узорчатые. Сам себе дивился Саша, ведь чтобы сделать такую красоту, надобно-то всего ножом очистить прутики ивняка да после сплести их с неочищенными. Люди в этом районе всегда раньше пользовались корзинками, теперь же все жили по-современному, но, видимо, памятуя о былом, стали хорошо покупать корзины у Саши. И вот что интересно, покупали не только те, кто постарше, даже молодёжь охотно брала. С капустой получилось не сразу, подходили, удивлялись, дескать, сами солят. Но, как оказалось, солили, да не все, а распробовав капусточку по Серафимину рецепту, всю капусту и раскупили. Нежданно, как это зачастую и бывает в жизни, повстречал на рынке Саша свою бывшую жену Настю. Она сама подошла к нему, за эти многие годы, как они не виделись, оба они, знамо дело, изменились. Настасья его заметно располнела, работала на почте, муж её любил, у них и дочка совместная родилась. Обо всём этом Саша знал от людей, бывающих в районе. Глядя на Сашу, Настя сказала:

— Знаешь, Саша, я благодарна тебе за то, что дом выстроил и оставил нам, я потом много думала, ну, пьёшь, а ведь сейчас-то что творится! Как плохо расходятся люди, страшно даже глядеть на такое.

У Александра от таких слов запершило в горле, психика от спиртного была, конечно, во многом нарушена, и он, отвернувшись от Анастасии, заплакал, сказав бывшей жене:

— Ты это, Настя, иди с Богом.

Настя не стала больше смущать Сашу, только сказала, что сын их, Сергей, женился, работает пожарным, живут пока с ними, и что у Саши уже есть внук Алёшка, три годика ему. На эти слова Александр нашёл в себе силы обернуться к Насте и сказать:

— Вот и слава Богу.

Отобрал среди корзинок самую нарядную, полез в карман, вытащил сколько-то денег, положил их в корзину и протянул Насте:

— Это вроде как подарок мой Алёшке.

Глаза его от слёз были сильно красные. Он то и дело вытирал их рукавом новой фуфайки. Попрощавшись, Настя ушла, а он всё глядел ей вслед и шептал про себя:

— Ну надо же, дед я, стало быть. Чудно это всё.

После удачной торговли сунулись Саша с Володей к одному знакомому в гости, а там — пьянка. После страшно побили обоих, деньги вырученные все отобрали, и Саша, сплёвывая кровь, думал, что хорошо ещё, что Настя подошла, часть денег Алёшке передал. Ночью шли в родную свою деревню-спасительницу, держась друг за дружку, два одиноких путника, мечтая только об одном — дойти. Недели две всё заживало, и в одну из ночей приснился Саше сон. Пришла к нему маманя и говорит:

— Сыночек мой милый, ты уж дома доживай свой век.

Проснулся в холодном поту Александр, добрёл до кадушки с квасом, делал его теперь сам по материнскому рецепту, выпил большую алюминиевую кружку, которую привёз ещё из армии. Квас, который получался у его мамы, у него не выходил, но пить было можно, всё же и он ядрённостью отдавал. С тех пор в район он больше не ходил. Вован его любезный промучился хворями больше месяца. Сашка каждый день приходил к другу, протапливал печь. Варил привезённых сёстрами куриц, кормил Владимира. Потом, чтобы сэкономить дрова, забрал друга к себе домой. И однажды, когда в его доме весело потрескивала печь, прочитал другу своё стихотворение, правда, перед прочтением оправдывался тем, что стихотворение не о них, но когда его сочинял, думал о себе и Владимире, и начал несмело читать:

*Пробивается сквозь землю травушка зелёная,
Запрягаю я коня, глядь: погода знойная.
Колокольчик под дугою зазвонит — и тронемся,
В путь-дорогу на базар торговать торопимся.
Повезу на рынок мясо — всех свиней своих забил.
Я мечтой своей увлекся и её вот полюбил.
Краше Насти нет на свете, выше солнца полечу,
Ведь деньжат на свадьбу надо — это ясно почему.
Разудалая торговля — сразу вмиг богатым стал,
И друзей вдруг стало много, я не всех их даже знал.
Говорили: «Выьем лихо и поедешь далеко!»
Вмиг напившись, помню только — положили на крыльцо.
А наутро я очнулся — нету больше ничего:
Нет ни денег, ни телеги, закрутило удило.
И пешком бреду до дому, на душе темным-темно,
Понял скоро, что удачу променял я на вино.
В этой жизни сказок масса, вот и я в одну попал.
Пить с чужими, ох, опасно, счастье я своё проспал.*

Владимир, услышав стихотворение, даже поднялся со скрипучей кровати, прошёлся немного, размялся и сказал:

— У тебя, Сашка, талант не только на работу.

Шли годы, все старухи, кроме одной, в их деревне поумирали. Каждой Сашка с Вованом сооружали домовину, да и из других деревень приходили к ним с такими заказами. Брала они совсем немного за работу, хоть всегда предлагали им больше денег. Отбрехивались друзья — так-де, они же, мол, на поминки пойдут, там поедят, потому негоже много денег брать. Жили несмотря ни на что в деревне два друга Александр и Владимир, жила на деревне ещё одна бабушка, которая очень веровала в Бога. Других жителей не осталось. По весне, правда, к немалой радости деревенских, появляется на деревне Иван, который пашет в родительском доме огород под картошку, прихватывает и усад большущий под это дело. Сам он на военной пенсии, по осени продаёт излишки своей картошки. Её, эту самую картошку, ему заказывают жители района, и он, продав картошку, бывает очень рад. Заходит в гости к Саше и Владимиру, разговаривают о жизни. Сам Иван не пьёт водки совсем, говорит, что выпил своё. Удивляется Иван и тому, что многие люди, живя в бывшем районном центре, не садят картошку совсем, покупают, но покупная, привезённая незнамо откуда, оказалась невкусной, вот и заказывают Ивану, чтобы побольше картошки садил. Однажды Саше совсем занедужилось, хворь приключилась сильная, полез он к образам, знал, что на полочке у мамы освящённые сухарики да просфорки хранились. Достал их и, глядя на давно пересохшие сухари, несколько съел, перекрестившись, остатки положил снова на полочку, сказав:

— Неужто помру, плохо мне. — А на следующий день отступила болезнь. Владимир всерьёз думал о том, что спасла его от смерти мама, Серафима Сергеевна. Поутру с Владимиром ходили проверять сети на речку, после варили уху из только что пойманной рыбы, снова выпивали за улов спиртное. Сеть же Сашка связал новую, и только они её поставили, так тут же и поплавки задёргались, попались щучка да плотва. Вытащили рыбу, а сеть на ночь оставили. Кто её тут, в безлюдье, тронет? Разве только ондатра рыбу съест, но с ней они давно привыкли делиться.

Раз, убирая снег возле дома, Александр посмотрел вдаль, на деревенскую дорогу, и к неожиданности своей, завидел там легковую машину. В их деревне ещё раза два или три за зиму всё же чистили дорогу трактором, присылали же трактор из района. Но всё одно, может, и застрянет легковушка. «Откуда она взялась?» — думал Степанович. А машина меж тем приближалась, и вот уже к дому Саши подъехал «уазик». Вылез из машины молодой мужик, подошёл к Александру, на лице его явно отображалось волнение:

— Ну здравствуй, отец.

Александр выронил из рук лопату, и вмиг стал жалок, немного согнулся и уже плача произнёс:

— Неужто ты Сергей, сынок мой?

Обнялись.

— Да я тебе, батя, внука привёз показать.

Из машины вылез мальчик, одежонка на нём была новая, справная, ныне почти все так в районе одеваются — отметил про себя дед Саша, а мальчонка подошёл к отцу и деду да сказал:

— Здравствуй, дедушка, мы с папой вот к тебе приехали.

Сын, считай, вырос без него, Александра, да вот и внук теперь растёт, какие могут быть тогда тёплые отношения меж ними, — снова терзался мыслями дед Александр Степанович.

Но всё же погостили почти весь день дорогие гости у деда. Александр шустрил, и откуда силы взялись — вмиг истопил баню, сводил внука Алёшку на реку, показал, как рыба ловится. И всё было интересно внуку, раздолбил большую лунку дед топором, вытащил сеть, а там рыбы с полведра попало: щучки, плотва, окуньки, карасики, всё это живое, трепещется. Друг Владимир, видя всамделишную радость Саши, помогал ему во всём, жарил рыбу, варил уху. Достал из подпола солёной капусты, грибов, закалымленного, вкусно посоленного сала. Александр достал из чулана старые свои самодельные санки, съехав с горы, с которой всю дорогу катались в детстве, расчистил тем самым путь и дал Алёшке вволю накататься. Когда обедали после бани, сын Сергей, видя холостяцкий отцовский беспорядок, говорил отцу:

— Ты меня растил совсем немного, дальше был отчим дядя Валера, он хороший, я его за отца и считаю. Но на тебя, отец, зла не держу, маманя вон по сей день благодарна за то, что дом выстроил.

Вечером, уезжая на «уазике», внук Алёшка громко говорил деду:

— Я к тебе ещё приеду, рыбы половим, с горы покатаемся.

Александр Степанович встрепенулся, сбегал домой и принёс прямо в корзине свежесвыловленную рыбу:

— На вот, сынок, угостить мне вас особо-то нечем, а тут, сам понимаешь, свежая рыба. — После как сын Сергей с внуком уехали, Саша с Владимиром снова запили, зимой калымов почти не было, вот и пили. Так прошла зима, настала весна. На родительский день к Саше приезжают его пять сестёр, вместе они идут на гору, где расположен деревенский погост и стоит давно не действующий храм. Кладут на могилки отца и матери цветы, кладут и пироги — так уж у них заведено, что на погосте не пьют водку. Поплачут сёстры о родителях, глянут на Сашу, шибко жалко им его, особенно в такие моменты жизни. Вокруг на погосте полно народу, приезжают отовсюду, и из городов тоже. Почти все только на погосте и встречаются в такой день, раз в году. И уже редко бывает такое, чтобы сильно разговорились, даже те, кто был в молодости друзьями или подругами. Но всё же, случается такое, что и в гости пригласят. Когда день неизбежно переваливает за вторую половину, когда людей, поминавших родителей на погосте, уже почти не останется, начинается вороний пир, ибо всё вокруг усыпано сдобными пирогами. Идут после в Серафимин дом её постаревшие дети, которые, казалось, совсем недавно были молодыми, заводными девчушками, ныне же это были все с различными болезнями женщины в годах. Накрывается стол, и еды на столе, слава Богу, в достатке. После выпитой рюмки сёстры все зовут Сашу, чтобы он перебирался жить к ним. Брат отказывается, говорит, что во сне видел маманю, и она велела ему жить дома. Деревенский храм, давно не действующий, помнит, как всю жизнь молилась на него Серафима Сергеевна. Для неё в душе он всегда действующий, даже там, на небесах. Ведь пьющий её сын помогает людям...

История с конём и человеком

Отчего у людей к лошадям любовь особенная? Много на эту тему баяли люди во все времена, откуда и существует мир сей...

Было это, по рассказам дедов да бабушек деревенских, тогда, как только начинался двадцатый век. О том, сколько горестей он принесёт на землю, никто не знал, да это и к лучшему для человека.

В деревне Воробьихе жили, как и везде по Руси: в основном земля чего родит, тем и жили. Но были и такие, которые семьи бросали, уходили на заработки. Причины тому находили разные. Бывало, вроде, и деревни рядышком стоят друг от друга. У одних земля родит богато, а у соседей, хоть тресни, не родит и всё. Может, и это было причиной, кто знает. Только в соседней Коноплянке мужики да бабы, мальцы со стариками радовались несказанно кажинный год урожаю, а тут каких-то шесть километров до Воробьихи, и уже совсем не то дело было. Многие из Воробьихинских мужиков ходили к Коноплянинским занимать до нового урожая то зерна, а то и картошки, вот какие были дела. Поломался так не один год Елизар Понкратович Кулешов на земле Воробьихинской, да и опустил руки. Жене Глаше сказал так:

— Поеду на заработки, по плотницкому делу, мужики наши зовут. Только так, Глаша, и можно выжить.

Было у них уже две дочки и сын, все мал мала меньше. Чего делать жене было? Знамо дело — отпустила на вольные хлеба мужа. Днём заботы домашние отвлекали от дум, а вот как детей спать уложит, всё думала о Елизаре, как он там, где притулился-то, не голодный ли, не захворал бы только, — маялась жена извечными бабьими думами о жизни родного человека. Полгода не было мужика в доме, приехал — денег привёз, радость в избе несусветная высветлилась, да такая, что удержу нет. Детишки с пряниками невиданными доселе по деревне носятся, галдят да щебечут, словно птахи. Жена лучшее платье надела, поросёнка молочного на стол поставила, дух мясной по всей избе идёт, четверти одна за другой под сытую закуску осушаются, гуляют мужики Воробьянинские — не всё Коноплянским радоваться. Деревенские долго не гуляют, всего неделю и побыл сердешный Глашин муж в родном доме. Глаша после этой недели четвёртым ребёнком понесла, землю русскую пополнять. Заявил жене Елизар, что на этот раз на год уходит, чтобы, стало быть, семья не бедствовала.

Денег тех Глаше на полгода хватило, а мужа нет, как быть? Сено для коровы закончилось, и надумала она продать коня Грома. «А чего, — думала баба, — продам, сено для коровы куплю, дети с молоком будут». Конь был ещё не старый, из соседней Коноплянки мужик Авдей его и купил сразу. Хорошую цену дал, Глаша довольна была недолго, потому как Гром рвал верёвки и к их дому возвращался. Авдей от злости бил коня кнутом, ругал беззащитную Глашу, а что могла поделаться одна баба с детьми малыми? В конце концов, и у Авдея нервы сдали окончательно, после того как он уж раз десять ходил за шесть километров в Воробьиху. Продав он Грома в другое село, Александровка находилась уже за десять километров от Воробьихи. Грому всё нипочём, всё порывал и приходил к родному подворью. Глаша ревела белугой, а как заслышит ночью фыркание коня, тут же несёт ему горбушку хлеба с солью. Еремей с Александровки, новый хозяин коня, приходил за Громом два раза, а на третий в сердцах сказал, что зарежет Грома на мясо, не продаст, а именно зарежет, такая злость в нём укрепилась.

В это время и вернулся в родную деревню Елизар. Прознав о коне, пошёл к Еремею. Хотел Елизар выкупить коня, и деньги немалые предлагал Еремею, но тот заартачился, злость его обуяла всамделишно, прирежу, баял, и конец делу. Но конца делу не случилось. Разодрались мужики, да сильно, Еремей в полицию подался, похитрее был, да к тому же паскудным характером обладал, полицейский в родственниках имелся у него. Хоть и дальний родственник, но четверти стеклянные холодные из погреба обожал, запотелую бутылку наливал в стакан, да под

холодную телятинку с Еремеем пили они не раз, баб своих били после этого нещадно, изверги, что тут ещё добавишь, словом, посадили Елизара. Только Еремеею коня прирезать не удалось, убёг Гром, на этот раз не вернувшись и в родимый дом.

Отсидел Елизар год. Измождённым от хворей возвращался в родную деревню. А как с пустыми руками домой возвращаться? Идёт дорогой дальней, видит речку, на льду собака большая сидит, рядом с псом полынья, а в воде шапка-ушанка плавает. Догадался Елизар, что утоп видно хозяин, а собака видать преданно сидит рядом. Подошёл к собаке ближе, что-то жалобное ей молвил. Перешёл реку, взобрался чуть повыше, вот и деревенька стоит, и опять догада обуяла, что мужик, который потоп, из этой деревни наверняка будет. Пошёл, поднял народ. Так и оказалось, пьяный утоп мужик. После поминок отец того мужика, глядя на то, как Елизар совсем ослаб на тюремных харчах, предложил ему остаться на время у него. Сын мой, говорил старик, утоп, баба у него с четырьмя детьми осталась, поработай у нас. Решил остаться Елизар, рассудив, что домой надо бы чего-нибудь заработать. Зашёл во двор и обомлел: прямо на него глядел его Громушка, обнял коня, расплакался, но виду хозяевам не показал. Хоть и был слабым Елизар, но, немного отъевшись, стал ломить на новых хозяев. Старик, видя такую работу, радовался, дела в гору пошли очень заметно. А на праздник Преображения Господня старик с Елизаром выпили, разговорились, и открылся Елизар старику о Громе. Старик тот тоже кумекал, как будет расплачиваться с Елизаром, денег платить было ему жалко, а тут, прознав про коня, поведал о Громе истинную правду:

— Он к нам, вишь, притулился, когда мы за дровами ездили. Стоит неприкаянный, худющий, ну, подумали: ежели хозяева отыщутся — отдадим, а вот не сыскались, мы им и пользовались. Нечего сказать — работник золотой. Вот теперь и забирай своо коня за работу.

В дорогу старик дал Елизару мешок хорошей муки, большой кусок солёного сала, а на гостинец детям отвалил с полкило сахара. По дороге к дому Громушка так глядел в глаза Елизару, что у того текли из глаз солёные-пресолёные слёзы, он их и не отирал рукавом рубахи, а так слизывал языком, так уж выходило. Пришёл Елизар к своей любезной Глаше со конём своим. Так и жили они потихоньку, коня уже никому не продавали...

ВИКТОР КОВРИЖНЫХ

Сквозь тишину предчувствий и мерцанья

В заброшенном хуторе

Погасших окон выцветшие ставни,
глухой заплот, поваленный в осот.
И — тишина, как будто слово тайны
сейчас Господь с небес произнесёт.

Покажется, что жизнь людей былая
из этих мест бесследно не ушла,
как память сокровенная, живая
здесь в тишину незримо проросла.

И ощутишь ознобно чьи-то взоры,
лишь дунет ветер, травы шевеля,
и оживут обрывки разговоров,
мельканье лиц и запахи жилья.

Здесь постоять, как заново воскреснуть
с щемящим чувством грусти и вины.
Всплакнёт ли птица над судьбой окрестной
и снова станет частью тишины...

КОВРИЖНЫХ Виктор Анатольевич родился 5 ноября 1952 года в с. Старобачаты в Кемеровской области. Воспитывался в большой крестьянской семье, где росли еще 4 сына. Учился на электромонтера, работал на Бачатском разрезе и автопредприятиях Кемерова. Попутно освоил ряд специальностей: электросварщик, тракторист, монтер путей, машинист железнодорожного крана, составитель поездов. Работал корреспондентом Беловской городской газеты, в газете «Открытые горизонты». Писать стихи начал с 9 лет. Поэтом стать не собирався, мечтал быть мореходом. Лишь в 25 лет сформировалось убеждение, что необходимо заниматься литературным творчеством.

К тридцати годам решился послать свои стихи в областной альманах «Огни Кузбасса», где и был замечен поэтом, главным редактором этого издания Сергеем Донбаем. Печатался в журналах «Смена» и «Огни Кузбасса», альманахе «Истоки». Автор пяти поэтических сборников «Непонятно, куда мы спешим?», «Зеленая дудка» и др. Член Союза писателей России. В настоящее время живет на малой родине — в Старобачатах. Трудится в системе МЧС, начальником караула в пожарно-спасательной части пос. Инского. В январе 2014 г. награжден именной кузбасской премией имени В.Д. Федорова

Сельский лирик

Я памятник себе воздвиг нерукотворный
в селе моём!.. Трубы водонапорной
побольше будет он по высоте!
Пока мечтам не писаны законы,
роняет небо звёзды на погоны
и званье соответствует мечте!

А подо мной дома и огороды,
колодцы, трактора, животноводы,
на лавочке Серков-пенсионер.
Вы про известность мне не говорите.
Я здесь в селе гораздо знаменитей,
чем Вознесенский или Искандер!

Я памятник воздвиг... Высокий вроде,
мне видно, что растёт на огороде,
и виден лес, встречающий грозу.
Я над селом, как будто в карауле.
Кричат внизу: «Слезай, Витёк, покурим.
Прочти стихи про кузькину козу!..»

И высотой горней окрыленный,
читаю им с восторгом, вдохновенно
про кузькину козу и про быка.
Что даже зоотехник на правленьё
отметил: повышаю настроенье,
а значит и надой молока.

Мой дом почти как штаб при сельсовете,
посколь стихи печатаю в газете
под сводкою районных новостей, —
то жители доверчиво и просто
идут ко мне то с жалобой, то с просьбой —
глаголом покарать лихих людей:

сантехника, завхоза райбольницы,
учётчика и Дуську-продащицу —
обвешивает, подлая, народ.
Я их глаголом яростным караю,
а сам в душе печально понимаю:
тропа ко мне травой не зарастёт...

Предзимье

А в деревне опять молодая зима
правит праздником, жизнью и волей.
Нынче колют свиней, и встречает с холма
терпкий запах дымов и подворий.

Словно время моё покатилося назад
вдоль румяных домов и заплотов.
Под навесами лампы пальные гудят,
как заоблачный гул самолётов.

...Завалили свинью на приземистый стол,
дикий вопль заметался под крышей,
узкий нож безошибочно сердце нашёл,
дух с дымящимся лезвием вышел.

Дым палёной щетины синее в щелях,
дышит инеем сумрак оконца.
Кровь очнётся и вспомнит себя в именах,
озарённых языческим солнцем.

Гулко цепи звенят и скрипят воротá;
чует мясо собака утробой:
дрожь истомы — волной от ушей до хвоста,
и язык, словно пламя озноба!

Ритуально хозяин сдирает нагар —
точность рук и наследственный опыт.
Из распахнутой туши — клубящийся пар
и Велеса оттаявший ропот.

Шёпот жёлтых страниц — у хозяйки слова,
ей хозяин отвечает хмуро.
Смотрит в небо из снега свиньи голова
сквозь глаза деревянного Чура.

Тёмный смысл совпадает со всей суетой.
В доме жарко натоплена печка...
Вот и мясо на крючьях висит в кладовой,
и янтарная желчь над крылечком.

Свежина на столе! Тёртой редьки куржак,
млеют грузди под шапкой сметаны.
В запотевшей бутылки мерцает первак
и гремят нетерпеньем стаканы!

За здоровье хозяев, достаток, уют,
чтобы рожь не сгубили морозы!..
И старинную песню по-русски споют,
утирая украдкою слёзы...

В сумерках слова

Сойдёт на нет заката алый всполох,
прольётся в сумрак тихий свет берёз.
И затомит ночной небесный полог,
пристёгнутый на пуговицы звёзд.

Сквозь тишину предчувствий и мерцанья
вдруг просквозит, прозрение тая,

из глубины неведомого знания
сердечный смысл простого бытия.

И каждый миг, как времени иного,
несёт в себе осмысленный ответ.
Для прихожан молитвенного слова
во всём живёт открытие и свет.

Старуха

Старухе этой — девяносто с лишним...
Уж немощна она, да и слепа.
Но, видно, бережёт её Всевышний,—
для смерти не протоптана тропа.

Живя в квартире дочери и зятя,
свободная от кухонных забот,
она молчит в каморке виновато,
что век чужой давно уже живёт.

Ей совестно за немощность и кашель,
и потому, украдкой от родных,
она на ощупь протирает кафель,
передвигаясь робко вдоль стены.

И по ночам к Всевышнему старуха
взывает все грехи её простить.
И — умереть, пока тепло и сухо,
чтоб нам зимой могилку не долбить...

Отелилась корова

...Запахавшись вошла и с порога
с полушёпота — в радостный крик:
— Слышь-ка, дед, отелилась корова!
Хватит дрыхнуть, хватай половик!..

Дед, согнувшись, в руках домотканый,
за старухою в сени шагнул.
Будто звякнул гранёным стаканом
станционный предутренний гул...

А корова устало дышала,
влажным паром дымились бока.
И телёнка уже облизала,
и запомнила запах телка.

Он лежал на соломе, как в гнёздышке,
как желанного счастья весть.
А во лбу его белая звёздочка,
и в серебряном инее шерсть.

Промычал он, и высь отворилась,
где колдуют над ходом времён.
В гороскопах звезда потеснилась,
помирился со Львом Скорпион...

В половик завернули телёнка,
в дом внесли, уложили за печь.
Рыжий кот, потянувшись, тихонько
вышел в сени — достаток беречь.

Дед, телку подстилая солому,
суеверно сказал невзначай:
— Ты сегодня, старуха, из дома
никому ничего не давай.

А она, суетясь, то и дело
теребила загривок телка...
«А старуха-то помолодела», —
дед подумал, воспрянув слегка...

Ночь Гоголя

Смотрел на свечу и бумагу,
как воск на подсвечник течёт...
И вот из глухого оврага
явился с чернильницей чёрт.

Но следом торжественно-строго
Надмирный прорезался Свет,
который горит раз в сто лет,
чтоб сердцем прозреть перед Богом.

Но в смысле высоком знаменья
душа не признала родства.
Он Свет, что был дан во спасенье,
легко переплавил в слова

восторга, печали и гнева...
И чёрт, осознавши сюжет,
не загораживал неба,
чтоб виден был божеский Свет.

Задумались травы и реки,
и всадник над степью взлетел,
и, подняв набрякшие веки,
вгляделся в грядущий предел.

Вздыхал за деревьями ветер
из прошлых полынных теней.
— Что видишь ты там, за столетьем?
— Я смерти не вижу своей...

Зеленая дудка

Это душа моей родины — дудка зелёная!..
Протяжным минором раздвоена мгла.
Пытался не верить, но в доме под клёнами
меж светом и мглою душа изошла.

Я думал о счастье, и дудочка пела
о звонкой весне и высокой любви.
И всполохом мая в черёмухе белой
поют и поют до сих пор соловьи.

Когда вспоминалось о павших и умерших,
озябшая в росах дрожала трава.
Толпились за мною тревожные сумерки
и в смутную душу вдыхали слова.

И в вены мои с неизведанной грустью
текли времена из живой темноты.
Так входит река в своё древнее русло,
вернув берегам их былые черты.

И дудочки голос над тихим покоем
внезапно прольётся с незримых высот.
И слышно, как топчут вдаль за рекою
ордынские кони полынь и осот.

И даль отразится в закатном багрянце:
тропа вдоль реки и мерцающий свет.
И радость с печалью уходят в пространство,
которому в памяти имени нет...

Последняя тайна

За Токовой, за Чухтинским болотом —
хвойное небо в сырой полумгле.
Там обитает кудесник Могота
с тайной последней на этой земле.

Странный и жуткий, живёт нелюдимо,
веды и клады скрывает в лесах.
Очи напитаны горечью дыма,
брезжат в тени его холод и страх.

— Где ж эта даль, что меня будоражит,
сладкою болью томится в груди?
Жители молча на север укажут,
тихо добавят: «Туда не ходи...»

Словно я вышел из времени круга —
голос зелёный за березняком,
в зное густом перелеска и луга
взоры полудниц прошьют сквозняком.

Тайна судьбы или вещая птица
в зарослях диких, где плачет вода?
Имя своё обретя, растворится,
и не вернётся уже никогда.

Что ж я гляжу в деревенскую память,
сердце неволя, печала глаза?..
Тихое тайны колеблется пламя,
блики и тени сквозят в образа...

Рождество в совхозном коровнике

Силосом пропахшие загоны,
залит пол цементный молоком.
Скотники за литр самогона
продали казённый комбикорм.

Зябкий сумрак низменного вкуса.
И бурёнки из своих оград
скорбными глазами Иисуса
на происходящее глядят.

И сквозит за влажной поволокой
бездна со вселенскою тоской,
где себя узнаешь одиноким
у сугробов горести людской...

Пьяный гул застольный замирает.
И горит в окне за слоем льда
то ль фонарь над крышею сарая,
то ли Вифлеемская звезда.

Завтра будут пасмурные лица,
комбикорм на сторону уйдёт...
Ничего для счастья не случится,
и дурного не произойдёт.

Не ропщи, мой ангел, не печалься.
Без волшбы обыденный наш труд,
где волхвы районному начальству
о надоях сводки поднесут.

Сенокос

1

Сенокосный, високосный
Год-июль набрал полет!..
Над травой густой и росной
утро раннее встает.

Проступают постепенно
сквозь туманный полумрак
склон холма и копны сена,
и с кустарником овраг.

Зреют шорохи и звуки
над озябшею травой,
и вода речной излуки
засквозила синевой.

Алым заревом на синем
засветился небосклон.

Набирают робко силу
птичий щебет, свист и звон.

На лугах, на сенокосных,
словно счастья смех и крик,
засверкал в алмазных росах
солнца утреннего лик!

Залил светом даль лесную!..
Вот и легкий ветерок
гасит росы и волнует
мой притихший костерок.

Как сплошной пчелиный улей,
день гудит над головой!..
Верноподданный июля,
сенокоса рядовой!

2

...Устали... Уже не до смеха.
И вот, через лог напрямик,
на конных граблях к нам подъехал
высокий и строгий старик.

«Помочь?» — пожимаем плечами:
во сне? Или же наяву?..
А грабли уже зазвучали,
в валки собирая траву.

Глядим на него с удивленьем:
откуда? И кто он таков?..
Ложились в ответ объясненьем
шуршащие строки валков.

Несла старика колесница,
мелькало вращение спиц.
Во мне шелестела страница
с рисунком былых колесниц.

Гребли, будто бы воскрешали
далекие годы свои.
Закатною медью мерцали
заклепы и бляхи шлеи.

Дыханьем ль былого согреты,
судьбы узнавали следы,
объяты таинством света
звезды сенокосной страды?

Вздымались в сияющем глянце
железные пальцы граблей,
скрипели чугунные флянцы,
как петли амбарных дверей.

В молчании строгом, неярком
по кругу вершили дела.

Дуга триумфальною аркой
над конскою гривой плыла...

Печальным кармином заката
вечерний окрасился час.
Казалось, что с ними куда-то
уйдет что-то важное в нас.

Окончил дела. Я в награду
тяну тройки и рубли.
Ожег, как кнутом, меня взглядом,
коня — под уздцы и — пошли...

В закат, по колени в тумане,
где тихие гасли огни.
Как будто в легенды, преданья
навек уходили они...

3

Сенокос отошёл... Смолкла воля.
Зябкий сумрак томится во рву,
словно ропот вечернего поля,
на котором скосили траву.

Всё по мне: и печаль, и дорога,
тихий свет над родной стороной.
Горьким мёдом исходит из стога
обезвученный скошенный зной.

И смотрю я, душой обмирая,
на просветы берёз и земли,
где, как пасынков горнего края,
слов несказанных тени легли.

Не кляню ни судьбу, ни погоду,
несказанному выпадет срок,
коль грядущему слову и году
наготовлено лучшего впрок...

Илюхинский плёс

Старые ивы сомкнули
кроны над тихой водой.
Здесь мне в начале июля
встретился мальчик с удой.

В длинной рубахе холщовой
шёл он по краю реки,
странный, как житель чащобы,
стыли в глазах сквозняки.

Он поравнялся со мною,
жалобный выронив стон.
За тальниковой стеною
дымкой рассеялся он...

Давнюю повесть утраты
слышал ещё от отца,
как утонули два брата,
дети Ильи-кузнеца.

В майскою пору разлива,
лет девяносто назад
младший сорвался с обрыва,
старший спасал его брат.

В дом не вернулись дети...
До полуночной поры
шарили в омутах сети,
дно бороздили багры.

Младший был выловлен в пойме
в донных кустах ивняка.
Старший — не найден, не пойман, —
спрятала тело река.

Давняя грустная повесть,
тихий Илюхинский плёс.
Травы, склонённые в пояс,
всхлипы тележных колёс.

Он это! Он с удилицем
ходит по краю реки!..
Младшего братика ищет —
так говорят старики.

Ивы зелёное пламя,
купола зябкая медь...
Родина, как в твою память
сладко и больно смотреть...

Старая кузница

Копоть и сажа погасших огней.
Вход занавесил подрост тальниковый.
Не оседлать здесь воскресших коней —
ржой изошли стремена и подковы.

Полуистлевшие спицы колёс,
мохом покрыты венцы и стропила.
Ветхую крышу прошла насквозь
жгучим дремучим побегом крапива...

Звон наковальни полынью сокрыт,
зябко несёт из дверей пустотою.
Так просветлённой прохладой сквозит,
будто под кузней колодец с водою.

В полночь под лай деревенских собак
скорбная тень кузнеца оживает.
Тяжко вздыхает и курит табак,
в горне остывшем золу разжигает.

Льются протяжно сквозь щели лучи
цветом вечерней щемящей печали.
Словно наивного счастья ключи,
Счастья, которое не доковали.

Глухо меха проворчат, и огни
вспыхнут на время и тут же погаснут.
Словно хотел озарить наши дни,
но убедился, что это напрасно...

После грозы

Прояснились небесные глаза,
раскинулась дуга над водоёмом.
Брела на север медленно гроза,
окрестности облаивая громом.

Закопошились куры в лопухах,
томился запах сена под навесом.
И, не успев обсохнуть, на глазах
ржавело возле кузницы железо.

Дымился под лучами чернозём,
ручьи бросались весело с обрыва.
И наливалась жгучим кипятком
на пустыре воспрявшая крапива.

Кипела в палисаднике сирень
и, затаив дыхание, Природа
глядела на умытый ясный день,
как на младенца после трудных родов.

АЛЕКСАНДР ОБУХОВ

На реке Белой

МАЛЕНЬКАЯ ПОЭМА

Размышление

Когда за городом, задумчив, я брожу.

А. С. Пушкин

Земля впадает в грусть —
природа входит в осень,
И разноцветный лист
одежкой ветхой брошен
На волглую траву...
Ясней видна кора — стежёная одежда;
Близка-близка зима, холодная как прежде.
Задумчивы верхи желто-зелёных сосен,
В тоске берёза. Наступает осень...
В прозрачной вышине ни шороха, ни звука:
Пространство мысли! и тоска и мука!
Вопросы к прошлому
всплывают из глубин,
И, как венец, вопрос всегда один:
Загадка-Пушкин — Лиры властелин.
Далёк ли? близок? сложен или прост?
Он, духом возносившийся до звёзд!

1. Осень

Люблю я пышное природы увяданье...

А.С. Пушкин

Лес — пленник осени,
 лист рвётся на свободу!
Летит и падает замедленно на воду...
Слежу за ним...
А ветер и листва
 наносят пушкинские вечные слова:
«Роняет лес багряный свой убор».
Моя душа крылатая — на воле!
Свободный дух стремится на простор!
Я чувствую: прекрасно Жизни поле,
Прекрасен лес, роняющий убор
В ладони луга...
И счастлив я: ко мне на час досуга,
Нежнее облака с небес, сошла подруга,
И Музы с ней заводят хоровод.
Со дна реки на гребень пенных вод
Русоволосые русалки всплывают, —
Так вижу я...

 Но вот — виденья тают,
И вновь печаль: «со мною друга нет,
С кем долгую запил бы я разлуку»,
И потому — на счастье или муку? —
Брожу один... Но я — не одинок:
Со мною Пушкин в бесконечье строк:
«Дни поздней осени — печальная пора»,
Туман, что войлок, стелется с утра
И кроет реку,
Где заберегов дивное стекло
Мелькнёт, как вымытое на зиму окно,
И — мягко сгаснет...
А взгляд по берегу, по берегу скользит,
Где скалы мудрые вздымаются в зенит,
Где тонкая лоза безлиственно дрожит,
И тополь обнажён до ветки каждой...
И ветер ластится к тоскующей берёзе,
И тихий снег спешит поведать о морозе.

Потухнет краткий день —
 в кострище позабытом
Взметну огонь! — И в звёздной тишине
Приблизится поэзия ко мне...

Тихая скорость

Зима!.. Крестьянин, торжествуя,
На дровнях обновляет путь.

А.С. Пушкин

В дыма́х голубая долина,
Обласканы дымом дома.
Знакомая с детства картина:
В селе-деревеньке — зима.

Хрустнет снежок под подковой
И сойка с дороги слетит...

Старо как всё это. Как ново!
Увидишь, — душа заболит.

Те ж дровенки. Упряжь — не новость.
Лошадке — за тысячу лет.

...Крестьянская тихая скорость,
Которой надёжнее нет.

Родина Валентина Распутина

Идут века, шумит война,
Встаёт мятеж, горят деревни,
А ты всё та ж, моя страна.

А. Блок

Маршрутка — сухопутка-бригантина,
И ветер ей — четыре колеса.
Округ плывут болота и стремнины,
И горы нас возносят в небеса.

Задумчивая песенность в салоне.
Забыто всё, что сердцу не с руки.
И не во сне — видны в натуре кони,
И где-то рядом, может, седоки.

Встречают нас заплаканные вербы.
Крест-накрест доски на домах видны.
...Меняет Кремль законности и гербы,
Отверг их люд, промолвив: «до балды».

Ни души, ни границы

А я всё стираю грани
Меж городом и селом.

Н. Рубцов

Стёрта граница родного села.
Стёрта второго, где бабка жила.
Стёрта и третьего, — дед где родился.
Стёрта и там, где я в школе учился.

Горят, догнивают мои деревушки.
В землю растают венцами избушки.
Грусть навевают пепел, гнилушки.
...И Родина дедов не стоит полушки.

Попранные твердыни

Всё строилось. Было.
Всё — с верою в Бога.

...С тоскою смотрю
на останки острога:
звонница церкви
и грозные башни,
как обелиски
прапрадедам нашим.

Любка-доярка

— Как она, бедненькая, одна-одинёшенька
живёт в пустой деревне?

Из разговора

Нараспашку в хату дверь!
И сама — порочная?..
Грудь упругая. — Проверь.
Юбка укорочена.

.....
Рядом прочные дома —
Крест-накрест заколочены.

.....
Так и живёт
в деревеньке пустой.
Ни грудь не проверь.
Ни приди на постой.

Диалог-раздумье

— Года военные...
— Нет! город ледниковый
повыморозил душу деревень.

...Вернётся ль в избу
кто-нибудь толковый?
Повесит ли котомку на плетень?
Станет верен ли отеческому зову,
Сохранит ли звук его в дому?
Будет верен ли бревенчатому слову?
Сохранит ли дух сей? и кому?

АННА ТОКАРЕВА

Быть душистым цветку суждено

* * *

Хочу туда, где тропки узки,
И необъятен небосвод,
Где так приветливо, по-русски
Берёзка встретит у ворот.

Где росы дремлют на манжетках,
Мохнатый клевер лиловат,
И где под крылышком наседки
Пригрелся выводок цыплят.

Где кошка, рыжая Авдотка,
Приходит в гости, как домой,
Где на шести садовых сотках —
Весь мир. И сложный, и простой.

ТОКАРЕВА Анна Петровна родилась в городе Егорьевске Московской области. По образованию библиотечарь. Стихи пишет с детства. Печаталась в журналах: «Молодая гвардия», «Наш Современник», «Берега», «Европейская словесность» (Кёльн), «Немига литературная» (Беларусь), «Луч» (Удмуртия), «Таврия» (Республика Крым), «Музыкальная палитра» (Санкт-Петербург), «Бег», «Мезия» (Болгария), «Поэзия», «Библиотечарь», в антологии «Золотая строка Московии» и др. Награждена дипломом МОО СП России «За верное служение отечественной литературе» и медалью Ивана Бунина. Лауреат международного литературного конкурса «Золотой диплом». Автор двух поэтических книг: «Рябина в меду», «От одиночества до счастья». Член Союза писателей России. Живёт в г. Егорьевске.

Чёрные грузди

Знаю я тихое место Возле колочих ветвей. Только ни взглядом, ни жестом Тайны не выдам своей.	С чёрною шляпкой блестящей, Мокрой, как нос у щенка!
Там, где еловые сучья, Словно олени рога, Где муравьиные кучи Тронуть не смеет нога —	Жаждет ему поклониться Каждый заядлый грибник. Острые хвойные спицы Сыплются за воротник.
Вот он, в засоле хрустящий, Вкусный трофей грибника,	Всё соберу до груздочка, Хоть онемела спина. Будет дубовая бочка Пряным соленьем полна!

Лунная дорожка

Вперёд, назад, наискосок Немало пройдено тропинок, Больших и маленьких дорог, А сколько стоптано ботинок!	Желтеет яркая луна, Как тонкий ломтик бергамота, А я плыву совсем одна, Воды целую позолоту.
На эту — лунную — встаю, Смеюсь от радости, босая. Рывок вперёд — и плоть мою Ласкает влага золотая.	Перевернувшись, на спине Лежу, объятая сияньем... И так легко, спокойно мне Под лунным светом мирозданья!

* * *

Тонет солнце в январских сугробах, Убегает в пролесок лыжня, Затеряться бы в ельнике, чтобы Никогда не нашёл ты меня.	Там клесты, снегири и синицы На снегу оставляют следы. Я насыплю вам семечек, птицы, Я напьюсь родниковой воды.
Поселиться б навек в глухомани, Где в наличниках белых — изба, Где с берёзовым венником — баня, А над банькой дымится труба.	Я забудусь, счастливый подранок, И в разлуке найду благодать. Ну не радость ли — встать спозаранок И прохладу берёзы обнять!

Душица

В закатном свете твинькнет зяблик, Забьётся ящерка под пень, И солнцу цвета спелых яблок Сиять на небе станет лень.	Душица охнет под ногами. Живи, не бойся — не сомну. Хочу с тобою, дорогая, Лесную слушать тишину.
--	--

Давай затихнем в сладкой дрёме,
Забудем нервность суеты.
Пусть зверобой стоит на стрёме,
Пока в обнимку я и ты.

Всё, что тревожило, сердило,
Пусть улетает на века
Туда, где сонное светило
Целует облаку бока.

Снежная баба

Она стояла, чуть косая,
Неописуемо бела,
Овальным боком прикасаясь
К шершавой палке помела.

Ворчала, хмуро сдвинув бровки,
Она же баба, наконец:
«Опять воткнули нос-морковку,
А мне хотелось — огурец!

Позвольте, разве это шляпа?
Дырявый таз, ни дать ни взять.
И как не стыдно, Шарик, лапу
Пред снежной леди задирать!

Невыносимо одиноко,
Уснуть, забыться бы на миг.

О, где же ты, мой белобокий,
Мой добродушный снеговик?»

И задремала под ворчанье,
Своих создателей коря,
Доверив женские печали
Немым сугробам января...

Пороюсь в стареньком комоде,
Где ярких тряпок – вороха.
Одену снежную по моде,
Слеплю ей завтра жениха.

Вдвоём им будет не до скуки
Среди рождественских огней.
И станет княжество разлуки
На одиночество бедней.

* * *

И снова снег — вот невезуха!
Упала в обморок весна.
Теплом обласканная муха
Опять забила в щель окна.

Колючий снег кусает лица,
Галопом мчит по мостовой.
Куда, куда же мне забиться
От этой крупки снеговой?

По бесконечной белой жиже
Умчусь от чёрных облаков.
Повыше — шарф, колпак — пониже,
Почаще — цокот каблуков.

Крылечко, дверь... Вбегаю юрко
И млею в ласковом тепле.
Как хорошо, что есть конурка
У всех озябших на земле.

Золотая пыльца

Одуванчик-трава, оккупант огорода,
Улыбается мне у ступенек крыльца.
Я вдохну аромат горьковатого мёда,
И напудрит мне нос золотая пыльца.

Золотая пыльца — на весёлых веснушках.
Я стеснялась их зря, а теперь не стыжусь,

Потому что сейчас ты сказал мне на ушко,
Что лицом я светла, как пресветлая Русь.

Млечный сок на руке оставляет кружочки.
Ты целуешь ладонь, а потом локоток,
Ты губами скользишь от ключицы до мочки...
И роняю в траву я смущённый цветок.

Молчальница

Ненастье перебесится И сгинет без следа. В качалку полумесяца Уляжется звезда.	И в платьице холстинковом — Другого не дано — Я звёздной паутинкою Опутаю окно.
Полночная молчальница Не вымолвит словцо, Лишь сонно закачается, Объятая ленцой.	Пленённую бессонницу Стихами напою... Всё будет, всё исполнится У счастья на краю.

Банный день

Горячая испаринка, Струясь, со лба течёт. Плесну воды на каменку, Чтоб было горячо!	Ни страха, ни смущения — Плыву, обнажена. До головокружения Пронзает тишина.
От веника пахучего Кружится голова. За дверцею скрипучею — Высокая трава,	В предбаннике бревенчатом — И сухо, и светло. Тюрбанчик полотенчатый Спустился на чело.
Кипрей, व्यюнок извилистый, Тенистая ветла... Прохлада речки илистой Меня обволокла.	Заварка из лабазника Прогонит хворь и лень. За ощущение праздника Люблю я банный день!

Две звезды

Вновь касатки не тянутся ввысь, Лишь вороны кричат оголтело... И сказала любовь: «Оглянись! Хлопать дверью — последнее дело.	А тебе, дорогая, дано Быть всегда терпеливой и нежной. Я лишь те согреваю дома, Над которыми светят в ненастье Чуткость сердца и мудрость ума — Две звезды из созвездия «Счастье».
Быть душистым цветку суждено, Злой колочке — лепиться к одежде,	

Вишня

Ревность сыплет соль на ранку,
Отбуянит — и в бега.
Утром я с тобой — зарядка,
А под вечер — пустельга.

Я остыну постепенно,
Словно печка поутру.
Разногласья злую пену
Покаянно ототру.

Гнев — помощник никудышный.
Я с помощником — на «ты».
Как поклёванные вишни,
Сохнут сгустки доброты.

Обниму тебя несмело.
Не отдам тебя другой.
Хочешь вишни — сладкой, спелой?
Угощайся, дорогой!

Муха

Теплом обласканная муха
С утра жужжит навеселе.
И мне не хватит силы духа
Её прихлопнуть на стекле.

Пускай летит к своим заботам,
Пускай звенит во славу дня...
И, может быть, когда-то, кто-то
Так пожалеет и меня.

Счастье

Несла сорока на хвосте
Мне счастья женского немного
Да заблудилась в темноте
И перепутала дорогу.

Страхнула ношу не со зла,
А по беспечности сорочьей.
И упорхнула, весела,
Себя заботой не мороча.

Лежало счастье в лопухах
И озиралось сиротливо,

Сквозь боль падения и страх
Пыталось выглядеть счастливым.

Ища маршрут счастливых трасс,
Купая сердце в рьяной вере,
Я проходила много раз
В двух сантиметрах от потери.

И было сердцу невдомёк,
Когда рвалось оно на части,
Что пыльный маленький комок —
И есть потерянное счастье.

* * *

Ещё синеют васильки,
Ещё нам дарит бабье лето
Тысячелистника венки
И пижмы жёлтые букеты.

Но уж смородина сошла,
Варенье варится из тёрна,

А это значит — два крыла
Над нами осень распростёрла.

И посылает тихий знак,
Что скоро слякоть и ненастье...
Так и в любви — всего лишь шаг
От одиночества до счастья.

Шаль

За прозрачной занавеской
Мрак и тишина,
Да струится холод дерзко
В щёлочку окна.

Вроде пышут батареи
Преданно огнём...
Приходи ко мне скорее
Ночью или днём.

Мёрзну даже в тёплой шали,
Пальцы — в рукава.
Вроде окна утепляли
К свету Покрова.

Будет тихо шаль на кресле
Время коротать...
Ты меня согреешь, если
Не устану ждать.

Ради нас

Ради нас — и лопух придорожный,
И тюльпана лиловый бокал,
И заря, что легла осторожно
На безмолвие водных зеркал;

И кузнечик, что вечно стрекочет,
И пчелы неуёмная прыть,
И горластый задиристый кочет,
Что мечтает летающим быть...

И коровы дородное вымя,
И доверчивый пульс родника,
И певучее Родины имя
Не на час, не на год — на века.

Скрижали истории

МИТРОПОЛИТ ИОАНН (СНЫЧЕВ)

Битва за Россию

У России есть только два верных союзника. Это ее армия и ее флот.

Государь Император Александр III

Ход мировой истории извилист и непредсказуем. Вопреки распространенному мнению, ее течение не есть результат «борьбы добра и зла». Это заблуждение, утверждающее нравственный дуализм, а проще сказать — равняющее Всеблагого Бога с Его падшим творением, низверженным херувимом, превратившимся в мрачного демона, — донныне служит первоосновой множества пагубных недоразумений и ошибок во всех областях человеческой жизни. Силы добра неизмеримо превышают возможности зла. Причины всех земных нестроений в том, что зло — именно зло — борется с добром, пытаясь разрушить промыслительное Божественное устройство мира, которое по милости Божией должно совершиться полным искоренением грехов и страстей. И если бы человек, почтенный от Господа превыше всякой земной твари, обладающий богоподобной свободой — свободой нравственного выбора — не злоупотреблял ею, произвольно склоняясь на соблазны зла, не было бы в мире места темной силе и простора для ее действий на земле. Разумение своей нравственной немощи побуждает человека стремиться к исправлению. Когда это стремление к чистоте и святости овладевает целым народом, он становится носителем и хранителем идеи столь высокой, столь сильной, что это неизбежно сказывается на всем мироустройстве. Такова судьба русского народа. В этом положении народ и его государство неизбежно подвергаются испытаниям самым тяжким, нападкам самым безжалостным и коварным.

Такова судьба России. Тяжел и тернист исторический путь нашей Родины. Его десять столетий изобилуют войнами и смутами, нашествиями иноплеменников и интригами иноверцев. Заявляя о своем стремлении воплотить в жизнь религиозно-нравственные святыни веры, Россия неизбежно становилась поперек дороги тем, кто, отвергая заповеди о милосердии, нестяжании и братолюбии, рвался устроить земное бытие человека по образцу звериной стаи — жестокой, алчной и беспощадной.

Сегодня нам как никогда важно понять, что все происходящее ныне со страной есть лишь эпизод в этой многовековой битве за Россию как за духовный организм, хранящий в своих недрах живительную тайну религиозно осмысленного, просветленного верой жития. Осознав себя так, сумеем преодолеть тот страшный разрыв — болезненный и кровоточащий, — что стал следствием второй, Великой русской Смуты, вот уже более семидесяти лет терзающий нашу землю и наш народ. Мы больше не можем позволить себе делиться на «белых» и «красных». Если хотим выжить — надо вернуться к признанию целей столь высоких, авторитетов столь бесспорных, идеалов столь возвышенных, что они просто не могут быть

предметами спора для душевно здоровых, нравственно полноценных людей. Таковы святыни веры. Не зря на протяжении веков именно Церковь являлась первой мишенью губителей России. В последнее время мы так увлеклись безудержным «миролюбием» (напоминающим, к сожалению, при ближайшем рассмотрении паралич державной воли), что нелишним, пожалуй, будет напомнить читателям, как из века в век плелись заговоры против нашей страны.

Итак, немного истории. На рубеже IX–X веков по Рождестве Христовом в среднем течении Днепра сложился союз славянских племен, ставший впоследствии основой русской государственности. В 988 году крещение Руси великим князем киевским Владимиром ознаменовало собой рождение Русской Державы — централизованной, объединенной общей верой, общими святынями, общим пониманием целей и смысла человеческого бытия. В 1054 году христианский мир испытал страшное потрясение: от вселенской полноты Православной Церкви отпал католический Запад, прельстившись суетой и обманчивой славой мирского величия. Русь сохранила верность Православию, презрев политические выгоды и соблазны ради подвижнических трудов и даров церковной благодати. С этого момента берет свое начало не прекращающаяся по сию пору война против России. Русскому народу пришлось воевать без конца: уже с 1055 по 1462 год историки насчитывают 245 известий о нашествиях на Русь и внешних столкновениях. С 1240 по 1462 год почти ни единого года не обходилось без войны. Из 537 лет, прошедших со времени Куликовской битвы до момента окончания первой мировой войны, Россия провела в боях 334 года. За это время ей пришлось 134 года воевать против различных антирусских союзов и коалиций, причем, одну войну она вела с девятью врагами сразу, две — с пятью, двадцать пять раз пришлось воевать против трех и тридцать семь — против двух противников.

подавляющее число русских войн всегда были войнами оборонительными. Те же, которые можно назвать наступательными, велись с целью предотвращения нападений и для уничтожения международных разрушительных сил, с конца XVIII века непрестанно грозивших Европе страшными потрясениями. Мужество и стойкость, военные и государственные таланты, проявленные нашим народом в ходе этой многовековой битвы, не знают себе равных. За четыреста лет территория России расширилась в четыреста раз! Молдавские господа и грузинские цари, украинские гетманы и владыки кочевых народов Средней Азии смиренно просили — иные по сто лет кряду — о принятии в российское подданство, «под высокую руку» русского царя. Были и завоевательные походы. Тогда, когда терпеть коварство и жестокость соседей уже не хватало сил. Только с пятнадцатого по восемнадцатое столетие восточные соседи Руси — татары и турки — захватили в полон и обратили в рабство около пяти миллионов русских. А сколько еще погибло во время хищнических набегов! В одной лишь Казани, взятой русскими войсками после упорного штурма в 1552 году, томилось сто тысяч русских пленников. Еще в начале семнадцатого века на большинстве французских и венецианских военных галер гребцами были русские рабы, обреченные на пожизненный каторжный труд.

И все же, несмотря на непрерывные набеги и страшное военное напряжение, в котором из века в век находился русский народ, Русь росла и крепла. В 1480 году европейская Россия имела население в два миллиона человек (в девять раз меньше тогдашней Франции). В 1648 году, когда русские первопроходцы открыли водный путь из Северного Ледовитого океана в Тихий, до предела раздвинув

восточные границы России, ее население насчитывало 12 миллионов жителей (против 19 миллионов во Франции). В 1880 году число подданных Российской Империи превысило 84 миллиона, в два с половиной раза превзойдя ту же Францию. Накануне первой мировой войны Россия имела 190 миллионов, и не будь социальных катастроф, непрерывно сотрясавших ее в последующие десятилетия, уже в 1950 году, по подсчетам демографов, население России перевалило бы за 300 миллионов.

Такова огромная жизненная мощь русского народа, наглядно явившая себя на просторах Святой Руси. Страшная и непонятная для чужого, холодного внешне-го наблюдателя, она охотно раскрывает свои секреты всякому, вопрошающему с любовью и надеждой, приходящему за поддержкой и помощью, наукой и вразумлением. Секрет прост: в основание внешнего величия и силы русский гений положил несокрушимый «камень веры», многовековой опыт духовного единства, заботливо лелеемый Православием, как зеница ока оберегаемый Русской Церковью. Опыт личного благочестия, неопровержимое внутреннее свидетельство о правде Божией воспаляли верой и мужеством сердца русских ратников на поле боя, русских подвижников в дальних скитах и убогих келиях, русских князей в делах государственного управления.

Не раз составляли враги России хитроумные планы ее порабощения. Вот лишь несколько примеров того, как предполагалось уничтожить ненавистную, непокорную страну. Самым верным способом для этого сочли лишить Россию ее религиозной самобытности, ее православных святынь, «растворив» их в западном католичестве. Еще при святой равноапостольной княгине Ольге, в середине X века, посылает Рим первых послов в Россию. С предложением о «соединении» обращался к русским князьям папа Климент III в 1080 году. В 1207 году папа Иннокентий в новом послании к русским людям писал, что он не может «подавить в себе отеческие чувства» и «зовет их к себе». Оставшиеся без ответа, «отеческие чувства» Ватикана проявили себя в организации мощного военного давления на западные рубежи Руси. Ловкостью и политическими интригами сосредоточив в своих руках духовную и светскую власть над Европой, папы в XIII столетии всеми силами пытаются воспользоваться несчастным положением разоренной монголами Руси: против православной страны они последовательно направляют оружие датчан, венгров, военизированных монашеских католических орденов, шведов и немцев. Еще в 1147 году папа Евгений III благословил «первый крестовый поход германцев против славян».

Не брезгует Запад и антирусскими интригами при дворе Батыея — не случайно одним из советников хана является рыцарь Святой Марии Альфред фон Штумпенхаузен. В 1245 году ездил в Великую Монголию с поручением от папы Иннокентия IV к самому Великому хану минорит Иоанн де Плато Карпини, в сопровождении двух доминиканских монахов: Асцелина и Симона де Сен-Кента. Голландский монах Рюисброк был послан в Каракорум к хану Менгу владыкой Франции Людовиком IX. Европейские государи были как нельзя больше заинтересованы в продолжении татарских набегов на Русь: «Будем осмотрительны, — писал английскому королю император Фридрих III Штауфен. — Пока враг губит соседа, подумаем о средствах самообороны». Цинизм «просвещенной Европы» непередаваем: когда очередные попытки натравить монголов на Русь провалились благодаря дипломатическим талантам Александра Невского, папа, ничтоже сумняшеся, в 1248 году предложил тому же Александру союз против хана — с

условием, конечно, что князь признает главенство Ватикана. Так, ложью, лестью и насилием пытаются искоренить в Европе «русский дух».

И все же, вопреки всему, Русь выстояла, отразив восточные орды кочевников и западные — крестоносцев. Выстояла, окрепла и возмужала. Однако желающие еще и еще раз испытать ее прочность не переводились. В 1564 году, например, в Россию приехал попытать счастья на русской службе некто Генрих Штаден, сын бюргера из небольшого вестфальского городка. Он пробыл в «стране москвитов» 13 лет, нужды не знал, занимался в Москве шинкарством, водил обширные знакомства и в 1576 году беспрепятственно вернулся на родину. Тут-то и началось самое интересное. Два следующих года Штаден провел в эльзасском замке Люццльштейн, принадлежавшем пфальцграфу Георгу Гансу, где терпеливо и тщательно разрабатывал... план захвата и уничтожения русского государства. План этот — надо отдать ему должное — задуман был смело и широко, с глобальным политическим размахом. В антирусскую коалицию предполагалось вовлечь Пруссию, Польшу, Ливонию, Швецию и Священную Римскую Империю. На аудиенциях у императора и заседаниях рейхстага воинственный пфальцграф добивался создания могучего флота в Балтийских водах с целью нападения на русские владения. Генрих Штаден привлекался к проекту в качестве советника, эксперта и консультанта «по русским вопросам». «Ваше римско-кесарское величество, — писал он, — должны назначить одного из братьев Вашего величества в качестве государя, который взял бы эту страну (Россию — *прим. авт.*) и управлял бы ею... Монастыри и церкви должны быть закрыты. Города и деревни должны стать свободной добычей воинских людей...» Далее Штаден разрабатывает подробный план захвата и оккупации Руси при движении на Москву с севера. «Отправляйся дальше и грабь Александровскую слободу, — рекомендует автор, — заняв ее отрядом в 2000 человек... За ней грабь Троицкий монастырь». Затем, по его мнению, окруженная «Москва может быть взята без единого выстрела». Чтобы закрепить победу и лишить русских людей традиционного харизматического руководства, царя Иоанна «вместе с сыновьями, связанных как пленников, необходимо увезти» подальше от родной земли. Не правда ли, у создателей плана «Барбаросса» были весьма достойные предшественники?

Не прошло и трех десятилетий после неудачи этого глобального предприятия, как нашлись охотники попользоваться русской смутой, ставшей результатом затяжного династического кризиса. На этот раз за дело взялись признанные профессионалы — иезуиты, монахи католического «общества Иисуса», прекрасно понимавшие, что основа русской мощи находится в области духовной, религиозно-церковной. Размыть, пошатнуть ее с помощью так называемой «унии», то есть присоединения русской Церкви под власть папы римского — таков был их главный замысел.

Внешне Русь являла собой печальную картину разброда и хаоса. Зная, однако, как обманчив этот русский хаос, отцы-иезуиты дали своему воспитаннику, самозванцу Лжедмитрию I, занимавшему в то время русский престол, следующие инструкции: «... — Самому государю заговаривать об унии редко и осторожно, чтобы не от него началось дело, а пусть русские первые предложат о некоторых неважных предметах веры, требующих преобразования, и тем проложат путь к унии; — Издать закон, чтобы в Церкви русской все подведено было под правила Соборов и отцов греческих, и поручить исполнение закона людям благонадежным, приверженцам унии: возникнут споры, дойдут до государя, он назначит Собор, а там можно будет приступить к унии; — Намекнуть черному духовенству

о льготах, белому о наградах, народу о свободе... — Учредить семинарии, для чего призвать из-за границы людей ученых, хотя и светских...» Вам это ничего не напоминает? Похоже, идеологи перестройки поменяли только терминологию. Впрочем, тактика лицемерия и коварства всегда одна и та же...

Прошло еще триста лет. В отношении Запада к России мало что изменилось, разве что ее враги — явные и тайные — обрели силу и власть, позволившие ставить вопрос об уничтожении русской государственности и включении поработанной страны в систему международной наднациональной диктатуры. Соответственно изменились идеологические, политические, экономические методы достижения целей.

И вот на свет появился любопытнейший документ. Он широко известен миру под названием «Протоколы сионских мудрецов». Пожалуй, ни один документ не вызывал за последние восемьдесят лет столь яростных споров. Да и немудрено — в нем детально и одновременно сжато изложен план завоевания мирового господства столь циничный и подлый, преисполненный столь явного презрения к человеку и откровенного поклонения злу, столь искусно составленный, что не хочется верить в существование организации, в недрах которой могла найти свое воплощение эта страшная идея. Одни историки безусловно признают подлинность «Протоколов». Другие — столь же безусловно ее отрицают. Я далек от того, чтобы становиться арбитром в этом споре. История появления «Протоколов» довольно путаная. Впервые они увидели свет в широкой печати, когда в 1905 году русский духовный писатель С.А. Нилус включил их в свою книгу «Великое в малом». Это дало впоследствии повод утверждать, что «Протоколы» фальсифицированы царской охранкой, чтобы свалить вину за разгоравшуюся революцию на несуществующие «темные силы». Обвинение, однако, не соответствует действительности хотя бы потому, что первые сто экземпляров «Протоколов» были отпечатаны на гектографе (прокурором московской синодальной конторы, камергером Ф.П. Сухотиным) уже в 1895 или 1896 году. Годом позже «Протоколы» были размножены в губернской типографии по заказу А.И. Клеповского, состоявшего тогда чиновником особых поручений при Великом Князе Сергее Александровиче. Как бы там ни было, до конца не проясненным остается вопрос, как они вообще попали в Россию. Нам, впрочем, интересно другое: подлинны «Протоколы» или нет, но восемьдесят лет, прошедших после их опубликования, дают обильный материал для размышления, ибо мировая история, словно повинувшись приказу невидимого диктатора, покорно прокладывает свое прихотливое русло в удивительном, детальном соответствии с планом, изложенным на их страницах. Не миновала на этот раз общей участи и Россия. Судите сами. «Наш пароль — сила и лицемерие, — провозглашают анонимные авторы документа. — Насилие должно быть принципом, хитрость и лицемерие — правилом... Чтобы скорее достигнуть цели, нам необходимо притвориться сторонниками и ревнителями вопросов социальных... особенно тех, которые имеют задачей улучшение участи бедных; но в действительности наши стремления должны тяготеть к овладению и управлению движением общественного мнения... Действуя таким образом, мы сможем, когда пожелаем, возбудить массы. Мы употребим их в качестве орудия для ниспровержения престолов (Россия) и для революции, и каждая из этих катастроф гигантским шагом будет подвигать наше дело и приближать к цели — владычеству над всей землей». Первейшее основание успеха «мудрецы» видят в том, чтобы разрушить и осквернить национальные святыни народа. «Нам необходимо подорвать веру, вырвать из ума людей принцип

Божества и Духа, и все это заменить арифметическими расчетами, материальными потребностями и интересами... Священничество мы позаботились дискредитировать... С каждым годом влияние священников на народы падает — повсюду провозглашаются свободы: следовательно, только какие-нибудь годы отделяют нас от момента полного крушения христианской веры, самой опасной для нас противницы...» Тем, кому памятна страшная разрушительная роль, сыгранная средствами массовой информации в нашем недавнем прошлом, небезынтересно будет ознакомиться со следующими строками, написанными «сионскими мудрецами» сто лет назад: «Если золото первая сила в мире, то пресса — вторая. Мы достигнем нашей цели только тогда, когда пресса будет в наших руках. Наши люди должны руководить ежедневными изданиями. Мы хитры, ловки и владеем деньгами, которыми умеем пользоваться для достижения наших целей. Нам нужны большие политические издания — газеты, которые образуют общественное мнение, уличная литература и сцена. Этим путем мы шаг за шагом вытесним христианство и продиктуем миру, во что он должен верить, что уважать, что проклинать. С прессой в руках мы можем неправое обратить в правое, бесчестное в честное. Мы можем нанести первый удар тому, до сего дня еще священному учреждению — семейному началу, которое необходимо довести до разложения. Мы тогда уже будем в состоянии вырвать с корнем веру в то, пред чем до сего времени благоговели... и взамен этого воспитать армию увлеченных страстями... Мы можем открыто объявить войну всему тому, что теперь уважают и перед чем благоговейт еще наши враги. Мы создали безумную, грязную, отвратительную литературу, особенно в странах, называемых передовыми... Мы затронули образование и воспитание, как краеугольные камни общественного быта. Мы одурачили, одурманили и развратили молодежь...»

Для приверженцев конкретных фактов скажем, что «Протоколы» предсказали мировые войны, политическую форму устройства государств на десятилетия вперед, ход развития мировой экономики, черты кредитно-финансовой политики и множество других деталей жизни «мирового сообщества» с потрясающей точностью. Вот картина политической гибели независимого национального государства, описанная «Протоколами» в конце прошлого века. Сравните ее с тем, что происходит сейчас в России. «Когда мы ввели в государственный организм яд либерализма, вся его политическая комплекция изменилась: государства заболели смертельной болезнью — разложением крови. Остается ожидать конца их агонии. От либерализма родились конституционные государства..., а конституция, как вам хорошо известно, есть ни что иное как школа раздоров, разлада, споров, несогласий, бесплодных партийных агитаций — одним словом, школа всего того, что обезличивает деятельность государства. Парламентская трибуна не хуже прессы приговорила правительство к бездействию и к бессилию... Тогда мы заменили правительство его карикатурой — президентом, взятым из толпы, из среды наших креатур... Все государства замучены, они взывают к покою, готовы ради мира жертвовать всем; но мы не дадим им мира, пока они не признают нашего международного Сверхправительства открыто, с покорностью».

Выводы каждый разумный человек сделает сам. Со своей стороны отмечу, что разрушительные принципы, отраженные в цитированных выше документах, не только не устарели, но получают уточнение и развитие до наших дней. Причем, порой это происходит вполне открыто, на самом высоком политическом уровне. Пережив революцию и страшную братоубийственную бойню гражданской вой-

ны, ужас массовых репрессий и террор коллективизации, Россия явила на полях Второй мировой — Великой Отечественной войны чудеса героизма и мужества, спасая своих западных союзников. Казалось бы, времена взаимной враждебности должны были уйти в прошлое, отступив перед скрепленным великой кровью новым союзом. Но нет. Не успел стихнуть гул последних боев, как западные союзники круто изменили свое отношение к России. Самостоятельная и сильная — она никому не была нужна. «Посеяв в России хаос, — сказал в 1945 году американский генерал Аллен Даллес, руководитель политической разведки США в Европе, ставший впоследствии директором ЦРУ, — мы незаметно подменим их ценности на фальшивые и заставим их в эти фальшивые ценности верить. Как? Мы найдем своих единомышленников, своих помощников и союзников в самой России. Эпизод за эпизодом будет разыгрываться грандиозная по своему масштабу трагедия гибели самого непокорного на земле народа, окончательного, необратимого угасания его самосознания. Из литературы и искусства, например, мы постепенно вытравим их социальную сущность. Отучим художников, отобьем у них охоту заниматься изображением, исследованием тех процессов, которые происходят в глубине народных масс. Литература, театры, кино — все будет изображать и прославлять самые низменные человеческие чувства. Мы будем всячески поддерживать и поднимать так называемых творцов, которые станут насаждать и вдальблывать в человеческое сознание культ секса, насилия, садизма, предательства — словом, всякой безнравственности. В управлении государством мы создадим хаос, неразбериху. Мы будем незаметно, но активно и постоянно способствовать самодурству чиновников, взяточников, беспринципности. Бюрократизм и волокита будут возводиться в добродетель. Честность и порядочность будут осмеиваться и никому не станут нужны, превратятся в пережиток прошлого. Хамство и наглость, ложь и обман, пьянство и наркоманию, животный страх друг перед другом и беззастенчивость, предательство, национализм и вражду народов, прежде всего вражду и ненависть к русскому народу: все это мы будем ловко и незаметно культивировать... И лишь немногие, очень немногие будут догадываться или понимать, что происходит. Но таких людей мы поставим в беспомощное положение, превратив в посмешище. Найдем способ их оболгать и объявить отбросами общества».

Оглянемся вокруг: какие еще доказательства нужны нам, чтобы понять, что против России, против русского народа ведется подлая, грязная война, хорошо оплачиваемая, тщательно спланированная, непрерывная и беспощадная. Борьба эта — не на жизнь, а на смерть, ибо по замыслу ее дьявольских вдохновителей уничтожению подлежит страна целиком, народ как таковой — за верность своему историческому призванию и религиозному служению, за то, что через века, исполненные смут, мятежей и войн он пронес и сохранил святыни религиозной нравственности сокровенное во Христе понимание Божественного смысла мироздания, твердую веру в конечное торжество добра. «Из тайных скопищ безбожных исторгся вихрь мятежа и безначалия, и против державы Российской особенно дышит яростно, с шумом и воплями, как против сильной и ревностной защитницы законной власти, порядка и мира», — еще в середине прошлого века предупредил митрополит Московский Филарет, прозирая грядущую великую брань.

Сегодня пришло время подводить итоги и предъявлять к оплате копившиеся веками счета. Позор нам и вечное проклятие потомков, если мы не сумеем сделать должных выводов из горького исторического опыта, заболтаем Россию, утопив ее в словесном мусоре заседаний, собраний, митингов и конференций. Не приведи,

Господи! Пора научиться жить, надеясь лишь на Бога да на себя. Тяжелую и трудную, но жизненно необходимую работу по возрождению России никто не сделает за нас.

Настал час вспомнить слова Государя Императора Александра III, на смертном одре сказавшего наследнику-цесаревичу: «Знай — у России нет друзей. Нашей огромности бояться...» В своем завещании державный вождь России сто лет назад сказал многое, к чему стоило бы сегодня прислушаться всем, кому небезразлична русская судьба. Вот что услышал Николай II из уст умиравшего отца: «Тебе предстоит взять с плеч моих тяжелый груз государственной власти и нести его до могилы так же, как нес его я и как несли наши предки. Я передаю тебе царство, Богом мне врученное... Меня интересовало только благо моего народа и величие России. Я стремился дать внутренний и внешний мир, чтобы государство могло свободно и спокойно развиваться, нормально крепнуть, богатеть и благоденствовать. Самодержавие создало историческую индивидуальность России. Рухнет самодержавие, не дай Бог, тогда с ним рухнет и Россия. Падение исконной русской власти откроет бесконечную эру смут и кровавых междоусобиц. Я завещаю тебе любить все, что служит ко благу, чести и достоинству России... Ты несешь ответственность за судьбу твоих подданных перед престолом Всевышнего. Будь тверд и мужественен. В политике внешней — держись независимой позиции. Избегай войн. В политике внутренней — прежде всего покровительствуй Церкви. Она не раз спасала Россию в години бед. Укрепляй семью, потому что она основа всякого государства». Дай нам Бог понять, наконец, всю меру нашей сегодняшней ответственности, всю важность момента, весь ужас катастрофы, ожидающей нас, если мы не найдем в себе сил противостоять яростным порывам зла, терзающим страну. Молюсь об этом крепко и крепко верю — Россия вспрянет ото сна! Аминь!

ВАЛЕНТИНА СЕМЕНОВА

«Снисходя друг ко другу любовью...»

ЗАМЕТКИ С КРУГЛОГО СТОЛА «ВАЛЕНТИН РАСПУТИН И
СЕМЕЙНОЕ ВОСПИТАНИЕ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ»

Мысль о том, что нам необходимо заниматься не только исследованием творчества классика современной русской литературы Валентина Распутина, пришла сама собой ещё в год открытия его музея. Подумалось: а не пора ли обратиться к реальности — проблемам, которые поднимал писатель в своей прозе и публицистике? Чуть позже очень кстати в журнале «Сибирь» (2018, № 3) появилась информация о Беловских чтениях в Вологде. Оказывается, на родине Василия Белова с 2013 года в программу Чтений внесены конференции, Круглые столы по сельскому хозяйству, на которых, можно сказать, продолжают диалоги со знаменитым писателем, болевшим за судьбу деревни.

Опыт Вологды подтолкнул к действию. Ведь наш не менее известный и прославленный земляк всей душой откликнулся на беды, касающиеся очень многих сторон жизни. Эти отклики, размышления и оценки ничуть не устарели — открывайте его любую книгу.

Не могу не поблагодарить коллег-писателей и сотрудников ОГАУ «Иркутский Дом литераторов» за поддержку идеи «посоветоваться с Распутиным» и организацию первого Круглого стола на тему семьи. Начать было решено именно с неё, поскольку нет необходимости объяснять, какое важное место отводил Распутин семейному укладу, как и насколько остро стоит вопрос воспитания в наши дни.

На призыв охотно отозвались все, кто связан с воспитанием детей и подростков: библиотекари, педагоги, представители нескольких комиссий Общественной палаты Иркутской области и государственных структур. На Круглый стол в Дом литераторов им. П.П. Петрова были приглашены двенадцать специалистов из разных сфер, и пришли все. Несколько горячих выступлений последовало из зала.

Открыли заседание директор ОГАУ «Иркутский Дом литераторов» и председатель ИРО Союза писателей России **Юрий Баранов**, критик и автор этих строк **Валентина Семенова**, поэт **Василий Козлов**; он же выступил в роли ведущего.

Первое слово было дано кандидату филологических наук, кандидату культурологии преподавателю ИФИЯМ ИГУ **Валентине Ивановой**. Она коснулась распутинских страниц, на которых писатель изобразил домашнюю жизнь своих героев, «ладными, гармоничными» назвала отношения в семье Кузьмы и Марии из повести «Деньги для Марии», отметила нежность старухи Анны из «Последнего срока» к маленькой внучке, прибегавшей по утрам погреться в бабушкиной кровати. Для писателя семья — это нечто большее, чем союз мужчины и женщины и их детей, для писателя семья — это Россия, родная земля, люди, родной дом, считает Иванова, недаром он написал: «И верно — по Руси-России, как по матери, мы все кровная родня» («Русь, веси, лики, земля»).

В. Иванова побывала на Беловских чтениях и поделилась впечатлениями о том, как научные сотрудники РАН, начальники департаментов области и сельские руководители собираются под защитой слова Василия Белова, чтобы возродить русскую землю и традиции. Выразила пожелание: «Хорошо бы и нам это продолжить».

Тема, связанная с образом матери, прозвучала и у сотрудницы Музея В.Г. Распутина **Маргариты Фоминой**. Она рассказала, как музей, с опорой на героинь повестей и рассказов Распутина, проводит 25 ноября День матери. Исследуя биографию писателя, сотрудники музея обращают внимание посетителей на влияние матери на его судьбу и мировосприятие.

Анастасия Токарева, учительница русского языка и литературы Иркутской православной женской гимназии, напомнила, что В.Г. Распутин стоял у истоков этого редкого учебного заведения, был попечителем, приходил на уроки и литературные встречи. Обращаясь к залу, она сосредоточилась на вопросе: в чём смысл жизни человека? Ответ таков: конечно же, в любви, как сказано в Библии: «Бог есть любовь...».

А. Токарева подчеркнула разницу понятий «влюблённость» и «любовь». Со ссылкой на священника Илию Шугаева привела такое сопоставление:

Влюблённость

Быстротечна

«Я»

Влюбляемся во что-то

Пылкость чувств, наличие

взаимности

Любовь

Вечна

«Мы»

Любим ни за что

Жертвенность: «Как дай вам Бог

любимой быть другим»

Отсюда понятно, что любовь — это великий труд над собой, поэтому любовь возвращается в семье всю жизнь.

Большой проблемой стало, как известно, падение интереса к книге. Заведующая Центральной детской библиотекой г. Иркутска **Марина Великанова** считает: «хорошая книга в руках родителей и их чада — добрый знак того, что в этой семье будет царить духовное единство». В последние годы библиотекари вместе с родителями занимаются «продвижением (возрождением) традиций семейного чтения».

Библиотека организует семейный досуг, когда приходят родители и дети, устраивается чтение вслух, обсуждение детской классической и современной литературы, ставятся спектакли и кукольные представления по книгам. Сообща придумывают сценарии, мастерят реквизит. Предлагаются настольные семейные игры под названием «Антипланшет, или Шкатулка семейных игр», проводятся спортивные соревнования, кулинарные конкурсы. Встретились с трудностями: если есть в семье несколько детей разного возраста и учатся они в разные смены, то собрать их сложно. Но радует то, что все стараются найти удобное время для похода в библиотеку.

Некоторые выступления перекликались: в одном приводилась проблемная ситуация, в другом подсказывался выход. Так **Василий Козлов** нарисовал достаточно неприглядную картину нынешнего телевидения, отрицательно влияющего на малолетних зрителей, под названием «Экран в доме», а у **Александра Соболева**, члена комиссии по развитию гражданского общества Общественной палаты Ир-

кутской области и отца большого семейства раскрылся конкретный опыт воспитания детей в занятиях с ними, в совместных трудах. Отсюда вывод: вложенное в детей время непременно даст добрые всходы, и телевизор просто некогда будет смотреть.

Не прошёл Круглый стол мимо темы «Семья и государство», «Семья и школа». **Ирина Тябунова** — директор юношеской библиотеки им. И.П. Уткина, член комиссии по поддержке семьи, материнства и детства, назвала три документа федерального уровня, направленных на защиту и укрепление семьи. Это план мероприятий в рамках «Десятилетия детства...», «Национальная стратегия действий в интересах женщин...», «Концепция государственной семейной политики в РФ...». По её мнению, эти документы не декларативные, а действенные. В поддержку социальных проектов, направленных на благо семьи, работают такие механизмы, как «Клуб молодых родителей» при юношеской библиотеке, где проводятся лекции врачей, педагогов, психологов в помощь становлению здоровой семьи. Клуб вместе с ООО «Родители Сибири» получил поддержку Фонда президентских грантов. Работают и областные проекты, например, Губернаторский проект «Деятели культуры и искусства — жителям Иркутской области». В его рамках библиотека вместе с Краеведческим музеем провели большой конкурс инсценировок по произведениям В.Г. Распутина «Дом — частица нашей души».

Галина Бурова — методист МКУ «Информационно-методический центр развития образования» вспомнила о журнале, который назывался «Семья и школа», журнале для всех — взрослых и детей, школьников и дошкольников. Сегодня недостаёт единства между семьёй и школой, заметила методист. Уважение к учителю всегда воспитывалось в семье. Теперь мы нередко сталкиваемся с дерзостью по отношению к учителю, агрессивностью поведения в среде одноклассников.

С интересом было выслушано сообщение руководителя службы ЗАГС Иркутской области **Олега Власенко**, приведённая им статистика. Например, о том, что большая часть разводов приходится на 30-летний возраст женщин и 32-летний мужчин, после пяти–девяти лет супружеской жизни. Причины зачастую такие: экономические трудности и — «прошла любовь». Был затронут вопрос о так называемом гражданском браке. Нет другого такого понятия: «гражданский брак» — это зарегистрированный брак, разъяснил О. Власенко. А то, что получило название «гражданского брака» — это обычное сожительство, блуд. Такие браки после регистрации часто распадаются.

Неутешительная статистика прозвучала и из уст начальника отдела Федеральной службы судебных приставов по Иркутской области **Олеси Жуковой** по задолженности в выплате алиментов. Каждый 52-й житель Приангарья является должником. К тому же в последние годы увеличилось число неплательщиков за счёт увеличения женской половины, то есть матерей, что составило 23 процента от общего числа.

Тревожные ноты и тревожные цифры раздавались и в выступлениях из зала. Так, пошла вниз демографическая линия — снизилась рождаемость. Наша область лидирует по количеству детей-сирот, их более 16 тысяч, детей-инвалидов. Участились самоубийства детей чуть старше десяти лет.

В конце заседания возникла небольшая дискуссия. Не все согласились с тем, что семья и школа находятся в противостоянии. Есть немало умных и чутких педагогов, которые умеют находить общий язык с детьми и их родителями.

Выступление уполномоченного по правам ребёнка Иркутской области **Светланы Семёновой** можно считать подведением итогов Круглого стола.

— Здесь собрались люди, которые объединены работой с детьми, знают положение в семьях. Мы услышали друг друга, могли обменяться мнениями, и это очень важно для объединения усилий. Мне приходится бывать в разных регионах. И хотя в Иркутской области немало проблем, которые стоят очень остро, надо сказать, что у нас активная молодёжь, дети. Это показал Межрегиональный Байкальский детский форум. Он проходил в Иркутске уже в десятый раз. На этом форуме дети говорят о проблемах взрослых, причём очень серьёзно. В Сибири ещё сохраняются крепкие устои, не утрачены культурные традиции, они должны помочь нам преодолеть самые сложные обстоятельства.

Приводим полностью одно из выступлений — оно прозвучало в сокращении под названием «Экран в доме».

ВАСИЛИЙ КОЗЛОВ

Окно в никуда

В конце пятидесятых мы с мамой жили в Усолье-Сибирском. В трёхэтажном доме, где занимали небольшую комнатку, появился первый телевизор, причём странная символика — в первой квартире на первом этаже. Окна комнаты выходили во двор, голубое свечение, таинственное и мерцающее, волновало малышку. Взрослые соседи наполняли комнату, кто сидел на стульях впереди, кто стоял за ними, с удивлением и восторгом смотрели передачи, а мы подпрыгивали под окнами, толкая друг друга, чтобы хоть на мгновение увидеть притягивающий наши взгляды экран. Позднее, когда телевизор появился в каждом доме, вечерами все от мала до велика собирались и смотрели, обсуждая общие, объединяющие познавательные, культурные программы, художественные фильмы.

А сегодня, многие ли фильмы или передачи можно смотреть вместе с детьми?

За десятилетия телевизор остался тем же, чем был, разве что появился цвет, и аналоговый сигнал заменён на цифровой, а вот содержание этого ящика, как его привычно называют, становится всё более разлагающим. Введение ограничения по возрасту всего лишь лицемерие законодателей, оно не делает влияние экрана безопасней, а скорее всего, наоборот, запретность плода способствует отчуждению людей в семьях, а может служить и причиной конфликтов. К тому же в нашем государстве нет механизмов контроля за исполнением законов. Когда-то сближавший и объединявший людей телевизионный экран утратил это качество.

Единственный нравственно-духовный маяк — Православие — отделено от государства. Народная песенная, обрядовая культура, наряду с русской литературой какое-то время подменявшие и восполнявшие возникшую пустоту, задвинуты в подвалы запасников, хранилищ и фондов и не служат воспитанию.

Георгий Карлович Вагнер — один из крупнейших ученых, исследователей культуры и искусства Древней Руси, доктор искусствоведения, писал: «Можно смело сказать, что духовная сила нации, национальное достоинство, вообще идейно-творческий потенциал народа, главным образом, и зависит от того, насколько сохранены, глубоко осознаны и прочувствованы все духовные завоевания прошлых веков, взятые в их вершинах и глубинах. Ведь именно это и позволяет

сознавать себя достойным носителем всего великого наследия прошлого, в котором темные пятна неизбежно будут растворяться в замечательных достижениях».

В современной России происходит противоположное, тёмные пятна расплываются, как нефть по воде, убивая всё живое. Последнее столетие показало, что глобальные преобразования в стране начинались с разрушения традиционного уклада жизни.

Легко предположить, что в управление СМИ пробрались американские шпионы и разрушают устои нашей жизни, но это не так, всё значительно сложнее.

Американское влияние существенно, десятки миллиардов долларов ежегодно (по официальным данным) поступают на содержание НКО «на укрепление демократии в России». По девяностым годам мы помним, что это за подарки. Но мы и сами со времён Петра I не прочь примерять чуждые нам по фасону и не подходящие по размеру одежды, вводить в норму правила и законы, чуждые нашей самобытности. И в кабинетах первых лиц государства сегодня висит портрет Петра I, «сориентировавшегося на Запад», а, скажем, не Александра III, сделавшего Россию мощнейшей и уверенной в собственных силах империей. Хотя и о заслугах Петра не надо забывать.

Есть, конечно, «Общественное телевидение», которое содержится на деньги телезрителей. Получается неприемлемая для нормального государства ситуация. Как будто населению говорят: защищайтесь, если хотите, но на свои деньги, а разрушение будет продолжаться при поддержке государства, а чтоб оно было действенной, мы и изображение сделаем качественней за государственный счёт.

Есть канал «Спас», совсем недавно и его не было, но это капля в 20-канальном море разлитом, где капля мёда не расточит бочку яда. Бесконечными стоками течёт с экрана беспардонное презрение к народу, изуверские убийства, кровь, расчленение трупов, пытки, припудренная порнография, нескрываемое заискивание перед Западом, культ денег, ненависть политических шоу, на которых врагам нашей страны даётся право клеветать на народ, оскорблять руководителей, обливать грязью историю. Гражданина нашей страны привлекли бы за оскорбление, а им прощается. И это называется свободой слова? А зачем нам такая свобода? Чтобы наши дети и внуки погрязли в разврате и пьянстве, уничтожались наркотиками и вместо созидательного образа жизни восприняли и понесли дальше в своих душах эту помойку? Каждый человек ответствен перед Богом за своих чад, но и государство, которое этот человек содержит, не должно способствовать разрушению, но стремиться к созиданию.

Идеология современного российского телевидения — культ золотого тельца: он на самом главном и почётном месте, всё остальное подчинено ему.

Есть канал «Культура», но это всё-таки «интеллигентский канал», рассчитанный на определённую образованную аудиторию, а часто и эстетскую, народная культура там почти отсутствует. Мировая культура, классическая музыка зарубежная и русская, а где народная, из которой всё это выросло, где первоисточник?

Как ни странно и ни трагично, но последний раз хор имени Александрова я слышал после катастрофы самолёта, в котором погибли лучшие исполнители. Больше по телевидению, да и по радио я этого великого хора не слышал, и Дмитрия Хворостовского слышал в трагические дни его кончины. Других его концертов на общедоступных каналах не было.

Создаётся впечатление, что телевидение оккупировано небольшой группой людей влиятельных и состоятельных, держащей круговую оборону, а деньги се-

годня решают всё, и без введения государственного управления ничего не изменишь, и болтовня о свободе слова для одних и невозможность свободы выбора для других будет оставаться жестокой реальностью. Много ли сегодня выступает на телевидении людей, озабоченных состоянием культуры русской и других многочисленных народов России? И культура и сами народы вычеркнуты из медийного пространства. Но зато изо дня в день нам вещают о жизни и событиях, происходящих в «цивилизованном мире». Пусть мне кто-нибудь ответит, когда он последний раз видел на экране русского писателя? Их там нет не только потому, что писателей не приглашают, а ещё и потому, что не каждый пойдёт в это «собрание нечестивых».

В 2014 году проходил творческий вечер Захара Прилепина в кинотеатре «Художественный» в Иркутске. Он рассказал о том, как однажды согласился вести какое-то литературное шоу на центральном телевидении. Записал несколько передач, но в студию «позвонили из Кремля», как он сказал, и с ним работать не стали. Любопытная деталь: когда он работал со списком приглашенных, то, например, напротив одного либерального писателя стояло: придёт за 300 долларов, напротив другого — придет в среду, а напротив фамилии Распутина: сказал, что не придёт никогда.

Чиновники и депутаты, похоже, только говорят, а не думают о народе и заняты своим обогащением. Постоянно слышно об аресте то министра, то члена правительства, то губернатора, то банкира, не успевшего выехать за рубеж, по-видимому, эти люди принадлежат к какому-то другому народу, а может, внеземной расе, не связывающей свою дальнейшую жизнь с нашей страной. И сколько их уже «слиняло» в разные америки и англии.

Напомню, что в России государствообразующим, самым большим по численности является русский народ. И всякий человек другой национальности, говорящий на русском языке и принимающий русскую культуру за родную, является русским.

Наш круглый стол обращён к Валентину Григорьевичу Распутину, и будет уместно привести его высказывание: «Я не буду говорить о положении экономическом, да и не нужно этого, вы прекрасно всё знаете, говорить о культуре тоже, наверное, не очень-то нужно, потому что вы смотрите телевидение, бываете и на концертах и просто видите, что сейчас происходит, кто сейчас в культуре главенствует, кто задает тон. Как было поначалу, так и остается, только с еще большим напором, с еще большей бессовестной рекламой эти люди идут, идут и идут. Понимаете, и там, наверное, уже работа впустую, потому что того, кого они могли очаровать своим искусством, они уже очаровали. Кого они могли погубить, они погубили уже. И вот сейчас мы стоим в определенном числе, как с той, так и с другой стороны, стоим друг напротив друга, вернее, живем вместе, рядом, не соглашаясь друг с другом и понимаем, что пока сделать ничего нельзя. Государство постоянно показывает свои пристрастия к определенной группе культурных деятелей, оно их больше любит, оно их чтит, награждает их орденами, и никого я не помню из патриотической культурной элиты...

Для государства патриоты как жена, жена всегда будет тебе верна, всегда будет рядом, а с любовницей — ухаживания особые и прочее... И вот это как раз, мне кажется, немало говорит об искренности нынешней политики. Много о чем говорит.

Мне кажется, что ничего такого, что помогло бы вам выживать дальше, я сказать не могу. То есть, настолько это уже все разошлось... Не надо ни в чем убеж-

дать, это бесполезная трата времени, если вы и сейчас не поняли, то теперь уже понять ну просто нельзя. Нет, люди-то прекрасно во всем разбираются, но уже пошли на поводу у событий, надо как-то жить дальше».

(Из беседы с Распутиным. Сергей Шергунов, 2000.)

Несправедливо все наши культурно-нравственные беды сваливать на телевидение, но и отрицать его негативное влияние тоже нельзя.

Серьёзный кинематограф не проникает на телевизионный экран или является чрезвычайной редкостью, что не создаёт какого-либо заметного культурного фона. Выбора у зрителя почти нет. Бразильские сериалы сменяются американскими, индийскими. И нашими, доморощенными, которые часто являются ухудшенной калькой с тех же американских или продолжением бесчисленных шоу с бесконечными разборками на коммунальной кухне всех против всех. Начиная от знаменитостей и заканчивая нанятыми для сюжета актёрами. Неужели самих создателей не тошнит от этой пошлятины? Или это тоже пришельцы? Заработают и съедут?

В девяностых в Иркутске появилась первая жёлтая газетёнка, я спросил у одного из её издателей, «интеллигентного» молодого человека: «Тебе не противно всё это?» — «А я это не читаю». Через некоторое время он уехал в Австралию.

«Шприц останкинской телебашни впрыскивает в сознание людей кордебалет, пошлость и никому не нужную информацию», — писал в девяностые годы Владимир Крупин. Тогда это звучало смело и обличительно, на фоне сегодняшней телевизионной панорамы это звучит наивно. За тридцать лет яма падения углубилась до такого нравственного дна, с которого подняться нам, если и удастся, то только через чрезвычайные события.

Несколько десятков одних и тех же лиц мелькают в бесконечных телешоу, которые они же и ведут, приглашая друг друга, выказывая презрение к тем, кто не может быть с ними рядом, демонстрируют свои украшения и подновлённые пластической хирургией телеса, не брезгают матерной речью, устраивают склоки и разборки на грани уголовного. И всю эту тусовку называют «элитой», словом, которое ещё совсем недавно в русском языке имело хождение по большей части в растениеводстве и животноводстве, при выведении новых сортов и продуктивных пород.

И снова приведу высказывание Валентина Распутина:

«А почему, думаете, наша так называемая культурная элита потащила ненормативную лексику, а проще говоря, мат на телевидение, радио, в кино и литературу, на публичные свои сходки? Почему она потребовала легализации матерщины к ужасу даже русского мужика, умеющего выразиться крепко, но знающего для этого место и время?»

Да потому что это её нутро. Сказывается родство со Смердяковым, считавшим, что ничего хорошего в России быть не может».

Конкурсы песен, копирующие западные шоу, выявляют современных молодых и немолодых талантливых исполнителей, поющих часто не на русском языке, ими восхищаются, их приветствуют и поздравляют, но они исчезают в никуда или в лучшем случае попадают на подтанцовку известному узкому кругу узаконенных самими собой королей и примадонн. На протяжении десятков лет одни и те же лица в рекламе, в большинстве шоу и в авторских программах, со своей наглостью и глупостью, презрением к «лузерам» и «совкам», которыми являются все, кто не с ними. Именно они задают сегодня направление «культурного развития».

Пенсионеры советской эстрады поют те же песни, что в лихих девяностых: «А я уеду жить в Лондон», «Америкэн бой», большинство музыкальных заставок, озвучивание реклам сопровождается западная эстрадная музыка. Все эти «рублёвцы» зарабатывали первые большие деньги, когда детей в деревнях вынуждены были родители кормить комбикормом, чтоб не умерли с голоду. Как-то быстро все об этом забыли.

«Анатомия убийства», «Чисто английское убийство», а теперь и «Чисто московское убийство», которое, конечно же, будет покруче английского: догоним и перегоним по числу убийств в одном, отдельно взятом сериале. Ещё несколько названий фильмов и сериалов: «Отряд самоубийц», «Мыслить как преступник», «Колодец крови», «Пляска смерти», «Кровавый алмаз», «Смерть под парусом», «Заложники в пансионате», идут изо дня в день на большинстве каналов.

В последние годы дети становятся агрессивней. Девятилетние девочки дерутся «стенка на стенку».

Можно сказать, что не все подростки смотрят телевизор, и причины их ненормального поведения другие. Согласен, возможно. Но смотрят родители. Нездоровая среда, которая создаётся, в том числе, телевидением и интернетом, не может не влиять на них и, как следствие, — на воспитание детей.

Один показательный факт: в Иркутской области в последние годы снижается общее количество преступлений, но растёт число особо тяжких.

«Поле чудес», «Как стать миллионером», «Знатоки», «Столото»... Бесконечные программы приготовления еды, строительство дач и домов для миллионеров. Человека загоняют в безвыходный тупик общества потребления.

Искусство на телевидении не приживается, как новый побег на трухлявом дереве. И это губительно для здоровья нации.

«Смехопанорама», «Вокруг смеха», «Клуб весёлых и находчивых». Вместо иронии и юмора кривляние, уродство, пародирование здоровых и полезных правил жизни, бессмысленная и тупая «ржачка». Русская литература, современные писатели вытеснены из этого пространства, если и появляются, то исключительно редко и того же созвучного направления.

В стране солидный пласт собственников, которые делают деньги в России, уводят их в офшоры, покупают недвижимость в западных странах, имеют двойные гражданства, их дети учатся в зарубежных престижных университетах и не возвращаются на родину. Да и они сами живут здесь до поры до времени, пока есть возможность уходить от налогов, принятых в развитых странах. Нужна ли им образованная процветающая Россия?

Наши депутаты и чиновники любят говорить о сохранении государственного суверенитета. Но традиция, культура — важнейшие, если не сказать главные скрепы независимости страны. Насаждение чуждой культуры — лишение страны суверенитета. Нет культуры — нет суверенитета.

Критика

АЛЕКСЕЙ ШОРОХОВ

Ганина яма и лествица к небеси

Новый роман Личутина к столетию Цареубийства

Истинно говорю вам, и во (всём) Израиле не нашел
Я такой веры. Говорю же вам, что многие придут с востока и
запада и возлягут с Авраамом, Исааком и Иаковом
в Царстве Небесном; а сыны царства извержены
будут во тьму внешнюю: там будет плач и скрежет зубов.

(Мф., 25 зач., 8, 5–13)

Эмалевый крестик в петлице
И серой тужурки сукно...
Какие печальные лица
И как это было давно.

Какие прекрасные лица
И как безнадежно бледны —
Наследник, императрица,
Четыре великих княжны...

Георгий Иванов

Обнулению не подлежит

В марте 2019 года, к 79-летию писателя, издательство «Вече» представило 14-томное Собрание сочинений В.В. Личутина, в него вошёл и новый роман нашего живого классика «В ожидании Бога». Роман писался с 2011 по 2016 годы, а охватывает собой период русской жизни с семидесятых годов прошлого века по двухтысячные или, как их ещё любят называть у нас — нулевые нынешнего. В слове «нулевые» таится много чего, первое и на поверхности — это никакие, но и — обнуление тоже маячит. Уж очень хотели что-то «обнулить» запустившие это словечко! Уж не весь ли XX век нашей истории — с его потом и кровью, славой и позором? С его нераскаянными злодеяниями и оплётанными завоеваниями? Но... не получилось.

И вот в канун столетия Цареубийства появляется новый роман писателя. Он — о художниках. В русской литературе были попытки приблизиться к постижению этого таинственного дарования Божьего — живописания. Мистические («Портрет» Гоголя), неоконченные («Чёртовы куклы» Лескова), никакие — у Чехова. Но, в общем-то — мир литературы и мир краски и кисти существовали в нашей словесности параллельно (к слову сказать, у иноземцев здесь задалось поболее — начиная от Уайльда и Джойса до Орхана Памука включительно).

Личутину удалось всё: характеры русских живописцев (собираательные образы наиболее ярких наших художников конца XX века — кто-то разглядит Зверева, кто-то найдёт Шемякина, кому-то почудятся судьбы Глазунова и Шилова), их мятение и непокой, споры до четвёртых петухов, антисоветчина и богоискательство, портреты партийных бонз и утренние побудки в вытрезвителе. Жизнь. Настоящая, та самая. Кто помнит. Позднесоветская. Как казалось — жизнь в преддверии чего-то большого. Как казалось...

Художнюю братию наш классик смело разбавляет писателями — как выдуманными (главный герой романа — литератор Николай Янин), так и всамделишными — Юрием Кузнецовым, Станиславом Куняевым, Александром Прохановым. Да и сам Личутин где-то там на заднем плане с рюмочкой в руке порой проскакивает, даже в споры ввязывается, куда ж без этого.

Но... Даже если бы удалось взять весь мёд и горечь этого романа и смешать с типографской краской и электронами жидкокристаллического экрана компьютера — всё равно дальнейший разговор об этом чуде будет пустым. Неубедительным. Ненужным. Как-то даже неудобно становится за сорокалетних собратьев (я уж не говорю про тридцатилетних), когда читаешь Личутина. Семидесятидевятилетнего. И в то же время — радостно. Радостно, что он есть, он рядом, страдает, думает, кричит, плачет. Смеётся. Его смех — особый, сродни шолоховскому:

«— А ты, голубушка, куда в обыдень так вырядилась? — старушонка цепко впилась взглядом в невестку, словно бы не видела, когда та сряжалась.

— На кудыкину гору... Слышала такую? Сказывали бабы на рынке, что мужиков нынче задарма дают, сколько хошь бери. Так хотела парочку кобелей подобрать. И тебе могу привести завалыщенького, чернявенького, с ухват...

— Тьфу, Алька... Отсох бы твой язык.

— А кто даве болтал? Мне бы, говоришь, хоть и полено березовое, только бы мужичком припахивало.

— Алька, бесстыжие твои глаза. Вот нажалуюсь Стёпе, он тебя попотчует через колено да тем поленом...»

Плотяной, бесстыдствующий хохоток у Личутина глубоко народен — ибо вьётся вокруг родового, родильного начала, вокруг народного. А народ, если кто позабыл, от слова народить, следовательно, все бездетные и малодетные «любители народа» суть болтуны. В лучшем случае. Поэтому-то и говорок и шуточка Личутина народны, ибо они вокруг рождения, а не вокруг вырождения; ведь есть же и такой педерастический хохоток, такое однополое хихиканье, прочно укоренившееся в западных культурах с XIX века. Да и в русской словесности глянцевого попугаи современности и лидеры мейнстрима тоже норовят им блеснуть, только юморок их не народен, а безроден и прямо инороден русской культуре. Как, в общем-то, и они сами.

«Горыню называли вторым Левитаном, предвосхищали ему великое будущее, но в картинах Исаака Левитана всю душевность запечатленной природы перебивала неистребимая печаль, словно бы художник, списывая русскую провинцию, постоянно, как скопец из султанского гарема, ощущал себя не в северной стране, а на обетованной родине, откуда однажды ещё ребенком похитили его и угнали на невольничий рынок.

Печаль заразительна, как эпидемия холеры, она овладевает окружением, не спрашивая на то дозволения. Радость же требует объяснения, душевной слиянности; ведь радоваться за ближнего, — крайне трудно, надо носить в себе особое родственное, любовное неиссякающее благоволение. А как писать радостные

картины, когда тебе горько, тоскливо, внутренне неустроенно и болезненно, когда постоянно точит, иссушает хворь? Да, Левитан был пропитан сыновьей нежностью к божьему, так прекрасно, так пречудно устроенному миру, но художника изъедала чахотка; он был сирота, бездомный еврей без родовой крыши над головою, под которой можно бы укрыться от напастей и житейских невзгод. Где найти державы чудному живописцу от неистребимой мысли, что всё в мире временно, всё суета сует и томленье духа? Вот и писал со слезами на глазах; незамирающая печаль иссушала, отравляла ему праздник жизни, даже если и оказывался художник по случаю в сердцевине его. И потому столько последователей у Левитана, и так мало их у Шишкина с его могучим радостным гимном матери-сырой земле...»

Полукровки в чёрном квадрате

Разумеется, споры русских художников и литераторов позднезастойного и раннеперестроечного времени куда более как актуальны и сегодня. Даже гораздо более актуальны. Например, о русском и нерусском в нашей действительности.

Сегодня это уже даже и не действительность (как было раньше), а какая-то самоорганизация на уровне программы и манифеста. Время половинкиных — и в жизни и в литературе. Где автобиографическое даже в именах: Джон Половинкин, Гамлет Хайдуллаев, Отелло Качерян, а то и вовсе Святослав Рабинович. Смех смехом, но свои личные проблемы культурной и этнической самоидентификации они переносят на цельный и тысячелетний русский народ и пытаются навязать ему свои комплексы. Что в женской — наиболее восприимчивой до внешнего и некритичной части нашего народа — даже встречает некоторое сочувствие, до поры до времени, конечно, пока уж всю не вылезет из-за лацкана клубного общечеловеческого пиджака гоголевский нос, или, что чаще, свиное рыло. Они, половинкины, это глубинное отторжение чувствуют, и порой даже пытаются «понять» русское, пробиться к нему, порой даже совершенно искренне. Но тут же совершенно серьёзно обижаются, когда русское от них молчаливо закрывается. Обижаются надолго, чаще всего — на всю жизнь. Оно и легче — нырнуть обратно в свой тёплый муравейник, где все такие свои, проверенные, связанные тысячами видимых и невидимых линий. Уютно, сытно. Что ещё российскому интеллигенту надо?

А ведь из этого их культурного и цивилизационного зазора многое бы можно было увидеть — великое, удивительное, нам самим незаметное. Увидел же Даль! А возможно и Пушкин. Или — из наших современников — Михаил Тарковский. Для этого и нужно-то только одно: не учить русский народ, а учиться у него. Смириться. До простого мужичка-с, трудяги, пропойцы, если угодно. Или напротив: удивительного мастера... или ополченца.

Но куда там! Сорок веков спеси вопиют к Антихристу, даже если внешне и признали Христа.

Здесь нельзя не сказать и о современной «политической живописи». Недавно один известный политтехнолог, как говорят даже «серый кардинал» Кремля (врут, конечно), автор идей «суверенной демократии», а также «автокефальной олигархии», «модернизирующей офшоризации» и «духоподъёмной покемонизации» страны публично высказался об этом в статье «Одиночество полукровки».

Основной посыл статьи прямо скажем не нов. С оценочными колебаниями от маркиза де Кюстина до Збигнева Бжезинского включительно. С учётом мнений

о России «европейца» Мардохая Леви (в «крещении» Карл Маркс), корсиканского француза Буонопарте (в «коронации» Наполеон) и доктора без диссертации Йозефа Геббельса (просто Геббельс). Суть посылка очевидна и многострадальна: Россия — это кентавр, или, что хуже — полукровка. В разные периоды своей истории она скачет то на Восток, то на Запад. И то и другое — неправильно, скакать надо на месте (по заветам отцов-основоположников постмодернизма), можно даже придумать какую-либо кричалку — будет весело. Немножко кого-то напоминает, но это не страшно — скакать будем вместе. Тут уж, видимо, последнее место работы сказывается...

Возражать на всё это как-то даже неудобно. Такое ощущение, что небывалое отечественное интеллектуальное пиршество середины-конца XX века (от Бахтина, Гумилёва и Лосева до Кожинова и последних открытий в генетике) прошло мимо господ политтехнологов. Или сознательно отправлено ими в игнор (схему ломает).

Русские никогда не чувствовали себя полукровками и своё государство ощущали как совершенно отличное как от латинян, так и от басурман. Уже как минимум в XV веке появляется основополагающее самоопределение нашей страны как Святая Русь, так же как и самоназвание 3/4 русского народа — крестьяне (то есть христиане), поэтому и в Смутное время и в Петровщину и после — движение к латинянам становится уделом ничтожно малой процентной доли «элит»: игры в масонство и, что то же — просвещение (просвещение «знанием», а не Христом) остаются глубоко чужды народу нашему и его пониманию личности нашего пути.

То же и с Востоком: все обрусевшие и воцерковленные «татарские» фамилии (Аксаковы, Тургеневы, Карамзины) становятся величайшими патриотами России, так же, кстати, как и «немцы» — и на военной службе, и в Царствующем доме.

Историческое непонимание этого феномена свидетельствует лишь об исторической непричастности самих непонимающих к этому феномену, их общая судьба с Россией ограничивается XX веком.

В современной политической, экономической, культурной элите России, действительно, удивительно, даже оскорбительно много полукровок.

Вывод из статьи «Одиночество полукровки» адресован непосредственно российским полукровкам. Сформулировать его можно так: сама страна — полукровка, да ещё и они в ней — полукровки, получается — полукровки в квадрате, даже в чёрном квадрате. Потому что страна со своей культурой, историей, верой, в которой они живут — для них и есть чёрный квадрат, намалёванный когда-то Малевичем в красном углу на месте порушенных икон. Отсюда и Гоголь-Моголь-Центры, и вся та непередаваемая, чудовищная русофобия, которой имя уже целый XX век, от багрицких и меерхольдов до тридцатисеребренниковых и быковых включительно.

Другой вывод — человек, приведённый во власть Авеном, гарантирует «своим»: всё и дальше будет так же, будет пиар, будет постмодерн в политике, с сопутствующим обнищанием государствообразующего народа и «пенсионной реформой», но число долларовых миллиардеров будет расти.

Что ж, Запад их не принял, офшоры, яхты и футбольные клубы не помогли (Збигнев Бжезинский: «Это не ваша элита, это уже наша элита»), но и в Азию — ни-ни! Там Китай, там расстреливают олигархов и проворовавшихся чиновников, там... даже подумать страшно, особенно перед сном. Поэтому «мы пойдём своим путём» (где-то это я уже слышал), третьим путём, назовём его «суверенным путём».

Только вот времена всё более и более грозные, страшен реализм, как говорил персонаж Достоевского. Не заиграйтесь, господа. На ухабах русской истории и не такие ловкачи вылетали из птицы-тройки на полном скаку да и терялись в пыли от её копыт, даже имя их исчезало навеки. Надо посерьёзней как-то.

И если серьёзно, выход из этой ситуации представляется только один — воцерковляйтесь и обрусейте как Пастернак или Михаил Тарковский («родным в родную речь войти»), а если не получается или коробит... Сбережений у вас достаточно, счетов на Западе тоже. Дальше сами знаете...

Портрет с выколотыми глазами

Но это в сторону, хотя и лежит в русле ежеминутных личутинских мыслей и интуиций о России и русской культуре. Есть вещи и поважнее «мыслей о культуре».

Не случайно, что роман «В ожидании Бога» появляется накануне столетней годовщины убийства Царской Семьи. И это — основная сюжетная линия романа. Потому что нигде (!) я не встречал столько муки, столько безмолвного крика и надрыва души об этом страшном злодеянии, как у Личутина. Да простят мне сравнение — на ум приходит только старец Николай Залитский и его воинствующий с этим вневременным злом непокой, где вот так же через всю жизнь и молитву сияет непрекращающаяся боль о екатеринбургском сатанинском действе.

И новый роман Личутина — это одна сплошная мука: почему, почему, Господи?

Вспоминая слова Спасителя — во всей России не нашёл я такого покаяния, как в мятущейся, плачущей, вопрошающей этой книге!

Главный герой романа, писатель Николай Янин — удивительно, я бы даже сказал, промыслительно похож на последнего русского императора. От имени до внешности. Он эту внешность всю эксплуатирует, носит даже такую же бородку, почему и зовут его друзья «Коля Царь». А в друзьях у него, по Личутину, всё те же выдуманные живописцы да всамделишные писатели.

«Рахманин сказал однажды:

— Не родись похожим на всесильного мира сего, — обстоятельства заключают, если ты тряпка, иль заведут в петлю, если впадешь в гордыню. Судьба того человека повторится в тебе. А ты, старичок, — копия царя Николая Второго. Это реинкарнация, перевоплощение, его душа заняла твоё тело и задушила его.

— И что, выходит, мне конец? — спросил я у Юрьи.

— Ну, зачем... Просто тебе нужны двойные, тройные усилия, чтобы не растянуться на ровном месте, кривое — выпрямить, не поддаться посулам, не свернуть за бесами. Они испытывают тебя на крепость, чтобы после купить подачами. А ты, Коля, к несчастью своему, в бутылку спрятался, в вине нашел себе Спасителя. Если ошибаюсь, извини, старичок.

— И всё-таки Николай Александрович, самодержец наш был не самый плохой человек в России, если супостаты, слуги антихристовы, отняли у него жизнь.

...Может всё наплёл Рахманин, спутал по обыкновению божий дар с яичницей, ведь я гол, как сокол, — думает дальше Николай Янин, — а царь Николай имел всё, и это Всё потерял одним часом на станции «Дно»: власть, государство, народ, жену, будущее детей и саму жизнь. Вся история отречения третьего марта семнадцатого года заняла сорок пять минут. Пришли два наглых прохвоста масоны Гучков и Шульгин и заставили написать отречение, якобы в пользу брата

Михаила. А ведь у Николая в услугах были армия, охрана, сыщики, верные черносотенцы, двор, поклонники из низов, жандармы, архирей, хоругвеносцы, да и сам Отец с Сыном и Святым Духом стояли за него щитом, ибо был государь наместником Бога на земле... Но не прошло и часа, как всё развеялось, словно дым, мара и кудесы, будто волшебный напуск и чары; власть оказалась миражом, в котором пропали, как ветром сдуло, три века династии, поклоны, марши, привилегии, богатство, латифундии, золото и алмазы...

Всё стремительно покатило с горки, заколебалось, утратило жизненный смысл и путеводную нить, при царском Дворе «окаянные», потерявшие всякий разум, принялись неистово звать революцию, кричать скорых перемен, носить под окнами Зимнего красные флаги и алые банты в петлицах, призывая кровь и насилие...

Наверное, рассчитывали, де спасёт Николая двоюродный братец, английский король Георг Пятый, удивительно похожий обличем на русского самодержца, ну прямо копия, да начались интриги при дворе, наступили на родственную мозоль Ротшильды (еврейские ростовщики), для кого русская монархия, — кость в горле; запрудила и не проглотить; вот и не сладилось освобождение государя из рук «февралистов». Еврейский фунт стерлингов оказался куда весомее родства, вековых преданий, сострадания, той русской жалости, которая куда сильнее закона и самой правды...

И всё-таки виден отблеск святости на челе убиенного монарха, нечто такое необыкновенное в трагической его судьбе, что затушевывало слабость царской природы, заставляло русское сердце захлебнуться жалостью, а неискушенный простонародный ум — изумлением и негодованием к погубителям, — и тут невольно воскликнешь: братцы, а за что-о казнили!? Ведь не простой был в сущности человек, а обошлись, как с земной тварью, с таким презрительным унижением и садистским наслаждением, что вздрогнешь в недоумении, — а какой сатанист посмел на такое решиться!? Так небрежно, с издевкою и глумлением растоптали семью самодержца, и вот сама казнь невольно исполнилась неким сакральным неземным светом, указывая путь к церкви множеству в общем-то равнодушных, слабых в православной вере людей».

В этих постоянных вопрошаниях и боли о произошедшем и бьётся сюжетная линия романа. Основной, поворотный для многих героев повествования момент в книге происходит после пожара в мастерской одного из художников — Горыни. Мастерская ли в центре города, слава ли и успех «мазилки», духовные ли поиски Горыни тому виной, но его мастерская со всеми работами за многие годы сгорает. Всё свидетельствует о поджоге. Художник и его семья остаются буквально ни с чем. Уцелел только один портрет Государя в момент отречения.

«... Портрет русского императора с выколотыми глазами и дыркой во лбу притягивал взгляд. Царь Николай Второй стоит у окна, вполоборота, с опаской дожидаясь встречи с неверными, которую не избежать. Сейчас придут за отречением; уже не могут ждать, припекло чертей; уже копыта стучат. Несчастливая государыня, бедные дети... Душа плачет, отнимает всякую дерзость, мужество и отвагу. Всю ночь молился, стоял на коленях, просил совета у Господа; Он сказал, — откажись, не по сеньке шапка... Отсюда и нерешительность, шаткость во всей фигуре, в окне багровый закат, внизу чугунная недвижная река. Наверное, до него уже донесли вести о близкой беде. Иначе откуда бы взяться признанию: «Всюду трусость, предательство и обман».

Но, увы, судьба всероссийского Отца родимого уже была тайно вырешена за океанами, но мало кто знал на Руси о мерзкой кощуне, затеянной придворными «амфисбенами» и ростовщиками. Мировые «каменщики» утвердили приговор, накидали на бумагу сургучных печатей, чтобы выглядело всё законно, и дело стало лишь за палачами, которых торопливо отыскивали на задворках Европы английские менялы. Даже во Дворце за царя перестали молиться, так нестерпимо захотелось от него избавиться и получить долгожданную волю, и денежную мзду; и пастыри скоро, опоённые ядовитым зельем неверия, отшатнулись от своего помазанника, перестали поминать на молитве, перекрыли голос церкви.

...И вот курки уже взведены, и ружья изготовлены к убиению царской семьи; нужна лишь решительная натура, готовая в последнюю минуту отвести ствол. Где они, куда попрятались эти жертвенные молитвенники, готовые свою жизнь положить за русского царя? В каких чащобах заблудились «черносотенные фаланги» под имперскими стягами? Какое-то окаянное непробудное «очарование» вдруг накатило на Русь, и многие, скоро упав духом, приготовились испить смертную круговую чашу. Ещё не начиналось сражение, а они уже возлегли на одр, скрестив на груди руки. В рай заспешили, в рай... А другие бросились бежать стремглав за бугор...

На недвижной чугунной реке в углу холста Янин разглядел вроде бы случайные невнятные слова: «Мене, текел, фарес».

Горыня ли нацарапал пророчество иудеев в пьяном уме, иль чужая умышленная рука вдруг напомнила о себе, прежде чем сжечь мастерские? Что-то подобное было написано на стене Ипатьевского дома после казни гнезда Романова, когда отправили в «господеви покой» батьку с маткой и всё гнездо...»

И в этом самом портрете (за рамой) найдут приятели забытую записку на чёрный день, тысячу зелёных заокеанских бумажек, да только не пойдёт она художнику Горыне впрок (тут уж привет Николаю Васильевичу Гоголю с его «Портретом») — покатится художник с этих самых денег вниз да по наклонной, поедет рисовать портреты европейских заправил да ротшильдов, сытно заживёт, но... тоскливо. Может та же рука, что сожгла мастерскую и глаза Государю на портрете выколола, и деньги эти проклятые подбросила? Личутин не уточняет.

А сам Янин, «Коля Царь», так неудачно примеривший на себя судьбу последнего русского самодержца, лишится глаза от снайперской пули и едва выживет в топке новой русской революции — в Октябре 1993 года.

Но и это пройдёт, всё успокоится, бильём порастёт, новыми заборами от старого мира отгородится — и останется в конце романа, так же как и в его начале, только одно: что же произошло в ту страшную июльскую ночь в подвале дома Ипатьевых в Екатеринбурге? Почему это так болит и не отпускает душу русскую? Почему, Господи?

АННА ТРЕТЬЯКОВА

Всякий человек — загадка...

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ТУРГЕНЕВА И ДОСТОЕВСКОГО

В 2018 году 9 ноября по новому стилю отмечалось 200-летие со дня рождения И.С. Тургенева. Проблема взаимоотношений И.С. Тургенева и Ф.М. Достоевского интересна читателям, прежде всего, тем, что эти мастера слова — люди своей эпохи. Важно определить, на мой взгляд, что объединяет и что разъединяет в мировоззренческих установках И.С. Тургенева и Ф.М. Достоевского. Возможно, через Ф.М. Достоевского мы увидим подлинную личность И.С. Тургенева, его искания и размышления.

Одной из актуальных тем в русской литературе является тема отношений западников и почвенников. Яркими представителями этих течений были И.С. Тургенев и Ф.М. Достоевский. Нам важно рассмотреть концептуальный образ каждой языковой личности. Мы постараемся понять и разгадать особенности менталитета русского человека на примере взаимоотношений и творческого наследия Тургенева и Достоевского.

Достоевский, как Прометей, дал тот священный огонь любящего и страдающего сердца, которое не приемлет равнодушия к судьбе человека. И, воспитывая в нас, уважаемый читатель, совесть, Достоевский учит наши сердца нравственной правде. В XXI веке мы, оставленные один на один с тайной своего «внутреннего я» и содрогнувшиеся перед бездной бессознательного, сильнее, чем когда-либо, нуждаемся в целительном Слове Достоевского и Тургенева.

Но самое удивительное в том, что выражение «Всякий человек — загадка» принадлежит перу И.С. Тургенева. Эту фразу произносит Базаров в ключевой сцене романа «Отцы и дети». Так чем же похожи эти два гения русской литературы, на творчестве которых воспитывалось не одно поколение читателей?

Напомним, что Достоевский выделял роман «Отцы и дети» Тургенева. Об этом свидетельствует письмо И.С. Тургенева — Ф.М. Достоевскому: «Любезный Федор Михайлович, мне нечего говорить Вам, до какой степени обрадовал меня Ваш отзыв об „Отцах и детях“ (...). Между прочим, некоторые читатели, современники Тургенева, не понимали иронического оттенка речей Евгения Базарова. И подумать только, советовали писателю бросить свой роман в огонь! Меня изумили слова И.С. Тургенева о том, что он создает определенный образ читателя. И Достоевский-читатель понимает саму суть тургеневского таланта — ироническую составляющую его мировоззрения. Вот так об этом пишет Тургенев из Парижа 30 марта 1861 года: «Вы до того полно и тонко схватили то, что я хотел выразить Базаровым, что я только руки расставлял от изумления — и удовольствия. Точно Вы в душу мне вошли и почувствовали даже то, что я не счел нужным вымолвить. Дай бог, чтобы в этом сказалось не одно чуткое проникновение мастера, но и простое понимание читателя»¹. Таким образом, Достоевский-читатель в своей экзистенции — существовании преодолевает иронический метод и осмысливает свой опыт в виде положительного отклика. Но как Достоевский-писатель он идет дальше и исследует глубины человеческой природы. Он постигает противоречивость

¹Тургенев И. С. Письма. Т. 12. М., 1959. С.334.

русской души в «Бесах» и «Братьях Карамазовых», где человек познает жизнь через страдания и через испытания приходит к Христу. Алеша Карамазов — это богоискательство, нравственная воля, страдающая совесть, всё это отличает русского человека Ф.М. Достоевского.

Но если дуализм мировоззрения Тургенева основан на преодолении философии Гегеля, где во главу угла поставлено утверждение индивидуализма человеческой личности, и при этом одно из убеждений автора — это антитеза человека и равнодушной природы. Так считает Зеньковский, и мы с ним согласны². Так «западные очки», которые примерил И.С. Тургенев, безусловно, влияли на то, что он свои мировоззренческие установки, на мой взгляд, располагал по степени значимости именно так: Знание, Просвещение, Наука, Человек, Правда, Искусство, Народ. Сравните, как Ф.М. Достоевский мог бы назвать свои духовные ориентиры в нескольких словах, где градация идёт от самой главной ценности: Почва, Искусство, Красота, Спасение, Человек, Народ, Правда, Просвещение. При этом не случайно, когда встал вопрос перед Достоевским, как назвать новый журнал после закрытия «Времени», предлагались названия «Почва», или «Правда». Следовательно, «почва» — это особая правда. Это единение с русским человеком, с его правдами и загадками, с его стремлением к истинному обновлению всей своей прежней жизни. Прометеев огонь всемирной отзывчивости, русская идея сострадания своему ближнему по христианским началам — вот открытия Достоевского, которые воплощают нашу русскость. Но если мы вдумаемся, не откроется ли такая же правда о сострадании в героях Тургенева, например, в разговоре умирающего Базарова со своим стариком отцом?

С чего же начинался процесс создания того или иного художественного образа героя у Достоевского и Тургенева?

Вот что пишет М.М. Бахтин в книге «Проблемы творчества Достоевского»: «Не типы людей и судеб, объективно завершённые, — а типы мировоззрений (Чаадаева, Герцена, Грановского, Бакунина, Белинского, петрашевцев, нечаевцев и т.п.). И мировоззрение он (Достоевский) берёт не как абстрактное единство и последовательность системы мыслей и положений, а как последнюю позицию в мире в отношении высших ценностей»³. Иначе говоря, Достоевский за основу своего творческого метода брал крайнюю, последнюю установку прототипа, т.е. в начале замысла появляются мировоззрения, а затем уже сюжет и сюжетные судьбы персонажей. Имеется в виду то, что Достоевский ищет присущий только каждому отдельному персонажу «свой голос». Но при этом его герои, по словам М.М. Бахтина, обладают незавершённостью, потому что всё время находятся в «пространстве диалога» и этим интересны читателям. Значит, только когда писатель изучил мировоззренческое своеобразие установок Тургенева, он создал такую удачную пародию на автора «Дыма».

В словаре указано такое определение мировоззрения: «В его структуру входят принципы творческой деятельности, установки и ориентиры. Характер мировоззрения определяет и задаёт способ видения мира, обязывает к линии творческого поведения и действиям в соответствии с определёнными идейно-эстетическими, нравственными принципами»⁴. Страх своей гегелианской философией укреплял реалиста в Достоевском. Именно реализм в высшей степени роднит худо-

²Зеньковский В.В. Русские мыслители и Европа. М., 1997. С. 290.

³Бахтин М.М. Проблемы творчества Достоевского. Киев, 1994. С. 196.

⁴Эстетика: Словарь / под общ. ред. А.А. Беляева. М., 1989. С. 205.

жественные методы Тургенева и Достоевского. Именно в сопоставлении таких начал, как дух и материя, в осмыслении гегелианства и «страховщины» выражается уникальность мировоззрения Достоевского. Если согласно принципу творческой деятельности у Тургенева необходимо создать историю-биографию персонажа, затем идет разработка идеи, то у Достоевского же герой рождается через идею-сверхмысль, которой подчиняется весь образ. Так идея «все позволено» определяет внутренний мир Ставрогина, Раскольникова, Ивана Карамазова. Однако мироощущение Достоевского отличается от убеждений его героев. В общем, в мировоззрении русских писателей отражаются духовные установки на искусство, природу, науку, общество и человека.

Первая встреча Достоевского и Тургенева произошла в ноябре 1843 года у Белинского. Тогда состоялся литературный дебют Достоевского с произведением «Бедные люди». Белинский с Тургеневым прочитали эту работу в рукописи, пришли к Достоевскому и объявили, что он настоящий талант. Однако в последующие годы Тургенев и Белинский охладели к Достоевскому и не понимали ни его повестей, ни его литературного масштаба в полной мере.

Для анализа отношений между писателями я использую документальный источник — исследование Будановой Н.Ф. «Летопись жизни и творчества Ф.М. Достоевского». Около 10 ноября 1845 года в Петербурге Достоевский у Белинского ближе знакомится с Тургеневым. А до 15 ноября 1848 там же Достоевский читает роман в девяти письмах, который он написал в одну ночь. У Белинского Достоевский всех удивил и покорила. «Белинский под влиянием произведения молодого писателя заявляет, что теперь уверен в Достоевском совершенно», потому что «Достоевский за всё может браться». Дальше в конце января 1846 года в Петербурге было написано пародийное послание Белинского Достоевскому: «Рыцарь горестной фигуры». В соавторстве принимали участие: Некрасов, Панаев, в общем, сотрудники «Современника». После этой пародии, мы думаем, что Достоевский замкнулся в себе и стал избегать общения с сотрудниками этого журнала. Постепенно Достоевский «накрутил» себя до последней степени. И его раздражительность вылилась в первую ссору с Тургеневым. Это было в конце февраля 1848 года в Петербурге. Вот как об этом упоминает Н.Ф. Буданова: «При встрече Достоевский не мог сдержаться и дал волю накипевшему в нем негодованию, сказав, что никто из них ему не страшен, что дай только время, он всех их в грязь затопчет (...)»⁵. Достоевский, я думаю, был глубоко уязвлен тем, что на него написали пародию. Вообще, по традиции XIX века, многие писатели пародировали друг друга. Но не таков был Достоевский. Он обладал высокими представлениями о писателях того времени, и вдруг они (о, ужас!) снизошли до пародии. Вот каким юношеским восторгом наполнены слова Достоевского о Тургеневе, сказанные раньше: «Но, брат, что за человек! Я тоже едва ль не влюбился в него. Поэт, талант, аристократ, красавец, богач, умён, образован, 25 лет, — я не знаю в чём природа отказала ему? Наконец, характер неистошимо прямой, прекрасный, выработанный в доброй школе», — так писал Достоевский своему брату Михаилу⁶.

Мне удалось найти саму эпиграмму в воспоминаниях Я.И. Полонского о Тургеневе («И.С.Тургенев у себя в его последний приезд на Родину»).

Яков Полонский рассказывает, что Тургенев стал однажды вспоминать эпи-

⁵Буданова Н. Ф. Летопись жизни и творчества Ф.М. Достоевского в трех томах. Т. 1. С-Пб., 1993. С. 135.

⁶Образы Ф.М. Достоевского в иллюстрациях Ильи Глазунова : фотоальбом / сост. Н.А. Виноградова-Бенуа. М., 1986. С. 138.

граммы, которые он написал. Этим же вечером писатель прочитал эпиграмму на Одоевского, Дружинина, Кетчера и Боткина. Многие, например, Дружинин «первый смеялся, когда я прочёл ему»⁷. Внезапно Тургенев вспомнил эпиграмму на Достоевского, написанную им ещё в сороковых годах, после повести «Бедные люди». Полонский очень удивился, потому что он не знал, что Тургенев иронизировал над Достоевским:

*Рыцарь горестной фигуры!
Достоевский, юный пыщ;
На носу литературы
Ты вскочил, как яркий прыщ,
Хоть ты новый литератор,
Но в восторг уж всех поверг,
Тебя хвалит император,
Уважает Лейхтенберг.*

Вот что пишет Полонский: «В ней (эпиграмме) нет ничего особенно обидного, соль её далеко не едкая; но Достоевский, уже в то время болезненный, был не из числа тех юношей, которые, прочтя эпиграмму, отнеслись бы к ней шутя, как Дружинин, или бы охотно ему за неё простили, как Кетчер»⁸. Полонский думает, и мы с ним согласимся, что тогда семя вражды между Тургеневым и Достоевским пустило свои корни.

Примерно таков же взгляд на эпиграмму М. Басиной в документальной повести о Достоевском «Сквозь сумрак белых ночей», мы процитируем: «Вдвоем с Некрасовым Тургенев написал стихотворение "Послание к Достоевскому" от лица Белинского. Начиналось оно словами "Витязь горестной фигуры, Достоевский милый пыщ...". Первое определение означало рыцаря печального образа, т. е. Дон-Кихота, второе произведено было от слова «напыщенный», т. е. надутый, много о себе возомнивший». В этом представлении об особенностях характера Достоевского М. Басина и Полонский сходятся во мнениях. При этом М. Басина пишет: «Витязь горестной фигуры», а у Полонского приведено: «Рыцарь горестной фигуры». Но в главном точки зрения исследователей совпадают, в частности, в понимании особенностей характера Достоевского. Полонский объясняет тургеневскую иронию тем, что Тургенев рано заметил самомнение Достоевского, а это чувство было не свойственно Ивану Сергеевичу. Обыгрывание реальных подробностей со сниженными деталями — вот пародия Тургенева. Почти так же Достоевский позднее создаст свою пародию на Тургенева в романе «Бесы».

Но и после ссоры Тургенев искренне, с теплым участием следит за литературной деятельностью Достоевского. Значит, Тургенев понимал, что сказанная в сердцах Достоевским тирада не отменяет его высокого писательского мастерства, и Тургенев уже тогда простил «тревожную лихорадочность» (термин Н.Ф. Будановой) манеры общения Федора Михайловича.

В 1849 году Достоевский из-за дела петрашевцев был приговорен к расстрелу. Но в последнюю минуту ему даровали помилование — ссылку на каторгу. Достоевский именно тогда понял, что «всякий человек — загадка». И что он посвятит размышлениям о духовном становлении в человеке гуманистических ценностей всю свою жизнь.

⁷Тургенев в воспоминаниях современников. Т. 2 / сост.: С.М. Петрова, В.Г. Фридлянд. М., 1986. С. 399.

⁸Там же. С. 400.

Достоевский вернулся в Петербург в 1867 году. Дружба с Тургеневым возобновилась. Объединил писателей актерский талант. Участие в спектакле «Ревизор» Н.В. Гоголя, поставленном Литературным фондом 14 апреля 1860 года в Петербурге, сыграло свою роль в примирении. Тургенев исполнил роль купца, Достоевский — почтмейстера. Комическая сторона духа писателей на этот раз привела к возрождению былой дружбы.

Однако позднее тонкая, ироничная натура Достоевского взбунтуется, и он напишет пародию на Тургенева в романе «Бесы». Но это потом. А пока Достоевский приступает к изданию журнала «Время». Тургенев принимает искреннее участие в поддержке этого начинания. И он готовит для этого издания своё произведение — «Призраки». Тогда Достоевский всем говорит, что романы Тургенева достойны самого высокого звания в литературе.

Тургенева и Достоевского сближает система взглядов — на патриотизм, народ, русский язык. Но в то же время западник Тургенев и почвенник Достоевский критикуют недостатки российской действительности. И тот и другой думают, что просвещение спасет русский народ. Но стремления Достоевского «больше славянофильские», хотя оба не отрицали богатой культуры Запада⁹. Вот что Достоевский пишет в одной из статей: «Идея общечеловечности всё более и более стирается между ними (европейцами. — *А.Т.*). У каждого из них она принимает другой вид, тускнеет, принимает в сознании новую форму. Христианская связь, до сих пор соединявшая, с каждым днём теряет свою силу. Даже наука не в силах соединить всё более и более расходящихся. Положим, они отчасти правы в том отношении, что эти-то исключительности, это взаимное соперничество, эта-то замкнутость от всех в самих себя, эта гордая надежда на себя одного и придает каждому из них такие исполинские силы в борьбе с препятствиями на пути. Но тем самым препятствия всё более и более множатся и множатся. Вот почему европейцы совершенно не понимают русских и величайшую особенность в их характере назвали безличностью (...)). (Подумать только, но слова Достоевского звучат сегодня современно и актуально, не так ли, дорогой читатель?) И далее: «Но с нами согласятся по крайней мере, что в русском характере замечается резкое отличие от европейского, резкая особенность, что в нем по преимуществу выступает способность высокосинтетическая, способность всепримиримости, всечеловечности. В русском человеке нет европейской угловатости, непроницаемости, неподатливости. Он со всеми уживается и во всё вживается. Он сочувствует всему человечеству вне различия национальности, крови и почвы. Он находит и немедленно допускает разумность во всем, в чем хоть сколько-нибудь есть общечеловеческого интереса. У него инстинкт общечеловечности»¹⁰. Однако, по моему мнению, у Достоевского преобладала идея соборности, идея русского народа — богоносца. В этом была «почва», основа его мировоззренческих идей. Достоевский видел пороки Запада, но и его достоинства. И он в своих статьях утверждал идею всемирной отзывчивости русского сердца, поэтому образ Потугина из «Дыма» Тургенева оскорбил чувства и убеждения Достоевского. Тогда эмоции у последнего взяли вверх над волей, и вот что произошло дальше. Достоевский пришёл к Тургеневу в 1867 году в Баден-Бадене, и между друзьями произошла грозная ссора. "Эту книгу надо сжечь, взяв рукою палача", — сказал Достоевский (имея в виду «Дым»).

⁹Афанасьев В.В. Боголепов П. К. Тропа к Тургеневу. М., 1983. С. 134.

¹⁰Достоевский Ф.М. Искания и размышления (Ряд статей о русской литературе). М., 1983. С. 97.

В это время Тургенев просто и вполне естественно осведомился о причинах»¹¹. В ответ он услышал тираду Достоевского о ненависти Тургенева к России. Поскольку это было не так, Тургенев оскорбился. После этого бывшие понимающие друг друга — читатели и просто друзья — Тургенев и Достоевский не захотели даже поклониться друг другу при случайной встрече. Но и после некоторого времени Тургенев вновь прощает Достоевского и искренне радуется стойкости его характера (закрытие журнала «Время»).

Вот что пишет Тургенев Достоевскому: «Я часто думал об Вас все это время, обо всех ударах, которые вас поразили — и искренне радуюсь тому, что Вы не дали им разбить Вас вконец»¹².

Вдруг мы снова задумываемся, что за загадка — человек, когда узнаем из книги Будановой о новой ссоре Достоевского с Тургеневым, которая носит мировоззренческий характер. Вечером 22 июля 1867 года Достоевские приезжают в Баден. 23 июля Достоевский играет в рулетку и проигрывает. Затем идет читать газеты. На другой день снова Достоевский играет в рулетку допоздна. И то выигрывает, то проигрывает. Такие «качели» везения — невезения повторяются и 25 июля 1867 года. Затем вместе с женой встречаются по дороге Гончарова, который сообщает, что Тургенев видел вчера Достоевского, но не подошел к нему во время игры. Гончаров советует Достоевскому пойти к Тургеневу, чтоб тот не подумал, что Достоевский из-за долга его не узнал. Достоевский не решался отправиться к Тургеневу. В первый свой визит Достоевский не застал его дома. Что творилось тогда в душе и сердце Федора Михайловича, мы можем только разгадывать по биографическим деталям. 27 числа после визита он проигрывает, закладывает кольцо, наконец, о радость! Выигрывает. После чего вечером с женой слушают музыку Россини. Наконец 28 июля в Бадене утром Достоевский приезжает к Тургеневу. Они начинают спорить о романе «Дым», европейской цивилизации, исторических судьбах России и Европы. Как говорил потом Достоевский, Тургенев доказывал, что «есть одна дорога и неминуемая» — это цивилизация»¹³. Думаю, что в этом слове всё различие мировоззренческих установок Тургенева и Достоевского. Статья Достоевского «Зимние заметки о летних впечатлениях» отражает позицию писателя на данный вопрос в споре. Здесь уместно вспомнить, что советует молодым писателям Тургенев в своей статье «По поводу "Отцов и детей"»: Кроме таланта им необходимо «постоянное общение со средою, которую берешься воспроизводить; нужна правдивость, правдивость неумолимая в отношении к собственным ощущениям, нужна свобода, полная свобода воззрений и понятий — и, наконец, нужна образованность, нужно знание! А! понимаем! видим, куда вы гнете! — воскликнут здесь, пожалуй, многие. Потугинские идеи — цивилизация». «Подобные восклицания не удивят меня; но и не заставят отступить ни от одной йоты»¹⁴. То ли разозлила Достоевского ирония над славянофилами в этой статье, то ли из-за долга, но спор на этот раз в Баден-Бадене надолго заставил Тургенева и Достоевского не восстанавливать свои взаимоотношения.

Как пишет исследователь А.С. Долинин, «Как Раскольников есть дальнейшее развитие Базарова, так и Кармазинов — Потугина»¹⁵. Так идея нигилизма проходит своё развитие от образа Потугина (из «Дыма» И.С. Тургенева) до Петра Вер-

¹¹Афанасьев В.В. Боголепов П.К. Тропа к Тургеневу. М., 1983. С. 134.

¹²Буданова Н.Ф. Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского в трёх томах. Т. 1. С-Пб., 1993. С. 480.

¹³Там же. С. 122.

¹⁴Тургенев И.С. По поводу «Отцов и детей». Т. 10. М., 1962. С. 137.

¹⁵Долинин А.С. Достоевский и другие. Л., 1989. С. 244.

ховенского («Бесы» Ф.М. Достоевского). Не зря Базарова Достоевский понимал как глубоко трагический образ. Но если в своей силе образ Базарова вызывал у Достоевского восхищение, то «западные очки» потугинского образа могли быть восприняты только пародийно. Обратите внимание, дорогой читатель, какое у вас восприятие Кармазинова в романе «Бесы», и совпадает ли оно с авторской позицией?

Кармазинов изображен Достоевским иронически в момент публичного чтения своего произведения. А.С. Долинин утверждает, и мы с ним солидарны, что Достоевский обыгрывает пессимистичность тургеневского слова («Дым», «Довольно»). Достоевский очень точно и верно улавливает несоответствие ситуации чтения произведения Кармазинова и его театральности поведения, особенно прощания писателя с читателем. Значит, некоторая театральность жизни не импонировала Достоевскому. Когда Достоевский писал роман «Бесы», как раз вышла из печати тургеневская «Казнь Тропмана». Возмущению Достоевского не было предела. И, как читателю, Достоевскому не нравилась субъективность тургеневских переживаний, а как у писателя — возникло желание обыграть личность Тургенева, что и было сделано немедленно. Описание внешности и манеры говорить Кармазинова сразу настраивает читателей на пародию. Большой социальный фон (образы слушателей) только усиливает комический эффект, что позволяет писателю изобразить лишь эпизоды чтения. Однако авторские прямые вопросы читателю создают ироническую двуплановость текста, что отражает соль пародии. Романтический оттенок тургеневского «Довольно» Достоевский разоблачает, используя слова разных стилей. Кроме того, Н.В. Кашина приводит в главе «Жизнь полна комизма» очень важную мысль. Она полагает, что «комическая ситуация "Бесов"» напоминает, хоть и отдаленно, классическую ситуацию "Ревизора". Когда ловкий городничий обманывается, потому что боится разоблачения. Персонажи "Бесов" боятся быть недостаточно прогрессивными, отстать от времени»¹⁶. Вся их «прогрессивность» — это наваждение западничества, что и развенчивает Ф.М. Достоевский в своем парадоксальном произведении.

* * *

Как справедливо пишет Г.Б. Курляндская, цитируя Н.Я. Берковского и находя сходство между Тургеневым и Достоевским, «Уже первые критики, говорит И.Я. Берковский, — среди них Эннекен, — писали, что отношение русских писателей к действительности антропоцентрично, что русские писатели сводят мир к человеку и упорно оценивают мир с человеческой точки зрения»¹⁷. Ученые считают, что русский антропоцентризм — главная черта русской литературы, объединяющая идея творчества И.С. Тургенева, Ф.М. Достоевского и Л.Н. Толстого. И далее: «Герои из романов Тургенева, Толстого, Достоевского выступали со своими глубокими нравственными исканиями, во всей человеческой сложности». Однако, по моим наблюдениям, они показывают весь ужас нигилизма в человеке. По Достоевскому, образ Николая Ставрогина — это словно «тургеневский образ» в развитии, словно потугинский поверхностный европеизм и утрата героем кровной связи с народом. Не зря Шатов в романе «Бесы» рекомендует Николаю Ставрогину «добыть Бога» с помощью постижения нравственной правды, достигнув её хотя бы «мужицким трудом». Но если у Тургенева Базаров в «Отцах и детях»

¹⁶Кашина Н.В. *Человек в творчестве Ф. М. Достоевского*. М., 1986. С 157.

¹⁷Курляндская Г.Б. *И.С. Тургенев и русская литература*. М., 1980. С. 188.

четко чувствует эту самую народную нравственность, он ясно отличает добро от зла и, пусть так и не успев ничего совершить, мужественно принимает свою долю, то «полный нигилист» Ставрогин не сумеет до конца нести свой крест. И проверяет его Достоевский на человечность, ставя перед нелёгким выбором. В итоге Ставрогин предаёт жену.

Безусловно, до «перерождения убеждений» Достоевский хотел идти «путем Герцена», об этом пишет А.С. Долинин: «Как и "почвенники", Аполлон Григорьев и Достоевский всё время твердили, что они не западники и не славянофилы. Хотя они тоже, как и славянофилы, выдвигают главной мыслью, что интеллигенция "оторвалась от своей почвы" в народных началах, но их почва совсем другая, не славянофильская, и другое они понимают под народными началами». Из этой же статьи: «Были здесь возможны два пути: путь к Герцену, противопоставление России Европе в свете истории и вопросов современности, тоже стать на ту точку зрения, что русский народ способен осуществлять идею, которой "беременна Европа", идею социализма, русский народ к этому подготовило своеобразие его исторических судеб, сохранившийся до сих пор его общинный строй, — или уж прямо скатиться к "славянофильству", признать, что русский народ — "народ-богоносец", истинное христианство, православие определяет его духовный строй»¹⁸. Ещё в «Зимних заметках о летних впечатлениях» в первой книжке «Времени» за 1863 год писатель колеблется между путем Герцена и путем славянофилов. Стал ясным славянофильский путь развития России только в 1864 году, в то время Достоевский испытывал сильное влияние Страхова в период издания журнала «Эпоха». Но после влияния Страхова и пережитого на каторге Федор Михайлович Достоевский стал по своим мировоззренческим установкам ближе к славянофильской идее избранности русского народа. И идея «народа-богоносца» стала тем открытием, той почвой Достоевского человекознания, которое мы постигаем до сих пор.

В чем же разгадка человека? Базаров употребляет фразу «Всякий человек — загадка» в утвердительном значении, он «разгадывает» себя через свою любовь к Одинцовой. Так и Тургенев через поэтическое чувство любви смотрел на мир. Следовательно, вот что объединяло мировоззренческие установки Тургенева и Достоевского: любовь к человеку. Но познание человеком человека у них идёт разными дорогами. Если для славянофила Достоевского главная идея избранности русского народа, народа-богоносца, то для западника Тургенева ключевое понятие — цивилизация, знание, которым русскому человеку надо учиться у Запада. Как нам стало известно о Достоевском из его биографии, под «почвой» сотрудники журнала «Время» понимали народное самосознание. Понятие «почвы» пришло от славянофилов, где это слово возникло вначале как метафора в значении уважения своих родовых корней. Считаю необходимым привести следующую цитату из книги Юрия Селезнева «Достоевский»: «Сохранив это значение, понятие "почва" обрело во "Времени" и новое качество: "почва" — это тот духовно-нравственный пласт общественно-политической жизни, на основе которого только и возможна встреча и органическое соединение интеллигенции и народа, образованности и народной нравственности; культуры и народности». В журнале "Время", по словам Достоевского, объединились силы и западников, и славянофилов. Стоит обратить внимание на то обстоятельство, что идеи почвы разрабатывались

¹⁸Долинин А.С. Достоевский и Страхов (по кн. «Достоевский и другие»). Л., 1989. С. 244.

в самый разгар крестьянской реформы. Различие славянофилов и почвенников в том и заключается, что только русская идея, выработанная на родной почве, может быть жизнеспособна. И потому пушкинский гений, учитывающий европейское знание, но при этом не забывающий о народной почве, стал духовным путеводителем в жизни и творчестве и для Достоевского, и для Тургенева. Знаменательно, что именно на пушкинском празднике произошло примирение Тургенева и Достоевского. Вот что говорил Достоевский о Пушкине: «Жил бы Пушкин долее, так и между нами было бы, может быть, менее недоразумений и споров, чем видим теперь. Но Бог судил иначе, Пушкин умер в полном развитии своих сил и бесспорно унес с собой в гроб некоторую великую тайну. И вот теперь мы эту тайну разгадываем»¹⁹.

Теперь мы разгадываем личности И.С. Тургенева и Ф.М. Достоевского, пытаемся раскрыть тайну их исканий и споров. Русское сердце вмещает в себя этих ироничных соперников именно потому, что русский человек, по выражению Достоевского, способен «инстинктом угадывать общечеловеческую черту даже в самых резких исключительностях других народов; тотчас же соглашается, примиряет их в своей идее, находит им место в своем умозаключении и нередко открывает точку соединения и примирения в совершенно противоположных, сопернических идеях(...»²⁰. Примиряет нас, читателей, по отношению к Достоевскому и Тургеневу наша эмоциональная восприимчивость, чуткость, душевная отзывчивость русской души. И пусть мы различны в восприятии творчества мастеров русской прозы, однако когда мы читаем их книги, мы каждый раз совершаем определённый нравственный выбор, и мы меняемся к лучшему. Нам помогает вера Достоевского в доброе начало в русском человеке. Именно почвенник Достоевский смог создать таких правдивых литературных героев, что мы и сегодня осознаем себя как единый народ. Каким образом Достоевский осмысливал вечный спор западников и славянофилов, можно увидеть по книге Юрия Селезнева: «Мы предугадываем, что характер нашей будущей деятельности должен быть в высшей степени общечеловеческий, что русская идея, может быть, будет синтезом всех тех идей, которые с таким упорством, с таким мужеством развивает Европа в отдельных своих национальностях; что, может быть, все враждебное в этих идеях найдет свое примирение и дальнейшее развитие в русской народности»²¹. Следовательно, Достоевский считает возможным «примирение цивилизации с народным началом».

Согласно работе П.Г. Пустовойта под названием: «И.С. Тургенев — художник слова», писатель в 40-х годах был близок по убеждениям к Михаилу Бакунину, т.е. к революционно-демократическому лагерю²². Но позднее разочаровался в этих идеях. Уже в 50-х годах он стал понимать, что Россию спасет знание. Тургенева считали либералом в старом понимании — так утверждает тургенеved Г.Э.Винникова²³. Очень важно пояснить, что Тургенев в своей последней речи в Москве на торжественном обеде в гостинице «Эрмитаж» говорил о том, что понятие «либерал» изменилось. Далее исследовательница приводит слова самого Тургенева: «Но в наше, в мое молодое время, когда ещё помину не было о политической жизни, слово "либерал" означало протест против всего темного и притеснительного, означало уважение к науке и образованию, любовь к поэзии и искусству

¹⁹Юрьева О. Ю., Степанов В.М. Русская литература 19 века. Иркутск, 2000. С. 175.

²⁰Достоевский Ф.М. Искания и размышления (Ряд статей о русской литературе). М., 1983. С. 97.

²¹Селезнев Ю. И. Достоевский. М., 1990. С. 222.

²²Пустовойт П. Г. И.С.Тургенев — художник слова. М., 1980. С.166.

²³Винникова Г.Э. Тургенев и Россия. М., 1986. С. 355.

и наконец — пуще всего означало любовь к народу». Тургенев осознавал, что только законная государственность, крестьянская реформа способна спасти Россию и дать ей будущее. Как пишет С. В. Белов, Достоевский считал Тургенева «убежденным западником». При встрече в Баден-Бадене, по словам Достоевского, «Тургенев ругал Россию и русских безобразно, ужасно»²⁴. Тем не менее, важно отметить у Белова следующее: «Но понимал ли Достоевский, что Тургенев ругает Россию сквозь слёзы своей любви к ней?»²⁵. И действительно, Тургенев с огромной любовью воспел нравственную мощь русского народа в своем знаменитом шедевре — стихотворении в прозе «Русский язык». Но вспомните, когда-то и его «Записки охотника» читали все, от царя Александра Второго до простого крестьянина. То, чего не любил Тургенев в России, так это крепостное право, неуважение к русскому народу, против чего искренне боролся всю свою жизнь.

Винникова пишет в книге «Тургенев и Россия»: «Однако в 1877 году Тургенев обратился к Достоевскому с письмом, рекомендуя ему французского литератора Дюрана, который работал тогда над монографией, посвященной русским писателям. В этом письме есть следующее очень важное, характеризующее отношение Тургенева к Достоевскому как писателю, признание». Обратите внимание, как уважительно Тургенев обращается к Достоевскому в этом письме: «Я решился написать Вам это письмо, несмотря на возникшие между нами недоразумения, вследствие которых наши личные отношения прекратились. Вы, я уверен, не сомневаетесь в том, что недоразумения эти не могли иметь никакого влияния на мое мнение о Вашем первоклассном таланте и о том высоком месте, которое Вы по праву занимаете в нашей литературе»²⁶.

О поведении Тургенева на пушкинском празднике мы можем узнать из письма Достоевского жене: «Тургенев, про которого я ввернул доброе слово в моей речи, бросился меня целовать», — писал Достоевский 8 июня 1880. Мы согласны с точкой зрения исследователя Ивана Чалмаева, что «со стороны Тургенева это был искренний порыв. Настолько же, насколько искренней и справедливой была высокая оценка характера Лизы Калитиной в речи Достоевского»²⁷.

По словам В.А. Туниманова, главной особенностью журнала «Время» была полемичность. Или, как сказали бы сегодня мы, один из ключевых признаков почвенничества — это стремление к диалогу, к всеобщей гласности»²⁸. Идеи почвенничества были высказаны Достоевским в «Объявлении» к журналу «Время»: «Соединение, слияние, синтез, примирение — вот сформулированное в самых общих словах направление «Времени», причём идее примирения Достоевский придает не только частный, внутрисосудский смысл («примирение» последователей реформы Петра с «народным началом»), но и всевропейский, почти вселенский»²⁹.

Мировоззрение Ф.М. Достоевского и мировоззрение И.С. Тургенева — часть общей картины мира своей эпохи. Благодаря Достоевскому мы возвращаемся от «подполья бессознательного» в человеке к объединяющей нас, одной главной моральной установке: любви к людям. Об этом же — о человеколюбии повествуют и великие произведения Тургенева. Мы обнаруживаем, что тургеневское выраже-

²⁴Белов С.В. Федор Михайлович Достоевский: кн. для учителя. М., 1990. С. 148.

²⁵Там же.

²⁶Винникова Г. Э. Тургенев и Россия. С. 263.

²⁷Чалмаев В.А. Иван Тургенев. М., 1986. С. 370.

²⁸Туниманов В. А. Творчество Достоевского 1854–1862. Л., 1980. С. 207.

²⁹Там же. С. 197.

ние: «Всякий человек — загадка» можно соотнести со следующей мыслью Достоевского: «Человек есть тайна. Её надо разгадать, и ежели будешь разгадывать её всю жизнь, то не говори, что потерял время; я занимаюсь этой тайной, ибо хочу быть человеком»³⁰.

Мы, читатели, благодарны писателям за то, что они наши духовные наставники, и что они до сих пор формируют наше самосознание. Мы благодарны им за то, что они помогают нам жить, любить, сострадать, верить и надеяться, а значит, оставаться людьми!

Литература:

1. Афанасьев В.В. Тропа к Тургеневу / В.В. Афанасьев, П.К. Боголепов; науч. ред. П.Г. Пустовойт. — Москва: Детская литература, 1983. — 317 с. 48 л. ил.
2. Басина М.Я. Сквозь сумрак белых ночей: документальная повесть / М.Я. Басина. — Ленинград: Детская литература, 1979. — 230 с. ил.
3. Бахтин М.М. Проблемы творчества Достоевского / М.М. Бахтин. — Киев: НЕХТ, 1994. — 508 с.
4. Белов С.В. Федор Михайлович Достоевский: кн. для учителя / С.В. Белов. — Москва: Просвещение, 1990. — 207 с. ил.
5. Буданова Н.Ф. Летопись жизни и творчества Ф.М. Достоевского в трёх томах. Т. 1 / Н.Ф. Буданова. — Санкт-Петербург: Академический проект, 1993. — 533 с. ил.
6. Буданова Н.Ф. Летопись жизни и творчества Ф.М. Достоевского в трёх томах. Т. 2 / Н.Ф. Буданова. — Санкт-Петербург: Академический проект, 1993. — 584 с.
7. Винникова Г.Э. Тургенев и Россия / Г.Э. Винникова. — Москва: Советская Россия, 1986. — 416 с., 1 л. портр.
8. Долинин А.С. Достоевский и другие / А.С. Долина; сост. А.Д. Липина. — Ленинград: Художественная литература, 1989. — 480 с., 1 л. портр.
9. Долинин А.С. Достоевский и Страхов (по книге Достоевский и другие) / А.С. Долинин; сост. А.Д. Липина. — Ленинград: Художественная литература, 1989. — 480 с., 1 л. портр.
10. Достоевский Ф.М. Искания и размышления (Ряд статей о русской литературе) / Ф.М. Достоевский. — Москва: Советская Россия, 1983. — 464 с.
11. Зеньковский В.В. Русские мыслители и Европа / В.В. Зеньковский; сост. В.В. Алексеева, подготовка текста и прим. Р.И. Медведевой. — Москва: Республика, 1997. — 368 с.
12. Кашина Н.В. Человек в творчестве Ф.М. Достоевского / Н.В. Кашина. — Москва: Художественная литература, 1986. — 318 с.
13. Курляндская Г.Б. И.С. Тургенев и русская литература / Г.Б. Курляндская. — Москва: Просвещение, 1980. — 192 с. ил.
14. Образы Ф.М. Достоевского в иллюстрациях Ильи Глазунова: фотоальбом / сост. И.А. Виноградова-Бенуа. — Москва: Планета, 1986. — 208 с. ил.
15. Пустовойт П.Г. И.С. Тургенев — художник слова / П.Г. Пустовойт. — Москва: Издательство Московского университета, 1980. — 376 с.
16. Селезнев Ю.И. Достоевский / Ю.И. Селезнев. — Москва: Молодая гвардия, 1990. — 541 с., 3 л. ил. — (Жизнь замечательных людей)

³⁰Селезнев Ю.И. Достоевский. М., 1990. С. 5.

17. Туниманов В.А. Творчество Достоевского 1854–1862 / В.А. Туниманов. — Ленинград: Наука, 1980. — 293 с.
18. Тургенев в воспоминаниях современников. Т.2 / сост.: С.М. Петрова, В.Г. Фридлянд. — Москва: Художественная литература, 1986. — 598 с. ил.
19. Тургенев И.С. Письма. Т. 12 /И.С. Тургенев. — Москва: Художественная литература, 1958. — 695 с.
20. Тургенев И.С. По поводу «Отцов и детей». Т. 10 / И.С. Тургенев. — Москва: Художественная литература, 1962. — 343с.
21. Чалмаев В.А. Иван Тургенев / В.А. Чалмаев. — Москва: Современник, 1986. — 308 с. — (Б-ка российской словесности).
22. Эстетика : словарь / под общ. ред. А.А. Беляева. — Москва: Политиздат, 1989. — 447 с.
23. Юрьева О.Ю. Русская литература 19 века / О.Ю. Юрьева, В.М. Степанов. — Иркутск: Издательство Иркут. гос. пед. университета, 2000. — 340 с.

Агг

АНАТОЛИЙ БАЙБОРОДИН

Русский обычай

Очерк о языческом и христианском в народной этике

Боги язычников — демоны, а Господь небеса сотворил.
Псалтирь 95:5

И язычникам дал Бог покаяние в жизнь.
Деяния апостолов 11:18

Россия, Русь, — куда я ни взгляну...
За все твои страдания и битвы
Люблю твою, Россия, старину,
Твои леса, погосты и молитвы,

Люблю твои избушки и цветы,
И небеса, горящие от зноя,
И шепот ив у омутной воды,
Люблю навек, до вечного покоя...
Россия, Русь! Храни себя, храни!
Николай Рубцов

От автора: Вначале девяностых годов прошлого века я написал статью, где кратко изложил календарные обычаи и обряды русских крестьян; статья вошла послесловием в составленный мной сборник «Русский месяцеслов. Обычаи, обряды, поверия, приметы». А четверть века спустя статья легла в основу очеркового повествования, которое ныне и предлагаю читателю.

Пролог

История России — история крестьянства, ибо на заре прошлого столетия крестьяне в патриархальном Русском Царстве составляли абсолютное большинство населения. Лишь на безумном закате прошлого века, когда глобальная технократическая цивилизация почти погребла природный мир и слитый с ним крестьянский, сельских жителей изрядно убавилось; но даже бывшие крестьяне, что перешли в другие сословия, и порой даже те, что родились оторванные от земли, в сокровенной глубине души и по сей день не утратили крестьянского духа и томительной, отрадной тяги к матери-сырой земле.

Исконно русские крестьяне, коих не постигли либеральные западники, побитые молью порочного европейского просвещения, и славянофилы, заложники барского происхождения, — исконно русские крестьяне, не ведавшие азы, буки и веди, но обладавшие вселенским знанием, что передавалось из колена в колесо, изустно постигавшие Святое Писание, смиренные, негорделивые, покаянные,

были христоролюбивее и царелюбивее, чем иные российские сословия. Поминая сословия, речь не ведём о насельниках скитов и пустынь, о монастырском старчестве и духовенстве — се носители света Христова, богоизбранные молитвенники за народ русский.

Письменные труды по истории Государства Российского грешили тем, что составлялись из историй правящих кругов — суть, высших сословий, — из истории войн и общественно-политических движений в яркой борьбе за власть и грешные земные блага, из истории научных, культурных достижений, религиозных преобразований. А многовековая повседневная простонародная жизнь, история развития народного духа прозябали в тени.

«Читая лекции отечественной истории в наших учебных заведениях, преподаватели этого предмета мало говорят об обычаях и образе жизни наших предков, почему бытовая сторона нашего народа в своем прошлом почти потеряна для нас», — знаменитый писатель-этнограф Михаил Забылин писал сие более века назад, когда в крестьянстве цвела и красовалась двухтысячелетняя обрядовая этика-эстетика, а уж что говорить о нынешней поре, когда *русскость* в народе истреблена западным варварством.

Русский... Произнесешь величавое слово, и в сознании рождается: православный крестьянин... «Когда говорят «русский народ», я всегда думаю — «русский крестьянин», — писал Александр Куприн. — Да и как же иначе думать, если мужик всегда составлял восемьдесят процентов российского народонаселения. Я, право, не знаю, кто он, богоносец ли, по Достоевскому, или свинья, по Горькому. Я знаю только, что я ему бесконечно много должен: ел его хлеб, писал и думал на его чудесном языке, и за все это не дал ему ни соринки. Сказал бы, что люблю его, но какая же это любовь без всякой надежды на взаимность».

Покаянное слово писателя русскому крестьянству ...суть, *русскому народу*... речено не ради красного словца, кое не жалеет мать и отца; Куприн — пасынок дворянского, разночинного мира, утратившего веру и крестьянский здоровый дух, — соглашается с непониманием народа русского: «я, право, не знаю, кто он...». Любя и воспевая непостижимый для дворян и разночинцев родной народ, писатель чует роковую сословную вину перед крестьянством, которое они, интеллигенты и дворяне, метали, словно хворост в костер, в кровавую пасть отечественных и мировых исторических смут. От того и «любовь без всякой надежды на взаимность». Помянутый Алексей Пешков (Горький), писатель большого, хотя и безбожного дарования, люто ненавидящий крестьянство, в 1925 году повелевал Николаю Бухарину: «Надо бы, дорогой товарищ, Вам или Троцкому указать писателям-рабочим на тот факт, что рядом с их работой уже возникает работа писателей-крестьян, и что здесь возможен, даже неизбежен конфликт двух «направлений». Всякая «цензура» тут была бы лишь вредна, заострила бы мужикопоклонников и деревенелюбов, но критика — и нещадная — этой идеологии должна быть теперь же. Талантливый трогательный плач Есенина о деревенском рае — не та лирика, которой требует время и его задачи, огромность которых невообразима» [«Известия ЦК КПСС», 1989, № 1, с. 36.]

Будучи составителем «Русского месяцеслова» и сочинителем сего очерка¹, я не воспевал языческие мотивы при описании народных обрядов, суеверных обы-

¹Автор в данном очерке использует цитаты из «Русского месяцеслова», не выделяя их кавычками. А большинство цитат других авторов использованы без ссылок на источники, ибо сей труд не строго академический, а писательский с широким использованием исторических, этнографических, фольклорных источников. Очерк публикуется с авторской орфографией и пунктуацией.

чаев, суеверных примет и даже заговоров, — всё сие введено в книгу и данный очерк лишь для достоверной картины народного мировоззрения и мировыражения. А коли и согрешил, заманчиво окрасив некий древний обряд русичей, то каюсь: Боже, милостив буди мне грешному, ибо водопоклонение, огнепоклонение, травоволхование, гадание — богопротивно, от *эллинского беснования*.

Крестьянский мир, коему тысячелетия, запечатленный в русском месяцеслове, суть — народное знание природы, благоговейное ощущение тайн Вселенной и правдивая, духовно не украшенная история крестьянской жизни, что, суть — истинная история России в сложном и трагическом сплетении христианского и природно-языческого, суеверного.

От древнеславянского язычества² русские обрели великое знание природы от росинки и хвоинки до Вселенной и выстраивали свою обыденную и праздничную жизнь согласно природно-мистическому календарю. Со Святым Крещением и духовным облачением во Христа Бога русские свергли былых идолов, освободились от языческого идолопоклонничества и с веками стали воспринимать мать-сыру землю, как Творение Божие.

И тем не менее, да простит Бог православному крестьянину, который, живя среди дикой природы, привык поклоняться ей, который, завися в своих земледельческих трудах от природных стихий, невольно одухотворял их, хотя понимая, что Бог и через природу взаимодействует с ним, вознося молитвы Иисусу Христу, Царице Небесной, Ангелам Божиим, христианским святым.

Среди почитающих, изучающих русскую обрядовую этику лишь глубоко церковленные могли безошибочно увидеть, где вера помрачалась суеверием, где православный церковный обряд подменялся языческим.

Автор сего очерка, ознакомившись с природно-хозяйственными календарями русских крестьян и календарно-обрядовой поэзией и мифологией, прописав времена года, месяцы и обрядово насыщенные дни, составил «Русский месяцеслов», куда ввел и православный календарь с краткими житиями святых, поскольку былые месяцесловы обычно страдали тем, что составители мимоходом-мимолетом поминали евангельские события, кои в основе народно-христианских праздников, и обходили за версту жития святых, именами которых обозначались дни. А посему эдакие месяцесловы утрачивали исконную христианскую сущность, опустошались, уродливо искажаясь, склоняясь к языческим суевериям и заземляясь до хозяйственного календаря и погодных примет.

В составленном мною «Русском месяцеслове» впервые в фольклорно-этнографической, календарной литературе двадцатого столетия церковный и народный календарь были слиты воедино, как и происходило в реальной жизни русского крестьянина. К сему грех забывать, что крестьяне младенцам, окрещенным в церковной купели, по христианским святцам давали имена святых, дабы сии небесные покровители оберегали чадо от рождения и до упокоения.

В окаянные девяностые годы прошлого века завершил я долголетнее составление «Русского месяцеслова»; книга по тем временам вышла в свет изрядным тиражом, тысяч в пять; и вскоре бойко разошлась в Прибайкалье, и даже Алтаю досталось. Потом я путешествовал по губернии, гостил в селах и мелких горо-

²В очерке я не касаюсь научных открытий нынешнего века — генетических, лингвистических, историко-археологических, — доказывающих, что русский народ, именуясь ариями, в генетически современном виде появился на свет на среднерусской равнине около 4500 лет тому назад. И на основе русского языка через 500 лет, когда русские пришли в Индию, родился и санскрит, предельно родственный и современному русскому языку.

дах, навещал библиотеки и клубы, и всюду видел зачитанный до дыр «Русский месяцеслов», что книгохранители берегли пуще зеницы ока. В благословенные для литературы времена, когда за книгами охотились, «Месяцеслов...» могли и похитить...

В завершении напутного слова скажу: очерк, разумеется, лишь касается русской народной этики, воплощенной в обрядах и обычаях, ибо мир сей крестьянский безбрежен, словно Вселенная.

О дикости и рабстве русского крестьянина

О величии крестьянской цивилизации... Русскоязычные русоненавистники в надежде на чаевые с холопским подобострастием целуют руку Западной Европе, жестоковыйной старой блудне, что густо запудрила корявые морщины, напомадила впалые щеки, кроваво покрасила губы и дочерна насурьмила брови и ресницы вокруг пустых глазниц. Российские западники, целуя руку Западной Европе, подобострастно заглядывая в пустые глазницы, настойчиво и назойливо толкуют миру о рабской сущности, лености, темноте и забитости *вечно пьяного* русского народа. Скверное сие толкование, родившись в позапрошлом веке среди либеральных «просветителей», два века внушалось и русскому народу разрушителями народно-православной российской государственности, что, очевидно, входило в зловещие помыслы мировой сатанократии, для коей Россия, последний приют Господень, что кость в горле.

Западная Европа, хотя коварна, и люто ненавидит Россию, да не столь глупа, чтобы взять на вооружение дурь о дикости и рабстве русского народа, ибо всякий европеец, будучи в России, воочию зрел не просто великую империю, но — великую русскую цивилизацию, которой, очевидно, даже не два, а четыре с половиной тысячелетия. Гащивая в Москве, где красовалось сорок сороков православных храмов, бывая в иных старинных русских городах, европеец понимал, что не дикий, пьяный и ленивый, но великий, духовно трезвенный народ мог создать сии величавые храмы, в коих воплотился божественный дух, художественный гений и азартное трудолюбие русского народа, до начала прошлого века на девяносто процентов крестьянского.

В былые лета читал о великих технических открытиях прошлых столетий, на коих и поныне держится технократический мир, и оказалось — сплошь плоды русской изобретательности, но, увы, обычно похищенные лукавыми и вороватыми европейцами. Благодаря опять же духовной трезвости, земледельческому таланту, любовному знанию природы, трудолюбию, смиренной житейской неприхотливости и выносливости, дореволюционный русский крестьянин с Божией помощью кормил хлебом не токмо Российскую Империю, но и пол-Европы.

Когда вопят и о рабской сущности русской души, то говорят верно: всякая крещенная русская душа возвышенно величала себя рабом... но лишь рабом Божиим; а земное рабство, батрачество, крепостничество переносила с христианским смирением, поскольку завещал Господь в заповедях блаженства: «Блаженны плачущие, ибо они утешатся. Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю» (*Мф. 5: 4,5*), поскольку и рече Христос Бог: «Кто хочет быть большим между вами, да будем вам слугою; и кто хочет быть первым между вами, да будет всем рабом...» (*Мф.20: 26, 27*)

Даже двухвековое крепостное право не обратило крестьянские души в рабские

души, ибо набожные крестьяне понимали волю, как волю от похотей, а не волю ради похотей. Рабами похотей обычно были помещики-рабовладельцы, а порабощённые господами — вольные... Будучи внешне и закрепощенные, крестьяне не теряли внутреннюю, духовную свободу; и, рабы Божии, жили лишь в рабстве Царю Небесному ...*начало премудрости — страх Господень*... уповали токмо на волю Божию ...*Бог не захочет и прыщ не вскочит*... и порицали *своевольников*, что *взялись за волю*, ибо *своя воля страшнее неволи*. По сему поводу крестьяне толковали: *вольный* — про скверное, непослушное чадо; *за волю взялась, за волю взялся* — про девку или парня, что кинулись во все тяжкие... Воля мирская и непослушание — страшный искус лукавого...

Святитель Иоанн Златоуст, словно узрев провидческими очесами смиренных русских крестьян, услышав их любомудрым слухом, поведал о рабстве и свободе: «В древности не было раба — Бог, создавая человека, сотворил его не рабом, но свободным. Он сотворил Адама и Еву, и оба они были свободны. Откуда же произошло рабство?.. Род человеческий уклонился от правого пути и, преступив меру в желаниях, дошел до развращения...».

Далее великий любомудр описывает всемирный потоп, гибель падшего человечества, после чего сохранился лишь праведный крестьянин Ной с домочадцами, скотом и птицами, — всякой твари по паре.

«Ковчег остановился и отворились двери, Ной вышел, спасшись от потопления, и увидел землю опустошенную. (...) Посмотрел он на это печальное зрелище; посмотрел на землю, переполненную бедствий, и впал в великое унынье. Все погибли... (...) Мучимый уныньем и удручаемый скорбью, он выпил вина и предался сну, чтобы облегчилась рана унынья. Лежал он на ложе, предавшись сну, как врачу, чтобы произвести в уме забвение о случившемся. (...) Надо бы сказать в оправдание праведника, что случившееся с ним произошло не от пьянства, но он просто врачевал свою рану. (...) Спустя немного времени взошел проклятый сын его (*Хам, отец Ханаана. — А.Б.*) (...) Войдя, сын увидел наготу отца; следовало бы прикрыть ее, накрыть платьем ради старости... ради несчастья, ради того, что это отец его. А он, выйдя, разгласил и сделал из того печальное зрелище. Но прочие его братья, взяв одежду, вошли, смотря назад, чтобы не видеть того, о чем тот разглашал. И прикрыли отца. Отец, встав, узнал всё, и начал говорить: «Проклят Ханаан, раб рабов будет он у братьев своих». (...) Рабство от греха; от нечестия произошло рабство. Хочешь ли я покажу тебе освобождение от рабства. (...) Благородство... нрав доставляют свободу; раб и свободный — суть, простые названия. Что такое раб? Одно название... Сколько господ лежат пьяные на постели, а слуги стоят подле них трезвые. Кого же назвать рабом? Трезвого или пьяного? Раба ли служащего человеку или пленника страсти. У того рабство внешнее, а этот внутри себя носит невольничество...»

Будучи народом добросердечным, русские легко и долго прощали обиды, но если враги вздымали пятау на Святую Русь, то на шкуре осознавали: нет на земле воителей более грозных, чем русские, ибо, как молвлено в пословице, *русак — не дурак: с мечом и с калачом не шутит*.

Что греха таить, водились в русском народе, и даже в крестьянском сословии, и дикие, и вечно пьяные, и ленивые ... в семье не без урода... хотя падшие, как отщепенцы, не были людьми типичными в народе, но вот беда, оборзевшие *обозреватели* русских нравов из западных сочинителей и здешних обличителей испокон веку обвыклись выдавать частное за типичное и малевать русских лишь черным цветом.

Грешно говорить о темноте и дикости и русского крестьянина, что создал сверхгениальную и необозримую обрядовую и песенную культуру, далеко превосходящую крестьянские культуры европейских народов. Подтверждение тому — русская песня, вершинный жанр устной народной поэзии; и сказал о сем даже и не русский человек, — Рудольф Вестфаль, известный немецкий ученый, исследователь античной филологии и поэзии, знаток немецкой и русской народной этики: «Поразительно громадное большинство русских народных песен, как свадебных и похоронных, так и всяких других, представляют нам такую богатую, неисчерпаемую сокровищницу истинной нежной поэзии, чисто поэтического мировоззрения, облеченного в высокопоэтическую форму, что **литературная эстетика, приняв раз русскую песню в круг сравнительных исследований, непременно назначит ей безусловно первое место между песнями всех народов земного шара** (Выделено мною. — А.Б.). И немецкая народная песня представляет нам много прекрасного, задушевного и глубоко прочувствованного, но так узко течение этой песни в сравнении с широким потоком русской народной лирики, которая не менее немецкой поражает ваше впечатление, но зато далеко превосходит ее своею несравненной законченностью формы... Философия истории имеет полное право вывести из этого дарования самые светлые заключения для будущности русской истории»

Худо-бедно, до середины прошлого века почти все крестьяне знали народные песни, пришедшие из далекой русской старины, но жили по деревням и селам сказители, певни, плечи (вопленицы), что могли исполнить и сказку, и бывальщину, и быличку, и песенную былинку, и зауспокойную причетку. Вот где зримо видится, слышится, чувствуется сердцем великая народная поэзия... Образец плача (вопля), божественного по духу и слову, старинари записали с вещей уст северорусской крестьянки Ирины Федосовой:

*Вы послушайте, народ — люди добрые,
Как, отколь в мире горе объявилось.
Во досюльны времена было годышки,
Жили люди во всем мире постатейные,
Они друг друга, люди, не терзали.
Горе людюшек во ты поры боялося,
Во темны леса от них кидалося;
Но и тут было горюшко не местечко:
Во осине горькой листье расшумелось,
Того злое это горе устрашилося;
(...)
Уже тут злое горюшко кидалося,
В окян сине славно оно морюшко,
Под колодину оно там запихалося;
Окян-море с того не сволновалося,
Вода с песком на дне не помутилась;
(...)
Много множество е в мире согрешения,
Как больше того е в мире огорченья.
Хоть повыстанем по утрышку ранешенько, —
Мы на сонмище бесовско собираемся,
Мы во тяжких грехах да не прощаемся.
Знать, за наше за велико беззаконье
Допустил Господь ловцов да на клян-море,
Изловили они рыбоньку незнамую,*

*Повыняли ключи да подземельные,
Повыпустили горюшко великое.
Зло несносное, велико это горюшко
По Россиюшке летает ясным соколом,
Над крестьянами злодийно черным вороном.*

(Из «Плача по писаре»)

* * *

*Послушайте словеса наши старинные,
Заприметьте того, малы недоросточки!
Уж как это сине морюшко сбущается,
На синем море волна да порасходится,
Будут земские все избы испражнятися,
Скрозекозные судьбы да присылаются;
Все изменятся пустыни богомольные,
Разорятся все часовенки спасенные!*

(Из «Плача о старосте»).

Я поведал о русской народной поэзии, что в песне обрела божественное звучание, что, по мнению германского филолога, мудрым и украсным словом превзошла народную поэзию европейских наций, что и подтверждает мысль о художественной талантливости русского крестьянства.

К сему типичный русский мужик, не зюзя подзаборный, пусть батрак, но не кулак, в отличие от европейского крестьянина, в отличие и от доморощенной образованщины, траченной чужебесием, жил с жаждой святости, а избранные Богом восходили и к юродству Христа ради. Свою душу крестьянин оберегал верою, молитвою и постом; оберегал традиционным домостроем, жизнью среди природной красоты и чистоты; оберегал каждодневным, натуральным, созидательным трудом — вольный, азартный, вдохновенный труд укрощал плоть, отвращал от грехов и пороков, в праздности затягивающих душу зеленой болотной ряской.

Из молвленного о крестьянах не следует, что автор сего очерка, бывший сельский житель, приукрашивает русское крестьянство, ибо далее речь пойдет и о противоречиях народной души, где мучительно смешалось верное и суеверное. Оценка деревенскому простолюдью дана лишь в сравнении с иными российскими сословиями и нынешними временами, когда русские стремительно теряют исконный и спасительный духовно-нравственный образ.

* * *

Земное и небесное крестьянское знание... Разумеется, смешно и грешно даже помыслить о темноте и дикости русского крестьянина, что с древнейших лет обладал вселенским знанием: ведал природу земную от матери-сырой земли и до божьей коровки, ползущей по стеблю осоки; чуял предвестия летних гроз и зимних метелей; по небесному лику с рассветами и закатами, по солнцу, луне и звездам провидел погоду и грядущий урожай, и приплод. Из сего благоговеиногo вселенского знания русский крестьянин породил столь календарных примет, пословиц, поговорок, сколь звезд на Млечном Пути, придав речениям глубинный иносказательный смысл и словесно столь благолепно облачив речения, что взревновали даже Богом одаренные книжные поэты.

Вот лишь малая толика избранных речений, что украсили мой «Русский месяцеслов»:

*Нам, грешным, и ветер навстрешный;
Ноне люди мудренее, а годы голее;
Гуси летят — зимушку на хвосте тащат;
Батюшка-покров, избушечку покрой теплом и добром, а меня молоду кокошником (женишником, венцом);*

*Зори пляшут — к године (к урожайному году);
После солноворота хоть на воробьиный скок да прибудет денек;
Месяц просинец — зимы царь-государь;
Морозко скачет по ельничкам, по березнячкам, по сырým боркам, по вершинкам;
Январь тулуп до пят надевает, хитрые узоры на окнах расписывает;
Февраль — месяц лютый: спросит, как обутый;
Февраль-бокогрей — бок корове обогрей; бок корове и быку, и седому старику;
Вечера Макар гряды копал, а ныне Макар в воеводы попал;
Завизжит метелица — всю неделю прометелится;
Жили у брата три сестрицы: весна-молодица, зима-белолица и осень-водяница;
Вздел Ярило зиму на вилы;
Весна на рябой кобыле едет (переменчивая погода);
Прилетела овсянка, запела веснянку: покинь сани, возьми воз;
Прилетел кулик из заморья, принес воду из неволяя;
Налетели грачи, стали зиму толчи, пить снегов молоко;
Осень говорит: я поля уряжу, а весна говорит: я еще погляжу; Май-травень лес наряжает, лето в гости поджидает;*

*Пришел май — под кустом рай;
Рожь говорит: «Сей меня в золу, да в пору»; овес говорит: «Сей меня в грязь, будешь князь»;*

*Защепчет дождь тихим голосом — поднимется рожь тучным колосом;
Дождь вымочит, солнышко высушит, а буйны ветра голову расчешут;
Ласточка прилетела, горох сеять велела;
Горох да девка завидное дело: кто ни пройдет, всяк щипнет;
Июнь с косой по лугам прошел, а июль с серпом по хлебам побежал;
Сбил сенозорник (июль) у мужика мужицкую спесь, что некогда и на печь лечь;
Кабы на лопух не мороз, он бы и тын перерос;
Август-густарь, страды государь;
В августе всего в запасе: и дождь, и ведро, и серопогодьё;
Жатва созрела, и серп изострен;
Колос от колоса — не слышать голоса, копна от копны — день езды, стог от стога — дальняя дорога (скудные хлеба);
Плох овес — наглотаешься слез; не уродится рожь — по миру пойдешь;
Пришел сон из семи сел, пришла лень из семи деревень;
Отцветают розы, падают добрые росы;
Журавль летит с моря — убавить нам горя;
Прилетел гусь на Святую Русь: погостит да улетит;
«Прощай, матушка-Русь, я к теплу потянусь...» — курлычет журавль, отлетая на юг;*

Осударыня гречиха боярыней ходит, а как хватит морозу, веди на калечий (для калек) ряд;

*Певчая птица прежде погибает;
Октябрь плачет холодными слезами (стылые дожди);
Ноябрь — сумерки года;
Скатерть бела, весь свет одела — снег;
Как ни вертись ворона, и спереди корга, и сзади корга;
Охала Маланья, что уехал Ананья. Охнет и дед, что денег нет;
Не гляди свинье в рожу, а корми ее рожью;
Не бойся гроз — бойся слез;
Гром не грянет, мужик не перекрестится;
Гром не из тучи, а из навозной кучи;
Не во всякой туче гром; а и гром, да не грянет; а и грянет, да не по нас; а и по нас — авось опалит, да не убьет.*

Изрядно календарных пословиц, поэтически реченных, посвящено небу, солнцу, луне и звездам, а также небесным стихиям (ветер, метель, снегопад, дождь, зной), и, как во всяких подобных речениях, кроме прямого смысла — приметы Вселенной, есть и глубинный переносный, нравственный смысл, посильный для осмысления не книжным мудрецам, а народным любомудрам:

*Зимой солнце сквозь слезы улыбается;
Зимнее солнце, что вдовье сердце;
Солнце — князь земли, луна — княгиня;
Солнышко-ведрышко красной девицей по синю небу ходит, а все на землю глаз наводит;*

Солнце — родная матушка, месяц — родной батюшка, звезды — родные сестрицы;

*Не заслонишь солнца рукавицей, не убьешь молодца небылицей;
На солнышко во все глаза не взглянешь; Солнце сияет на благия и злыя;
Поколе солнце взойдет, роса глаза выест...*

А сколь мудрых и благолепных пословиц и поговорок породило русское любомудрие о супружестве, о муже и жене:

*Дева русская: грудь лебедина, походка павлина, очи соколы, брови соболю;
взглянет, что огнем опалит, а слово молвит, рублем подарит;*

*Не заламывай рябину не вызревиш; не сватай девку, не визнавши;
Не спится, не лежится, все про милого грустится;*

Запрягай дровню, ищи себе ровню;

Видели очи, что брали к ночи;

Не вздыхай тяжело, не отдам далеко: хоть за лыску, да близко;

Его невесты на том свете козлов пасут;

Кто на борзом коне жениться поскочет, тот скоро поплачет;

Падка коза до соли, а девка до воли;

Глупому мужу красная жена дороже красного яйца;

Как начнут рожь жать, тогда и баб людьми звать;

У хорошей жнеи снопочек як куколка, а у плохой як ворона;

Первая жена от Бога, вторая от человека, третья от черта;

От пожара, от потопа и от злой жены, Боже, сохрани;

Муж задурит, половина двора горит; а жена задурит, и весь сгорит;

Пригожая жена — лишняя сухота;

Мужнин грех за порогом остается, а жена грех домой несет;

Не выпрягни-впрягни, ни в ухабе сберегчи, ни от солнышка затулье, ни от дождя епанча (о худом муже или худой жене);

Хоть плох муженек, да затулье мое: завалюсь за него — не боюсь никого;
 Не хвали жену телом, а хвали делом;
 Птица крыльями сильна, жена мужем красна;
 На что корова, была бы жена здорова;
 Бил жену денечек, сам плакал годочек;
 Жена, что лебедь-птица, вывела детей станицу (вереницу);
 Не надобен и клад, коли у мужика с женой лад;
 Знай, баба, свое кривое веретено;
 Муж жене отец, жена мужу венец;
 Не верь ветру в поле, а жене в воле; воля и добрую жену портит;
 Не скот в скоте — коза, не зверь в зверях — еж, не рыба в рыбах — рак, не
 птица в птицах — нетопырь, не муж в мужьях, кем жена владеет;
 Ночная кукушка (жена) денную (мужа) перекукует;
 Жена ублажает — лихое замышляет;
 Проводила мужа за овин — да и прощай, жидовин;
 Мать плачет, что река льется; жена плачет, что ручей течет; невеста пла-
 чет — как роса падет: взойдет солнце — росу высушит; на вдовый двор хоть
 щепку брось, и за то Бог помилует.

Из подобных, образно изложенных примет и поговорок, можно составить мно-
 готомное собрание мудрых речений, но крестьянская поэзия воплотилась и в ка-
 лендарно-обрядовых песнях, и в сказах, и даже в шутках-прибаутках, заговорах,
 закличках, присловиях. Скажем, с Емельяна-перезимника (21 января), которого еще
 величали *Емельян-накрути буран*, в долгие зимние вечера сказывали сказки, побы-
 вальщины, прочие старины — отчего и поговорка: *Мели, Емеля, твоя неделя*. Впро-
 чем, бывало, и не с Емельяна, а с Покрова Божией Матери (14 октября) крестьяне,
 завершив осеннюю страду, собирались на долгие вечерние беседы, где и слушали
 сказителей. А у сказителей речь — золотая россыпь поэтических присловий...

*Где вы, Петры и Павлы (12 июня), ночевали? В городе Ерусалиму, в Божь-
 ей церкви на престоле; ключи, замки обронили, нечем грешну душу пропустити:
 грешна душа согрешила, младенца в утробе потребила, всякими зельями заеда-
 ла, всякими травами заливала; попала в тар-тары, в огонь горючей, попала в
 тар-тары, в смолу кипучу.*

*Пресвятая Богородица, почто рыба не ловится?.. Либо невод худ, либо нет
 ее тут.*

*Звал ячмень пшеничку: «Пойдем туда, где золото родится, мы там будем с
 тобой водиться». Пшеничка сказала: «У тебя, ячмень, длинен ус, да ум короткий;
 зачем нам с золотом водиться, оно к нам и само привалится»;*

Июнь, в закорма дунь! Нет ли жита в углах забыта;

Рожь говорит: — Колошусь! А мужик: — Не нагляжусь!;

*«Жаворонки, прилетите, студену зиму унесите, теплу весну принесите. Зима
 нам надоела, весь хлеб у нас поела!» — пели дети на день Сорока мучеников.*

*По поднебесью, братцы, медведь летит: Медведь летит, хвостом вертит.
 Свинья на ели гнездо свила, гнездо свила, деток вывела, милых деточек, порося-
 точек. Поросятки по сучкам висят, по сучкам висят, полететь хотят.*

*«Федул, чего губы надул? «Кафтан прожег». «Велика ли дыра?». «Один ворот
 остался».*

Сия любомудрая, краснопевная русская поэзия, что не сходила даже с зауряд-
 ных крестьянских уст, а что уж говорить о сонме деревенских сказителей... Разве

могли в *темном, забитом* деревенском люде родиться пословицы, подобные сей: **своя воля страшнее неволи?!** В четырех словах — великий богословский трактат о языческой воле, что на грани преступной вседозволенности, и христианской воле, где даже раб галерный в душе волен, ибо он лишь раб Божий... Пословица сия — воистину проповедь, достойная боговдохновенного священника...

За четверть века великая русская плачяя Ирина Федосова, неграмотная крестьянка, пророчески провидела, **что** после революции свершит над Святой Русью антихристово племя, умело используя оскудение веры в русском народе, разогревая языческую страсть к *внешней воле* — суть вседозволенности.

Коли искусство русских крестьян, корни коего в арийском, скифском, древнеславянском прошлом, превзошло народное искусство европейских наций, то и профессиональное русское искусство превзошло, и не столь даже мастерством, сколь, опять же, *божественным* духом, что, опять же, почерпнуло в народно-православном поэтическом слове.

Думаю, после выше реченного толковать о темноте и дикости русских крестьян могут лишь холопы, за чечевичную похлебку, за тридцать сребреников нанятые князем тьмы, а чернокрылого падшего ангела испокон веку корежило от народного-православного русского духа.

Два взгляда на русское язычество

Крещение язычников... Крестьянская пословица гласит: *Ева прельстилась дровом, протонала чревом, Адам грех сотворил — рай затворил...* После изгнания из райского Эдема Евы, искушенной дьяволом, и Адама, соблазненного Евой, история человечества, — история стремительного зарождения и распространения идолопоклонничества, суть, язычества, когда племена и народы, забыв незримо Творца, поклонялись лишь зримым созданиям Бога — солнцу, луне, грозам, ветрам, камням, деревьям, рекам и морям — воплощая их образы в деревянных, каменных, бронзовых и даже золотых истуканах (*болванах*, на Руси). Отвергнув Бога, язычники погрузились в пучину пороков, ибо «помышление сердца человеческого — зло от юности его. (...) И раскаялся Господь, что создал человека на земле, и воскорбел в сердце своем. Земля растлилась пред лицом Божиим, и наполнилась земля злодеяниями». (*Быт. 8:21; Быт. 6: 6-11*), отчего Господь, пощадив лишь Ноя, его семейство и всякую тварь по паре, смыл падшее человечество с лица земли.

С народжением язычества история человечества — история борьбы верующих во Единого Бога (Иегова) с многобожеством идолопоклонников... В борьбе той ветхозаветные пророки, потом Христовы апостолы, первохристиане и сонм святых страстотерпцев обрели мученические венцы Христа ради от язычников ... в Древнем Риме растерзанные тиграми под рев ликующей публики... и от *богоизбранных* иудеев, кои, случалось, пуще язычников пытали христиан. Хотя ветхозаветные пророки испокон человеческого века внушали *богоизбранным*: «Господь — царь на веки, навсегда; исчезнут язычники с земли Его...» (*Пс. 9:37*) «Так говорит Господь: не учитесь путям язычников и не страшитесь знамений небесных, которых язычники страшатся». (*Иер. 10:2*)

Если Адам и Ева, извергнутые из райской обители за грехопадение, раскаялись и жили по внушениям Божиим, то уже их сын Каин, убивший брата Авеля,

жил по образу и подобию *поганных* язычников: «Житейские заботы до такой степени поглощали все силы Каинова поколения, что оно, очевидно, совершенно пренебрегало интересами духовной жизни. Отличаясь упорной самонадеянностью, оно, видимо, жило в полном порабощении житейской суете и отличалось грубым безверием, с неизбежными его плодами — пороками и преступлениями³».

Согрешая и каясь, ветхозаветные предтечи христиан по Божьему внушению блюли нравственные устои, подобные русскому домострою, а язычники от вольных нравов низвергались дьяволом в сладострастное гноевище пороков, — вспомним порочные города Содом и Гоморра... Согласно Библии, в эпоху Авраама города Содом и Гоморра утопали в дикой роскоши и языческих похотях, и коль жители сих поселий «были злы и весьма грешны» (*Быт. 13:13*), то «пролил Господь на Содом и Гоморру дождем серу и огонь от Господа с неба, и ниспроверг города сии, и всю окрестность сию, и всех жителей городов сих, и [все] произрастания земли» (*Быт. 19:24–25*).

Даже Богом избранный еврейский народ, что по воле Божией должен был принести языческому миру спасение, вдруг забывал Господа и, сжигая жертвоприношения на языческих капищах, клонил выю, падал ниц то перед Золотым тельцом, то перед истуканом Ваалом, то перед блудницей Стартой и впадал в такое неистовое идолопоклонничество и блудодеяние, что дивились закоренелые язычники и от гнева содрогались небеса. Потомки Моисея, камнями побивавшие ветхозаветных пророков... даже меж алтарем и жертвенником... утерьявшие Божью избранность, на голгофском кресте распяли и Сына Божия, опять же пророками и предреченного.

Иисус Христос, а потом и святые апостолы, браня идолопоклонничество, проповедовали язычникам Слово Божие, чему яро противились распявшие Христа: «...В следующую субботу почти весь город собрался слушать Слово Божие. Но иудеи, увидев народ, исполнились зависти и, противореча и злословя, сопротивлялись тому, что говорил Павел. Тогда Павел и Варнава с дерзновением сказали: *вам первым надлежало быть проповедану Слово Божию, но как вы отвергаете его и сами себя делаете недостойными вечной жизни*, то вот, мы обращаемся к язычникам (*Выделено мной. — А.Б.*). Ибо так заповедал нам Господь: Я положил Тебя во свет язычникам, чтобы Ты был во спасение до края земли. Язычники, слыша это, радовались и прославляли слово Господне, и уверовали все, которые были предоставлены к вечной жизни». (*Деян. 13:44–48*)

Ученики Христа и сонм святых апостолов крестили и облакали во Христа идолопоклонников разных держав, и, по преданию, апостол Андрей Первозванный с христианской проповедью вошел в языческую Русь. В преддверии русского церковного раскола иеромонах Арсений Суханов в прениях с греческими иерархами, среди коих оказался иерусалимский Патриарх Паисий, доказывая апостольскую истинность Русской Православной Церкви, говорил: «Напрасно вы хвалитесь, что и мы от вас приняли крещение. Мы приняли крещение от св. апостола Андрея, который из Византии приходил Чёрным морем до Днепра, а Днепром до Киева, а оттуда до Новгорода...»

Разумеется, долгим и сложным было обретение вчерашними многобожными идолопоклонниками веры во Единого Бога Отца Вседержителя; мучительно восходил русич из тьмы языческой ко Христову слову, чтобы, вслушавшись, поверив, спасти душу от геенны огненной. Среди мирских ученых и богословов вырабо-

³Александр Лотухин. «Толковая Библия. Ветхий Завет и Новый Завет» null. 2013.

тались две крайние точки зрения о язычниках Древней Руси, хотя истина, может быть, и посередине. Мирские мудрецы, постигающие восточнославянское и собственно русское язычество, сопоставляя его с христианством, либо давали, как им чудилось, верную картину развития народного мировоззрения, ибо устранялись от идеологических пристрастий — от веры во Христа, от языческого идолопоклонничества, но и от воинственного атеизма; либо, как в дореволюционной либерально-демократической и советской историографии и философии, с дерзким атеизмом осуждали религиозность народного мировоззрения, при сем смешивая веру во Христа с языческими суевериями и поощряя лишь материалистические, рациональные начала крестьянской жизни.

Два сих взгляда на русское язычество родственны, ибо в корне их безбожие, обретающее злое призраки богоборчества. А более духовные народоведы, тем паче богословы, соглашаясь с тем, что принятие христианства стало душеспасительным явлением для русских, расходились в мнениях о том, сколь душевно были приурочены язычники Древней Руси ко Святому Крещению.

Суровые богословы утверждали, что русы-язычники — скверноубийцы и любодеи... В статье Михаила Козлова «Назад к Перуну? Заметки о язычестве древнем и современном» ясно выражено отношение Русской Православной Церкви к славяно-русскому язычеству: «Среди православных или близких православию людей можно нынче встретить суждения о некоем особом славянском язычестве, будто бы менее причастном демонизму, чем языческие верования других народов (отсюда иногда делается положительная оценка действительно имевшего в народе место, но всегда осуждавшегося Церковью двоеверия), о изначально (понимай, в язычестве) доброй славянской, а ныне скажут и украинской, душе, о патриархальном и гармоничном дохристианском мире Руси, естественно вросшем в мир христианский. Вспомним немного истории. Святой патриарх Константинопольский Фотий в своем знаменитом Окружном послании 867 г., посвященном крещению болгар, писал: «И не только этот народ (болгары) променяли прежнее нечестие на веру во Христа, но даже... *пресловутые, в жестокости и скверноубийстве всех оставляющие за собой*, так называемые руссы, которые... в настоящее время променяли языческое и нечестивое учение... на чистую и неподдельную веру». (*Выделено мною, — А.Б.*). (В скобках заметим, что св. Фотий, вдохновитель миссии и близкий друг Кирилла и Мефодия, славянофобом, конечно же, не был). Видятся весьма важными эти слова Святого Константинопольского Патриарха, сказанные на заре нашей истории. Не соединение ветхого и нового, «хорошего» язычества с еще лучшим христианством, но отвержение прежней скверны, прежней безнравственности, прежней небытийности и облечение во Христа, неразрывно связанное с непрестанным аскетическим делением, осуществляемым под руководством Церкви, которое имеет целью возвысить и выковать душу каждого отдельного христианина, а через то и всего христианского народа. Только свет Христов, воссиявший на Русской Земле, сделал возможным появление через поколение от язычника Святослава, во время одного из своих бравых походов посадившего на кол после взятия города Филипполя 20000 (!) единокровных болгар, — святых князей страстотерпцев Бориса и Глеба, предпочетших смерть по Закону Христову братоубийственному кровавому противостоянию⁴».

⁴Козлов М. «Назад к Перуну? Заметки о язычестве древнем и современном». / Литературный Иркутск. Иркутск, 1991.

Жили с жаждой Бога... Иисус Христос обличал язычество: «Иисус говорил им: «На путь к язычникам не ходите, и в город Самарянский не входите» (*Мф. 10:5*); но, случалось, Спаситель ставил язычников в пример благочестивым, единопольным иудеям; вспомним самарянина, что спас иудея, коего ограбили лихие разбойники, избили до полусмерти и бросили на обочине дороги, а ранее проходили мимо иудейский священник и левит и не помогли соплеменнику [*Лк. 10:33*]; вспомним очищение Христом десяти прокаженных, когда лишь самарянин «пал ниц к ногам Его, благодаря Его», а девять иудеев даже не поклонились [*Лк. 17:16*]; вспомним самарянку Фотину⁵, что встретила со Христом у колодезя, уверовала, следом уверовали и прочие самаряне; вспомним дивную беседу Христа с язычницей-хананеянкой, что, выйдя из тех мест, кричала Ему: помилуй меня, Господи, сын Давидов, дочь моя жестоко беснуется. (...) Он же сказал в ответ: Я послан только к погибшим овцам дома Израилева. А она, подойдя, кланялась Ему и говорила: Господи! помоги мне. Он же сказал в ответ: нехорошо взять хлеб у детей и бросить псам. Она сказала: так, Господи! но и псы едят крохи, которые падают со стола господ их. Тогда Иисус сказал ей в ответ: о, женщина! велика вера твоя; да будет тебе по желанию твоему. И исцелилась дочь ее в тот час». [*Мф. 15:22-28*] Проповедуя любовь к Вышнему и ближнему, Спас Вседержитель, случалось, упрекал иудеев, что и среди них не находил такой веры, какую встретил среди язычников, кои лишь облачались во Христа.

В предшествующей главе мною поведен один взгляд на языческую Русь, вернее, на степень духовной готовности Руси ко святому крещению, облачению во Христа; и согласно сему взгляду, ветхие русы по жестоковьюности превосходили чужеземных язычников, и христианство им было враждебно; но есть и другое историческое, богословское суждение о том, что древние русичи уже накануне княжения святого Владимира жили с жаждой Бога...

Не случайно, в древнерусской летописной «Повести временных лет» в главе «Слово о проявлении Крещения Руския земля святаго апостола Андрея, како приходил в Русь» речено, что святой апостол Андрей Первозванный у Киевских гор пророчески предрек богоносную судьбу Святой Руси: «Видите ли горы сия? Яко на сих горах возсияет благодать Божия, имать град великий быти и церкви многи Бог въздвигнути имать...»

«По Промышлению Божию, он дошел до реки Днепра, в Российской стране, и, пристав к Киевским горам, остановился на ночлег. Встав поутру от сна, он сказал бывшим при нем ученикам: «Верьте мне, что на этих горах воссияет благодать Божия; великий город будет здесь, и Господь воздвигнет там много церквей и просветит святым крещением всю Российскую землю». Взойдя на горы, святой благословил их и водрузил крест, предвозвещая принятие народом, обитавшим здесь, веры от своей Апостольской кафедры, основанной в Византии. Пройдя и выше лежавшие российские города, — где расположен ныне великий Новгород...» («Жития святых» святителя Димитрия Ростовского в главе «Подвиги и страдания святого Апостола Андрея Первозванного»)

В сопровождении учеников, среди коих могли быть и русичи, святой апостол Андрей пошел из Киева в Новгород, где дивился тому, что здешние горожане,

⁵Сия самарянка обрела мученический венец за Христа при Нероне, императоре Рима (66 год от Рождества Христова), и в православных святцах величается: мученица Фотина (Светлана) самырянна.

моясь в банях, хлещут по телу «молодыми прутьями» дуба и березы, обливаясь квасом и студёною водой. Но в древнейших списках и вариантах сего предания не упоминается о том, что Андрей Первозванный проповедал новгородцам Христово Слово; а посему профессор Московской духовной академии Евгений Голубинский усмеялся: де, неужели святой проповедник явился в новгородских землях лишь для того, чтобы лицезреть русские обычаи и дивиться ярым парильщикам.

Профессор Антон Карташёв, опираясь на предания новгородские, так толкует гостевание святого апостола в сем древнем русском граде: «У русского автора-южанина в рассказе о новгородских банях очевидно была и определённая, не особенно высокая цель. Так прекрасно возвеличив свой родной Киев, он, по русскому обычаю — трунить над всяким, кто не нашей деревни, решил выставить новгородцев пред апостолами в самом смешном виде. Новгородцы так это и поняли, потому что, в ответ на киевскую редакцию повести, они создали свою собственную, в которой, не отвергая прославления Киева и умалчивая совершенно о банях, уверяют, что ап. Андрей «во пределы великого сего Новаграда отходит вниз по Волхову и ту жезл свой погрузи мало в землю и оттоле место оно прозвася Грузино... Чудотворный жезл этот „из дерева незнаемого“ хранился, по свидетельству жития св. Михаила Клопского, в его время (1537 год) в Андреевской церкви села Грузина».

Средневековые источники повествуют о хождении святого Андрея в Новгород, где апостол воздвиг крест около нынешнего села Грузино на берегу Волхова; затем пошел к Ладожскому озеру и далее до острова Валаам, где установил каменный крест и истребил капища богов Велеса и Перуна, обратив в христианство языческих жрецов.

Покинув Русь, Андрей Первозванный прошел через земли варягов в Рим для проповеди и вновь вернулся во Фракию, где в небольшом селении Византии, будущем могучем Константинополе, основал христианскую Церковь. Имя святого апостола Андрея связывает мать — Церковь Константинопольскую с ее дочерью — Русской Церковью. Святой Андрей был распят на косом кресте язычниками города Патры. Косой Андреевский крест начертан на русских морских флагах...

О духовной готовности русичей ко святому крещению писал протоиерей Лев Лебедев в книге «Крещение Руси». В главе «Русское язычество» православный писатель ведаёт о том, как согласно «Повести временных лет», при князе Владимире в 983 году была попытка принести в жертву идолу («богам») одного юного христианина из варягов, но ритуального жертвоприношения не случилось, а было трагическое событие, ставшее пределом жертвоприношения. По описанию историка Николая Карамзина вышло так: «Народ вооружился, разметал двор Варяжского Христианина и требовал жертвы. Отец, держа сына за руку, с твердостью сказал: «Ежели идола ваши действительно боги, то пусть они сами извлекут его из моих объятий». Народ, в исступлении ярости, умертвил отца и сына, **которые были таким образом первыми и последними мучениками Христианства в языческом Киеве** (выделено мной. — А.Б.). Церковь наша чтит их Святыми под именем Феодора и Иоанна». В отличие от иных варваров, не успев войти в ритуальную жизнь славян-русов, человеческие жертвоприношения ушли в небытие.

«Вот своеобразный пик истории, грозное столкновение язычества с христианством на Руси! — писал протоиерей Лев Лебедев в славном сочинении о крещении русского народа. — Словно молния, прорезало оно и осветило небосклон русской духовной жизни, потрясло эту жизнь до каких-то последних глубин... В летописи за 983–988 годы отсутствуют какие-либо свидетельства о человеческих жертво-

приношениях идолам. Весьма вероятно, что именно мученическая кончина варяга Феодора и сына его Иоанна положила конец таким жертвам. Нигде раньше 980 года наша летопись не говорит о человеческих жертвоприношениях. Нет никаких указаний на такие жертвы и в других исторических материалах. Можно думать, что человеческие жертвы идолам есть явление чуждое Руси, привнесенное, находящееся в связи с пантеоном кумиров, поставленных Владимиром на холме за княжеским двором, и через три года прекратившееся.

(...)Ни Перуну, ни Волосу не приносили в жертву людей. Идолу Святовита у прибалтийских славян, как известно, жертвовали плоды земледелия, главным образом — испеченный в рост человека хлеб. В Древней Руси в жертву идолам приносили тоже плоды земледельческого труда, в основном печеные хлеба⁶».

После Святого Крещения русские, равно и прочие восточнославянские народы, уже не ради жертвоприношения, а ради освящения приносили в храмы житные снопы (*первый сноп — Богу*), хлеб и плоды земледелия. Вспомним три августовских Спаса: медовый Спас — начало Успенского поста (14 августа), яблочный Спас — Преображение Господне (19 августа) и ореховый — когда столы перед алтарем ломаются от яств, что после божественной литургии батюшка освящает.

Если сравнить с первыми веками христианства, когда за проповедь Христа ради, за исповедование Христа, от рук иудеев и язычников ...древнеримских, древнегреческих и прочих... гибли тысячи первохристиан, то в России христианство засеялось тихо, мирно и взросло, взросло, словно уже на духовно изготовленной в язычестве, плодородной почве. Христианские мученики, очевидно, и на Руси прославились, но — единицы, и лишь в XX веке, когда в России воцарились богоборцы, мученические венцы обрели тысячи православных христиан.

«Ранее, — продолжает протоиерей Лев Лебедев, — когда мы говорили о нравственных началах Руси, мы выяснили, что обладавшие кротким и тихим нравом поляне явились духовным ядром Руси; они же стали и политическим ядром русской государственности. Их нравственность не могла не привлекать, и действительно, как мы потом подробно рассмотрим, давно привлекала к Руси особую Божию благодать: с IX века многие русские, среди них и князья, становились христианами; уже при Игоре в Киеве стояла православная церковь во имя пророка Илии; уже приняла Святое крещение равноапостольная княгиня Ольга, глубоко почитавшая всеми русскими людьми, в том числе и язычниками. Следовательно, не что иное, как промыслительная предуготовленность Руси к принятию христианства, выражавшаяся в нравственной чистоте и праведности ее самого важного центра, и уже начавшееся распространение христианства возбудили особую зависть дьявола, стали ему, как «терние в сердце». «Жребий» зависти дракона падает на русскую землю точно так же, как пал он на Иоанна, сына варяга-христианина. Причем падает прежде всего на духовное «сердце» и государственную столицу Руси — Киев; здесь пытаются совершить беспрецедентные для Руси приношения в жертву идолам. Результат, как видим, оказался обратным: Русь отшатнулась от таких жертв.

(...) Не «углубилась» Русь и в идолослужение до такой степени, чтобы иметь идольские храмы и касту жрецов, хотя по соседству со славянами, в Причерноморье, находились колонии Греции (впоследствии — римской империи), где были и храмы, и жрецы.

(...) Отвергнув различные соблазны диаволопоклонства и тайнознаний, суливших особую власть над силами тварного бытия, Русь закономерно оставалась с

⁶Лебедев Л. «Крещение Руси». Издательство Московской Патриархии. М., 1987. С.45.

одной жаждой Бога, который выше всей твари взятой. По этой же причине Русь оказалась и особо подготовленной к его восприятию».

Словом, по мнению протоиерея Льва Лебедева, языческая Русь «жила с одной жаждой Бога», в чем и выразился второй, противоположный первому, милый русской душе взгляд на степень душевной готовности древних русов ко святому крещению и облачению во Христа.

Среди русских церковных писателей испокон православного века бывали любомудры, в лад коим и толковал протоирей Лев Лебедев о русах-язычниках. В далеком 1049 году митрополит Иларион в своем божественном творении «Слово о Законе и благодати» добрым словом поминает и языческую Русь, ибо уже в сумраке древнерусской души мерцал свет любви к ближнему, и на добрую землю пало семя Христова Слова. Помяная языческих князей Игоря и Святослава, митрополит Иларион восклицает:

*...Те в лета своего владычества
мужеством и храбростью прославились в странах многих,
и победами, и крепостью поминаются ныне
и прославляются.
Ибо не в худой и неведомой земле владычествовали,
но в Русской,
что ведома и слышима
всеми четырьмя концами земли.
Сеи славный — от славных родился,
благородный — от благородных,
каган наш Владимир.*

В помянутой выше статье Михаила Козлова «Назад к Перуну? Заметки о язычестве древнем и современном» речено верно: воспевать язычество — смертный грех, сознательное, бессознательное служение бесам ...*бесам жряху*... но русской душе трудно согласиться с тем, что именно восточнославянские и собственно русские язычники выделялись из других языческих народов особой свирепостью, жестокостью и человеконенавистничеством. Для примера, вроде типичного, приводится жестокая расправа князя Святослава после взятия города Филипполя над двадцатью тысячами болгар. Не обеляя русского князя, можно лишь молвить: война есть война — дело богопротивное и человеконенавистническое, кроме войн оборонных и освободительных. Ведь и преподобный Сергей Радонежский, духовный светоч Земли Русской, благословил великого и святого князя Дмитрия Донского на битву с монголо-татарами: «Если требует чести, — отдай, если ищет золота — отдай; но за веру православную и Христову Церковь нам подобает и кровь свою пролити и живот свой положить...». А святитель Филарет так рассудил о войне: «Гнушайтесь убо врагами Божиими, поражайте врагов отечества, любите враги ваша. Аминь»

Говоря о жестоковыйном князе Святославе, опять же, чему дивиться, коли ведать о древних войнах, когда победители не токмо двадцать тысяч, но сотни тысяч побежденных побивали камнями, распинали, вырезали, закапывали живьем; сотнями тысяч истребляли детей и стариков, лишь юношей оставляли живые, набив им рабские колодки, да юниц угоняли в блудодейные гаремы. Даже богоизбранный еврейский народ, обретая землю обетованную, побеждая соседние царства, вырезал язычников сотнями тысяч, не жалея женщин и детей, и се творилось, согласно Ветхому Завету, с «благословения Иегова». Мало того, случалось, Го-

сподь «гневался и карал» богоизбранных, коли те истребляли не всех покоренных язычников, коли избранным сохраняли жизнь, угоняя в рабство.

Похвально помянутый митрополитом Иларионом в «Слове о Законе и Благодати», воитель Святослав, что жестоко карал врагов, не повод для утверждения о том, что русы выделялись из прочих языческих племен более изощренной жестокостью, «скверноубийством», ибо даже христианские царства после военных побед устраивали такие расправы над покоренными, что меркли и злодеяния князя Святослава. Германцы, католики либо протестанты, что в прошлом веке покоряли Россию, восклицали: мол, «с нами Бог!..», и мы дарим христианам избавление от большевиков-богоборцев. «Избавляя» русский народ от антихристовой большевистской власти, германцы сгубили не двадцать тысяч, подобно князю Святославу, а десятки миллионов, при сем пытали и казнили побежденных с такой дьявольски изощренной жестокостью, какая даже и в страшном сне не снилась князю Святославу и прочим русам-язычникам. Впрочем, гитлеровские германцы лишь ради обманного красного словца всеу трепали Имя Божие, а по духовной сути, подобно большевикам, были враждебны Христу и тяготели к языческому мистицизму, где славилась не любовь к Вышнему и ближнему, а культ внешней *арийской* силы и воинственной воли, перед которой должен пасть ниц *слабосильный и безвольный* христианский мир. Фридрих Ницше, ненавидящий христианство, размышлял: дескать, христиане тяготеют миром дольным (земным), мечтают о мире горнем (небесном); так, может, помочь христианам вознестись на небеса, чтобы не путались в ногах у сильных мира сего.

Но вернемся к русскому язычнику, что, по мнению избранных богословов, все же был душевно приурочен к принятию Святого Крещения... Писатель Валентин Распутин по сему поводу в слове на празднике «Всех святых, в Земле российской просиявших» сказал: «Представьте себе, насколько это было чудом в русской истории — обретение народом-язычником христианской религиозности. Русь, которая в 988 году крестилась, была союзом языческих племен, и племен жестоких... (...) Русскому народу необходимо было принять именно эту веру: народ имел к ней душевную предрасположенность; это было лицо, коего искали русичи, и христианство было нужно народу, как воздух. (...) И сейчас, когда нам говорят, что Русь древняя была жестокая, варварская страна, то говорят заведомую неправду...».

Здесь в рассуждения писателя, видимо, невольно, от любви к русичу вкралось противоречие: не может Русь, коли «*была союзом языческих племен, и племен жестоких*» (!) иметь в то же время «*к ней (вере христианской, — А.Б.) душевную предрасположенность*». Противоречие усиливается, когда писатель считает заведомой ложью слова о том, что «Русь древняя была жестокой, варварской страной».

Думаю, восточнославянское (русское) язычество было мягче, чем язычество иных племен, и подтверждением тому уже и то, что восточные славяне (русские) вышли из скифов-пахарей, что были миролюбивее скифов-кочевников и скотоводов, от коих пошли тюркские племена. Впрочем, думаю, не столь важно, жесточе или мягче было русское язычество, чем у прочих народов; правда лишь в том, что русскому человеку душно жилось в языческом гробу, — душа болела и металась, искала душеспасительную истину, которую, наконец, и обрела в христианстве.

Не обделенные совестью, русичи в последний век перед Святым Крещением жили с жадной Истинного Бога, коль так быстро русичи своротили былых идолов, пустили Перуна по течению Днепра, коль христианство вскоре стало русским государственным вероисповеданием.

Со Святым Крещением русские поселяне, с детской чистотой и простотой веря в Иисуса Христа, в спасение души и обретение Царствия Небесного, старались жить по-русски — суть, по-божески, но, яко чада малые, склонные к таинственной игре, любили природные обрядовые игры. Но в сих играх не грешили обоготворением природы, о чем ранее переживал святой Григорий Богослов: «...Ов реку богыню нарицает и зверь, живуший в ней яко бога нарицая требу творит».

Даже сами недавние священные языческие понятия после Святого Крещения стали обретать в языке грубую окраску: *идол* — незаслуженно почитаемый; *болван* — туповатый, бесчувственный; *истукан* — стоит, словно каменный, когда надо действовать; *жрать* — есть грубо, по-свински. Хотя *идол*, *болван*, *истукан* — деревянные, каменные изваяния древнеславянских богов, а *жрать* — в языческом понимании, под водительством *жреца* (*жрать* — *жрец*, *жертвовать*, *жертва*) священнодействовать, на третище посреди языческого святилища (капища) постреблять жертвенную пищу или жертвовать ее *богам*.

Говоря о мягкости русского язычества, историки ведают, что летописи не запечатлели случаев, когда бы русичи казнили христиан по религиозным распрям, язычники же Древней Греции, Античного Рима, Ближнего Востока и малоазиатских стран, как и нередко впадавшие в язычество иудеи, умучили сотни тысяч христиан, что и записано в «Житиях святых, на русском языке изложенных по руководству Четьих-Миней свт. Димитрия Ростовского».

Русские, будучи православными христианами, должны ли понимать, как бесовскую, всю двухтысячелетнюю устную народную поэзию и прозу, по глубинной мудрости и природной красе далеко превосходящую письменную, если корни ее в арийском, скифском, славянском язычестве?.. Должны ли русские отречься от своей народно-обрядовой этики, имеющей языческие истоки, но лишенной уже языческой...суть, демонической... мистики?.. Если русские отвергнутся древнеславянского языкового, художественно-прикладного искусства, значит отвергнут старинные сказки, старинные песни и былины, удалят с избяных наличников деревянную резьбу, спалят вышивки, ибо в произведениях древнего и вечного художественно-прикладного искусства таится древнерусская, языческая символика. Нет, православное христианство не проповедует отречение от народного искусства, хотя и оговариваясь: *сказка — ложь, но в ней намек, добрым молодцам урок*.

Христиане, забывшие о былом противостоянии христианства и язычества, высоко чтут искусство Древней Греции и Античного Рима, воплощенное в зодчестве, в поэзии, живописи и скульптуре, хотя произведения сего искусства — культ телесной гармонии, а не красоты души, где поселилась божественная любовь к Вышнему и ближнему. И, как уже поминалось, греческие, римские язычники, в отличие от восточно-славянских, яро ненавидели христиан, и по велению жрецов и правителей зверски умучили тысячи первохристиан, что отказывались принести богомерзкие жертвы античным бесам: римским болванам — Юпитеру, Нептуну, Марсу, Аполлону, Венере, Вакху...; греческим истуканам — Зевсу, Посейдону, Афине, Артемиде, Афродите... и прочим бесам, скульптуры коих, грешным делом, и по сей день восхищают обывателей, вдохновляют искусников на сочинение стихов и картин.

Глядя на скульптуры античных идолов, что в похабной нагоде красуются в Санкт-Петербурге, особо в Летнем саду, духовно трезвенный христианин невольно вспоминает, что по вине сих идолов обрели мученические венцы тысячи его братьев и сестер во Христе. *Варвары* русы и вообразить не могли пытки, коим

идолопоклонники Древней Греции и Античного Рима предавали первохристиан, что не поклонились бесам, вырубленным из дерева и камня. Читая жития святых мучеников, ужасаешься, с какой дьявольской изобретательностью, дьявольской жестокостью пытали римляне христиан; и, терзаемые львами и тиграми под ликующие вопли *классически образованных* римлян, великие страстотерпцы не отрекались от Христа Бога. Возможно, истребляя православных славян, черпая палаческий опыт античного мира, германские фашисты любовались языческими идолами Древней Греции и Древнего Рима, кои с дьявольской гениальностью воплотились в европейском изобразительном искусстве эпохи Возрождения (Ренессанс). Не миновала сия напасть и Россию... Возможно, языческие культы вдохновляли и обезбоженных мыслителей еще в эпоху Просвещения, залитого кровью боготорческих революций...

* * *

Сказочный Иванушка-дурачок — предтеча святых юродивых... Бытует мнение, выраженное в христианской литературе, что язычников, кои по неким причинам не просветились Светом Христова Слова о спасении души, Господь судит по совести. Богу ведомо, верно ли удумано и молвлено, но хочется верить, благочестивые русичи Древней Руси прощены и спасены, ибо отличались совестью, милосердием, что запечатлелось в народных сказках, где верховодит Иван-дурак из крестьян, предтеча христианских юродивых. Но здесь оговоримся: дурак дураку рознь, сказочный Иванушка-дурачок склонен ко святой юродивости, но водились дураки и от дьявола, гораздые на *дурацкие* выходки, водились и глупцы, коих Иванушка наставлял на ум. Про болтливых глупцов крестьяне лишь вздыхали сочувственно: *Думка чадна, недоумка бедна, а всех тошней пустослов; и красно, и цветно баит, да пустоцветом.*

О глупцах потешно поведано забайкальскими сказителями в сказке «Как Ванюшка глупых искал»...

«Жили-были старик со старухой. Был у них сынок Ванюшка. Жили они бедненько, и пришлось Ванюшке уйти в работники. Работал он хорошо, и хозяин дал ему лошадей, чтобы родителям дров навозить. Вот приехал Ваня домой, ночевал и отправился в лес дрова готовить. А старики рады, что вырастили кормильца. Растворила старуха блины да поставила тесто на краешек печки, сверху закрыла посуду крышкой, накинула куфайкой, чтобы теплее было, и придавила поленом. А старик захотел отдохнуть и лег на печь. Потянулся и столкнул горшок. Горшок улетел на пол и весь сломался. Старуха увидела и давай причитать:

— Ой-ей-ей! А был бы Ванюшка женатый, да был бы у нас ребеночек — полено б с печки упало да придавило бы ребеночка-то!

Вот рыдат, качается! И старик припарился, вместе с ней заплакал:

— Ой-ёшеньки, да горе-то како-о!

Тут народ собрался около их избы, утешают стариков. А те никак не утешаются, плачут. Едет Ванюшка из лесу, дрова везет. Видит: около их дому народу много собралось, плачут, причитают на разны голоса. Он спрашивает:

— Чо случилось?

— Ой-ё-ёй! Мамка твоя блины растворила да горшок на печь поставила, чтобы тесто растронулось. А горшок-то и упали! А коли был бы ты женатый, да был бы у тебя ребеночек, да этот горшок упал бы на него — придавил бы ведь ребеночка-то!

Но узнал Ванюшка, в чем дело, и говорит:

— Поеду-ка я по белу свету, на людей погляжу. Если найду глупее вас, вернусь домой, а не найду, не вернусь!

Сгрузил дрова, коней покормил и поехал по белу свету. Вот едет день, едет другой. Заехал в деревню. Видит — народ вокруг бани столпился. Кричат, спорят. Ванюшка подъехал, смотрит — мужики корову на баню тащут.

— Вы пошто, мужики, корову-то на баню тащите?

— А евон на бане скоко травы наросло. Пусть корова всё съест, — ему отвечают.

Ваня рассердился — но это же каку дурну голову надо иметь, чтобы корову на бане пасти. Вот он рассердился, заскочил на крышу, всю траву навыврывал и сбросил вниз корове. Сам думат: «Но эти подурней наших будут...» (...)

А Ваня приехал домой, говорит родителям:

— Здравствуйте! Вот и вернулся я к вам, потому что белый свет велик, и много на нем и глупых, и умных!...»

Воистину, древние русы были уготовлены ко святому крещению во Христа Спасителя, ибо Христос испокон века жил в русских душах, пусть и безсознательно, пусть и не облачено в словесный наряд, ибо в каком ином народе любимым сказочным персонажем, и даже национальным героем мог стать Иван-дурак. Не упомяну кто в европейских, африканских, индийских и прочих сказках верховный герой, а вот, скажем, в цыганских сказках — Данко-вор, в бурятских — Хитрый Будамшу, в среднеазиатских — столь же хитрый Ходжа Насреддин, а у русских — Иван-дурак...

Когда солнце орла пожрет, камень на воду всплывет, свинья на белку залает, тогда дурак поумнеет, — говорится в крестьянской поговорке, ибо сказочного Иванушку-дурачка азы, буки, веди страшили, яко медведи, и не читал дуралей Святого Писания, но... жил до Крещения и живет после Крещения по Христовым заповедям.

Иванушка, чудной и чудный, — русский национальный идеал, образ русского народа, являющего собой мировую совесть и безкорыстную, безмерную любовь к Вышнему и ближнему; и все его деяния созвучны евангельским заповедям. Вот сему подтверждения:

Сказочный Иванушка равнодушен к богатству, словно с небес вдохнулись в душу Христовы заповеди о сокровищах небесных и земных: «Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут, но собирайте себе сокровища на небе, где ни моль, ни ржа не истребляют и где воры не подкапывают и не крадут». (Мф. 6:19-20) «...Удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царство Божие» (Мф. 19:24)

Равнодушие к богатству, присущее сказочному Иванушке-дураку, — некогда было привычным свойством русского характера, что выразилось в уйме пословиц и поговорок. Вот лишь избранные:

Благодаря Христа борода не пуста, хоть три волоска да растопорицившись.

Дождь вымочит, солнышко высушит, буйны ветры голову расчешут.

Клен да береза, чем не дрова, хлеб да вода, чем не еда.

Мужик богатый, что бык рогатый — забодает.

В могилу глядит, а над копейкой дрожит.

Хоть мошна пуста, да душа чиста.

Гольй разбоя не боится.

Наш двор крыт небом, а обнесён ветром.

Богачи едят калачи, да не спят, ни в день, ни в ночи; бедняк чего не хлебнёт, да заснёт.

Разум Иванушки не исчерпан демонскими письменами мира сего; разум его — чистый лист, куда Царь Небесный впишет глаголы вечной жизни, а посему о Иванушке начальная заповедь блаженства: «Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное».

И другая заповедь блаженства — «Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут» (Мф: 5: 3,5,7) — опять же про сказочного Ивана. Возлюбив ближних больше себя самого, напрочь забывая о своих нуждах, крестьянский сын Иванушка готов всякого встречного-поперечного, даже обманщика и обидчика, напоить, накормить, обути, одеть, охотно и радостно скидывая с ног последнюю обувку, с плеч последнюю лапотину. И се рече Господь и про Ивана русского: «...Тогда скажет Царь тем, которые по правую сторону Его: приидите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира: ибо алкал Я, и вы дали Мне есть; жаждал, и вы напоили Меня; был странником, и вы приняли Меня; был наг, и вы одели Меня; был болен, и вы посетили Меня; в темнице был, и вы пришли ко Мне. Тогда праведники скажут Ему в ответ: Господи! когда мы видели Тебя алчущим, и накормили? или жаждущим, и напоили? когда мы видели Тебя странником, и приняли? или нагим, и одели? когда мы видели Тебя больным, или в темнице, и пришли к Тебе? И Царь скажет им в ответ: истинно говорю вам: так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне». (Мф. 25: 34-40)

Иванушка-дурачок живет с горячим желанием всем помочь, всем услужить, словно втемяшилось в память свыше: «Кто хочет быть первым, будь из всех последним и всем слугою...» (Мк. 9:35)

В русских сказках, где чудеса в изобилии, редко встретишь христианскую мистику, в сказках живет некая *волшебная* мистика, напоминающая сновидения, ибо русские сказки народились в языческой древности, передавались из уст в уста, и, очевидно, лишь после Святого Крещения Руси сказочный герой *дурак* обрел имя *Иван*, — очевидно, от Иоанна Крестителя либо от Иоанна Богослова.

Обретенное в Благой Вести, имя Иван столь широко разошлось и укоренилось в русском народе, что стало *именем народа*; не случайно же иноземцы-иноверцы величали русским *иванами*, как и русские германцев — *фрицами*.

Сказочного Ивана, коих и в реальной жизни изрядно водилось, лишь потому прозвали дураком, что Господь одарил его мудростью горней (*божественной*), что безумие для мудрости дольней (*земной*). Святой апостол Павел, словно провидческим оком узрев блаженного Ивана, поучал в Первом послании к коринфянам: «Если кто из вас думает быть мудрым в веке сем, тот будь безумным, чтобы быть мудрым. Ибо мудрость мира сего есть безумие пред Богом» (1 Кор 3:18–19).

Иванушка по нищете духа, по отсутствию земной мудрости не похваляется об остатней рубахе, что отдал нагому, не трубит о сем в храмах и на вечевых площадях, что любили творить иудейские фарисеи и книжники.

Верно гласит крестьянская пословица: *Умный сам по себе, а дураку Бог в помощь...* Иванушка-дурачок в отличие от сказочных персонажей иных народов, — убогий (*у Бога*), предтеча блаженных, предтеча юродов во Христе, причисленных к лику святых, коим на Руси возводили храмы. Но лишь — предтеча, ибо блаженные (*юродивые Христа ради*)⁷ в любовном служении Богу напрочь отрекались от страстного и суетного мира.

⁷Блаженные (юродивые) (блж., блаж.) (гр. *σαλός* слав.: глупый, безумный) — представители сонма святых подвижников, избравших особый подвиг — юродство, подвиг изображения внешнего, т.е. видимого безумия, с целью достижения внутреннего смирения.

Распявшие Христа

Христос, иудеи и христиане первых веков... Видимо, от любви к своему народу, любви, слепящей глаза, как слепит яркое солнце, но думаю, что Древняя Русь все же была душевно приурочена к принятию христианства. Российские народоведы-атеисты, благотворящие язычеству, нежели христианству, похоже, грешили перед правдой, когда толковали о том, что Русь крестилась копьем и мечом, что русский народ противился Святому Крещению и яро *отстаивал* болванов, деревянных и каменных. Какая уж ярость, коль так быстро улетучились из памяти былые идола?!

Доказательством того, что ветхий русс был предрасположен к принятию христианства, может служить и само избрание веры равноапостольным князем Владимиром, который до крещения жил закоренелым язычником, плотски ублажая пять жен и тьму наложниц. А ведь Древняя Русь могла духовно облачиться и в мусульманство, а скорее всего, в иудаизм, по примеру несчастной Хазарии, но само Божие Провидение, кое душа русская чудом сумела услышать, даровало Руси Православие. В «Истории Государства Российского» Николая Карамзина по сему поводу записано: князь Владимир «выслушав Иудеев, (...) спросил, где их отечество? «В Иерусалиме, — ответствовали проповедники, — но Бог во гневе Своим расточил нас по землям чуждым». «И вы, наказываемые Богом, дерзаете учить других? — сказал Владимир, — мы не хотим, подобно вам, лишиться своего отечества. (...) Нетрудно было уверить язычника разумного в великом превосходстве Закона Христианского. (...) Христианство, представляя в едином, невидимом Боге Создателя и Правителя вселенной, нежного Отца людей, снисходительного к их слабостям, и награждающего добрых — здесь миром и покоем совести, а там, за тьмою временной смерти, блаженством вечной жизни, — удовлетворяет всем главным потребностям души человеческой».

Избрав спасительное цареградское Православие, русские, будучи титульной нацией в многонациональной Российской Империи, терпимо относились к исламу, буддизму и даже шаманизму ... блуждают во тьме... и настороженно, а порой и воинственно — к иудаизму, ибо, согласно Евангелию, кровь Спасителя мира и на потомках распявших Христа: «Кровь Его на нас и на детях наших». (*Мф.27:23, 25*). Неприятие иудеями Христа Спасителя породило не токмо церковное, а и мирское, политическо-идеологическое противостояние двух народ, еврейского и русского; вот почему в очерке о русской этике изрядно страниц посвящено иудаизму.

Еврейский народ по сладострастию и впадал в языческое идолопоклонство, падал ниц перед Золотым тельцом, перед похотливым Баалом и блудной Астартой, тем не менее, среди землян лишь евреи за шестнадцать веков до Рождества Христова верили во единого Бога Иегову, и пророки еврейские проповедовали грядущего Мессию Иисуса Христа, провидя и подробно описывая путь Спасителя от Рождества до распятия на голгофском кресте. И хотя иудеи, случалось, побивали пророков камнем, убивали между храмом и жертвенником (*Мф. 23: 35*), но и водилось среди евреев изрядно единобожных праведников, отчего и народ сей стал богоизбранным, и Господь именно евреев избрал для Своего вочеловечения. Не случайно же Иисус Христос назидает самарянке у колодезя: «Вы [язычники] не знаете, чему кланяетесь, а мы знаем, чему кланяемся, ибо спасение от Иудеев». (*Ин.4:22*) А на вопль хананейки о помощи Господь отвечал: «...Я послан только к погибшим овцам дома Израилева... (*Мф.15:24*) ... Нехорошо взять хлеб у детей (у бо-

гоизбранных евреев. — А.Б.) и бросить псам (язычникам-бесопоклонникам. — А.Б.)».
(Мк.7:27)

Иисус Христос сердечно любил Моисеево племя, избрав сей народ для Своего земного воплощения — «...пришел к своим, и свои Его не приняли» (Ин.1:11), а посему горькие слезы туманили взор Спасителя, провидящего, что сей народ и предаст Его на крестные муки, и кара Господня падет на иудеев, полуистребленных язычниками, забитых в рабские колоды, рассеянных по миру; а от величайшего града Иерусалима не останется камня на камне. «Иерусалим, Иерусалим, избивающий пророков и камнями побивающий посланных к тебе! сколько раз хотел Я собрать детей твоих, как птица собирает птенцов своих под крылья, и вы не захотели!» (Мф. 23:37) «И когда приблизился к городу [Иерусалиму], то, смотря на него [Иисус Христос], заплакал о нем и сказал: о, если бы и ты хотя в сей твой день узнал, что служит к миру твоему! Но это сокрыто ныне от глаз твоих, ибо придут на тебя дни, когда враги твои обложат тебя окопами и окружают тебя, и стеснят тебя отовсюду, и разорят тебя, и побьют детей твоих в тебе, и не оставят в тебе камня на камне за то, что ты не узнал времени посещения твоего». (Лк.19:41-42) В столице мира, позднем языческом Риме, *что дом, то содом, что двор, то гомор, что улица, то блудница*, но и величайший город Иерусалим, о коем плакал Господь, одолевали языческие страсти, отчего попущением Божиим город обратился в руины.

Когда Иисус Христос, согласно провиденью вехозаветных пророков, на ослиати въезжал в Иерусалим, чтобы праздновать Пасху, иудеи восторженно вопили: «...Осанна Сыну Давидову! благословен Грядущий во имя Господне! осанна в Вышних!» (Мф.21:9) Вопящие опрометчиво узрели в Царе Небесном царя Иудейского, что освободит евреев от римского владычества и великие богатства мира низложит к их ногам; моисеевы потомки вообразили, что, видимо, сбывается древнее пророчество о иудеях и о столице иудейской: «И придут народы к свету твоему, и цари — к восходящему над тобою сиянию. Тогда сыновья иноземцев будут строить стены твои, и цари их служить тебе. И придут к тебе с покорностью сыновья угнетавших тебя, и падут к стопам ног твоих все презиравшие тебя, и назовут тебя городом Господа, Сионом Святого Израилева» (Библия, Исход 60, 3-14, 21).

Но, похоже, вопящие Иисусу Христу «осанна» забывали, что речь в пророчестве шла лишь о духовном господстве иудеев над миром, и лишь при случае, если «...народ твой весь будет праведный».

Малое время истекло, и вопящие «осанна» разочаровались во Иисусе из Назарета Галилейского, ибо, впадающие в языческие похоти, ждали царя земного, а дождались Царя Небесного, ибо ждали шолом — роскошное жите на земле, а Иисус Христос сулил им лишь Царствие Небесное, да и то, коли покаются во грехах. И посему отныне и до веку Мессия, Спаситель мира стал для иудейской черни *обманищиком*, а для фарисеев и книжников — *бунтовщиком и еретиком, основателем Назарейской ереси*. Чернь уподобилась Иуде из города Кариота, который «мечтал о власти, богатстве и наслаждении, а Божественный Учитель проповедовал о смирении, бедности и страданиях...» (Александр Лопухин.) Иуда же, даже будучи Христовым апостолом, воровал деньги из скудной апостольской казны, кою ему доверили, а затем предал Христа в руки убийц, за что Господь покарал Иуду, подобно его соплеменникам, рассеянным по миру.

Протоирей Александр Мень, будучи из евреев-выкрестов, в проповеднических сочинениях обличительно отзывался о религиозных воззрениях своих еди-

нокровцев: «В иудаизме нередко понятие Царствия Божиего связывали с внешним торжеством Израиля и фантастическим благоденствием на земле». Обогащение любым способом ...деньги не пахнут... и посему их молитвы стали напоминать воровские заклинания: *Господи, прости, в чужую клеть пусти; пособи нагрести, да и вынести.*

Мысль выходца из иудеев, протоирея Александра Меня подтвердил и русский идеолог, митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Иоанн: «Иудаизм есть утверждение исключительного права иудеев, гарантированного им самим фактом рождения, на господствующее положение не только в человеческом мире, но и во всей Вселенной». (*Митрополит Иоанн. Самодержавие духа. СПб, 1995.*)

Иисус Христос поведал апостолам притчу о еврейском народе: «...Был некоторый хозяин дома, который насадил виноградник, обнес его оградой, выкопал в нем точило, построил башню и, отдав его виноградарям, отлучился. Когда же приблизилось время плодов, он послал своих слуг к виноградарям взять свои плоды; виноградари, схватив слуг его, иного прибили, иного убили, а иного побили камнями. Опять послал он других слуг, больше прежнего; и с ними поступили так же. Наконец, послал он к ним своего сына, говоря: постыдятся сына моего. Но виноградари, увидев сына, сказали друг другу: это наследник; пойдем, убьем его и завладеем наследством его. И, схватив его, вывели вон из виноградника и убили. Итак, когда придет хозяин виноградника, что сделает он с этими виноградарями? Говорят Ему: злодеев сих предаст злой смерти, а виноградник отдаст другим виноградарям, которые будут отдавать ему плоды во времена свои». (*Мф. 21: 33-41*)

В «Законе Божиим» протоирея Серафима Слободского притча сия толкуется так: «**Хозяин дома**, это Бог. **Виноградник** — это народ еврейский, избранный Богом для сохранения истинной веры. Ограда виноградника — Закон Божий, данный через Моисея; **Точило**, куда стекал сок винограда — жертвы (в Ветхом завете, прообразовавшие крестную жертву Иисуса Христа); **башня** — храм иерусалимский. **Виноградари** — первосвященники, книжники, начальники еврейского народа. **Слуги Хозяина** — Св. Пророки. **Сын Хозяина** — Сын Божий Господь наш Иисус Христос. Стоявшие во главе еврейского народа первосвященники, книжники и начальники получили власть для того, чтобы приготовить народ к принятию Спасителя, а они употребляли эту власть только для своей выгоды. Бог посылал к ним пророков, но они гнали и убивали их. Так они оказались пророкоубийцами, а потом и убийцами апостолов. Спасителя же своего они отвергли и, выведя из своего города, распяли. И потому отнято было от них Царство Божие и отдано народу иному, Церкви Христовой, составившейся из язычников».

К слову помянуть реченное ранее, что в язычниках Христос узрел большую веру, нежели в сынах Давидовых, что выразилось в притче о милосердном самарянине, в беседе с самарянкой, в случае исцеления десяти прокаженных.

На распяты Спасителя мира завершилась иудейская богоизбранность, а возродится ли в грядущих веках, о том лишь Бог ведает... О какой богоизбранности можно было говорить, ежели иудеи, избравшие шалом, даже храмы Божии обратили в базары: «...и вошел Иисус в храм Божий и выгнал всех продающих и покупающих в храме, и опрокинул столы меновщиков и скамьи продающих голубей, и говорил им: написано, — дом Мой домом молитвы наречется; а вы сделали его вертепом разбойников». (*Мф. 21:12-13*)

Разочарование в Иисусе из Назарета Галилейского породило в иудеях ненависть к Сыну Божию, и чернь, вдохновленная первосвященниками, книжниками и фарисе-

ями, безумно вопила римскому прокуратору Понтию Пилату: «...Да будет распят!.. Кровь Его на нас и на детях наших!..». (Мф.27:23, 25) Иудеи, пославшие Христа на распятие, не пожалели и грядущих потомков, обогрив их кровью Царя Небесного...

Увы, иудеи, пронесшие Иегову сквозь долгие и тяжкие века, но распявшие Христа и поныне не сотворившие плод покаяния, уподобились засохшей, бесплодной смоковнице, запечатленной в Благой Вести. Увы, некогда богоизбранные, алча земных благ, пренебрегли Царством Небесным, а посему святые апостолы обратились к язычникам, ибо в христианстве нет различия меж иудеем и эллином, а утверждается любовь и равенство всех перед Законом Божиим. Апостолы Павел и Варнава иудеям «с дерзновением сказали: вам первым надлежало быть проповедану слову Божию, но как вы отвергаете его и сами себя делаете недостойными вечной жизни, то вот, мы обращаемся к язычникам». (Деян.13:46)

Вскоре пути иудаизма и христианства враждебно разошлись... Святой Лука, апостол от 70-ти, по преданию написавший иконы Царицы Небесной и первоверховных апостолов Петра и Павла, «...написал также книгу Деяния святых апостолов в 62–63 годах в Риме. (...) В центре повествования — Апостольский Собор (51 год по Рождестве Христовом), как основополагающее церковное событие, послужившее догматическим основанием для отмежевания христианства от иудейства и самостоятельного распространения его в мире (Деян. 15, 6-29)» (Месяцеслов. Настольная книга священнослужителя).

Священномученик Игнатий Богоносец, епископ Антиохийский,⁸ в «Послании к филиладельфийцам» наставлял исповедников Христа: «...не допускайте иудейства. Но если кто будет проповедовать вам иудейство, не слушайте его. Ибо лучше от человека, имеющего обрезание, слышать христианство, нежели от необрезанного иудейство. Если же ни тот, ни другой не говорит об Иисусе Христе, то они, по мне, столпы и гробы мертвых, на которых написаны только имена человеческие».

Не узрев Мессию во Христе, распяв Спасителя мира, иудеи ополчились и на учеников Христа, святых первоапостолов, выходцев из еврейского простолюдыя; и первым священномучеником стал архидиакон Стефан, коего иудеи побили камнями и святое тело его бросили без погребения на съедение зверям и птицам; а следом иудеи одарили мученическим венцом и апостола Иакова Заведеева, старшего брата апостола Иоанна. В гонениях, избиениях христиан иудеи невольно побратались с нечестивыми язычниками, с которыми в добрые ветхозаветные времена брезговали даже молвить слово, дабы не оскверниться; и побивали иудеи, напомню, своих единокровцев, евреев, что, уверовав, окрестившись, не Закон Моисеев проповедовали, но Благодать Христову.

В «Русском месяцеслове», что составил автор сего очерка, на день памяти святого Кирилла Александрийского (22/9 июня по ст. ст.) записано: «Святитель Кирилл, архиепископ Александрийский (444), выдающийся борец за Православие и великий учитель Церкви (...) Опасными для Церкви являлись иудеи, неоднократно производившие возмущения, сопровождавшиеся зверскими убийствами христиан. Святителю пришлось долго бороться с этим. (...) Скончался святитель Кирилл в 444 году, оставив много творений». (Месяцеслов. Настольная книга священнослужителя.)

А святитель Модест, архиепископ Иерусалимский (память 31/18 декабря), был очевидцем того, как в 614 году от Рождества Христова иудеи вместе с вой-

⁸Святой Игнатий родился в Сирии в последние годы жизни Спасителя. Его жизнеописание повествует, что он был тем отроком, которого Господь взял на руки и сказал: «Если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное» (Мф.18:3).

сками персидского царя Хозроя перебили 90 тысяч христиан и разрушили христианские храмы. Иерусалимский Патриарх Захария и множество христиан вместе с Крестом Господним были взяты в плен. Святой Модест, будучи временно управляющим Иерусалимской Церковью, с помощью Александрийского Патриарха Иоанна Милостивого восстановил разрушенные иудеями и персами христианские святыни, в том числе и храм Гроба Господня.

В помянутом «Русском месяцеслове» повествуется о святой мученице Матроне Солунской (*память 9 апреля/ 27 марта*), которая «была рабыней иудейки Павтилы, жены солунского военачальника. Павтила принуждала свою рабыню Матрону, неколебимо верующую в Христа, к отступничеству и обращению в иудейство. И поскольку святая Матрона не отступалась от Христа, то Павтила жестоко ее избивала. «Однажды Павтила, узнав, что блаженная Матрона была в церкви, с гневом спросила: «Почему ты не пошла в нашу синагогу, а ходила в церковь христианскую?» Святая Матрона смело ответила: «Потому что в христианской церкви присутствует Бог, а от синагоги иудейской Он отступил». (...) После этого иудейка постоянно и жестоко избивала христианку, оставляла связанной в каморке без еды и питья по нескольку дней, и наконец, так избива святую толстыми палками, что мученица Матрона предала дух свой Богу. Впоследствии святые мощи мученицы Матроны, помещенные в церкви ее имени, прославились чудотворением». (*Месяцеслов. Настольная книга священнослужителя.*)

Ветхозаветные евреи, истязая, истребляя новозаветных евреев-христиан, случалось, гибли скопом, плечом к плечу, когда в некоем царстве-государстве вспыхивали гонения на Моисеево племя; чаще по причине еврейского ростовщичества, повергающего коренное население в нищету и отчаянье. Разумеется, обогащались сим дьявольским промыслом, очевидно, ветхозаветные евреи, ибо евреи христиане свято чтит заповедь Иисуса Христа: «Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут». (*Мф.6:19*) Но властные гонители не утруждались межеванием евреев на иудеев и христиан, и в лад иронического присловья: били не по паспорту, а по лицу. Словом, еврей-христиане страдали и за тяжкие грехи своих лукавых и алчных соплеменников, но если иудеи проклинали своих гонителей, то еврей-христиане, в лад первомученику Стефану, коего иудеи забили камнями, молились за гонителей: «...Господи! не вмени им греха сего (*Деян.7:60*), ибо не ведают, что творят».

В семидесятые годы от Рождества Христова, истомленные столетним рабством, евреи взбунтовались против римского ига; и при императоре Нероне, при императоре Веспасиане римские легионеры утопили Иудею в крови: вырезали полтора миллиона евреев, не деля на иудеев и христиан, а прочих угнали в рабство. Веками ожидавшие Мессию, евреи сквозь очеса, одурманенные языческими страстями, не разглядели Христа в Иисусе Назарее (*пророке Иешуа*), распяли Спасителя мира, за что Промыслом Божиим и были наполовину истреблены, наполовину порабощены, а величайший град Иерусалим разрушен дотла вместе с огромным храмом; и в святая святых, куда редко заходили и священники, не говоря уж о поганных язычниках, красовались языческие знамена римских легионеров, что для благочестивых иудеев было страшнее смерти.

Подобный языческий всплеск ...словно вновь распяли Христа... случился и на Руси, когда русские, подобно ветхозаветным иудеям, подняли пята на Бога, за что, опять же подобно иудеям, Божиим попусением вскоре захлебнулись в крови братоубийственной войны, потом отечественной...

После осады и, по пророчествам Иисуса Христа, полного разрушения величавого Иерусалима, после второй иудейской войны, звезда древней Иудеи погасла. И может, вновь ярко вспыхнет, когда Моисеево племя, распявшее Христа, умучившее тысячи христиан, покается в сих смертных грехах.

* * *

Христианство против иудаизма... Иудеи не взросли духом от Ветхозаветного Закона к Новозаветной Благодати, что боговдохновенно запечатлел митрополит Иларион в бессмертном и великом сочинении «Слово о Законе и Благодати», созданном вскоре после Крещения Руси:

*Вынес и Моисей с Синайской горы
Закон, а не Благодать, тень, а не истину.
(...) Видев свободная Благодать чада свои христианские,
обижаемые иудеями, сынами рабского Закона,
возопила к Богу: «Отринь иудеев с Законом их,
рассей их по странам.
Что общего между тенью и истиной, иудейством и христианством!»
(...) И изгнаны были иудеи, и рассеяны по странам,
а чада благодетельные христиане наследниками стали Богу и Отцу.
(...) Ибо среди иудеев — самоутверждение, а у христиан — спасение.
(...) Ибо иудеи о земном радели, христиане же — о небесном.
(...) Христа славят, а иудеев клянут.
Народы приведены, а иудеи отринуты.*

Православные христиане празднуют Пасху Христову в первое воскресенье после первого весеннего полнолуния, и правила Александрийской пасхалии более полно изложил канонист XIV века, Солунский иеромонах Властарь: «Четыре ограничения положены для нашей Пасхи, которые необходимо соблюдать: два из них узаконяют апостольское Предание, а два получили из неписанного предания. Первое — мы должны праздновать Пасху после весеннего равноденствия. Второе — **не праздновать с иудеями в один день.** Третье — праздновать не просто после равноденствия, но после первого полнолуния, имеющего быть после равноденствия. И четвертое — после полнолуния не иначе, как в первый день седмицы». (*Выделено мной. — А.Б.*)

Правило 7 Святых Апостолов сурово и откровенно упреждает духовенство: «Аще кто, епископ, или пресвитер, или диакон святой день Пасхи прежде весеннего равноденствия с иудеями праздновати будет: да будет извержен от священнаго чина».

Христианам не праздновать с иудеями Пасху — не значит лишь избежать совпадение дня, но прежде означает — *не праздновать по обычаю иудеев*, ибо те, вдохновленные первосвященниками, книжниками и фарисеями, на ветхозаветную Пасху привели Спасителя к Пилату на судилище и оглашали Иерусалим свирепыми, кровожадными криками: «...Да будет распят!... Кровь Его на нас и на детях наших!...». (*Мф.27:23, 25*)

Шестьдесят второе, шестьдесят пятое, семидесятое правила Святых Апостол гласят: «Аще кто из клира, устрашась человека иудея, ... отречется от имени Христова да будет отвержен от Церкви... Аще кто из клира или мирянин в синагогу иудейскую или еретическую войдет помолиться: да будет и от чина священнаго извержен, и отлучен от общения церковнаго. Аще кто, епископ, или пресвитер,

или диакон, или вообще из списка клира, постится с иудеями или празднует с ними, или приемлет от них дары праздников их, как-то, опресноки, или нечто подобное; да будет извержен. Аще же мирянин: да будет отлучен».

Противостояние иудаизма и русского православия выражалось и в православном богослужении, когда речь заходила об Антихристе. Есть церковное описание признаков Антихриста в Синаксарии недели Мясопустной, что читалась по уставу во всех православных церквях в воскресенье перед Масленицей: «Придёт Антихрист и родится, яко глаголет святыи Ипполит Римский, от жены скверныя и девицы мнимыя от еврей же сущи от племени Данова, и ходит убо имать, по Христу проходя жительства (*во всём внешнем подражая Христу*, — А.Б.), и чудеса совершит, елико убо и Христос действова, и мертвыя воскресит. Обаче по мечтанию все содеет (*то есть, не реально*. — А.Б.). Обаче не сам диявол во плоти претворится, но человек, от блуда родився, всё сатанино действо примет и внезапно возстанет. Таже благ и кроток всем явится. И угодит людем. И писание проёдет. И понудится от человек и царь проповестся. И возлюбит множае еврейский род, и в Иерусалим достигнет и храм их воздвигнет... По сих же внезапно яко молния с небесе Господне присшедствие будет...»

Иудаизм в грядущих столетиях, уже не истязая, не истребляя проповедников Христа Спасителя, как было в эпоху первохристиан, потаенно, исподволь все же боролся с христианством, в борьбе сей обратив католицизм, по словам святого Иоанна Златоуста, в «иудействующее христианство». На черном знамени иудеохристианства было начертано искусаительное дьявольское речение: «Ищите прежде всего что есть, пить, а Царствие Небесное приложится», и в сих словесах — суть антихристова учения о рае на земле.

Проникновение иудаизма в Русское Православие выразилось в «ереси жидовствующих», что через полвека после Крещения Руси заразила духовной проказой художий Новгород, а потом и обезбоженных околоняжеских людей и смутное духовенство.

Русская летопись за 1471 год тревожно оповещает: «Отселе почала быти в Новегороде от жидовина Схария ересь...»; а историк Николай Михайлович Карамзин поясняет: «[Приехавший в 1470 году в Новгород из Киева еврей Схария] сумел обольстить там двух священников, Дионисия и Алексия; уверил их, что Закон Моисеев есть единственный Божественный; что история Спасителя выдмана; что Христос ещё не родился; что не должно поклоняться иконам и проч. Завелась Жидовская ересь. (...) Поп Алексий назвал себя Авраамом, жену свою Саррой, и развратил, вместе с Дионисием, многих духовных и мирян... Но трудно понять, чтобы Схария мог столь легко размножить число своих учеников новгородских, если бы мудрость его состояла единственно в отвержении христианства и в прославлении жидовства... вероятно, что Схария обольщал Россиян иудейскою Каббалою, наукою пленительною для невежд любопытных и славною в XV веке, когда многие из самых учёных людей... искали в ней разрешения всех важнейших загадок для ума человеческого. Каббалисты хвалились... что они знают все тайны Природы, могут изъяснять сновидения, угадывать будущее, повелевать Духами...»

В нынешнем веке Татьяна Грачёва, автор знаменитых книг «Невидимая Хазария», «Святая Русь против Хазарии», писала: «Ересь жидовствующих появилась на Руси ещё до царствования Ивана IV, в 1471 году, в Новгороде, куда прибыл на княжение киевско-литовский князь Михаил Олелькович. В его свите находил-

ся имевший хазарские корни Схария, который, по словам преподобного Иосифа Волоцкого, «был орудием дьявола», «был он обучен всякому злодейскому изобретению: чародейству и чернокнижию, звездочетству и астрологии». Вслед за Схарией приехали в Новгород и его единомышленники (Моисей Хануш, Иосиф Шмойло и пр.). Вот эти люди и посеяли в Новгороде еретическое учение, которое и в летописях, и в исторической литературе получило название «ереси жидовствующих».

Новгород был выбран ими не случайно. Этот город имел тесные торговые и политические связи с Западом, здесь процветал культ торговли, а самое главное — Новгород на протяжении веков был антагонистом великокняжеской власти вообще и московского Самодержавия в частности. (...) Еретики пытались насадить в Русской Церкви иудаизм. (...) Жидовствующие отрицали Святую Троицу, Христа как Сына Божьего, хулили Святого Духа. Они отвергали Божество Спасителя и Его воплощение, отрицали Второе славное Пришествие Христово и Его Страшный суд. Еретики отвергали апостольские и святоотеческие писания и все христианские догматы, отрицали церковные установления: Таинства, иерархию, посты, праздники, храмы, иконопочитание. Особенно ненавидели они монашество.

(...) Цель ереси жидовствующих была подмена Закона Божьего на закон человеческий: если человек выше Бога, тварь выше Творца. (...) В то время ересь жидовствующих на Руси была, в общем, подавлена, но, учитывая её тайный характер, до конца это сделать не удалось. Скрытые приверженцы ереси проникли в высшие эшелоны власти. (...) Разбежавшиеся по России еретики не покаяться и не исправились, а, проникнув в массы монашества и священства, положили начало новому витку заговора, который как раз и набрал силу во время царствования Иоанна Грозного. (*Царь и нанес по ереси сокрушительный удар, прибыв в торговый Новгород — А.Б.*) (...) Как и все тайные общества, ересь жидовствующих оказалась на редкость живуча (и, к слову сказать, дожила до наших дней)...»

В яростной борьбе русского народа с ересью жидовствующих прославились царь Иван Грозный и святитель Геннадий, архиепископ Новгородский, что, по словам преподобного Иосифа Волоцкого, другого борца с помянутой ересью: «...быв пущен на злодейственные еретики, устремился на них, яко лев, из чаши Божественных Писаний и красных гор пророческих и апостольских учений». *Коль бы на хмель не мороз, он бы и тын перерос* — трудами святых исповедников борьба увенчалась победой Православия над ересью жидовствующих.

* * *

«Христа славят, а иудеев клянут...» Русское простолудье, в согласии с народно-православным календарем возлюбив еврейских ветхозаветных и новозаветных святых, почитая евреев христиан, кляли иудеев, распявших Иисуса Христа, что воплотилось в мифах, легендах, былинах и мудрых присловьях. В былине «Илья Муромец на заставе богатырской» метафорически изображается бой Ильи Муромца с заезжим богатырем-нахвалящиком Жидовином. Добрыня Никитич на охоте стрелял гусей и лебедей, и...

*в чистом поле увидел ископоть великую,
Ископоть⁹ велика — полтечи.
Учал он ископоть досматривать:
— Еще что же это за богатырь ехал?*

⁹Ископоть (ископытъ) - яма от удара копытом лошади или ком из-под копыта.

*Из этой земли из Жидовския
Проехал Жидовин могуч богатырь
На эти степи Цицарския!*

В пояснениях к сему былинному сюжету Виктор Калугин пишет: «Вполне конкретным и далеко не случайным является, например, упоминание в некоторых записях этой былины земли Жидовской и имени богатыря Жидовина. За этим кроется одна из драматических страниц в истории Киевской Руси, в течение нескольких веков противостоящей Хазарии, правящая верхушка которой, как известно, исповедовала иудаизм».

В древних повериях славян сорока означает обернувшуюся жидовку. В Западной Белоруссии до наших дней дошло следующее сказание: «Евреи не верили в чудеса Христа. Решили его изобличить. Спрятали под мостом девушку с длинной косой и спросили у Христа, кто под мостом. Христос ответил: «Сорока». Когда радостные жида заглянули под мост, то вместо девушки увидели сороку с длинным хвостом». Убитую сороку суеверные люди до сих пор вешают в хлев или конюшню от нечистой силы.

В 1897 г. в Витебске издана книга белорусских сказаний, в которой читаем следующее: «Жид хотел испытать всеведение Бога и в ожидании прихода его спрятал под корыто свою жену с детьми. Когда Бог пришёл, жид спросил: «Угадай, што у мене под корытом кылы загнета?». — «Свинья с поросятами», — отвечал Бог. Жид улыбнулся, покачал головой и поднял корыто. Но там вместо жидовки с жиденятами действительно лежала свинья с поросятами. Она зачухала-зарухала и побежала прочь... По этой причине жида не едят свинины».

В старинной мифологической песне звучит русское народное толкование Рождества и Распятья Спаса:

*(...) Мати-Мария,
Где ты спала, ночевала?
— Во Божьей церкви, во соборе
У Христа Бога на престоле.
Мне приснился сон страшный,
Будто я Христа Бога породила,
В плену его пеленала,
В шелковый пояс обвивала...
Тут пришли жида, нехристиане,
Взяли нашего Бога, распинали,
В ручки, ножки гвоздей натыкали.
Стала Мати-Мария плакать и рыдать,
Стали ангелы ее утешать:
— Ты не плачь, не плачь, Мати-Мария,
Твой сын воскреснет из гроба,
Затрубите вы в трубу золотую,
Встаньте вы, живые и мертвые!
Праведным душам — царствие небесное,
А грешным душам — ад кромешный:
Им в огне будет гореть — не сгореть...*

Противостояние иудаизма и православного христианства, бывало, сплеталось и с мирским противостоянием двух народов, русского и еврейского, что воплотилось и в творчестве Державина, Пушкина, Гоголя, Тургенева, Достоевского, Куприна, Есенина, Шукшина и других российских писателей прошлых веков.

Поэт Сергей Есенин до трагической смуты в душе боговдохновенно писал:

*О Родина,
Мое русское поле,
И вы, сыновья, ее,
Остановившие
На частоколе
Луну и солнце, —
Хвалите Бога!
(...) Сгинь, ты, английское юдо,
Расплещися по морям!
Наше северное чудо
Не постичь твоим сынам!
Не познать тебе Фавора...*

Изощряясь, обретая неожиданные формы, обычно скрытые за внешними действиями, натиск иудаизма на христианство, и особо на восточное православие, не ослабевал во все крещенные русские века и порождал в народах всплески языческих страстей, перерастающие в кровавые восстания. В двадцатом веке иудаизм через вольных и невольных соратников нанес сокрушительные удары по Русской Православной Церкви: помянем разрушение церквей и истребление православного духовенства, разгул антихристианской демонской «массовой культуры» после падения Красной Империи.

Ведомо, иудеи — глашатаи и верховоды октябрьской революции в России, воплотившие в революционных деяниях пылкую ненависть к православному христианству, о чем и писал Сергей Есенин в поэме «Страна негодяев»:

Чекистов:

*Нет бездарней и лицемерней,
Чем ваш русский равнинный мужик!
(...)*

Замарашкин:

*Слушай, Чекистов!..
С каких это пор
Ты стал иностранец?
Я знаю, что ты еврей,
Фамилия твоя Лейбман...
(...)*

Чекистов:

*Ха-ха!
Нет, Замарашкин!
Я гражданин из Веймара
И приехал сюда не как еврей,
А как обладающий даром
Укрощать дураков и зверей.
Я ругаюсь и буду упорно
Проклинать вас хоть тысячи лет,
Потому что...
Потому что хочу в уборную,
А уборных в России нет.
Странный и смешной вы народ!
Жили весь век свой нищими
И строили храмы Божий...*

*Да я б их давным-давно
Перестроил в места отхожие.*

Увы, не секрет, что чекистовы, ухитив российскую власть ... в сем повинен и русский народ, оскудевший в вере... не токмо храмы обратили в «места отхожие» либо разрушили, но и надругались над иными русскими святынями. Василий Шукшин, светоч русского искусства, создал вершинное произведение — повесть «До третьих петухов» (авторское название «Ванька, смотри»), исполненную по мотивам русских народных сказок, где описывает, как чекистовы в образе бесов одолели святое место, не терпящее пустоты; а святое место — Россия православная.

Не мирская образованщина, блуждающая во тьме кромешной, впадающая в ересь, блудомыслие, но смиренные крестьяне и ремесленники, приходские попы, дьячки, пономари да братья, сестры, избранные из купечества, мещанства, дворянства и разночинства, — се русский народ, не токмо по крови, но и по духу; и сей народ, быв богоносным, стал богоизбранным из всех народов мира... После распятия Христа некогда Богом избранный еврейский народ, впав в язычество, пошел за князем мира сего и потерял Божью избранность; затем христианский Рим обрел богоносность, коя перешла к Царь-граду, а потом православные славянские народы понесли Бога в сердце под духовным водительством богоносного русского народа, но теперь, когда и славяне не единожды жестоко предавали русских, кои спасали их от неминуемой гибели, теперь, похоже, у Господа православный русский люд, через смуты, сквозь падения и покаяния пронесший Бога сквозь тысячелетие, единственный избранный народ, призванный спасти мир, что стремительно обращается в Содом и Гоморру. Человечество с ветхозаветных времен живет по закону Моисея: око за око, зуб за зуб, и лишь Русь жалю жила от Святого Крещения и поныне.

Христианское в крестьянском

Крест Господень и крестьяне... Повторю изначально реченное: для русского народа, до начала минувшего века сплошь земледельческого, национальная история — история крестьянской жизни, история развития народных душ от испуганного и по-детски восторженного одухотворения природы и природных стихий, от языческого идолопоклонничества к душеспасительной вере в Единого Бога, Отца Вседержителя, Творца неба и земли, всего видимого и невидимого, в Единого Бога Иисуса Христа, Сына Божьего, рожденного от Отца прежде всех век.

В Святом Благовествовании речено: «...Выходя, они (*иудеи и римские воины, что вели Христа на распятие, — А.Б.*) встретили одного Киринаянина (*слышим, крестьянина. — А.Б.*), по имени Симона; сего заставили нести Крест Его» (Мф.27:32). Православные сельские жители, возглашая: *мы, крестьяне*, слышали, чуяли душой в сем слове *Крест*, ибо русские крестьяне, в отличие от иных мирских сословий, художественных и чуждебесных, со Святого Крещения и до воцарения богоборцев смиренно несли Крест Господень во Имя Христа Бога.

С крещеными веками христианское в мировоззрении сельских жителей причудливо сплелось с крестьянским: крестьяне не токмо учеников Христа, до апостольского служения рыбаков, пастухов, виноградарей, хлеборобов, но и Сына Божия причислили к своему крестьянскому сословию. Для сего сельские мудрецы изыскали в описаниях земного обетования Иисуса Христа изрядно крестьянского:

воплотился в крестьянско-ремесленной среде, до тридцати лет плотничал и, надо думать, попутно занимался земледелием, что было неизбежно в патриархальном царстве-государстве, и даже был по-крестьянски бережлив: «...И когда насытились, то [Христос] сказал ученикам Своим: соберите оставшиеся куски, чтобы ничего не пропало...». (Ин. 6:12)

В очерке «Слово о русском слове» я писал о стилевом родстве языка Сына Божия с крестьянской речью и теперь напомним: «Русские крестьяне, мистически исходя «от креста» и «Христа», выражали земные и небесные мысли не мертвецки условным, научным языком, но образным и притчевым, а образы, как Иисус Христос в поучениях и заповедях, брали из крестьянской и природной жизни. (...) Удивительно, что Сын Божий говорит не *научнообразно* в отличие от книжников и фарисеев, но беседует с народом на языке крестьян и рыбаков, щедро расцветчивая речь пословицами и поговорками: «Уже бо и секира при корени древа лежит: всяко древо, еже не творит плода добра, посекаемо бывает, и в огонь вметаемо» (Мф. 3:10); или: «Его же Лопата в руце Его, и отеребит гумно Свое, и соберет пшеницу Свою в житницу, плевелы же сожжет огнем неугасающим» (Мф. 3:12); или вспомним и притчу о сеятеле зерна — Слова Божия: «Се изыде сеятель, да сеет. И сеюшу, однаво падоша при пути, и приидоша птицы и позобаша ея; другая же падоша на каменных, иде же не имаху земли многи, и абие прозябоша, не имаху глубины земли. Солнце же всзиявша, привянувши: и не имаху корения, изсохша. Другая же падоша в тернии, и взыде терние, и подави их. Другая же падоша на земли доброй, и даяху плод...» (Мф. 2-8)

По воле Божией сей горний, благолепный речевой лад обрели апостолы, выходцы из крестьян, а потом — святые отцы, келейные старцы, древнерусские летописцы, православные писатели, особо средневековые, изредка мирские, что сподобились дара Божия.

Образный, пословично-поговорочный, прибауточный язык бывшего русского крестьянства, воплощённый в былинах, песнях, сказках, православно-житийной мифологии и даже в обыденной речи, бытовал не ради самоценности языка, не ради пустомельного красноречия, но из русского любомудрия да ради зримого выражения народной жизни. Ведь и Сын Божий, и святые отцы поучали притчевым, по-крестьянски пословичным, природно образным языком лишь ради благолепного и украсного воплощения в речевой стихии Слова Божия».

* * *

О крестьянской набожности... «Кто не понимает Православия, тот никогда не поймет народа нашего», — утверждал Федор Достоевский, гениально отобразивший русскую душу с ее горными взлетами и дольными падениями в бездну, когда поводыри — лукавцы либо слепцы. Сии заморские и доморощенные поводыри, лукавые либо слепые, столетиями расшатывали духовные крепи русского народа; и случались лихолетья, когда народный домострой подвергался сокрушительным ударам. Так было в правление чужеземного царя Петра Алексеевича, в коем домостройное простолудье узрело предтечу антихриста, как и в грядущем богоборце Ильиче; и, видимо, не случайно жрецы богоборческой революции, порушив святые обители, храмы и памятники царям, сберегли петербургский памятник Петру I, словно древнему большевику.

Отечественные и чужеземные, потаенные и откровенные противники русской

народности два века навязывали суждение о безбожности российского простолюдья, а уж тем паче, *просвещённого* дворянства и разночинства. Неистовый Виссарион Белинский, гневливо и маетно осиливший книгу Николая Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями», в ярости обозвал сочинителя: «... Проповедник кнута, апостол невежества, поборник обскурантизма и мракобесия, панегирист татарских нравов...». А потом с горечью воскликнул: «По-вашему, русский народ — самый религиозный в мире: ложь! (...) А русский человек произносит Имя Божие, почесывая себе задницу. Он говорит об образе: годится — молиться, не годится — горшки покрывать».

В ответ на письмо Белинского, написанное с «гневом, помрачившим ум, дышащим желчью и ненавистью», Николай Гоголь с жалостью писал: «Что мне сказать Вам на резкое замечание, будто русский человек не склонен к религии и что, говоря о Боге, он чешет у себя другой рукой пониже спины, замечание, которое Вы с такой самоуверенностью произносите, как будто век обращались с русским мужиком? Что тут (говорить), когда так красноречиво (говорят) тысячи церквей и монастырей, покрывающих (русскую землю). Они строятся (не дарами) богатых, но бедны(ми) лептами неимущих. (...) Виссарион Григорьевич, нельзя судить о русском народе тому, кто прожил век в Петербурге, в занятиях легкими журнальными (статейками и романами) тех французских романистов, которые так пристрастны, (что не хотят видеть), как из Евангелия исходит истина...»

Разговор о набожности или безбожности русского народа — разговор пустой, суесловный, ибо храмы на Руси возводились не токмо для благолепия городов и сел, а перво-наперво ради очищения души от скверны, ради утверждения в духе любви к Вышнему и ближнему; а храмов лишь в Белокаменной было сорок сороков. По сему поводу вновь напомним о легендарной и мужественной поэме Сергея Есенина «Страна негодяев», где большевиков приводил в ярость не столь даже «облагороженный» образ батьки Махно, крестьянского заступника, сколь образ ленинского комиссара Чекистова — прообраз Лейбы Троцкого. Вот Чекистов ... еврей по фамилии Лейбман... и говорит с презрением о русских: «...Странный и смешной вы народ / Жили весь век свой нищими / И строили *храмы Божию.../ Да я б их давным-давно //Перестроил в места отхожие*». (Выделено мною, — А.Б.) И перестроили хриstopродавцы, коими кишел ленинский комиссариат, ибо революция была актом религиозно-мистическим, богоборческим... (Более подробно о сем в моей очерке «*Душа грустит по небесам... Трагедия поэта Сергея Есенина*»).

Православный философ Иван Ильин, боговдохновенно толкуя о былом хриstopлобии русского народа, утверждал, что до революции из российских сословий лишь крестьянство, хотя и грешило ...един Бог без греха... но сроду не впадало в безбожие, а тем паче в богоборчество. И сему, рассуждал Иван Александрович, пособляло уже и само земледелие, которое было «ненадежно, зависимо от природы, что заставляло крестьян искать опору перво-наперво в Боге». Сему ...нет худа без добра... благоприятствовало и отсутствие книжной грамотности, как у моей мамы, кою я помянул в очерке «Счастье»:

«Мама моя, Софья Лазаревна, не ведала грамоты и, послунявив чернильный карандаш, расписывалась кургузым крестиком, — крестьянка-христианка, смиренно несущая крест, посему и оберегла в душе незамутнённую книжной грамотностью сердечную мудрость и жалость к ближнему. Мама исподволь страшилась книжной грамотности, боялась, что книги — кроме божественных и русских сказочных — задурят мою голову, смутят мой дух, ангельски ясный в раннем детстве,

исчёркают небесный лист моей души греховными и порочными, демонскими письменами. И словно в воду глядела... Мама верила, что *в досельную пору жили просто, да лет по ста, а ныне пятьдесят и на собачью стать*; мама, старорусская крестьянка, обладала вселенским знанием от Бога, природы и народа, и так пословично, поговорочно тысячелетнее знание выражала, что её любомудрию и красноречию позавидовал бы дворянский поэт Александр Пушкин. Подобно маме, страх перед западным книжным просвещением для православного люда чужали русские святители, святые чудотворцы, святые старцы, насельники скитов и пустынек, юроды Христа ради, и, наконец, славянофилы девятнадцатого века. И подивился я, спустя годы: неужели моя мама крестьянка, подписываясь кургузым крестом, словно Бог одарил её фамилией Крест, оказалась не глупей славянофилов, перелопативших горы книг?!»

Вслед за либеральными сочинителями и безбожные исследователи русского народного быта утверждали, что крестьяне, живущие на окраинах России, и особо в Сибири, скудоверны и равнодушны к церковным обрядам. Сей лукавой басне следует ответить пословицей: шей, вдова, широки рукава: было б куда класть небывлые слова...

Да, скажем, часть сибирских крестьян жила в деревнях, вдали от сел, где имелись церкви, и во время сева и уборки хлебов трудилась от зари и до зари, а посему лишь в середине лета да по зиме и могла добраться до храма, чтобы исповедаться и причаститься. Но все одно, боголюбивая крестьянская душа денно и ночью жила со Христом; да и мужики, бабы все же выбирались в села на Пасху Господню, на великие праздники, и упаси Бог работать в сии *божественные* дни.

Народные сибирские календари, составленные Алексеем Макаренко и Георгием Виноградовым, свидетельствуют о том, что крестьяне, скажем, Иркутской губернии праздничную, бытовую, хозяйственную жизнь выстраивали по церковному календарю и любое дело начинали с поклонного обращения к Богу: *благослови, Господи... «А перед пахотой, севом и жатвой сибирские мужики парились, мылись в бане, одевали чистое бельё, с женой не грешили, спали в сеновалах и амбарах; а поздним вечером непременно творили Иисусову молитву, зажигали Богу воскову свечу» (Макаренко А. «Сибирский народный календарь».)*

А уж пахотные крестьяне юго-западной Руси и пуще молились Иисусу Христу, забывая о своей воле, уповая лишь на Бога: «Наши поселяне с первой майской росой выходят на посевы. Тогда они говорят: *подымай сетевое* — лукошко с семенами. В старину они прохаживали в церковь, служили молебны св. пророку Иеремии и потом выходили в посев. Вступая в поле, засевальщики молятся на все четыре стороны, кроме северной, бросают на каждую сторону по горсти жита, с низкими поклонами, и потом уже засевают». (*Снегирев И. Русские протонародные праздники и суеверные обряды. Вып. 1. — В университетской типографии, 1837. — 264 с.*)

Коль изрядно сибирских крестьян жили вдали от храмов, то священники к божественным дням самолично добирались до глухотных деревень, а на престольные праздники, бывало, и владыки являлись в сибирские села, где их с ликованием и умилением встречали набожные старики и старухи, мужики и бабы, окруженные ребятишками. Алексей Макаренко так описал подобную встречу:

«...С. Кежемское. Подъезжаем к пристани, и чудное зрелище, которого нельзя вспомнить без особого умиления. От самого берега до церкви на протяжении пятидесяти или более сажен, все пространство наполнено народом, который не смотря на полунощное время бодрственно ожидал владыку; и что особенно уми-

лительно, — все, и женщины, и старые, и юные, и матери с грудными на руках младенцами ожидали владыку с вожженными свечами. И лишь только владыка вышел на берег, то вся эта масса народа пала на колени, и все спешили принять от него благословение, так как православный народ русский в простоте веры своей смотрит на архипастырей, как на истинных на земле наместников Христовых».

* * *

Природа — Творение Божие... «...Христианизации древнерусских обрядов и обычаев, связанных с поклонением природе, а, прежде, матери-сырой-земле, очевидно, способствовала изначально и сама Благая Весть, где православные крестьяне кроме Христовых заповедей познали и то, что *вочеловечившийся Сын Божий, любя ближних, любил и окружающую Его природу*, любил и ценил крестьянский труд, о чём свидетельствует даже сам язык Спасителя, — образы в притчах Христа взяты из природы, из земледелия и рыболовства, из народных погодных примет. «Уже бо и секира при корени древа лежит: всяко древо, еже не творит плода добра, посекаемо бывает, и в огонь вметаемо»; «Его же Лопата в руце Его, и отеребит гумно Свое, и соберет пшеницу Свою в житницу, плевелы же сожжет огнем неугасающим» (*Мф. 3:10,12*). «Сказал же и народу: когда вы видите облако, поднимающееся с запада, тотчас говорите: дождь будет, и бывает так; и когда дует южный ветер, говорите: зной будет, и бывает. Лицемеры! лице земли и неба распознавать умеете, как же времени сего не узнаете?» (*Лк. 12: 54-56*)

Я привел отрывок из очерка «Мать-сыра-земля», где подробно описал религиозно-мистическое и хозяйственное отношение русских к земле, где пашни, пастбища и сенокосные угодья, тайга и степи, реки и озера.

В исконной основе русского месяцеслова — поклонное крестьянское знание мироздания от травинки-былинки, где пасется божья коровка, до небесных светил и небесных стихий. Без малого двести лет назад знаменитый русский писатель-народовед Иван Снегирев, составивший один из первых крестьянских календарей в пословицах и поговорках, писал:

«Чем ближе живет человек к природе, тем живее ощущает ее отношение к себе и самого себя к ней, тем яснее усматривает и предчувствует явления природы, где всякому роду животных свое назначение, свое место, по пословице: «Рыбам — море, птицам — воздух, а человеку — отчизна — вселенный круг». Земля для питомца природы — мать и кормилица, небо — его зеркало, в коем усматривает он меру и течение времени — она его календарь, компас, циферблат; небесные светила его путеводители на суше и на воде, ибо по звездам, как гласит русская пословица, «корабли ходят».

В славяно-языческих древнерусских воззрениях природа наделялась самосвятошью, и древние русичи молились и матери-сырой-земле, и водам, и скалам и деревьям, с чем боролось православное духовенство. «Религиозное, молитвенное отношение к силам природы зафиксировано многими древнерусскими источниками, — писал академик Борис Рыбаков. — Церковники порицали в своих поучениях обожествление природы, объясняя это или незнанием истинной веры или же кознями дьявола, который «овы прельстите в тварь веровати и в солнце же и огонь и во источники же и в древа и во ины различны вещи...»¹⁰

Справедливо обличали православные христиане языческих темноверцев, кои,

¹⁰Рыбаков Б. *Язычество древней Руси. М., 1987.*

не ведая Святого Писания либо искушаемые князем мира сего, наделяли самосвято-стью природу — Творение Божие. «Не нарекутся богом стихии, ни солнце, ни огонь, ни истоницы, ни древа...» — поучал русичей в XII веке святитель Кирилл, епископ Туровский. Церковные порицания обрядов, связанных с мистическим поклонением природе, воистину праведны, но да простит Господь Бог русского крестьянина, что, будучи православным, живя среди природы и кормясь от природы, издревле обвык одухотворять вселенские стихии и поклоняться житным полям, пастбищам, сенокосным угожьям, студеным ключам, древним деревьям.

Начало крестьянского осознания Вселенской природы, яко Творения Божия, и мифологическое выражение сей идеи — «Стих о Голубиной книге», где Вселенная, — образ Бога:

*Солнце красное от лица Божнего,
Млад светел месяц от груди Божих,
Звезды частые от риз Божниц,
Зори белые от очей Господних,
Ночи темные от опашия Всевышнего,
Громы от Его глаголов,
Ветры буйные от Его дыхания,
Дровен дождик и росы от Его слез...*

Осознание Вселенной, как Творения Божиего, выразилось и в крестьянском миропонимании через уйму мудрых пословиц и поговорок:

Земля — подножье Божье, а небеса — Его престол;

Месяц — серебро, а красно солнышко — золото. Луна — око Божие;

Пятна на луне кажут, как Каин Авеля убил (как брат брата вилами заколот; как Бог первых людей кормил готовым хлебом; как два кузнеца звезды для неба куют);

Небо — терем Божий; звезды — окна, из которых смотрят Ангелы (из которых Ангелы вылетают);

Звезды — светильники Божии;

Звезды — лампы, зажигаемые ночью ангелами пред Престолом Господним;

Звезды — души: блестящие — праведных, тусклые — грешных;

Ветер — Божье дыхание; Божьих дней больше, чем просяных зерен в мешке;

Святой воздух (попутный ветер) апостольские скатерти (паруса) надувает;

Иде Дух Господний и дух лукавый, и Господний Дух разгоняе дух лукавый; от его и бувае выхорь.

И само *солнце*, когда-то у славян-язычников верховное божество, теперь великое Творение Божие, и по народным приметам по-христиански радуется, играет...переливается, меняется... на Святое Христово Воскресение (Пасху), на Рождество Христово и Крещение Господне, на Рождество Иоанна Крестителя.

Облаченной в обряд, пословицу и песню, поклонной и покаянной, сыновьей любовью любил крестьянин землю, мать-кормилицу:

Добра мать для своих детей, а земля — для всех людей.

Поклонись матушке землице — наградит тебя сторицей;

С родной земли — умри, не сходи;

Крестьянская доля на широком поле;

Кого мать-сыра земля полюбит, тот голоден не будет.

Черная земля золотую рожь родит;

Без хозяина земля — круглая сирота.

Глупому в поле не давать воли;

Мужик умирать собирайся, а земельку паши;

С огнем, с водой, с ветром не дружись, а земли держись...

Не та земля дорога, где медведь живет, а та, где курица скребет. Кто пашенку орет, тот всегда песенки поет, а кто торгует, тот всегда горюет.

Обережно утаенная в душе, крестьянская любовь к природе выражалась особо в древних, поэтически украсных обрядах поклонения матери-сырой-земле, рожавшей хлеб насущный, нравственно оздоравливающей крестьянина — ничто так не укрощает плоть, как труд на земле. И в поклонении том земля древними русичами воспринималась самосвятой, о чем, опять же, отрывок из помянутого очерка «Мать-сыра-земля»:

«Обожествленной матушке-сырой-земле посвящены большинство славяно-русских языческих обрядов, если не сказать, что чуть ли не всякий трудовой и праздничный обряд так или иначе, славя солнце и небесные воды, касался и земли, поскольку *мать-сыра-земля*, обласканная солнечным теплом, в громовых и молниеносных страстях покрытая дождями и росами *небесного отца*, рожала хлебушек, рожала *жито*, — *живот, жизнь*. Были века в славяно-русском язычестве, когда *мать-сыра земля* — Макошь (*макушка лета*), «покровительница» урожая и судьбы, почиталась как верховное божество, рядом с которой, судя по старинным русским вышивкам, сохранившим языческие сюжеты, по леву и праву руку восседали верхом на лошадях рожаницы Лада, «богиня» вешнего пробуждения земли и первой зелени, и дочь её Леля с сохами, притороченными к сёдлам». Протоиерей Лев Лебедев в своей книге «Крещение Руси» писал: «Почитание русскими язычниками «матери-земли» — отнюдь не наивность. Заблуждение язычников в том, что, не ведая Бога — Создателя человека и земли, они поклоняются творению, не Творцу».

Православная церковь боролась с обожествлением земли, равно и всей вселенской природы, о чем толкуется в грядущей главе «Отзвуки былого язычества»; и с облачением во Христа крестьяне стали осознавать землю без ее самосвятости, а как Творение Божие: *Земля — подножье Божье, а небеса — Его престол; Земля — Божья ладонь — кормит*.

Но русские, даже будучи православными христианами, не смогли напрочь извергнуть из народной этики и эстетики избранные обычаи, обряды далеких предков, православно осмыслив, уподобив их народным сказкам, что рождались в эпоху славянского язычества. Сказка — условность, игра, где заложен нравственный урок, не противоречащий евангельским заповедям. Из крестьянского месяцеслова видно, что воцерковленные русичи древнеславянские, древнерусские *природные* обряды очистили от *природообожествления*, плотской распущенности, освятив обряды христианской любовью ко Всевышнему и ближнему, к природе — божественному созданию.

Вот и древние языческие заклинания матери-земли на урожай, освободившись от природообожествления, обратились в стихийные, доморощенные молитвы, когда крестьяне за подмогой обращались уже к Святой Троице, Царю Небесному и Царице Небесной, к ангелам и святым отцам, а не к ветхим *покровителям* природы, не к чародейным силам, вроде *бел-горюч-камня*. Вот образ старинного крестьянско-христианского заговора на урожай:

«О Пресвятая Богородица, Царица Небесная, Владычица Мария, укрой Своєю ризою красною, рукою честною, Крестом животворящим раба Божия (имя) от всякого зла и напасти во веки веков. Аминь. От клеветника и клеветницы, от еретика и еретицы, от чародея и чародейницы, от волшебника и волшебницы во

веки веков. Аминь. Архистратиг Михаил, Гавриил и Иоанн-воин победят беса и супостата, и ворога во веки веков. Аминь. Солнцем огражден, месяцем подпоясан раб Божий (имя), и не убоюся врага и супостата, и ворога моего во веки веков. Аминь».

Хотя вряд ли молитвенные заговоры обладали божественной силой, ибо, скажем, подобной силой не обладают живописные произведения по библейским мотивам в сравнении с церковно освященными, намоленными, святыми иконами.

Без Бога ни до порога... Облаченные во Христа, богомольные русские крестьяне ростили детей, пахали, сеяли, жали, рубили избы и храмы с упованием на Бога, что воплотилось и в крестьянских присловиях:

*Господь повелел от земли кормиться;
Не по образцам зима и лето бывают, а по воле Божией;
Кой год обмаливали поля, Бог поболе давал;
Даст Бог дождь, будет и рожь;
От Бога дождь, от дьявола ложь;
Севец не уродит, коли Бог не зародит;
Без молитвы запашка — одна промашка;
Кто хлеб пахает, того Бог кохает (любит) (малорос.);
Богу молись, крепче за соху держись;
Ори, да Бога моли: паши, ни о чем не тужи;
У грешника-злодея и соха пашет кривее;
Роди, Боже, жито гоже, а без гороху проживем по троху;
Кому Бог помогает, у того и волк скотины не таскает;
Сам не усамись, коли Бог не даст;
На Бога надейся, а сам не плошай;
Посеет грешник хлеба, а уродится камень;
Роди, Боже, жито гоже, а без гороху проживем по троху;
Без Бога — ни до порога, а без Зосимы-Савватия (30 апреля) — ни до улья;
На что мудра гад-змея подколодная, а пчела, Божья пташка, и ее перемудрит, ибо пчела — Божья угодница, доставляет воск на свечи;
Ласточка — святая птица — поет молитву: «Святой Боже, Святой Крепкий, Святой Бессмертный, помилуй нас!»;
Первый сноп — Богу, первый ток — полю;
Лошадь человеку Бог дал вместо крыльев;
Без креста и молитвы не будет у рыбака ловитвы;
Не для Бога молитва, а для убожества;
Птицы небесные не сеют, не жнут (не орут), а сыты живут*

Русский месяцеслов

Русское народное христианство... Русский народ, до начала двадцатого столетия на все девяносто процентов крестьянский, в большинстве своем не ведал азы, буки, веди, и Святое Писание знал изустно, долгими зимними вечерами при свете лучины, комелька, жирника либо сальной свечи слушая грамотеев-книжечеев, читающих Библию либо Закон Божий, и по мере духовных сил толкующих святыя сочинения. С летами, веками народилось в мужиках и бабах благоговение

перед воображаемыми библейскими событиями, а вещи сказители запечатлели их *по-русски*, словно и случились события в русской земле.

С христианизацией крестьянства народный месяцеслов, в основе которого оставался прежний природно-хозяйственный, обрядовый календарь, выстроился в лад православно-церковному календарю и освятился, изукрасился евангельскими событиями, кои обрели в народной мифологии *русскость*.

Народно-православное мировоззрение, увы, грешит языческими суевериями, прости Господи чадам земли, но когда евангельские события полновластно входят в народную обрядовую жизнь, облакаясь земными легендами, то в сём нет греха, поскольку простолюдые искренно верило, что Человеколюбец не токмо ожидает нас, грешных, во Царствие Божию, но Спас всегда среди нас, что подавая милостыню убогому юроду и христораднику с церковной паперти, Господу Богу подаешь. И, не ведающие азы и буки, узрели то крестьяне по-детски чистой, творческой душой, к тому ж и речено в Писании: «Алкал Я, и вы дали Мне есть; жаждал, и вы напоили Меня; был странником, и вы приняли Меня...» (*Мф. 25:35*).

Согласно старорусским месяцесловам народные обычаи и обряды, связанные с христианскими праздниками, в Сибири были такие же, как и по всей Руси Великой, ибо и населили сибирскую Украину землепроходцы, казаки, промысловики, пахотные крестьяне из разных российских губерний. Но вершились христианские праздники в Сибири в большем ладу с церковным уставом, нежели в южно-русских, украинских и белорусских землях, где грешно и ярко буйствовали языческие обрядовые страсти. По духовной строгости и житейской степенности праздничная обрядовая жизнь в Сибири близка обрядовым действиям Русского Севера: похоже, землепроходцы с архангельщины, северной вологодчины, изначальные засельники Сибири, и задали обрядовый тон в сибирской земле. Но, опять же, русский народный писатель Василий Белов в книге «Лад», описывая рождественские обряды и святочные народные увеселения на Вологодчине, поминал «Ночь перед Рождеством» Николая Гоголя и находил созвучие в духе и характере обрядов украинских и вологодских, да и немудрено: в Малороссии, и Севернороссии — «русский дух, и Русью пахнет».

Крещеные века породили в крестьянском мире изрядно календарных обычаев и обрядов, касаемых Рождества Христова, Воскресения Господня (Пасхи), Крещения Господня, Святой Троицы, Покрова Божией Матери...

* * *

Рождественский Сочельник... Истекал рождественский (*Филиппов*) пост, прозываемый в русском простонародье холодным, — сухо потрескивали, звонко пощелкивали рождественские морозы, щипали нос и уши, облачали снежными куржаками кусты и деревья, малевали на окошках синеватые кружева: дивные леса, где летят рай-птицы, скачут гривастые кони.

Кроме тех, кто о ту пору добывал зверя в тайге либо ямщичал — кормился с ружья или бича, православные сибиряки постились и брюхом, и духом от самого Филиппова заговения, и в особо суровом плотском воздержании, в непрестанной сердечной молитве проживали исход поста — день и ночь на Рождество Христово. День навечерия или Канун Рождества, величается *Сочельник* или *Соче(и)вник* — в этот вечер по церковному уставу крещеные ели *сочиво* (сушеные хлебные зерна, размоченные водой).

Иные крестьяне, воистину чада природы, при сем творили и обряды, выжив-

шие из славянской старины: скажем, в Рождественский Сочельник, как и накануне Крещения Господня, палили посереде двора солому, — обогревали прилетающие на свое подворье души усопших родичей, и при всплесках огня слезно молили Бога об упокоении и прощении их душ, а попутно напоминали родичам, чтобы попросили у Боженки урожая и приплода. И в сём обряде не таилось богопротивного греха — согласно святоотеческим преданиям не рвется духовная нить между насельниками иного и сего миров, и живые молятся о покойных, а покойные о живых.

В Рождественский Сочельник домовитые хозяева и молились со свечой до вечерошной звезды, и зорко приглядывали за скотом, ибо в ночь перед Рождеством Христовым, по народным преданиям, буйствует нечистая сила, от которой открещивались всяк на свой лад, но непременно молились Господу Иисусу Христу, Пречистой Матери Божией, преподобным и богоносным отцам нашим и всем святым, и уж, помолясь, перекрестясь, дегтем либо углем чертили на оконных и дверных косяках кресты, обкуривали стайки, сеновалы, завозни богородичной травой.

Канун Рождества Христова в народе звали еще и *Кутейником*, и это не значит, что в сей день православные *кутили*, пускались во все тяжкие; упаси Бог, нет, на закате дня к вечерошнему столу обычно подавали обрядовое блюдо, именуемое *кутьей*, кою заваривали из зерен пшеницы, сухой черемухи и хлебного сула.

В Сочельник после долгого моления в церкви ладили крестьяне щедрый ужин с кутьей и медом. К ужину, случалось, приглашали и Мороза Васильевича. Милый, выживший из славянской древности, игривый обычай, греховно мистически не облаченный, созвучный детскому окликанию Деда Мороза на рождественской елке. (Кстати, не случайно у Мороза и отчество Васильевич: Новый год по старому стилю (от царя Петра — 1 января по Юлианскому календарю) сливался с днем святителя Василия Великого и прозывался Васильев день, когда и затевались детские новогодние игры с Дедом Морозом.) Хозяин дома, приотворив дверь в сени, окликал Мороза Васильевича, и малые чадушки, которые еще пешком ходили под стол, сладостно замирали от страха, ждали: вот сейчас с клубами мороза ввалится сам сказочный дедушка Мороз.

— Мороз, мороз! — звал хозяин Мороза Васильевича к постному застолью. — Иди в хату есть кутью. Зимой ходи, а летом под колодиной лежи!

Мужик просом просил, а иной, не церемонясь с Морозом Васильевичем, повелевал:

— Мороз, Мороз Васильевич! Ходи кутью есть! А летом не бывай, — и мужик грозно сулился, — а то цепом бошку проломлю, метлой зенки высеку!

И проломают, и высекут ...с них, деревенских мужиков, станется... ибо для мужика-хлебороба заморозки посреди лета полютей ворога, богатыря Сокольника-жидовина либо поганого бусурманского Калин-царя.

В Сочельник крестьяне щедро кормили домашнюю скотину, и первый блин Сочельника подносили овцам, и обряд сей прямо связан с Рождеством Христа: Мать Божия спеленала новорожденного Сына Божия и положила в ясли для скота: «... родила Сына своего Первенца, и спеленала Его, и положила Его в ясли, потому что не было им места в гостинице...». (*Лк.2.7*). Далее в крестьянском воображении родилась картина: лошадь разметала сено, коим овцы утеплили Отроче Младо, чтобы не мерз, но овцы снова укрыли Богомладенца. И овцам в Благой вести изрядный почет, коли сам Спаситель в проповедеях величает себя Пастырем, пасущим овец, — души людские.

Рождество Христово... Воскресение Христово (Святая Пасха Господня) и Рождество Христово — самые отрадные христианской душе праздники, в кои из лета в лето, снова и снова с великой очистительной силой, ярко и радостно светится в душах любовь ко Спасителю нашему Иисусу Христу.

Нарядные, с тихими, сияющими лицами, важно шествуют православные в родные храмы, где служится всенощное бдение, часы и божественная литургия Иоанна Златоуста. Трепещут в таинственном дуновении свечёвые огоньки, ликуют в предвестии Рождества Отроче Младо, и в умиленном до слез, сладостном ожидании ежегодного чуда замерли русские братья и сестры во Христе, слитые в божественную реку любви, — любви к Вышнему и ближнему, всепрощающей любви и к тем, кто намерен обидел, унизил, оскорбил, прости им, Господи, а мы зла не помним.

Хор ангельски поет тропарь: «Рождество Твое, Христе Боже наш, возсия мирови свет разума, в нем бо звездам служащий, звездою учахуся Тебе кланяться, Солнцу правды, и тебе ведети с высоты Востока, Господи, слава Тебе!» И в душах боголюбцев, богомольцев звучат святые слова: «Нас бо ради родися Отроча младо...», словно херувимы поют под церковным куполом.

Является редчайшее, наслаждающее душу ощущение, что и в твою многогрешную душу ласково и прощающе вселяется Господь Милосердный, и ты зришь, что вся твоя земная жизнь в печалях и заботах не ради Иисуса, а ради хлеба куса, ради грешных утех и потех, пуста и бессмысленна перед загробной вечностью, где душе вечно скорбеть пред Господом за дела и помыслы.

А ровно в полночь по всей Руси Великой величаво и радостно звонят колокола, и плывет рождественский звон над заснеженными лесами и полями, над радостными деревнями и городами, и народ крещенный единым гласом вторит ликующему творению божественного поэта, святого Романа Сладкопевца:

— Дева днесь Пресущественнаго рождает, и земля вертеп Неприступному приносит; Ангелы с пастырьми славословят, волсви же со звездою путешествую; нас бо ради родися Отроча младо, превечный Бог.

И задолго до рассвета, причастившись, православные возвращались домой, чтобы разговеться после поста и прославить Иисуса Христа.

Но, случалось, молились и дома «до самой до вечерошной звезды», а на рассвете отправлялись к заутрене. Наш славный бытописатель Сергей Максимов поминал: «Обыкновенно перед закатом солнца хозяин со своими домочадцами становится на молитву, потом зажигает восковую свечу, прилепляет ее к одному из хлебов, лежащих на столе, а сам уходит во двор и приносит вязанку соломы или сена, застилает ими передний угол и прилавок, покрывает чистой скатертью или полотенцем, и на приготовленном месте под самыми образами ставит не обмолоченный сноп ржи и кутью».

Святки... Ближе к полудню, когда *играло* солнце, по городам и посадам, по деревням и селам расхаживали христославы, славя Царя Небесного Иисуса Христа, — то святые вечера, православные святки.

Ядрено похрустывая сухим снежком, краснощекие с мороза и выпитой рюмки, в распахнутых полушубках бродили христославы из дома в дом, пели славу Богу, пока, бывало, не осипнут. Носили при себе образ Спаса и Матери Божией, деревянный ларец на жердочке, вроде избушки, и аляповато, но радостно размазанную звезду. Ларец — се вертеп, пастушья пещера, где Божия Мать родила

Иисуса Христа и, спеленав Чадо малое, уложила в ясли, куда пастухи кидали сено дворовой животине; а расписная украсная звезда — се Звезда Вифлеемская согласно Благой Вести: «Волсви с востока приидоша во Иерусалим, глаголюще: где есть рождейся Царь Иудейский, видехом бо звезду Его на востоце, и приидохам поклонитя Ему».

О русском христославлении известный народовед позапрошлого века Иван Сахаров ведал: «Славление на Руси заключается в хождении с вертепом, звездой, рацеями и виршами. Вертеп в Сибири прежде устраивался в виде ящика о двух ярусах. Здесь помещались деревянные фигуры. В верхнем ярусе изображались смерть Ирода, а в нижнем Ириадины пляски. В вертепе горели свечи. Славельщичи ходили с ними по домам. За пение награждали лентами и пирогами».

Изображение в вертепе *Ириадиных*, вернее Иродиадиных, искусных плясок говорит о том, что в крестьянской мифологии Иродиада, прелюбодейная сожительница царя Ирода, сливалась с ее дочерью Саломеей, коя по Писанию и плясала перед царем. В награду за пляску мать плясуньи обрела голову Иоанна Крестителя, «...ибо Иоанн говорил Ироду: не должно тебе иметь жену брата твоего...» (*Мф.6, 18*).

Подобные искажения библейских событий, увы, жили в календарных обрядах русского крестьянства, поскольку сельские жители царской эпохи не ведали книжной грамоты и Святое Писание воспринимали на слух. Если крестьяне строго соблюдали посты, хранили в душе любовь к Богу и ближнему, то иные библейские события и жития святых расцвели, изукрасили поэтическими мифами, не лишеными, впрочем, суровой христианской назидательности, теплой любви к Богу и ближнему.

В деревенском мире святочное христославление разыгрывалось на улицах и на подворьях; а бывало, с клубами мороза христославы гомонливо вваливались в избу и, перекрестясь на божницу, поясно поклонясь, дружно славили Христа; голосистый христослав бойко выводил:

*Пречистая Дева Мария
Иисуса Христа породила,
В яслях положила.
Звезда ясно сияла,
Трем царям путь показала —
Три царя приходили,
Богу дары приносили,
На колени припадали,
Христа величали.
Слава Богу на небе,
Слава!
Государю нашему на сей земле
Слава!
Его цветному платью не изнашиваться,
Слава!
Его добрым коням не изъезживаться,
Слава!
Его верным слугам не изменяться,
Слава!
Чтобы правда была на Руси,
Слава!*

Хозяева и домочадцы вставали из-за стола, празднично ущедренного закусками, низко кланялись христославам, звали к столу отпотчеваться, как в сказке, за белы руки принимали, за столы белодубовы сажали, за скатерти браные, за яства сахарные, за питья медвяные. И ликование Христа ради распирало души, и все друг другу прощали обиды, словно в прощенное воскресенье, и все вдруг счастливо осознавали, что они братья и сестры во Христе, а то братство и сестричество покрепче кровных уз, что братья и сестры не оставят друг друга в беде, не забудут в радости, не помянут злое, ибо кто злое помянет, тому глаз вон.

Чаще же хозяева влекли христославов к застолью, а те не присаживались ... в других домах, мол, заждались, все окошки проглядели... но, отпахнув крапивный куль, принимали подношения, — пироги да шаньги. Впрочем, на посошок, случалось, и выпивали сладкой водочки да наливочки, закусывали пирожком, да и с Богом трогались дальше славить Отроче Младо.

Христославление причудливо сплеталось с колядованием, о чем подробно далее в главе «Отзвуки былого язычества». Коляда известна была на Руси и под именем Авсеня (Овсеня), Таусеня.

*Таусень, Таусень,
По проулочкам, по переулочкам.
Коляда, коляда,
Поддай пирога!
Не дадите пирога —
Мы корову за рога.
Радуйтесь, люди,
К вам Христос будет,
Зародит хлебы-житы,
Пшеницы всякой!..*

В Сибири колядовали — *машкарадились, цыганили*, — со второго или третьего дня святок. Ряженые в маски, — *хари, личины*, — гурьбой расхаживали по домам и пели колядки, слитые с христославением:

*Коляда, коляда,
Поддай пирога!
Не дадите пирога —
Мы корову за рога.
Радуйтесь, люди,
К вам Христос будет,
Зародит хлебы-житы,
Пшеницы всякой!..*

У в парней и девчат в святые вечера зачинались веселые посиделки, вечерки с песнями и потешными играми, где частенько избирались пары, после чего шли сватанья и свадьбы. Посиделки, согласно могучему здоровью и веселому нраву тогдашней сибирской молодежи, были порой внешне грубоваты, буйны, но никогда не доходили до греха, поскольку опороченной девушке или порочному парню земляки уже не давали житья — согрешившие, что случалось крайне редко, не миновали мирского осуда и становились отвержками крестьянского мира. В селе и деревне грех не утаишь...

Озорная молодежь в этот день шалила: могли залезть на крышу дома и надеть шапку на трубу — хозяин утром печь затопит, а дым весь в избу; могли водой приморозить дверь, выкатить сани со двора и поставить на попа посередине улицы...

Мужики, коль прихватят, случалось, и охаживали парней бичами за эдакие проказы, но и быстро прощали, вспоминали, что и сами по младым летам озоровали, и понимали: шутя-любя озоруют.

С Рождеством Христовым мистически связан день памяти мучеников *14 000 младенцев, от Ирода в Вифлееме избивенных (11 января)*; и в русском народе, «когда празднуется память избивения младенцев царем Иродом, в старину обыкновенно детей будили плетью, чтобы таким путем укрепить в памяти детей такое кровопролитное событие; самый день, в который приходился этот праздник, считался черным». (*М. Забылин*). Хотя и будили плетью, но весь день взрослые были особо ласковы и чутки с малыми чадами: читали им Евангелие для детей, сказывали сказки, загадывали загадки: «Отчего собака лает?» (*Не умеет баять.*) «По чему детушки в лес ходят?» (*По дороге.*) «Царская монета грош. Чем ее назовешь?» (*Языком.*)

* * *

Страстная седмица... Пасхе Христовой предшествует Великий пост, когда христианская душа очищается от скверны, воскресает для любви к Богу, к брату и сестре во Христе. Яко радательный садовод спасает яблони от зловредной тли и прочих вредителей, дабы яблоня щедро рождала сладкие плоды, так и Спаситель спасает души от грехов, чтобы души щедро рождали любовь к Богу и ближнему.

Священники же толковали народу: «*Пост... истинный, яко божественные писания показывают нам, не обращен токмо сиречь пищи и пития удалитися, но и от всех неподобных мыслей и злых дел воздержитися и от великого греха всегда храните себя*». А посему православные постятся не столь брюхом, сколь духом — живут в умиленной любви к Богу, во всепрощающей, сострадательной любви к брату и сестре во Христе.

Страстная седмица Великого Поста — скорбные дни крестных мук и страданий Спасителя мира, Господа Бога нашего Иисуса Христа. В сии печально священные дни боголюбцы от воздержания в скоромной еде переходят на хлеб и воду.

Страстная седмица, согласно евангельским событиям предшествующая Воскресению Христову, породила изрядно крестьянских обычаев и обрядов. Со дня Входа Господня в Иерусалим (Вербное воскресенье) крестьяне ставили освященную вербу на божницу, вербой же ласково били друг друга и выгоняли скот со двора, вербные пушинки крошили в семенное зерно, — и все сие творили в память о том, как Иисус Христос, сидячи на ослиати, въезжал в Иерусалим, и восторженные иудеи устилали дорогу ветвями пальмы, что на Святой Руси обратилась в пушистую вербу. Увы, те же иудеи, уже не восторженные, озлобленные, вопили, глядя на поруганного Иисуса Христа: «Распни!..»

«В продолжение всей Страстной седмицы крестьяне (...) не покладают рук, чтобы соскоблить, вымыть и вычистить обычную грязь трудовой обстановки (...) и привести свои убогие жилища в чистенький и по возможности нарядный вид. (...) В этот день, по народному убеждению, даже «ворона своих воронят в луже моет». (...) Покончив с убранством избы, бабы приступают обыкновенно к стряпне. (...) Пекут куличи, убирая их мармеладом, монпансье и другими цветными конфетами. (...) К вечеру Великой субботы (...) народ спешит в церковь слушать чтение "страстей"» (*С. Максимов*). Забайкальские крестьяне перед Пасхой, как и перед иными великими христианскими праздниками, шоркали избы изнутри и снаружи мелким песочком и веничком-голячком, а потом начисто промывали.

Но вернемся к Страстной седмице Великого поста... В *чистый четверг* в память о Тайной вечере в обрядовом ходу была *четверговая соль*, ибо «омочивый на тайной вечери руку в солило, в знак предстоящего отступничества и предательства, вызвал обычай очищать ту соль, которая некогда была осквернена прикосновением нечистых рук нечестивого Иуды. Пережженную, сероватого и черного вида соль перемешивают с квасной гущей, кладут в старый лапоть и бросают в огонь. Пережженную соль столкут, просеют и затем считают настолько чистой и священной, что приписывают ей даже целебную силу, помогающую как людям, так и скоту. Эта соль считается в особенности пригодной для того, чтобы присолить ею первые освященные после заутрени пасхальные яйца. (...) В воспоминании о преломлении хлеба каждый крестьянин подаёт в церкви заздравную просфору, по силе своей равнозначную с благовещенской. В иных местах этой просфоре (в *Александровском уезде Владимирской губ.*) приписывается иное значение, так как крестьяне верят, что в Великий четверг Господь невидимо благословляет тот хлеб, который в этот день подается к обеду. Поэтому крошки и куски, оставшиеся на столе, тщательно собираются и хранятся как святыня, пригодная и полезная к употреблению во время болезни». (С. Максимов).

А в Приангарье «накануне Великого четверга, как лечь спать, хозяйка дома ставит на стол в «переднем углу» ковригу (хлеб) и соль, а под стол — пепел и смолу; соль и хлеб как воспоминание о «вечерней трапезе» Христа с Его учениками и предательстве Иуды; смола — как указание на смоляные факелы, с которыми искали Христа в Гефсиманском саду; значение пепла не удалось выяснить (Ангара). Перечисленные вещества получают название «четверговых» («четвергова соль» и т. д.) и применяются в сибирской народной медицине и ветеринарии... (...) Восставши на следующий день до солнца, «четверговой смолой» мажут «кресты» на дверях изб и скотских «клевов» (хлевов), чтобы колдуны и колдуньи не могли войти; «смоляны кресты» мажут на детишках, на коровах и овцах — во избавление от «порчи», чар «волхиток»...» (А. Макаренко).

Кроме обрядов, связанных с четверговой солью и сжиганием вереска, не менее значительными для русского человека были обряды, связанные с омовением. Вообще, страстная неделя перед Пасхой — это своего рода земное чистилище человека, когда человек должен был духовно очиститься, чтобы в полную душу пережить крестные муки Христа Спасителя за нас, грешных. И в этом очищении русскому человеку помогали молитва, пост и очистительные обряды, когда очищение вершилось с помощью огня (*пережигание соли, вереска, можжевельника, татарника; через горящий вереск перегоняли скот и сами переходили*); это же очищение совершалось и через омовение. Глубокой ночью, задолго до утренней зари, когда ворон еще не успел выкупать своих воронят, наши деревенские бабы шли на речки, ключи (*вода для подобного обряда должна была быть проточной*). Набрав воду в посудины, перед самым домом — это уже при восходе солнца — хозяйки обливались сами, потом обливали мужей, ребятишек. Омывание напоминало о том, как Спаситель омыл ноги апостолам перед тем, как Иуда осквернил соль, для чего крестьяне и пережигали, чтобы вытравить дух иудиной скверны. При этом в воду обычно опускалась серебряная монета. Монета здесь — напоминание крещеным о том, как Иуда продал Христа за тридцать сребреников.

Коль речь коснулась Страстной седмицы Великого поста, грех не обмолвиться о постничестве набожных крестьян, вспомнить верные слова Сергея Максимова, писателя-народоведа позапрошлого века: [Русский народ] «не только соблюда-

ет посты во всей строгости церковного устава, но идет в этом отношении значительно далее, устанавливая сплошь и рядом свои постные дни, неизвестные церкви. Так, почти в каждом селе, в каждой деревне можно встретить благочестивых старух и стариков, которые «понеделничают», то есть, кроме среды и пятницы, постятся и по понеделникам. Некоторые же в своей душеспасительной ревности доходят до того, что за несколько лет до смерти или перестают есть скоромное, или налагают на себя пост, в частности: никогда, например, не едят мяса, яиц, рыбы; не едят ничего с маслом, будь то скоромное или постное; безусловно воздерживаются от вина, от курения; дают обет никогда не есть яблок, картофеля, не пить квасу и пр. (...) Какая-то деревенская старушка призналась (...) священнику на духу, что окаянный смутил ее и заставил в пост есть «скором». На вопрос же священника, что именно она ела, старушка поведала, что ела редьку, семена которой перед садкой были рощены в молоке. (...) Крестьяне и крестьянки, особенно из числа пожилых, радеющих о спасении души, скорее решатся умереть, чем опоганить душу скоромной пищей. (...)

Кроме воздержания в пище, крестьяне считают необходимой принадлежностью поста и половое воздержание; считается большим грехом плотское сожителство с женой в постное время, и виновные в таком поступке не только подвергаются строгому внушению со стороны священника, но выносят немало насмешек и от своих односельчан, так как бабы до тонкости разбираются в таких вещах и по дню рождения младенца прекрасно высчитывают, соблюдали ли супруги закон в посты. Особенно зорко следят бабы, чтобы «закон» соблюдался деревенским причтом: считается несмываемым срамом для всей деревни, если в беззаконии будет изобличен пономарь, дьячок, дьякон, а особенно священник. У Глеба Успенского приводится случай, когда мужики чуть ли не всем «обществом» потребовали объяснения у батюшки, которого бабы изобличили в нарушении правил Великого поста. «Что же это ты, батя? — укоризненно покачивая головой, спрашивали мужики: — все-то говоришь нам «абие, абие», а у самого-то у тебя выходит одно бабие».

(...) Взрослое население неослабно следит и за деревенской молодежью, наблюдая, чтобы парни и девушки не затевали игрищ и ни под каким видом не смели петь мирских песен, не говоря уж о плясовых и хороводных. Вместо этих песен молодежи предоставляется петь так называемые «стихи», по характеру своему близко подходящие к старообрядческим «псалмам».

(...) Дети лишь с большим трудом выдерживают (...) строгий пост и нередко по забывчивости, свойственной ребяческому возрасту, хватаются за корки, но таких «бесстыдников» матери останавливают обычной угрозой: «А вот поп как отрежет ухо да как отхлещет тебя кобыльей ногой — так будешь знать!» (С. Максимов).

Придет пост, прижмет хвост, — прямой смысл поговорки сей, имеющей и таинственный иносказательный смысл, в том, что пост, подобно молитве и созидательному труду, необходим для осветления души от мирской душепогубительной тьмы, коя густо заволакивает душу в хмельной и разгульной праздности.

В очерке «Семейский корень», что ныне увидел свет в очерковой книге «Сокровища Сибири», есть Приложение «Обычаи, обряды старообрядцев Забайкалья», записанные мной в фольклорно-этнографической экспедиции в забайкальское село Большой Куналей, и в Приложении есть запись о том, как семейские¹¹ крестьяне постились:

¹¹ Семейские — старообрядцы Забайкалья.

«...Но приходиться пост Великий. Бывало, всё повывоюють, кадушки повышоркають, всё повывосушать, чтоб уж ничего скоромного не было, — запаха не было. И вот, бывало, какой-то бурдук¹² сладять, какую-то ботвинию сладять, с картошкой натолкуть, и ядять. Даже грудной, если грудь сосеть, — ему на Великий пост не дают грудь. Вот была такая жись... И как-то (*народ*) питался, жил. Да ещё здорово был...» *Капитолина Петровна Фёдорова, 1906 г.р.*

«...Мяшаю молоко, — топится у печке. Я молоко помяшала ложкой, и эту ложку раз и облизала. Постный день ли, пост ли был, не помню. Я за печку забежала, да и на Божушка-то¹³ гляжу да думаю: может, Божушка-то мене не видел, что я ложку полизала. Давай запаном язык обтирать. Вот видишь, как мы боялись. А таперь никто не боится. «Ты ня ешь, — пост...» «Какой пост, чо пост?!» *Агафья Степановна Родионова. 1919 г.р.*

Суеверные крестьяне утверждали: мол, накануне Пасхи Христовой лютуют бесы. «...Злятся же черти в пасхальную ночь потому, что уж очень им в это время солоно приходится: как только ударит первый колокол к заутрене, бесы, как груши с дерева, сыплются с колокольни на землю, «а с такой высоты сверзиться, — объясняют крестьяне, — это тоже чего-нибудь да стоит» (*С. Максимов*).

Встарь православные христиане, старики и старухи, мужики и бабы, зорко присматривали за отроками и отроковицами, парнями и девицами, дабы в пост, а тем паче в Страстную седмицу, не затевали игрищ и не пели мирских песен, не говоря уж о плясовых и хороводных. А посему ранешняя молодежь во дни Страданий Христовых голосила — пела печальные стихи, похожие на плачи, на похоронную причеть:

*Мати-Мария,
Где ты спала, ночевала?
— Во Божьей церкви, во соборе
У Христа Бога на престоле.
Мне приснился сон страшный,
Будто я Христа Бога породила,
В плену его пленала,
В шелковый пояс обвивала...
Тут пришли нехристи,
Взяли нашего Бога, распинали,
В ручки, ножки гвоздей натыкали.
Стала Мати-Мария плакать и рыдать,
Стали ангелы ее утешать:
— Ты не плачь, не плачь, Мати Мария,
Твой Сын воскреснет из гроба,
Затрубит во трубу золотую:
«Встаньте вы, живые и мертвые!
Праведным душам — Царствие Небесное,
А грешным душам — ад кромешний:
Им в огне будет гореть — не сгореть,
Им в смоле кипеть — не skipеть»...*

* * *

¹²Бурдук — кушанье в виде жидкой каши из муки и воды. Эдиасов Л.Е. Словарь русских говоров Забайкалья. М., 1980. С. 70.

¹³Божушка — так семейские называли и Господа Иисуса Христа и сами иконы с Его ликом.

Пасха Христова... Иисьякала Страстная седмица, являлось Светлое Христово Воскресенье — праздник праздников, и к сему величайшему дню душа благочестивого крестьянина очищалась от греховной, плотской скверны Великим постом и, радостная, воскресала со Христом для любви к Вышнему и ближнему.

В пасхальную ночь в церкви величавая служба — пасхальная всенощная с великим молебном и крестным ходом вокруг храма. Все молящиеся, оставив в церкви куличи и пасхи для освящения, в церковной ограде возжигают свечи и ждут, когда светлоризные священники с крестом, иконами и хоругвями выйдут из храма, чтобы крестным ходом обойти вокруг и прийти к «запечатанному гробу» Спасителя. Крестный ход оглашается стихирой:

— Воскресение Твое, Христе Спасе, Ангели поют на небесах, и нас на земли сподоби чистым сердцем Тебе славить.

Обойдя церковь с молитвенным песнопением, крестный ход приступает к закрытым церковным дверям. Колокола пасхальным звоном возвещают о двенадцати часах ночи, и священник поет:

— Христос воскрес из мертвых, смертью смерть поправ и сущим во гробех живот даровав.

Церковные двери широко отпахиваются, и ликующий люд входит в храм, словно течет живая река, освященная бесчисленными звездами свечных огней.

«Величайший из христианских праздников — Святая Пасха — является любимым народным праздником, когда душа русская растворяется и смягчается в теплых лучах Христовой любви, и когда люди всего больше чувствуют живую, сердечную связь с Великим Искупителем мира. (...) Вот фонари расставлены и зажжены, вся церковь осветилась огнями, а колокольня горит, как исполинская свеча, в тишине пасхальной ночи. (...) Вот послышался и первый, протяжный и звонкий удар колокола, и волна густо колеблющегося воздуха торжественно и величаво покатила по чуткому воздуху ночи. Народная толпа заколыхалась, дрогнула, полетели с голов шапки, и радостный вздох умиления вырвался из тысячи грудей. (...) Через какие-нибудь пять минут в церкви делается так тесно, что негде яблоку упасть. (...) Когда отойдет утренняя, ровно в 12 часов, по приказанию ктитора, в ограде палят из пушки или из ружей, все присутствующие в церкви осеняют себя крестным знаменем, и под звон колоколов раздается первое «Христос Воскресе». Начинается процесс христосования...» (...) С первого же дня Святой Пасхи, на протяжении всей Светлой седмицы, в деревнях обязательно служат так называемые пасхальные молебны, причем духовенство расхаживает по крестьянским избам непременно в сопровождении «оброшников» и «оброшниц», которые иначе называются «богоносцами» (*прихожане, несущие за церковным причтом иконы. — Сост.*). (...) Кроме молебна в избе, многие крестьяне просят отслужить еще один молебен, уже на дворе, в честь святых, покровительствующих домашним животным: Власия, Мамонта, Флора и Лавра» (*С. Максимов*).

А на церковных службах сельские прихожане пристально слушали громкого священника и зычногосого дьякона, и среди славословий Бога на пасхальной литургии особо впечатляло православных «Огласительное слово на Пасху святителя Иоанна Златоуста»: «Кто благочестив и Боголюбив — насладись ныне сим прекрасным и радостным торжеством!.. (...) Смерть! где твое жало?! Ад! где твоя победа?! Воскрес Христос, и ты низвержен! Воскрес Христос, и пали демоны! Воскрес Христос, и радуются ангелы! Воскрес Христос, и торжествует жизнь! Воскрес Христос, и никто не мертв во гробе! Ибо Христос, восстав из гроба, — первенец из умерших. Ему слава и держава во веки веков! Аминь»

На пасхальную всенощную или заутреню крестьяне, случалось, приносили семенное зерно пшеницы, ржи, овса, гречихи, либо клали возле домашней божницы в красном углу. Зерно, окропленное святой водой — *освященное* — в храме или на молебне в избе, смешивали в сусеках с запасами семенного зерна, чтобы уродились добрые хлеба.

Красное, алое, *багрецовое* яйцо, в досельную пору обычно окрашенное в луковой шелухе, вместе с куличами и пасхами освященное в храме, — верховный мистический символ Пасхи Христовой. «Наши крестьяне повсеместно не знают истинного значения и символического смысла красного яйца и даже не догадываются, что оно знаменует собой мир, обогранный кровию Христа и через то возрождающийся для новой жизни (...) (В Ярославской губернии. — А.Б.) Крестьяне, объясняя происхождение пасхального яйца, подходят ближе к истине, хотя далеко не всё себе уясняют. «Перед Пасхой, — говорят они, — Христос был мертв, а потом в пользу христиан воскрес. Вот и яйцо точно так же: оно мертвое, а, между прочим, из него может живой цыпленок выйти» (...) (по крестьянским поверьям. — А.Б.) Нельзя, например, есть яйцо и выбрасывать (а тем более выплевывать) скорлупу за окошко на улицу, потому что на протяжении всей светлой седмицы сам Христос с апостолами в нищенских рубищах ходят по земле, и по неосторожности в него можно попасть скорлупой (ходит же Христос с целью наблюдать, хорошо ли православные исполняют его завет — оделять нищую братию, и награждает тороватых и щедрых, а скупых и немилостивых наказывает). Затем, крестьяне повсюду верят, что при помощи пасхального яйца души умерших могут получить облегчение на том свете. Для этого надо только сходить на кладбище, трижды похристосоваться с покойником и, положивши на его могилу яйцо, разбить его потом, покрошить и скормить его «вольной» птице, которая в благодарность за это помянет умерших и будет просить за них Бога». (С. Максимов).

Освященными в храме крашеными яйцами разговлялись после Великого Поста, христосовались, клали на божницу возле святых образов. А через год — в Страстную седмицу накануне Пасхи Христовой — старые пасхальные яйца крошили в зерно, чтобы пшеница щедро уродилась. Крестьяне верили, «помогает яйцо и при тушении пожаров: если человек, отличающийся праведной жизнью, возьмет такое яйцо и троекратно обежит горящее здание со словами: «Христос Воскресе», то пожар сразу же утихнет, а затем и прекратится сам собой» (С. Максимов).

Отроки и мужи забавы ради бились крашеными яйцами; разбитое яйцо переходило к победителю. Среди крестьян находились ловкачи, которые вытаскивали деревянные яйца, и так полировали, а потом красили, что и не отличишь от заправдашнего. Ловкачи те били настоящие яйца, забирая их себе, пока их не разоблачали ко всеобщему веселью. Такой *обман* заведомо был заложен в деревенский, праздничный обряд. Крашенные яйца катали по желобкам или канавкам; и всякий ради выигрыша норовил разбить пасхальное яйцо соперника.

Повсеместно в крестьянской среде жило поверье, что в первый день Святой седмицы, в Светлое Христово Воскресенье *солнце играет*, словно вместе с христианским миром радуясь воскресению Христа. Высоколобые материалисты толкуют игранье солнца, как перепад температур в атмосфере, но для их безбожного сознания остается непостижимым, отчего солнце играет именно в Пасху Христову.

Русский народ с восторгом и молитвенным умилением от мала до велика высыпал на улицы и поляны любоваться солнечной игрой. Мужики лезли на колокольни, жены с малыми чадами глядели с пригорков. Ребятишки, забравшись на заборы и крыши изб, голосисто пели:

*Солнышко, ведрышко,
Выгляни в окошечко!
Твои детки плачут,
Сыр колушают,
Собакам бросают;
Собаки-то не едят,
А куры-то не клюют.
Солнышко, покажись,
Красное, снаряжись!
Едут господу бояре
К тебе в гости во двор,
На пиры пировать,
Во столы столовать.*

На Святой неделе парни с девицами водили хороводы; расхаживали с песнями по улицам и пели песни, которые величали великоденскими и волочечными — песенники-волочечники волочились по дворам. Волочечные песни — песенное христосование и нечто напоминающие рождественские колядки.

*У нас сегодня воскресный день,
Христос воскрес — Сын Божий!
Сам Иисус Христос из мертвых встав,
Из мертвых встав, нам и радость дав,
Волочечников у свет послав.
Пошли ба мы да дорогою,
Да дорогою широкою.
А встретили-та мы Господа Бога,
Господа Бога — Духа Святого,
А мы встали, шапки сняли,
Господу Богу молилися,
Духу Святому поклонилися.
(...)
А была у бабки курка-рябушка,
Нанесла яец повен коробец.
А всем деткам по яечечку —
Одной сироте да ня высталося.
Пошли детки, поскакавши,
Пошла сирота, заплакавши.
Вернись, сирота, на ж табе парася!*

*(Записано в ст. Байкал (Сибирь)
от А.Н. Балбес, 1899 г. рожд., украинка).*

Святые в крестьянском календаре... Выше поминалось, что с веками крестьяне создали величавую устную поэзию, мифологию по библейским и житийным мотивам, и евангельские события постепенно обрели *русскость*, словно в Благой Вести — события *русской* жизни, а святые даже первых веков христианства обратились в *русских* крестьян либо иноков. Сия народно-православная мифология, увы, мало ведома нынешнему народу русскому...

Сельские грамотеи наряду с Законом Божиим читали неграмотным крестьянам и Четьи Минеи (Жития святых), что породило в мужиках и бабах любовь к

избранным святым, именами коих и освятились дни в крестьянском календаре¹⁴. Крестьяне, и бедные, и богатые, но милосердные, до слез умиления любили слушать житие Алексия-Божьего человека, через юродивость, сознательную нищету взошедшего к святости...

В лад христианским святым сельские жители и выстраивали праздничную и хозяйственно-бытовую жизнь. Иван Снегирев, народный писатель XIX века, в сочинении «Русские престолярные праздники и суеверные обряды» утверждал: «По благочестию, сродному Русским, крестьяне, живущие в жизни по вере и преданиям отцов своих, и дела свои распределяют по дням Святых и праздникам церковным и народным: если в житии Святых находят какое-либо отношение к предметам работ сельских, то их именами освящают оные. Таким образом, Св. Пророку Иеремеи дается проименование запрягальника или яремника...».

Юродиво изображая грядущее иудеям рабство царю вавилонскому, ветхозаветный пророк Иеремия по велению Божию одел на святую выю рабское ярмо, деревянное, затем железное, и эдак бродил среди народа, порождая усмешки и насмешки. Святой Иеремей ...*Еремей, Ерема, Ярема, по-русски...* напялил на шею воловье ярмо, и русские мужики с Еремея Запрягальника (*14 мая*), влазили в ярмо — впрягались в страду, и на быков надевали ярмо, выезжая на майскую пахоту, а где потеплее — и на сев. А накануне вешней страды усердно молились в храмах, и в поле служили молебен пророку Иеремии, величая того *Яремником* либо *Запрягальником*.

Александр Афанасьев, знаменитый старинарь XIX века, писал о том, как, преобразаясь в русской народной речи, величания библейских событий, имена святых, вошли в крестьянский месяцеслов: «Мы знаем, какое сильное влияние оказывал язык в области народных представлений (...). Рассчитывая дни и распределяя занятия по святым, принесенным на Русь вместе с христианством, поселения непонятные для него, по их чужеземному лингвистическому образованию, имена месяцев и святых угодников сближает с разными выражениями отечественного языка, насколько эти последние могут определить характер данного времени, связанных с ним работ и погоды, теплой и холодной. (...) На Сретенье (*2 февраля*), по народному поверию, зима с летом встречается; в марте месяце солнце начинает марить, т. е. припекать землю, отчего над нею струится пар; но по утрам еще продолжают морозы (утренники), которых со дня сорока мучеников (*9 марта*) бывает сорок; думают, что в этот день возвращаются из вирия сорок разных пташек, а сорока начинает строить гнездо и кладет в него сорок палочек».

С веками православные святцы становятся и погодоуказателями, о чем поведано в многотомном сочинении «Народная сельскохозяйственная мудрость в пословицах, поговорках и приметах» Алексея Ермолова, изданном в 1905 году:

В апреле «поворотным днем с холода на тепло у нас считается 5 Апреля, Св. Феодула; с 12 Апреля земля греется, парится. С Егория (*св. Георгия Победоносца*), 23 Апреля, наступает уже полный разгар весны. (...) Дожди на Егория полезны хлебу, но вредны для плодовых деревьев (...). Наиболее важными для сельской жизни в мае являются у нас Николин день (*Св. Угодника Николая*), 9 Мая (...) и 25 Мая. (...) Довольно важными погодоуказателями в мае, кроме того, у нас считаются 1 Мая — Еремеев день (*Св. Иеремии*), 2 Мая — Мокеев день (*Св. Мокия*), (...), и

¹⁴В досельную пору в ходу были сразу три календаря: гражданский, церковный, народный (крестьянский), которые по датам то сходились, то расходились. Престолярное придерживалось в основном двух календарей: церковного и народного. С принятием христианства наши поселяне постепенно стали сближать православные святцы со своим обиходным, хозяйственным календарем.

15 Мая, Св. Пахома, с которого настоящее лето начинается. В Мае заканчивается посев всех хлебов, происходит развитие корневой системы растений, а затем с 29 Мая — Феодосии Колосницы (*Св. Феодосии*) начинается и колошение хлебов. (...) К дням, имеющим в Июне наибольшее значение с точки зрения предсказания погоды будущей и урожая, следует отнести: 3 Июня — Св. Лукьяна, останавливающий на себе внимание наблюдателей, главным образом, своими ветрами; (...). Как со дня солнворота замечается усиление летнего тепла, так с Иванова дня (Рождество Иоанна Предтечи) 24 июня, (...) с Петрова дня (*день Апостола Петра*) крестьяне в средней России готовятся к уборке, — наступает тяжелая страдная пора. (...) Верными погодоуказателями считаются у нас дни 19 и 25 Июля, Св. Мокрины, которая сряжает осень, как Св. Анна (...) приносит зиму. Поэтому осень надо «смотреть по Мокридам». Днем перелома лета и поворота на осень у нас считается 20 Июля. (...) В конце Июля Св. Сила дает силу и хлебам, и людям, поэтому с этого дня местами начинают уже посев озими. (...) [В августе] днями, играющими наиболее видную роль в хозяйственной жизни крестьянина, являются у нас три Спаса, Успенье, Усекновение Главы Иоанна Предтечи (*1, 6, 15, 16, 29 Августа*).» (*А. Ермолов*).

А сколь погодных примет и календарных дат, освященных святыми именами, обрели в крестьянской речи поэтическое звучание, да иногда и с потаенным либо откровенным духовным смыслом:

Пришел Прокон (5 декабря) — разрыл сугроб, по снегу ступает — дорогу копает;

Роса — слезы святой Варвары (17 декабря), которая ходит по полям и плачет; Варвара ночи урвала, дня притачала; Варвара мостит, Савва гвозди острит, Никола прибивает;

Коли силен мороз на Водокреци (19 января) — на хлеба не ропщи;

На Трифона (14 февраля) звездисто — поздняя весна;

До Прохора старуха охала: «Ох, студно!» Пришел Прохор да Влас (23, 24 февраля) — «Никак весна у нас»;

Тимофей-весновой (6 марта) теплом веет, стариков греет;

Авдотья-весновка (14 марта) на обедню шла — нос ознобила, а с обедни шла — подол замочила;

Федот-ветренос (15 марта) везде сует нос, задирает курам хвост;

Герасим-грачевник (17 марта) грачей пригнал, а грач на горе — весна на дворе;

Придет Алексей-кувшин пролей (30 марта), огня накладет, и вода потечет с гор и ключей;

На Дарью-пролубницу (1 апреля) весна зиму заборолла, щука хвостом лед разбивает, а медведь и гады ползучие глаза продирают;

На Матрену (9 апреля) овсянка затягивает свою песню: «Покинь сани, возьми воз!»;

Теплая ночь на Иакова (13 мая) и звездится ночь — к урожаю;

Борис и Глеб (15 мая) сеют хлеб;

На Петров день (12 июля) и солнышко играет;

Борис и Глеб (6 августа) — дозревает хлеб;

Утро Епифана (25 мая) в красном кафтане — к жаркому, пожарному лету.

На Кирилу (22 июня) отдает солнышко земле всю силу;

Пророк Амос (28 июня) — пошел овес в рост;

Кузьмы и Демьяны (14 июля) пришли — на покос пошли;

До Ильи (2 августа) поп дождя не намолит, а после Ильи баба фартуком нагонит;

На Силу и Силуяна (12 августа) рожь бывает пьяна — полна зерном и клонится к земле;

На первый Спас (14 августа) олень копыто обмочил (похолодало);

Первый Спас час припас, Петр и Павел два прибавил, Илья Пророк три приволол (ночи длиннее и длиннее);

Пришел Спас (второй — 19 августа) — бери варьги (рукавицы) про запас;

С Успенья (28 августа) солнце засыпает;

Флор и Лавер (31 августа) до рабочей лошади добер;

Умолил Флора и Лавра — жди лошадям добра;

На Семена (14 сентября) дитя постригай и на коня сажай и на ловлю в поле выезжай;

Пророк Наум (1 октября) наставит на ум (детей отдавали в учение);

Осенние Федоры (24 сентября) подол подтыкают, а зимние Федоры (12 января) платком рыло закрывают;

С Ерофея (17 октября) зима шубу надевает;

Трифон (21 октября) шубу чинит, Пелагея (21 октября) рукавицы шьет;

Пришел Прокоп (5 ноября) разрыл сугроб, по снегу ступает — дорогу копает;

Наложило Введение (4 декабря) на воду толсто леденение, замостило реки;

Никола Зимний (19 декабря) лошадь на двор загонит, а Никола Вешний (22 мая) откормит.

Бытовало дьявольское измышление высоколобых смутьянов о том, что русские, окрестившись, соотносили Святую Троицу с языческими идолами: «богом-отцом» Стрибогом (Сварогом), «богом-сыном» Дажьдбогом и, наконец, Семарглом (крылатым псом). От безбожия соблазну сему поддавались даже народоведы, широко знающие, искренне любящие русскую старину... Но ведь русские, приняв Святое Крещение, вскоре напрочь забыли языческих истуканов, а посему не могли соотносить их с Отцом, Сыном и Святым Духом. В сознании крестьян, что облачились во Христа, и святые отичи без сопоставления потеснили былых идолов: Иоанн Предтеча — Купалу, Георгий Победоносец (да и Архангел Михаил) — Перуна... Власий в крестьянском сознании быстро сменил «скотьего бога» Велеса (Волоса) — покровителя скотоводства у некрещеных русичей. «Имя его известно нам еще по договорам русских с Царьградом. Так в договоре Святослава с греками сказано: «Да имеем клятву от бога, в его же веруем, в Перуна и Волоса, скотьего бога». (...) Святой Авраамий Ростовский сокрушил идола Велеса в Ростове. (...) Между тем как в Киеве он крещен был великим Владимиром: «Волоса, его же именовашу скотья бога, повеле в Почайну реку врещи». (И. Сахаров). Крестьяне служили молебны святому мученику Власию, молили его о покровительстве и обереге домашнего скота и особенно коров. В хлебах ставили образы святого Власия и там молились ему: «Святой Власий, дай счастья на гладких телушек, на толстых бычков, чтобы со двора шли — играли, а с поля шли — скакали».

Вскоре после крестного облачения во Христа, освободившись от языческого идолопоклонничества, истребив памяти былых божков, величаемых *болванами*, русские крестьяне мистически осознали бесплотную ангельскую силу и христианских святых пособниками при житейских нуждах, покровителями лесов, полей, вод, народных ремесел и профессий. Ныне зрим в православных святцах:

Михаил Архангел — небесный покровитель русского воинства;

Георгий Победоносец — покровитель русского воинства, а также вместе с *Афанасием* и *Кириллом* — рабочего скота;

Апостолы Петр и Павел — покровители рыболовства;
Николай Угодник — покровитель путешественников, особо моряков и рыбаков;
Сергий Радонежский — покровитель вод и целебных источников (*как и святая мученица Параскева Пятница*) а также и домашней птицы;

Борис и Глеб — покровители земледелия;

Апостол и евангелист Лука — покровитель священного ремесла иконописи (*богомазов*);

Флор и Лавр — покровители коневодства;

Зосима и Савватий — покровители пчеловодства;

Наум — грамотник, покровитель среднего образования;

целитель Пантелеймон — спасает при любой болезни;

Косма и Дамиан — целители, покровители врачей;

Гурий, Самой и Авива — покровители честного брака, им же молятся при зубной боли;

Власий — покровитель всякой домашней животины;

Анисим и Мамонт — овчарники, покровители коз и овец;

Никита — гусятник;

Кирик и Улита — покровители кур;

Харитина — ткачиха;

Прокопий — жнец;

Сорок мучеников, утопленных за веру в Христа — покровители певчих птиц, услаждающих слух, истребляющих вредных насекомых;

Зиновий — покровитель зимующих птиц;

Артемию молились при «грызной болезни»;

Киприану и Устинье — молились против нечистой силы;

Дионисию — от слеза;

Модесту — при падеже скота;

Варваре усердно молились мужние жены, особо на сносях, прося благополучного разрешения бремени, а при мучительных родах жены давали обет великомученице Варваре.

Русские, особо простолюдые, скинув ветхое язычество, облачившись во Христа, с веками нежданно-негаданно выделили из сонма христианских святых и полноправно ввели в народно-обрядовую жизнь, хотя сии святые, уроженцы древних народов, жили задолго до крещения Руси: Николай Угодник (*Никола Зимний, Никола Вешний*), Илья пророк (*Ильин день*), Иоанн Креститель (*Иванов день, Иван Купала*), Георгий Победоносец (*Егорий Храбрый*), святые апостолы Петр и Павел, Алексей-Божий человек, Параскева Пятница.

* * *

Святитель и Чудотворец Николай, архиепископ Мир Ликийских (+ около 345–350 от Рождества Христова; память 9(22) мая, 29 июля (11 августа), 6(19) декабря)... Крестьяне, не ведающие азы и буки, слушали жития святых на божественных литургиях либо с уст богомольных книжечеев и, обсуждая жития, обращая жития в народные мифы, облекли образ Николая Чудотворца такой все-русской коленопреклонной любовью, что лишь Христос Спаситель и Богородица в сем любовном почитании, в молитвенном поклонении встали выше сего Христова Угодника. Не случайно же после Крещения Руси по берегам морей, рек и озер воссияло несметное число храмов, часовен, монастырей в честь Николая

Чудотворца, который в крестьянской мифологии стал русее русских, хотя по глаголам Четых Миней святого Димитрия Ростовского «святителя Христова Николая, великого Чудотворца, скорого помощника и изрядного ходатая перед Богом, возрастила страна Ликийская» (*IV век от Рождества Христова, город Патары, земля Ликийская в Малой Азии*).

Древний житийный писатель поведал, что святитель Николай «многа великая и преславная чудеса сотвори на земли и на мори, в бедах сущим помогая и от топления спасая, и из глубины морския на сухо износя, от тления восхищая и принося в дом, от уз и темниц избавляя, от мечнаго посечение заступая и от смерти освобождая, многим многая подаде исцеления: слепым зрение, хромым хождение, глухим слышание, немым глаголение. Многих в убожестве и нищете последней страдающих обогати, гладным пищу подаде и всякому во всякой потребе готовый помощник, теплый заступник и скорый предстатель и защитник показася, и овим такожде призывающим его помогает и от бед избавляет. Весть (знает) великого Чудотворца сего Восток и Запад и все концы земнии водят чудотворения его».

Русская Православная Церковь чествует память святителя Николая трижды на году: *9(22) мая* — Перенесение мощей святителя и чудотворца Николая из Мир Ликийских в Бар (сей день в народе величают — Никола Вешний); *29 июля (11 августа)* — Рождество святителя Николая Чудотворца, епископа Мирликийского; *6(19) декабря* блаженное усение святителя Николая Чудотворца, епископа Мирликийского (*в народном величании — Никола Зимний*); к сему всякий четверг Николай Чудотворец поминается в храмах величавыми песнопениями.

Русское простолюдые возлюбило святителя Николая уже и за то, что Христов угодник «прославился великой ревностью к истинной вере, и по преданию, участвовал в I Вселенском Соборе, где с великой духовной страстью защищал Православие от ереси «собаки» Арии (*которого в сердцах заушил... ударил в ухо. — А.Б.*). Прославился святой и как великий угодник Божий — отчего русские величают его еще и Никола Угодник. Исполнен был Божией благодати творить благие чудеса: так, усмирил морские волны, готовые потопить корабль с путниками, воскрешал умерших, снабжал хлебом голодных, спасал утопающих на водах, избавлял невинно осужденных от смерти, помогал нуждающимся и скорбящим». (*Месяцеслов. Настольная книга священнослужителя*).

Сельские жители уверились, что Никола угодник — крестьянский святой, ибо Никола любит мужика, что Никола чудотворец бродит по Святой Руси в мужичьем облиции, — вот почему: *Всем святым по сапогам, а Николе боле, что ходит доле*.

Знаменитый народовед Сергей Максимов в Зарайском уезде, Рязанской губернии записал крестьянскую легенду о хождении святого Николая с неким Касьяном; и легенду ту художественно воплотил я в повести «Красная роса»:

«...Про Касьяна я тебе чо скажу: в досельны годы святой был — Касьян Немилостивый. Но это в народе удумали — Немилостивый, а так, конечно, святой... И вот наши деревенски и баяли про его: дескать, Касьян глянь — цветок вянь. Глаз у него, мол, урочливый. Которы дак Касьяна и за святого не почитали: дескать, к нечистой силе прилип, с анчуткой беспятым¹⁵ спознался, прости их, Господи, — дед Любим горячо перекрестился. — Тьфу, удумають же всяку холеру... Что за народ?! Да... Но баяли: дескать, брел Касьян на пару с Миколой Чудотворцем. Глядя, на дороге мужик мается: телегу увязил в грязи по самы ступицы. Кобылешка из сил выбилась, мужик чуть пуп не сорвал, а воз ни взадь, ни вперед».

¹⁵ Анчутка беспятый — бес.

А тут святые подходят... Но чо, мужик и просить Христом Богом: мол, подсобите, люди добры... «Не могу, — это Касьян-то баить, — райску ризу испачкаю. Как я потом в рай ворочусь, Господу Богу на глаза покажусь?!» Микола же Чудотворец — мужик простой — уперся плечом в телегу, поднатужился, да и выпихнул воз на сухое... Далё сказать, пришли они в рай. У Микола вся риза в грязи извожена. Бог увидал тако дело и спрашивает — все наперед знат, но спрашивает:

«Ты иде это, Миколай, так извожился?»

«Я, — отвечат Микола, — мужику подсоблял воз из грязи вытаскивать...»

«Ладно, — похвалил его Бог да и Касьяна спрашивает. — А ты почто чистый?»

Вы же на пару ходили...»

«Я, Господи, боялся ризу испачкать»

«Дак это же Я был — тот мужик...»

Перепугался Касьян, забожился:

«Кабы знатё, дак я бы непременно подсобил»

А Господь ему растолмачил:

«Я — во всяком, верующем в Меня, и кто любит ближнего, тот любит Меня...»

Словом, не глянулся Боженке Касьян, и порешил о ту пору быть Касьяну именинником раз в четыре года, а Миколе Чудотворцу за его доброту — два раза на году. Вот пошто мы и празднуем Миколу Зимнего и Миколу Вешнего. А Касьян Немилостивый — именинник раз в четыре года, 29 февраля. Тяжелый это год, високосный, сказать: и на скотину мор, и народец, бывало, подкосить. Но святой Касьян-то здесь, конешно, не при чем — святой, он и есть святой, молитвенник по грехам нашим, не он карает да милует — Господь Бог. Темь деревенская наплела с три короба и все лесом, выдумала своего Касьяна, прости Господи. Своего... а заправдошний, тот, паря, святой. Да, святой, преподобный...»

Если русские, избрав из сонма святых, особо возлюбили Николая Угодника и воспели в легендах, как первого после Бога святого заступника, то крещенные инородцы по простоте душевной и вовсе почитали святого Николу «вторым русским богом».

Славный сибирский народовед Фирс Болонев писал: «Инородцы Сибири — эвенки, буряты, якуты, принявшие крещение, будучи связаны в основном с русским крестьянством, также из христианских святых особенно отличали Николу-угодника. Так, в Забайкалье было записано такое предание: «М.А. Лукьянова (...) из с. Фомичева рассказывала: «Один бурят тонул в Чикое и обратился: «Святитель Христов, русский Никола, вынеси меня». И он вынес. И еще троих стариков из нашей деревни спас — лодка перевернулась, а они с Божьей помощью спаслись».

На Николу Зимнего (19 декабря) — во всех русских храмах величавый, величальный молебен, а тем паче в Никольских; и в сей же день поселяне справляли никольщину — застолья родственников, соседей с пивом, брагой из зерна нового урожая, с закусками в складчину. Крестьяне говаривали: «Для кума Никольщина бражку варит, для кумы пирожок печет; на Никольщину зови друга, зови ворога — оба друзья будут; Никольскую брагу пьют, а за Никольское похмелье бьют (наказывали тех, кто гулял после Никольщины)». С днем святого Николая Угодника (Зимнего) связано изрядно крестьянских примет; вот лишь избранные:

Никола Зимний лошадь на двор загонит, а Никола Вешний (22 мая) откормит;

Какой день в Николу Зимнего, такой и в Николу Вешнего;

Перед Николой иней — овсы будут щедрей; иней на Николу — к хлебороду;

Что Михаил Архангел закует, то Никола раскует — оттепели.

С еще большим торжеством праздновали крестьяне день Николы Вешнего (22

мая): в иных российских уездах сей праздник считался *съезжим*, — к сельскому храму *съезжались* крестьяне из ближних деревень, и после величавого молебна, посвященного Николаю Чудотворцу, совершались крестные ходы к рекам и озерам, где совершалось водосвятие, и на хлебные поля. Рекруту, уходящему на службу ратную, вешали на шею медный образок с изображением. О сем дне крестьяне так рассуждали:

Два Николы: один с травой, другой с зимой;

До Николы крепись, хоть разопнись, с Николы живи, не тужи;

Сена достает у дурня до Юрья (6 мая по н. ст.), у разумного — до Николы;

Святой Юрий запасает коров (начинает пасты), Никола — коней;

В Николин день выгоняют лошадей на починки, на пашищу, на ночной подножный корм;

Не хвались на Юрьев день посевом, а хвались на Николин день травой;

Велика милость Божия, коли в Николин день дождик польет;

В Николу лягушка квачет — овес скачет;

До святого Николы не сей гречки, не стриги овечки.

* * *

Илья пророк (IX в. до Рождества Христова; память: 2 (20) июля)... Неисповедимыми путями российский мужик в череде святых выделил и возлюбил пророка Илию, поселил его в русской земле, одарил русским нравом; но если русское простолудье любило Николая Чудотворца эдакой ласковой, *безстрашной* любовью, яко выходца из пахотных крестьян, то любовь к Илие пророку была преисполнена благодатного Божиего страха. «...Таков по воззрениям народа Илья-пророк, олицетворяющий собой праведный Гнев Божий. Повсюду на Руси он именуется «грозным» и повсюду день, посвященный его памяти (...), считается одним из самых опасных. Во многих местах крестьяне даже постятся всю ильинскую неделю, чтобы предотвратить гнев пророка и спасти от его стрел поля, свои села и скотину». (С. Максимов).

Да, в крестьянском воображении Илия пророк — самый суровый христианский святой: *Сердитый, Грозный, Громовник, Громобой, Громовержец* ...на Ильин день случались *грозы* с раскатами *грома*... но суровость пророка была, словно суровость отца в благочестивой, домостройной семье, который строг, но справедлив и за которым домочадцы, как за каменной стеной.

Крестьяне полагали: *Млечный путь — Божия дорога, по которой Бог и святой Илия ездят на колеснице, везомой огненными конями*... «На огненной колеснице могучий седой с грозными очами разъезжает из конца в конец по беспредельным небесным полям, и карающая рука его сыплет с надзвездной высоты огненные каменные стрелы, поражая испуганные сонмы бесов и преступивших Закон Божий сынов человеческих. (...) Даже сам сатана трепещет перед грозным Ильей и, застигнутый пророком в облаках, пускается на хитрости, чтобы избежать могучих ударов. «Я в христианский дом влечу и сожгу его», — грозит сатана. А Илья гремит ему в ответ: «Я не пощажу дома, поражу тебя». И ударяет в ту пору своим жезлом с такой силой, что трещат небесные своды и огненным дождем рассыпаются каменные стрелы. «Я в скотину влечу, я в человека войду и погублю их, я в церковь Божию влечу и сожгу ее», — снова грозит сатана. Но Илья неумолим: «Я и церкви святой не пощажу, но сокрушу тебя», — гремит он опять, и все небо опоясывает огненной лентой, убивая скотину, людей, разбивая в щепки столетние

деревья и сжигая св. храмы. (...) Народ представляет себе Илью не только как вестника Небесного гнева, но и как благодетеля человеческого рода, дарующего земле изобилие плодов и прогоняющего нечистую силу, эту виновницу человеческих несчастий и болезней. По народному поверию, для нечистой силы страшен не только сам Илья, но даже дождь, который проливается в его день, имеет великую силу: ильинским дождем умываются от вражьих наветов, от напусков и чар». (С. Максимов).

На Ильин день грех робить — Илья убьет молоньей; «один хресьянин робил в Илью. Случилась гроза. Мужик кинулся под лотку. Ударила громова стрела и убила мужика». Или — был, мол, случай, что за работу одного мужика появилась ворона с горящей веткой в клюве, стала перелетать с зарода на зарод и сожгла сено у многих односельчан. Так наказывает Илья пророк за непочтительное отношение к себе». (А. Макаренко).

«Гром гремит, говорят, — Илья едет на колеснице, запряженной быком и львом (в иных толкованиях, на тройке белых коней, — А.Б.). Он преследует сатану: где тот спрячется, — туда и «громова стрела падат». (...) «Лешему надо было к спеху шубу; днем он не успел сшить, сел шитца ночью под сосну, когда Илья гремел. Молонья блеснет, — лешак продернет иголку в шубу, да проворчит: «што, молнишка, не часто светишь!» Илья на это осерчал, пустил в черта Громову стрелу, — деревину расщепило на кусочки, а лешак увернулся и ушел с шубой (село Кежемское, Восточная Сибирь. — А.Б.). Варианты этого сказания встречаются также в России». (А. Макаренко).

В поэтическом воображении русского крестьянина Илья-громовержец, как покровитель грома и молнии, небесных вод, вытеснивший славянского идола Перуна, иногда сближался причудливым образом и с былинным богатырем Ильей Муромцем, о чем свидетельствуют некоторые легенды, записанные от крестьян. Известны ильинские присловия:

Илья Муромец по небу на шести жеребцах ездит (гром);

Молния сверкает — святой Илья вынимает шапку;

Гром гремит — Илья гонится за чертями и, догнав, ударяет их шапкою, в то же время св. Георгий низвергает с неба стрелы.

«Илья-пророк, наследовавший в народе древнего Перуна, почитается покровителем земледелия и сельского довольства. (...) Одна из отличительных черт его поклонения у всех народов — посвящение ему горных вершин как земной его обители. Храмы и места его обоготворения большею частью помещались на высоких горах или холмах, обросших густыми дубравами, и как символ растительной жизни природы ему же посвящается вечно зеленеющий дуб». (Д. Шептинг).

Русская Православная Церковь с особой святостью чтит любимого в народе святого, и во имя пророка Илии была освящена первая церковь, воздвигнутая в Киеве еще при князе Игоре; и святая княгиня Ольга после Крещения построила храм пророка Илии в своем родном селе Выбуты.

Про день памяти пророка Илии крестьяне толковали:

До Ильи поп дождя не намолит, а после Ильи баба фартуком нагонит;

Илья-пророк разъезжает по небу на огненной колеснице и расплескивает святую воду;

До Ильина дня дожди — закрома, а после Ильина дня — из закрома;

Петр и Павел на час убавил, Илья пророк — два уволок (короче световой день);

Первый Спас час припас, Петр и Павел два прибавил, а Илья пророк три приволок (длиннее ночь);

*До Ильи мужик купается, а с Ильей с рекой прощается;
На Ильин день олень копыто обмочил: вода холодна¹⁶;
До Ильина дня в сене пуд меду, после Ильина пуд навозу¹⁷;
То и веселье Ильинским ребятам, что новый хлеб;
Завязать Илье бороду (окончив жатву, завязывали последний сноп и оставляли его в поле);*

*Пророк Илья лето кончает, жито зажинает;
Пророк Илья куда ни махнет, всюду жито растет;
К Ильину дню хоть кнутом прехлысни, да заборони.
Илья — последняя девичья гульня (дальше страда);
Придет Илья, навалит гнилья (мух, комаров), а придет Первый Спас, не будет комаров у нас.*

После Ильина дня в поле сива коня не увидишь — вот до чего темны ночи...

Много на ильинской неделе молодыми жнеями пелось обрядовых песен, прозванных жнивными:

*Мы в поле были,
Венки развили,
Венки развили
И жито глядели.
Зароди, Боже,
Жито густое,
Жито густое,
Колосистое,
Колосистое,
Ядренистое!
А Святой Илья
По межам ходит
Да житишко родит,
— Твое житишко
На пивушко,
Дочек отдавать,
Сынов женить,
Сынов женить
И пиво варить.*

(Смоленщина).

В эпоху пророка Илии жил и пророк Елисей, с именем которого у меня вышел потешный случай... Спустя четверть века после выхода в свет «Русского месяцеслова», и я стал доводить книгу до русского ума и православного духа, а прежде добавил краткие жития святых, кои упустил в первом издании. Дошел до двадцатого июля по старому стилю — *Ильин день, Илья Грозный, Илья Сердитый, Илья Громовник, Громовержец, Громобой* — читаю краткое житие пророка Илии и вдруг обнаруживаю потешную опечатку, кою читатель сходу выудит, прочтя строку: «За свою горячую ревность о Славе Божией пророк Илия был взят на Небо живым в огненной колеснице, свидетелем чего был пророк Енисей, которого святой Илия и помазал на пророчество по воле Божией...».

¹⁶«В Пошехонском в Ярославской губ. (...) так объясняют причину охлаждения речных вод: «Илья-пророк ездит на конях по небу, и от быстрого бега одна из лошадей теряет подкову, которая падает в воду, и вода сразу холодеет». (С. Максимов).

¹⁷«К Ильину дню стараются скошенное сено высушить и убрать в стоги. Здесь, де, говорят поселяне, сладимая яства в цветах для скотинки». (И. Сахаров).

Пророк Предтеча и Креститель Господень Иоанн... В честь сего святого Русская Православная Церковь учредила семь¹⁸ праздников на году, но мы поведем речь лишь о Рождестве Иоанна Крестителя (7 июля); и сей праздничный день по обрядовой насыщенности превосходит иные народно-православные праздники, о чем можно судить и по именам сего дня: Иванов день, Иван Купала, Купальник, Иван Травник, Иван Цветной, Праздник росы.

Рождество честного славного Пророка, Предтечи и Крестителя Господня Иоанна — величавый праздник, напоминающий всякой христианской душе, что крестилась душа в Божией купели, как и Господь Бог в безгрешном земном житие от Иоанна Крестителя. «...Крестившись, Иисус тотчас вышел из воды, — и се, отверзлись Ему небеса, и увидел [Иоанн] Духа Божия, Который сходил, как голубь, и ниспускался на Него. И се, глас с небес глаголющий: Сей есть Сын Мой возлюбленный, в Котором Мое благоволение». (Мф. 3: 16-17)

Русские крестьяне уже давно запомнили о древнеславянском идоле Купале, а посему и купальские обряды уже напрямую связывали со святым Иоанном Крестителем; и даже когда в обрядовом действе, в купальских песнях и поминался Иван Купала, то уже в сознании православного крестьянина за этим именем подразумевался опять же Иоанн Креститель. Да великорусы, в отличие от белорусов и малорусов, редко поминали Купалу; обряды же купания, обливания водой жили лишь в напоминание о том, что Иоанн Предтеча крестил и самого Господа нашего Иисуса Христа в вольных водах. И воду в сей праздник крестьяне почитали за святую воду... Хотя в христианской религиозной этике вода обретает очистительную силу лишь после ее освящения крестом и молитвой; а посему Иоанн Креститель, вытеснивший из русского мистицизма языческого идола Купалу, погружал крещаемых иудеев в освященные воды Иордана.

Иванову дню в крестьянском календаре обрядово созвучно предшествовал день Аграфены-купальницы (Агриппины-мученицы); и день почитался за бабий: мужние жены и девицы не стирали белья — грех великий; обливались, купались, умывались утренней росой, катаясь нагими по росным травам во красу и здравие. За Аграфеной зорево являлся Иванов день...

Из славянского изначалья, из глубокой русской древности пришли и выжили до минувшего столетия обряды Купалы: **купальские огни** — ночные костры, песни, пляски, хороводы, перепрыгивание через огонь и крапивные кусты, паренье в бане; **купание** — в росе, потом в реках или озерах; **дерево Морена** — пляски вокруг дерева, погружение его в воду; **девичьи обряды; зарывание трав** — сбор целебных, чарующих трав и поиски волшебного, светоносного цветка папоротника, с помощью которого отыскиваются клады; **обереги от нечистой силы** — особо от ведьм, что, по суевериям, летают на Лысую гору для шабаша.

Огненные и водяные обряды в древности свершались для очищения души и плоти от скверны; купание и обливание водой — еще и как обряд вымаливания дождя в засуху, чтобы земля была плодородной, а жены и девки красны и чадородливы. Но давно сии языческие обряды утратили мистический смысл и обратились в таинственную и причудливую, веселую игру, а простодушные крестьяне, что в будни трудятся от темна и до темна, любили в праздники потешиться, повеселить-

¹⁸6 октября — зачатие, 7 июля — рождество, 11 сентября — усекновение главы, 20 января — Собор Иоанна Крестителя в связи с праздником Крещения Господня, 9 марта — первое и второе обретение его главы, 7 июня — третье обретение его главы, 25 октября — праздник перенесения его правой руки с Мальты в Гатчину.

ся. Иные народоведы-старинари выражали сомнение, что в славянском язычестве был идол Купала и праздник в честь сего истукана; Сергей Максимов полагал, что «...купальские праздники совершались во времена язычества в честь свадьбы «бога» солнца (*Ярилы*. — А.Б.), супругой которого являлась светоносная Заря-зарница, красная девица... Купальские игрища и праздник совершались в честь солнечной свадьбы, одним из актов которой было купание солнца в водах. Считалось, что на Ивана Купалу все творческие силы земли и солнца в самом зените». (*С. Максимов*).

Купальские обряды в древности вершили холостые парни и девки — купались в реках и озерах, скакали через ночные костры, искали приворотные травы, завивали хороводы и пели девичьи *купальские* песни...

*Ивановская ночь мала, невелика,
Невелика, мала, и я-то не спала.
Я-то не спала, Петра ключи брала,
Зорю размыкала, росу отпускала.
Роса медовая, трава шелковая.
Перед Петром пятым днем
Разгулялся Юрьев конь,
Разбил камень копытом.
В этом орехе ядро есть,
Так у девок правда есть.*

(*Записано в сибирском селе Бородинка от Л.Т. Лазаревич, 1897 г. р.,
Я.С. Никитиной, 1861 г. р.*).

* * *

Великомученик Георгий Победоносец (+ 303 (304) от Рождества Христова; дни памяти: **9 декабря, 6 мая, 16 ноября, 23 ноября**) — любимый святой русского народа, *обрусевший*, величаемый *Егорием Храбрым, Юрием Зимним*, коему посвящена уйма храмов, монастырей, церковных приделов, и — даже город Юрьев. И любовь к сему святому осыпала в русской душе державные, имперские чувства, недаром образ Георгия Победоносца красовался в российском гербе, и не случайно Герб Московского царства — Егорий Храбрый на белом коне, копьем поражающий зеленого дракона, что являлось образом язычества.

Русский князь Ярослав Мудрый (1019–1054), во святом Крещении Георгий, в честь своего Ангела-хранителя **великомученика Георгия**, повелел выстроить храм пред вратами Святой Софии. 9 декабря храм был освящен святителем Иларионом, митрополитом Киевским, и установлено ежегодное празднование в честь этого события.

В русском народе за крещенные века сложились долгие свитки дивных легенд и преданий, календарно-обрядовых песен, посвященных Георгию *Победоносцу*, что *по бедам носится* на белоснежном коне, пособляя бедолагам, что под знаменем Михаила Архангела, атамана Небесного воинства, со святыми Николой Чудотворцем, Ильей пророком, Сергием Радонежским — в числе покровителей, защитников Земли Русской. В древних сказаниях и былинах *обрусевший* Егорий Храбрый воспевается как искоренитель вражеского басурманства и оборонитель Святой Руси.

*Во святой земле, православной,
Нарождается желанное детище*

У той ли премудрыя Софии;
 И нарекает она по имени
 Свое то детище Георгий,
 По прозванью Храброй.
 (...)

«Соизволь, родима матушка,
 Осударыня, премудрая София,
 Ехать мне ко земле светло-Русской
 Утверждать веры христианские».
 И дает ему родимая матушка,
 Она ли, осударыня премудрая София,
 Свое благословение великое.
 (...)

Примает он,
 Георгий Храброй,
 Ту землю светло-Русскую
 Под свой велик покров,
 Утверждает веру крещеную
 По всей земле светло-Русской.

Изрядно народных легенд посвящено «Чуду Георгия о змие», где Егорий Храбрый воспевается как атаман христианского воинства, повергающий семиглавого змия — языческое многобожество. А в Забайкалье было записано с уст сказителей предание о Егории Храбром: «Где-то у озера жил змей. Он поедал девушек. И вот выпала доля идти одной девушке к змею... Но в это время туда подъехал Егорий с копьем на коне. Змей стал лизать копыта его коня, и Егорий его заколол копьем. Вот и носится по бедам Егорий Храбрый — отсюда и «победоносец». Он и от волков скот оберегал». (Ф. Болонев).

В русских легендах иногда замысловато сплетался образ святого Георгия с князем Георгием Владимировичем, храброй смертью павшим от татарской стрелы на реке Сити, который положил начало заселению Севера, укрепил города Владимир, Нижний, два Юрьева, которого любили в народе. В старину пелось о князе Георгии Владимировиче: «Егория, света, храбра, у которого по локоть руки в красной замше, по колено ноги в чистом серебре, а во лбу-то солнце, во тылу месяц, по косицам звезды перехожие».

Георгия Победоносца, христианского воителя и православного покровителя лошадей, равно и былинных богатырей Киевских и Новгородских, особо чтит казаки. Казачьи старики говаривали: *На Егория Храброго коням отдых, конский праздник, нельзя одевать узду, запрягать в телегу; На Егория (покровителя коней) лошадь «крестом» кормят, испечённым в Крещение Господне.*

Будучи победителем страшного Змея ...образ язычества... Егорий-змееборец в крестьянском мире также считался и повелителем змей, и молитвой ко святому Егорию мужики и бабы оберегали от ползучих гадов (полозов) и себя, и животину.

Крестьяне-христиане чествовали *Егория Зимнего (9 декабря)* и *Егория Вешнего (6 мая)*; и по сему поводу поминали: *На году два Егория: один холодный, другой — голодный.*

О Егории Зимнем мужики толковали:

Егория с мостом, Никола с гвоздем;

С Егория медведь засыпает в берлоге, а волки пасутся возле деревенских задворок;

Егория зимний — хранитель скота, повелитель волков, ибо о ту пору рыскают волки, ища добычу, и надо молиться от волчьей напасти Егорию Храброму;

Что у волка в зубах, тот при Егорьевых дарах — хоть и заслонишься от волков молитвой Егорию Храброму, но в сей день святой и волкам подсобляет находить добычу, поскольку их повелитель.

О Егории Зимнем былинщики пели старину:

*Въехал Егория в леса дремучи,
Встретились Егорию волки прискучи,
Где волк, где два:
«Собирайтесь вы, волки!
Будьте вы мои собаки,
Готовьтесь для страшных драки...»*

С Юрия Холодного (*Егория Зимнего*) вершились хозяйские сделки, шел найм работников, делались расчеты, мужики при этом рассуждали: *Слово с Юрия холодного до Юрия теплого; Мужик болит и сохнет по Юрьев день.*

День Егория Летнего обрядово богаче, нежели день Егория Вешнего... Крестьяне считали, что Егорию Храброму даны ключи от неба и земли, и он отпирает небо, давая волю солнцу и звездам силу. В народе также полагали, что Егорий-вешний отпирает росу.

*Юрий, вставай рано — отмыкай землю,
Выпускай росу на теплое лето,
На буйное жито —
На ядренистое, на колосистое.*

На Егория Вешнего девицы умывались утренней росой или катались по росной траве, чтобы стать пригожими, как утренняя зорька, чистыми, как юрьева роса; парни же купались в росе с надеждой быть сильными и здоровыми, как юрьева роса. А приметливые старики говорили:

*Юрия росу отпустил;
Юрьева роса от сглаза, от семи недугов;
Гони животину на Юрьеву росу;
На Юрия роса — не надо коням и овса — сытна, целительна росная трава;
На Егория роса — будут добрые проса.*

Святой Георгий у русских крестьян — покровитель пастухов и домашнего скота, отчего святого звали и Егорья-скотопас. «В этот праздник по весне в некоторых местностях закликали весну, так как этот день был сроком хозяйственных условий и временем выгона скота. О Егорьевом дне жила приговорка: «В поле стадо гонять и Егорья окликать». Есть и такое Егорьево окликание:

*Мы вокруг поля ходили,
Егорья окликали,
Макарья величали.
Егорий ты наш храбрый,
Макарий преподобный!
Ты спаси нашу скотинку
В поле и за полем,
В лесу и за лесом,
Под светлым под месяцем,
Под красным солнышком,
От волка от хищного,*

*От медведя лютого,
От зверя лукавого!*

(М. Забылин).

На Егория ребяташки ходили по дворам, окликали Егория и выпрашивали гостинцы, обычно вареные яйца. В «Русском земледельческом календаре», составленном А.Ф. Некрыловой, есть *окликание* Егория, записанное в наши дни от Клавдии Александровны Сафоновой из Костромской области: «Перед тем как выгнать скотину на пастбище, ребяташки, подростки обычно ходили по домам с барабанками, шергунцами, трензелем, бубном и пели песню, так называемую «Батюшка Егорий». За это им подавали так называемую мзду: кто яичек, кто денег, кто гостинцев, кто чего. Вставали примерно в два часа ночи и вот будили всю окрестность пением. Пели они:

*Мы ранешенько вставали,
Белы лица умывали,
Полотенцем утирали,
В поле ходили,
Кресты становили,
Кресты становили,
Егорья вопили:
— Батюшка Егорий,
Макарий, батька храбрый,
Спаси нашу скотинку,
Всю животинку,
В поле и за полем,
В лесу и за лесом.
Волку, медведю,
Всякому зверю —
Пень да колода,
На раменье дорога.
Тетушка Анфисья,
Скорее пробудися,
В кичку нарядися,
Пониже окрутися,
Подай нам по яичку,
Подай по-другому.
Первое яичко —
Егорию на свечку,
Другое яичко —
Нам за труды
За егорьевские.
Мы ходили, хлопотали,
Трое лаптей изодрали,
В кучку покидали,
В бочаг покидали,
Чтобы наши не узнали,
Чтобы нас не заругали!*

Дальше следовало подаяние. Если подавали хорошо, то, значит, ребята благодарили:

*Спасибо тебе, тетка,
На хорошем подаянье!*

*Дай тебе Бог
Подольше пожить,
Подольше пожить
Да побольше нажить —
Денег мешок,
Да белья коробок,
Двадцать телушек,
Все годовушек,
Десять быков,
Все годовиков,
Все полугодовиков!*

Но бывали случаи, когда ребятам ничего не подавали. Тогда ребята пели неприятную поговорку:

*Неспасибо тебе, тетка,
На плохом подаянье!
Дай тебе Бог
Подольше пожить
Да побольше нажить —
Вшей да мышей,
Тараканов из ушей.*

На день Егория (Юрия) Вешнего старики примечали:
*Юрий на порог весну приволок;
Егория землю отмыкает;
Егорий Храбрый зиме ворог лютый;
Промеж гор лежит бугор, пришел Егор, унес бугор (снег);
Святой Георгий красную весну на Красную горку начинает, пророк Илья лето кончает, жито зачинает;
Егорий из-под спуда зелену травку выгоняет;
Егорий с теплом, а Никола с кормом;
Егорий с полувозом, а Никола с целым возом;
На Руси два Егорья: холодный да голодный, а везде Божья благодать;
На Егория выезжает и ленивая соха;
Ранний сев ярового с Егория, поздний — с Еремея;
Коли на Егорьев день лист в полушку, на Ильин день клади хлеб в кадушку (можно ожидать урожая раннего сева уже на Ильин день);
На Егория мороз — под кустом овес;
Сена достает: у дурня до Юрья, а у разумного до Николы;
Святой Юрий коров запасаает, а Никола коней (коровы могут пастись уже с Юрия, кони — с Николы).*

* * *

Славные и всехвальные первоверховные апостолы Петр и Павел (+ 67; память 12 июля) — этот день в народе именовали *Петры и Павлы, Петров день, Петровки*. В сей день завершается Апостольский (*Петровский*) пост — *петровки-голодовки*, как их прозвали в народе, или *голодный пост*, который начинается через неделю после праздника Святой Пятидесятницы и продолжается до 12 июля. На Петра и Павла народ православный разговлялся; в старину Петров день называли: *Петрова говейно*. А «петровский пост в крестьянской среде соблюдает-

ся во всей строгости церковного устава, а день «заговин» считается праздничным днем» (С. Максимов).

В Петров день — дневные и ночные веселые гуляния. «Иностранцы... удивляются, что русские в течение года держат жен и дочерей взаперти, редко отпуская даже к родным в гости или в церковь, в Петров день позволяют им гулять, качаться на качелях, водить хороводы и пользоваться другими забавами. (...) В Саратовской губернии, накануне Петрова дня провожают весну. Мужчины и женщины рядятся разного рода шутами и привязывают несколько телег одну к другой гусем, катаются на них из конца в конец селения и заключают праздник хороводами. В Симбирской и Пензенской губерниях это бывает в заговение Петровского поста. В Тверской губернии, с первого воскресенья после дня св. Петра и Павла, начинаются ночные гульбища, называемые Петровками, которые продолжаются до Первого Спаса». (М. Забылин).

«В с. Архангельском (Забайкалье. — А.Б.), по сообщению А.К. Рассохиной, «разнаряженные» девки собирались на межу к реке Чикою. Восьмерку (карагоды) водили. К этому дню стряпали пирожки, драчены, резали поросенка, приводили ребят чаевать. В Петров день, бывало, красно на протоке. Все гуляют. Кукушке разрешено куковать с Николы вешнего по Прокопьев день, то есть после Петрова дня она кукует всего восемь дней». (Ф. Болонев). В некоторых деревнях и селах варили на Петра и Павла канун (обрядовое пиво, квас), красили вареные яйца, как на Пасху Христову, в желтый цвет, и все эти напитки-наедки уносили в рощи, к вольным водам, где и было гуляние.

Святые апостолы Петр и Павел почитались крестьянами как покровители рыболовства и рыбаков; более того, среди приморских, приозерных, приречных поселян апостол Петр прозывался рыболовом, ибо из рыбаков и вышел и сподобился от Господа Бога своего Учителя улавливать в духовные сети людские души для их спасения. «Рыбаки молились ап. Петру, который был сам по занятию рыбаком и был призван к апостольскому служению в то самое время, когда занимался рыбной ловлей. От народного внимания не ускользнуло и то обстоятельство, что Сам Христос благословил занятие Петра, и, как замечает Евангелист, после этого благословения апостол поймал так много рыбы, что от их тяжести едва не разорвались сети. Сама Церковь считает уместной молитву св. апостолу Петру, как покровителю рыбного промысла. Так, например, в Требнике Петра Могилы есть чин на освящение новых сетей, и здесь, между прочим, читаем: «Сам Владыко Всесильный и предлежащие сети благословити и в ловитве Твоим Божественным благословением множеством рыб на пищу Твоим рабам всегда исполни, молитвами Преблагословенная Владычица наша Богородицы и св. славных и всехвальных апостол Петра, Фомы, Нафаила, Иоанна, и прочих рыбам ловцев бывших». (М. Козлов).

«Молитвенное обращение к обоим апостолам (Петру и Павлу. — А.Б.) забыто народом в России, но сохранилось зато в Сибири. (...) На Ангаре, где развито рыболовство, считается обязательным в праздничную «еству» (пищу) вводить рыбу, предпочтительно свежеизготовленную. (...) Еда «шербы» (ухи) за столом сопровождается почтительным «пригласьем», читаемым громко одним из старших членов семьи: «Петры-Павлы! садитесь хлеба-соли кушать: вам каша, нам чаша; вам рыбка, нам шерба (похлебка. — А.Б.)». (А. Макаренко). «Рыбаки ему молятся (Петру. — А.Б.), служат молебны, а в некоторых местах устанавливают даже обычай ежегодно, в день 29 июня, собирать «Петру-рыболову» на мирскую свечу, которая и становится в храме перед его образом». (С. Максимов).

Но хоть и с молитвой Христовой приступал ранешний рыбак к лову, а и, суевренный, водяного хозяйнушку забыть не мог. «Удачи рыболовов также находятся во власти водяных. Старики до сих пор держатся двух главных правил: навязывают себе на шейный крест траву Петров крест (заячий горошек), чтобы не «изурочилось», т. е. не явился бы злой дух и не испортил всякого дела, и из первого улова часть его или первую рыбу кидают обратно в воду как дань и жертву. Идучи на ловлю, бывалый рыбак никогда не ответит на вопрос встречного, что он идет ловить рыбу, так как водяной любит секреты и уважает тех людей, которые умеют хранить тайны. Некоторые старики-рыболовы доводят свои угождения водяному хозяину до того, что бросают ему шепотки табаку («на тебе, водяной, табаку; дай мне рыбку») и с той же целью подкуривают снасть богородской травой». (С. Максимов).

Одним из самых старинных обрядов на Петров день можно считать обряд, когда наши крестьяне выходят караулить солнце, смотреть, как оно будет играть на утренней заре. «Это верование, известное исландцам, сохранилось только в Тульской губернии. Поселяне всех возрастов собираются на пригорки, раскладывают огонь и в ожидании солнца проводят ночь в играх и песнях. Едва начинает восходить солнце, все испускают радостные клики. Старики наблюдают, как солнышко играет по небу: оно то покажется, то спрячется; то возойдет вверх, то опустится вниз; то заблещет разными цветами — голубым, розовым и белым, то засияет ясно, что ничьи глаза не стерпят». (И. Сахаров).

Когда играет солнышко, девицы голосисто выводили солнечные заклички:

*Ой, Ладо! Ой, Ладо! на кургане
Соловей гнездо завивает.
А иволга развивает.
Хоть ты вей, не вей, соловей!
Не быть твоему гнезду совитому,
Не быть твоим деткам вывожатым,
Не летать им по дубравам,
Не клевать им яровой пшеницы!
Ой, Ладо! Ой, Ладо!*

Пели девушки о сем, поскольку с игрой солнца на Петров день связывали свои любовные надежды, веру в то, что придет счастье и Божий венец покроет их головы.

Про Петровки крестьяне толковали:

С Петрова дня — красное лето, зелен покос, зарница хлеб зарит;

На Петров день и солнышко играет;

Женское лето по Петров день (потом забот вдвое — покос);

С Петрова дня и барашика в лоб (разговение после поста);

Первый Спас час припас, Петр и Павел два прибавил, Илья Пророк три приволол (удлинение ночи);

Петр-Павел час убавил, Илья Пророк — два уволок (короче день);

Придет Петрок — отщипнет листок, придет Илья — отщипнет два;

Строй косы и серпы к Петрову дню, так будешь мужик;

Петровки холодные — год голодный;

Если за неделю до Петрова дня помочит — с хлебом будешь;

На св. Петра один дождь — урожай не дурной, два дождя — хороший, три — богатый;

Цветы и овощи пересаживай и подсаживай до Петров-Павлов, позже — беспрокло;

До Петрова взорать, до Ильина заборонить, до Спаса засеять (озимые)...

«Святая мученица Параскева, нареченная Пятницей (+III век; память 10 ноября), жила в Икониции (...). Всем сердцем возлюбила юная Параскева чистоту и высокую нравственность девственной жизни и дала обет безбрачия. Она захотела посвятить свою жизнь Богу и просвещению язычников светом веры Христовой. На этом праведном пути суждено было Параскеве, носившей в имени своем память о дне великих Страстей Иисусовых, приобщиться и в своей жизни к Страстям Христовым через телесные муки». (*Месяцеслов. Настольная книга священнослужителя*).

Наряду с вышеупомянутыми святыми возлюбили русские крестьяне и Параскеву-пятницу, по народному обычаю вообразив ее целомудренной деревенской девой, облачив ее имя поэтическими мифами. В легендах о святой деве слышался лишь некий нравственный отзвук ее жития...

Неисповедимыми путями Господними простой русский народ, христолюбивый и человеколюбивый, наделил святую Параскеву Пятницу и особым церковным почитанием ...ей посвящены храмы, иконы... и трогательной народной любовью — с ее именем связаны многие народные обряды, поэтические легенды, ей посвящено немало источников.

Святая Параскева-Пятница, *орусев*, стала покровительницей полей и скота, а в избранных уездах, волостях и покровительницей вод, целебных источников; а посему в день ее памяти крестьяне приносили в храмы для освящения плоды земные; молились о сохранении скота от падежа. Иконы, часовни в честь святой мученицы Параскевы ставились у источников, воды которого охранял святой и чистый дух праведницы. Святую Параскеву величали *бабьей святой*, заступницей честных жен, что незримо промышляет повоем, — принимает новорожденных чад; святая Параскева-Пятница почитается также как охранительница семейного благополучия и счастья, как целительница от самых тяжких душевных и телесных недугов.

Русское простолюдые от умиленной любви к святой Параскеве, от природной тяги к побывальщине сложило изрядно удивительных, назидательных легенд, связанных с мученицей, святой целомудренностью своей восхитившей крестьянок. Согласно причудливой легенде, деревенская дева шла в пустынный скит, дабы обрести ангельский чин, но по дороге на деву напал сладострастник, чтобы принудить ко греху. Но коль Параскева люто противилась, то насильник убил ее и закопал в землю; долго ли, коротко ли, а из колен убиенной выросли три липы, прозванные Исколена.

В «Русском месяцеслове», что составил автор сего очерка, о святой так говорится: «Жители ближней деревни стали почитать их, срубили возле лип часовенку, где установили образ святой Параскевы-Пятницы. По народным преданиям выходило, что вроде это и была сама мученица Параскева. Три липы, прозванные Исколена, стали народной святыней. (...) В народном почитании святой Параскевы-Пятницы мы слышим некоторые отзвуки языческого природоодухотворения, как и вольное легендарное толкование реального образа святой мученицы Параскевы, нареченной Пятницей, — в этом выразилось печальное и грешное, причудливое переплетение истинной веры в Бога с многочисленными суевериями, вынесенными из славянского язычества и не изжитыми за много веков после святого крещения.(...) К мифической Исколене ...к деревьям, сросшимся или раздвоенным, растроеным... приходили деревенские девицы и с молитвой просили

духовных сил на целомудрие, просили и прощения за уже совершенный грех. Через такие диковинные деревья, посвященные святой Параскеве, прозываемые в народе еще и разлуками, проносили детей, прося святую Пятницу об исцелении чад.

«Бысть некогда в пошехонском пределе, при реках Ияре и Уломе, церковь св. пророка Илии, и тамо растяще древо, зовомое рябиною. Прихождаху же священницы из близлежащих весей и приносяху образ святой Параскевы, нареченной Пятницы, молебные пения совершающе. Людие же для получения здравия сквозь оное дерево проинаху дети своя, иные же, совершенного возраста и сами пролазаху и получаху исцеления». *Из жития Андриана Пошехонского, чудотворца (1550).*

* * *

Календарное уничтожение святых... Завершая главу, посвященную русскому месяцеслову, где мифологически воплотились и библейские события, и жития святых, грех не покаяться: крестьяне, будучи более набожными в сравнении с дворянами и разночинцами, тем не менее, **тяжко прегрешали**, когда по безграмотности иных христианских святых, не соотнося с подлинным житием, сближали с мирской жизнью; и, переложив их имена на просторусский языковой лад, ввели сии святые имена в природно-хозяйственный, крестьянский месяцеслов. Православный церковный календарь, содержащий жития святых, на русском языке изложенных по руководству Четых-Миней святителя Димитрия Ростовского, избилует памятьми священномучеников и священномучениц, мучеников и мучениц, страстотерпцев, пострадавших за Христа, имена коих, хотя изредка, но все же использовались в крестьянском месяцеслове для обозначения времени года, страды, погоды и даже ветхих языческих поверий, отчего святые имена заземлялись, огрублялись и духовно уничтожались.

Скажем, христианская **мученица Дария** (+ 283; *день памяти 1 апреля*), в святой череде первохристиан принявшая мученический венец за Христа от древнеафинских язычников, в крестьянском календаре «величалась» *Дарьей-грязнопролубницей, Дарьей-засори пролуби*, а бывало, мужики и похлеще «величали»... Припекало вешнее солнышко, возле коровьих пролубей подтаивал лед, а в проталинах застаивалась навозная жижа; и 1 апреля по деревенской приваде народ от мала до велика выходил на лед убирать возле пролубей навоз и вывозить его, дабы при таянии льда навоз не ушел в воду, поганя реку или озеро. По сей причине мученица Дарья в деревенской среде и обратилась в *Дарью-грязнопролубницу*; но дурнее сего, когда безбожники ернически дразнили ее — *Дарья-вралья*, ибо по дурацкому обычаю в сей день ввали друг другу: *первый апрель никому не верь*; а в прошлом веке обыватели, одержимые бесом ерничества и шутовства, сей *завиральный* день прозвали Днем смеха.

А день памяти **святого Трофима** (+ 276; *память 2 октября*), мученически погибшего от римских язычников, в народном месяцеслове именовался *Трофим*, и деревенские парни и девчата в сей день устраивали Трофимовские вечерки и на буйных посиделках выбирали женихов и невест. Насколько строги были родители в обычные дни... вспомним суровый русский домострой, когда детей, а дочерей особо, держали в ежовых рукавицах... настолько снисходительно смотрели на веселья молодых в избранные дни, когда шел выбор невест и женихов, хотя, конечно, за свершенный грех могли и сурово покарать без долгого суда. Трофимовские вечерки еще в прошлом веке проходили весело, порой и с буйными играми, близкими к древнерусским языческим обрядам. Подобные обрядовые игры допускали

даже поцелуи между девицей и парнем, избравшими друг друга; и даже песни на вечерках звались поцелуйными.

А в день **священномученика Никиты** (+ ок. 372; память 28 сентября), в народе прозванного *гусарем, гусятником*, по деревням и селам вершились лихие обряды, а перво-наперво, жестокие гусиные сражения, а меж тем, «покровитель» гусей, святой Никита принял великомученический венец от язычников готфов, не отрекшись от Христа, не принеся богомерзкую жертву идолам.

Священномученик Иерофей, епископ Афинский (+I; память 17), был обращен ко Христу вместе с Дионисием Ареопагитиком апостолом Павлом. По преданию, святой Иерофей был при погребении Пресвятой Богородицы, а позже принял мученический венец за Христа Бога. Скончался мученической смертью. А суеверные крестьяне считали, что на Ерофея лешие *дурят в лесу* — кричат лихоматом, хохочут, хлопают в ладоши, ломают деревья, гоняют зверье, а потом проваливаются сквозь землю и спят в недрах до вешней оттепели. «Во весь день ветер воет по лесам, птицы не смеют прилетать к деревьям. Об мужике и говорить нечего: ни за что из доброй воли не пойдет в лес. Леший не свой брат — переломает все косточки не хуже медведя». (И. Сахаров.)

Так же обошлось простолюдье с именами иных святых, коих по святым, да на свой природно-крестьянский лад, вольно и грубовато именовали в народном месяцеслове. Так **мученица Акилина** (+ ок. 284-305; память 26 июня) в крестьянском календаре — Акулина-задери хвосты и побегай в кусты (*о ту пору крупный рогатый скот одолевала комары, пауты и мошка*). А про **великомученицу Варвару** (+ 305-311; память 17 декабря) и **преподобного Саввы Освященного** (+V век; память 18 декабря) так говаривали: Саввы-Варвары — ночи урвали, кур воровали, под печку клали (*в дни памяти сих святых трецали морозы, особо по ночам, и крестьяне заносили кур в избу, усаживали под печку*).

Повторю, редкие святые столь грубо именовались в крестьянском месяцеслове, чаще звучало либо имя святого (*скажем, Амвросий, Евстрат, Модест, Анисья, Маланья, Петры и Павлы...*), либо имя святого с добавлением покровительства, времени года, страды: Наум-грамотник, Никола Зимний (*Летний*), Анна Зачатье, Зиновий-синичник, Спиридон-солнорот, Анастасия-узорешительница, Григорий-летоуказатель, Федосей-весновой, Татьяна Крещенская, Петр-полукорм, Антон-перезимник. Афанасий-ломононос...; а чаще именовалось — *чей день*: Иванов, Петров, Селиверстов, Макарьев, Васильев...

Кроме уничтожения неких святых имен простолюдье, случалось, толковало о мучениках, страдотерпцах, исповедниках, преподобных не по житиям их, а что в дурную голову взбредет, что на грешную душу падет, что явится в причудливом, порой и грубом воображении. Подобному уничтожению в крестьянском календаре подвергся среди прочих и преподобный Кассиан (Иоанн Кассиан) Римлянин (+435; память 13 марта), о чем упоминается в главе про Николая Угодника.

Разумеется, верили легенде про Касьяна Немилостивого лишь несведущие в житиях святых, тяжело прегрешающие крестьяне, что и говаривали о грешно измышленном, легендарном Касьяне, прозванном *немилостивый, завистливый, злопамятный, коварный*: «...Касьян на что взглянет, то и вянет; на лес взглянет — лес мрет», ибо день его памяти бывает лишь раз в четыре года, и это обычно тяжелый, високосный год. «О Кассиане идет суеверное сказание, что «...он представлен на стражу ада, и Господь отпускает его на отдых в четвертый год; тогда 12 Апостолов вместо его становятся на страже». (И. Снегирев.)

А преподобный Иоанн Кассиан Римлянин (435), ничего общего не имеющий

с Касьяном из народных легенд, — великий любомудр, будучи иеромонахом, написал более десятка богодухновенных книг и заслужил похвалу преподобного Иоанна Лествичника (*память 30 марта*): «...Великий Кассиан рассуждает превосходно и возвышенно...»

И сей святой в крестьянском календаре — Касьян-немилостивый, что в легендах унижительно сравнивался с Николой Угодником, которого любил и любит русский крещенный люд.

Унижительно используя в природно-хозяйственном календаре имена святых, уничтожая и огрубляя их в легендах, крестьяне тяжело прегрешали, за что и осуждали их православные боголюбцы и богомолы. Не читавшие Святого Писания, Четрых Миней по безграмотности, хотя и слышавшие на божественных литургиях, сельские жители относились к христианским святым с коленопреклонной, молитвенной любовью, но в обыденной жизни, забывая о их душеспасительном промысле, по-своему сближали святых с крестьянской жизнью, обыденной и праздничной. Прости, Господи, как прощаешь чад скудоумных...

Отзвуки былого язычества

«Кошуны и блудословия любят более книг...» К сожалению, иные русские... а тем паче, русскоязычные... высоколобые толкователи народной этики не вникали в потаенный мистицизм обрядовых действий, довольствуясь их внешним описанием, а посему и вольно воображали, ложно выражали народные обряды и обычаи: либо, почти не замечая христианских мотивов, толковали обряды по древнеславянской, давно забытой, языческой символической, либо осуждали религиозные начала в крестьянской обрядности... дикость и темнота... при сем смешивая в богопротивную смесь христианскую веру и языческие суеверия, отдавая предпочтение лишь рациональным, материалистическим началам крестьянского быта.

Будучи сельским уроженцем, полвека с любовью и дивлением изучая крестьянский мир, я не захваливал крестьян, я ведал и силу, и слабость сего сословия. А слабость — веками не изжитые после Крещения Руси суеверия, корнями уходящие в языческую тьму: хотя и не обожествление, но одухотворение матери-сырой земли, неба, природных стихий, мифической *нечистой, неведомой силы*.

К сему языческие обычаи, обряды, что творились и в святые дни, порождали пьяный разгул, плотское буйство, дикое любострастие: вспомним рождественские святки с хмельным колядованием и гаданием, вспомним пьяную и обжорную масленицу, а потом и — блудные вечера в ночь на Ивана Купалу. Грешнее сего, языческие суеверия, бывало, порочно сплетались с христианским календарем... Иоанн Креститель — Иван Купала... что сурово порицалось православным духовенством. Ибо в водопоклонении, огнепоклонении, травоволховании, гадании, что творились в календарные крестьянские праздники, всё богопротивно, всё от *эллинского беснования*.

Святые отцы поучали: «...Если есть (суеверия) у язычников, это нисколько не удивительно. А когда поклоняющиеся кресту, приобщающиеся неизреченных таинств и достигшие мудрости держатся языческих обычаев, это достойно слез. Суеверия — смешное и забавное внушение сатаны, впрочем только не смеху, но и геенне подвергающее обольщающихся». *Святитель Иоанн Златоуст (44: 121, 122)*. «Суеверие в мирских людях сопротивляется вере в Промысл Божий». *Преподоб-*

ный Иоанн Лествичник (57: 193). «Суеверие наступает, когда оскудевает и исчезает вера». Святитель Тихон Задонский (104: 2058).

Повторю ранее молвленное: в народных обрядах пестрым и тугим клубком свивалось христианское и языческое, отчего даже знатоки крестьянского мира терялись в суждениях, смутно чуяли границы богоугодного и богопротивного.

Вспомним *рождественские святки*... Умудренные в мирских книгах толкуют: де, святки древнего славянского происхождения, и бытовали в Древней Руси и до крещения; а праздновались в честь идола Святовита, идолослужение которому совпадало с поворотом солнца с зимы на лето, что сулило победу Святовита над нечистой силой, — *света* над тьмой, лета над зимой.

Живет суждение, что *святки* — души предков, а посему, как и повелось издревле, поминали в этот день на Руси усопших предков кутьей, блинами, оладьями. Кутья, как уже поминалось раньше, — старинное ритуальное, принятое и Православной Церковью, русское блюдо: вареные зерна пшеницы, сухая черемуха, хлебное сусло, заготовленное для рождественского пива. Блин (в древности) — знак солнца, а заодно — и благополучия, богатства и сытости. Оладья — возможно, пошло от словосочетания «О, Лада!», что символически связывалось с именем покровительницы весны Ладой; Лада же на Руси некрещеной, как Лель и Макошь, покровительствовала чадородию жен и плодородию земли.

Крестьяне после Крещения Руси запомнили о Святовите и святках, и осознали, что святки, — святые дни от Рождества Христова и до Крещения Христова; но в святочных обрядах все же слышались отголоски славянской древности, зрелось смешение христианского и языческого, ибо зачинались святки с *христославления*, а завершались *колядованием*. И кого же славили миряне: Коляду или Христа?

По мнению Николая Карамзина, идол Коляда у древних славян, яко древнегреческий Вакх, — покровитель пиршеств, кои по языческой вольности обращались в буйные вакханалии. Дерзаю предположить, что понятие слова Коляда могло быть связано со значением слова ляд — черт; в народе говорят: на кой ляд нужно!.. Подобным образом толкуется у этнографа Александра Афанасьева бранное слово (*б)лядь* — *баба ляда*, то есть чертова баба. А посему *колядование*, чествование Коляды, связано с *лядом*, — бесом окаянным, и, разумеется, в святые дни для православных грешно после христославления еще и колядовать.

Славление Коляды — идолослужение, смертный грех языческого беснования, что осудил Стоглавый Собор (1551): «Мужи, и жены, и дети в домех и по улицам обходя, и по водам глумы творят всякими игры и всякими скомрашты, и песньми сатанинскими, и пляснями, и гусльми, и иными многими видами, и скаредными образованиями, еще же и пьянством. Подобна же сему творят во днеш и в навечерии Рождества Христова, и в навечерии Василия Великого, и в навечерии Богоявления» (глава 92. *Ответ о игрищах еллинскаго бесования*).

Иные суеверные обряды, что шальные детские игры, — и смех, и грех... Скажем, во время святочного христославления, если сельский батюшка заходил в избу, то суеверные домочадцы старались усадить его на лавку, предварительно застеленную холстом или рядом. Сие творилось простодушными крестьянами для того, чтобы плодились куры-наседки и пчелиные рои, которые и покрывают тем куском холста или рядом, на котором сидел священник. Также на Рождество Христово суеверные крестьяне опутывали ноги столу, чтобы скот не бегал, не терялся. А то случалось и такое: перед тем как батюшке-христославу выходить из избы, хозяйка дома незаметно берет его за рясу и молит Бога о сокровенном, и, говорят, сбывается... по вере.

Буйно веселилась молодежь в селах и деревнях, да и в городах, предместьях и посадах, кои в ранешнюю пору мало чем отличались от сел, а православные мужики и бабы, а уж тем паче старики да старухи, сурово осуждали святочные игрища, и особливо, гадания.

А на преподобного Герасима Иорданского (*V* век; *память 17 марта*), в простолоудье прозванного Грачевником, мужики и бабы выживали из дома кикимору: «*Ах ты гой еси, кикимора домовая, выходи из горюнина дома скорее!*» В день памяти равноапостольских царей Константина и Елены (*IV* век; *память 3 мая*), которые у крестьян величались *Константин и Олёна, Леносей Длинные льны*, свершался смешной обряд: бабы совали в мешок с семенами льна печеные яйца, и мужик при посадке старался их подбросить повыше, чтобы вырос высокий лен; либо при посеве льна баба раздевалась донага, чтобы лен, сокрушенно глядя на ее наготу-босоту, подумал, что она бедная, и щедро уродился.

А в Крещенский сочельник, «когда садятся за стол, то старший садится на пороге в разодранном полушубке и шапке и квохчет, чтобы квочки садились хорошо и цыплята были хохлатые и чубатые». (*«Круглый год»*).

Изрядно потешных суеверий было связано с мельниками, про коих шатались слухи: мол, грешат волхованием, и матерый мельник мог с ветряка *запрягчи ветер*, — овладеть ветром и пустить его на крылья мельницы. Чтобы возбудить утихший ветер, мельник забирался на верх мельницы и бросал горстями муку на воздух — *на увей ветер*.

Корневая причина великих трагедий на Руси — неизжитое в русской душе языческое понимание воли, как вседозволенности, что обретала зримо зловещие черты во время праздничных гуляний... Умиляясь, восхищаясь природной красотой, дивным слиянием в праздничных обрядах слова, пения, музыки и танца, христиане угнетались духом, когда зрели и *бесовщину* в старинных праздниках, — безумное *веселье до потери стыда*, когда любители игрищ и забав еще и похвалялись: мол, так на Масленице веселись, так *бесились!*..

Масленая неделя для православных христиан — седмица, когда крещенная душа готовится к очистительному состраданию Иисусу Христу, когда плоть, после мясоеда отказавшись от употребления мяса, вкушая лишь молочное и растительное, готовится к Великому посту, но, к сожалению, у русского простолоудья Масленица — пир на весь мир и безумное веселье. На Масленицу и эдакое творилось: *Выпил пива да тестя в рыло, а приевши пироги, тещу в кулаки*.

Народовед Михаил Забылин приводит слова иностранного писателя, который, будучи очевидцем, так описывает Масленицу XVII века: «Масленица потому так названа, что русским в течение этой недели позволено вкушать коровье масло, ибо они во время поста вместо коровьего употребляют конопляное в кушанье. Масленица начинается за восемь дней до Великого поста. В то самое время, когда бы всякий с сердечным раскаянием должен был приготовляться к созерцанию страданий Христовых, в то время сии заблудшие люди предают душу дьяволу. Во всю Масленицу день и ночь продолжаются обжорство, пьянство, разврат, игра и убийство (вероятно, кулачные бои), так что ужасно слышать о том всякому христианину. В то время пекут пирожки, калачи и тому подобное в масле и на яйцах. Зазывают к себе гостей и упиваются медом, вином и водкою до упаду и бесчувственности. Все время ничего больше не слышно, как того-то убили, того-то бросили в воду. В бытность мою у русских на этой неделе убитых нашлось более ста человек. Нынешний патриарх (описание Масленицы принадлежало к 1698 году) давно уж хотел уничтожить этот бесовский праздник, но не успел». (*М. Забылин.*)

Очевидно, некий иностранный писатель, заурядный, хладнокровный католик, чуждый русскому творческому духу, вычернил старинное гуляние, словно ворота дегтем... в масляной неделе изрядно и красивых природных обрядов... но все же нет дыма без огня, — и в песенной, разгульной Масленице, как и в иных народных праздниках, выразилась русская душа, гораздая на божественные взлеты и оглушительные падения. А «масленица — любимый праздник у крестьян, когда вся православная Русь, от мала до велика, веселится до упаду, и когда широкая русская натура любит развернуться вовсю». (С. Максимов.)

С языческим буйством, плещущим через край, словно яро забродившая хмельная брага, с той же губительной лихостью и свирепой похотью поселяне справляли *Иванов день*, а вернее Иванову ночь, в плотском помрачении забывая, что в сей день крещенные не истукану Купале честь воздают, но славят Рождество Пророка Предтечи и Крестителя Господня Иоанна. Помянем исповедално, как на духу: увы, до нынешних лет в русском простолюдьи выжили поминаемые выше обряды водопоклонения, травоволхования, огнепоклонения на Иванов день, что шло от эллинского беснования и было противно православному человеку.

О малорусских обрядах на Ивана Купалу осудительно писал в «Синописе» Иннокентий (Гизель), архимандрит Киево-Печерской лавры, ректор Киево-Братской коллегии: «Пятый идол Купало, его же бога плодов земных быти мняху, и ему прелестию бесовскою омрачений благодарения и жертвы в начале жнив приношаху. Того же Купало бога, истинны беса, и доселе по неким странам российским еще память держится; наипаче же в навечерии Рождества св. Иоанна Крестителя, собравшися ввечеру юноши мужеска, девическа и женска пола соплетают себе венцы от зелия некоего и возлагают на главу и опоясуются ими. Еще на том бесовском игралище кладут и огонь, и окрест его емшися за руце нечестиво ходят и скачут и песни поют, скверного Купала часто повторяюще и чрез огонь прескачуще, самих себя тому же бесу Купале в жертву приносят». (Киев, 1674):

О беснованиях крестьян в Иванов день с праведным гневом, болью сердечной и жалостью к падшим писал в XIV веке игумен Памфил в послании псковскому наместнику:

«Егда приходит великий праздник день Рождества Предтечева, исходят огньницы, мужие и жены чаровицы по лугам, и по болотам, и в пустыни, и в дубровы, ищущи смертныя отравы и приветрочрева, от травного зелия на пагубу человеком и скотом; тут же и дивы и корения копают на потворение мужем своим. Сия вся творят действием диаволим в день Предтечев с приговоры сатанинскими. Егда бо придет самый праздник Рождество Предтечево, тогда во святую ту ночь мало не весь град возмятется, и в селах возбесятся в бубны, и в сопели, и гудением струнным и всякими неподобными играми сатанинскими, плесканием и плясанием, женам же и девкам и главами киванием и устнами их неприязнен кличь, вся скверныя бесовские песни, и хребтом их вихляния и ногами их скакание и топтание; что же бысть во градах и в селех».

Языческие мотивы равно вплелись в обычаи, обряды Рождественской Святой седмицы и Пасхальной Светлой седмицы... Во вторник после Пасхи Христовой свершался обряд купалище: прямо в избе и даже в постели обливают водой тех, кто проспал заутреню. Обряд *омовения* — *купалище* — выжило из древнерусских языческих времен, как заклинание царицы-воды на плодородие матери-сырой-земли, на чадородие жен, на омоложение старых.

Духовные и светские власти пытались запретить обряды, калечащие православного человека не токмо духовно, но даже и телесно. Сурово воспрещался об-

ряд обливания водой на Иванов день и на Святой седмице. Иван Сахаров по сему поводу пишет: «Во вторник Святой недели утром народ исправляет купалище. Молодые и старики обливают водой всех тех, которые просыпают заутреню. В указе правительственного Синода 1721 г., апреля 17, находим строгое запрещение сего обычая: «В Российском государстве как в городах, так и в селех происходит от невежд некоторое непотребство, а именно, во всю Светлую седмицу Пасхи, ежели кто не бывает у утрени, такового, аки бы штрафуя, обливают водою и в реках и прудах купают; и хотя простой народ делает себе будто за забаву праздничную, однако от той суетной забавы делается не токмо здравую, но и животу человеческому тщета; ибо оным от невежд купанием в глубинах иногда людей потопляют, или разбивают, а сонных и хмельных внезапно обливанием ума лишают».

Смешение в народных обрядах христианского и языческого творилось и на *Радунцу*, когда, хмельно поминая усопших предков, от слез и воплей вдруг переходили к демонскому беснованию: к ярму веселью с песнями и плясками. Недаром в Стоглаве — свод церковно-православных уложений — осудительно нарекалось о родительских днях: «В троицкую субботу по селам и погостам сходятся мужи и жены на жальниках и плачутся на гробах с великим кричанием, и егда учнут скоморохи в гудцы и трегудцы играти, они же от плача преставши, начнут скакати и плясати и в ладони бити и песни сотонинские пета, а на тех же жальниках обманщики и мошенники».

Скакания, плясания, дланями плясканья на гробах — во утеху бесу, но богопротивны и вопли о покойнике, ибо крещенный, крепкий в вере, ведал, что покойник, если каялся во грехах, а тем паче, жил благочестиво, обрел вечное блаженство. Усопший христианин ждет не стенаний, а молитв о его душе грешной, дабы облегчить его адские страдания, а может, и вымолить душу из преисподней.

Откровенным братанием, стовором с нечистой силой были языческие обряды и на *седьмой неделе по Пасхе*, называемой *семицкая*, *русальская*, и začínалось беснование от Семика или Ярилина дня и завершалось на Рождество Иоанна Предтечи (*Иванов день*, *Иван Купала*). И обряды сии творились даже *в согласии и совместно с ведьмами*. Академик Борис Рыбаков говорил: «Русалии в древней Руси были кульминационной точкой народных языческих празднеств. (...) По повериям, на древних ритуальных городищах вроде Лысой горы под Киевом русалии справляли слетавшиеся сюда ведьмы». А начиналась русальская неделя с чествования идола Ярилы, о чем поминает Иван Сахаров: «Известные наши старинари, М.Н. Макаров и И.М. Снегирев, об ярилинских игрищах выводили свои заключения. Г. Макаров говорит: «**Ярило**, кажется, был **древний праздник наших вакханалий, буйств, пьянства, великого разврата...** (Выделено мной. — А.Б.) Суздальский летописец в числе своих идолов его же называет Яруном» (*Предания, к. I, стр. 45*). (...) В 1771 году преосвященный Тихон I уничтожил это игрище. Слово, произнесенное им для уничтожения сего обряда, увековечило память святителя».

В книге «Золотая цепь» (*XV век*) сурово осуждались *русалии* — языческие обряды на Семик: «Се же суть злая и скверная дела: плясанье, сопели, гусли, пискове, игранья неподобные, русалия. (...) Егда играют русалия, ли скомороси... или како сборище идольских игр — ты же в (тот) час пребуди дома. (...) Сопели и гусли, песни неприязньски, плясания, плескания — собирают около себя студные бесы. Проклят всяк, иже кто оставит Церковь Божию и последует русалиям. (...) Мнози неуглас на игры паче текут, неж в церкви; кошуны и блудословия любят более книг».

Против *бесовских кобей* ...так говаривали в старину... то бишь, против обожествления природы, чернокнижного травоволхования, огневолхования, водоволхования, суеверных обычаев, обрядов, против плотского, языческого буйства в праздники, восставали благочестивые христиане, карались беснования церковной и царской властью. Свидетельством сему челобитные и поучения святых отцов, помянутые выше, а также и средневековые нравоучительные повести.

В рукописном Паисиевом сборнике XV века звучит откровенная скорбь по поводу того, что простолюдые русское, хотя и крещенное, облаченное во Христа, вяло заботясь о спасении души для вечной жизни, столь охотно предается пагубным, бесовским потехам и утехам: «Слабо живут, не слушая божественных словес; но если плясцы или гудци или какой иной игрец позовет на игрище или на какое сборище идольское, то все туда идут с радостью — а во веки мучимы будут — и весь тот день проводят на позорищах. А идти в церковь и чешемся, протягаемся, дремлем и говорим: то дождь, то студено или иное что, и все то кажется нам препятствием. А на позорищах нет ни покрова, ни затишья, и ветер шумит и въялица, но все сносим, радуясь, и позоры делаем на пагубу душам. А в церкви и покров и заветрие дивное, а не хотят идти на поучение, ленятся».

Трезвенные крестьяне испокон веку, высмеивая пьянство и зюзю подзаборного, говаривали:

Нонесь гуляшки да лонясь гуляшки — пойдешь без рубашки.

Тишь, поди рыбу ловить! Да брюхо болить. Тишь, пойдём водку пить. Бабёнка, подай шубенку.

Хоть церковь и близко, да ходить склизко; а кабак далеко, но идти легко.

Благоверный князь Владимир возгласил: «На Руси есть веселие быти, не может без него быти», но святой апостол Павел в «Послании к ефесянам» поучал христиан: «И не упивайтесь вином, от которого бывает распутство; но исполняйтесь Духом», (Еф.5:18)

Церковные, как и народные, порицания праведны, и благодаря многовековому сражению Православия с темными суевериями, языческие беснования стали уходить из народных праздников; а если и случались, то сопровождалась слезным покаяньем, ибо разум и душа русского крестьянина обрели Христа Спасителя.

* * *

Народно-обрядовое уничтожение язычества... Плечом к плечу с православным духовенством, царской властью и миряне сражались с *бесовскими кобями* — языческими отзвуками в народных обрядах, что выразилось в сознательных или бессознательных насмешках над язычеством. Скажем, в средневековой Руси чествование Костромы было обрядово созвучно с гуляниями в честь солнечного Ярилы — *божества яррой вегетативной силы*, не даром в некоторых этнографических источниках праздник или обряд величались: Ярило Кострома — вроде, имя и фамилия древнерусского идола. И если в языческой древности то были обряды в честь человека, солнца и неба, в честь природы, растительной и животной, что летом наливались плодоносящей силой, то спустя века после Святого Крещения обряд сей обратился в ернические похороны Костромы (*Ярилы Костромы*).

Былой обряд *языческого идолопоклонничества* в сатирическом, фарсовом виде выглядел так: девицу Кострому клали на доску или лавку; другие девицы смехом оплакивали ее — выли, голосили, причитали; но вдруг похоронная причеть всплескивалась лихим хороводом с песнями и плясками. Хотя чаще, парни

и девки выносили уродливую соломенную куклу Кострому, обряженную в рваное платье, либо соломенное чучело, перетянутое веревками, и с ерническими воплями, с кривлянием, вихлянием волокли на берег реки. Здесь красны девицы и добры молодцы делились на две ватаги: одна, окружив Ярилу Кострому, неистово и потешно кланялась чучелу, другая сторона нападала внезапно на первую для похищения Костромы. Обе стороны вступали в борьбу. Как скоро захватывали чучело, то тотчас срывали с него платье, перевязи, солому топтали ногами и бросали в воду со смехом. Первая сторона с отчаяния производила заунывный вой, другие закрывались руками, как бы оплакивая погибель Костромы. (...) Описатель сего обряда (*Северн. Пчела, 1842, № 267*) полагает, что сей обряд сохранился от древности, со времен Владимира, когда русская земля была крещена, что муромцы погребением Костромы выражали Перуна, утопленного в Днепре, в насмешку киевским язычникам, и что похоронная песня Костромы оканчивалась припевом: «Выдыбай, Боже»¹⁹...». (*И. Сахаров.*)

Подобное вытворяли крестьяне и с древнерусским идолом Купалой на Рождество Иоанна Предтечи: «Накануне Иванова дня делают из соломы идола Купала (...). Тогда же срубают дерево (...). Дерево это называется Мареной; под ним ставят наряженную куклу (Куполу) (...) На другой день куклу и Марену приносят к реке, срывают с них украшения и бросают ту и другую в воду...» (*А. Афанасьев*)

Уничижали крестьяне языческих идолов, когда в святочных обрядах потешались над Колядой, когда сжигали чучело Масленицы в масляную седмицу. Впрочем, увы, не повсеместно в помянутых выше обрядах откровенно звучал смысл избавления от языческих суеверий в народном сознании; иногда сии обряды связывались у крестьян-земледельцев, скотоводов с переменаами в солнечном календаре, от которых зависели и полеводство и животноводство.

* * *

Заигрывания с нечистой силой... Русское простолюдьё, аки чадо малое, любило поиграть, а посему языческие обряды обратились в затейливые, по-детски веселые, природные игры; но если в прошлом веке уже напрочь забылись мистические смыслы обрядов, связанных с Колядой, Ярилой, Костромой, то выжили бесчисленные языческие суеверия, когда грешники откровенно заигрывали с нечистой силой.

Вероятно, легенды о домовых, леших, водяных и прочей нежити народились в дремучем язычестве, но после святого крещения русичи вообразили их бесами, кои могут в разной среде принимать разнообразные виды. Крестьяне о сем так рассуждали: «Когда Господь Бог при сотворении мира сбросил на землю всю непокорную и злую небесную силу, которая, возгордясь, и подняла мятеж против своего Создателя, на людские жилища тоже попадали нечистые духи» (*С. Максимов*). Духи, упавшие в избы и подворья, были прозваны крестьянами: доможилы, банники, гуменники, дворовые, хозяйнушки; а нечисть, что пала в леса, стала прозываться лешими, лешаками; в реках и озерах завелись водяные, в полях — полевые, в болотах — кикиморы.

Иное народное представление о происхождении мифической нежити привел Михаил Забылин в книге «Сказания русского народа»: **«Происхождение домовых»** (записано в *Воронежской губернии*). Бог при столпотворении Вавилонском

¹⁹«Выплывай, Боже...»

наказал народ, дерзнувший проникнуть в тайну Его величия, смешением языков; а главным из них, лишив образа и подобия своего, определил на вечные времена сторожить воды, леса и горы и пр. Кто в момент наказания находился в доме, сделался домовым, в горах — горным духом, в лесу — лесовиком. Поверие прибавляет, что несмотря на силу греха, раскаяние может обратить их в первобытное состояние, поэтому народ видит в этих бестелесных существах падших людей и придает им человеческие формы и свойства».

Крестьяне обычно открещивались от нечистой силы крестом и молитвой, а иные суеверы ублажали нежить. Скажем, в день памяти преподобного Никиты Исповедника (824; *память 16 апреля*), художники рыбаки задабривали водяного, который якобы просыпался от зимней спячки и начинал шалить — колоть лед, волновать воду, гонять рыбёху. Рыбаки ради ублажения угощали водяного: лили в воду масло, потчевали табачком и даже жертвовали негодную старую лошадь, которую перед тем откармливали жмыхом конопляным, а то и хлебом.

Но большего заигрывания с нежитью, чем игры с домовым, и вообразить трудно; иные суеверы любили домовых, словно кошек и собак, и звали их ласково: *домовушечко, доможил, доброхот, хозяин, хозяйнушко, дедушко, кормилец, жировик, лизун, карнаухий*. В иных крестьянских семьях сего доможила даже кормили наравне с прочими домочадцами.

Если домовуха шибко расшутился, суеверные крестьяне с любовным приветом потчуют его пирогами или творят кудесы. «Поселяне наши для смирения домового после ужина оставляют на загнетке горшок каши, обкладывая его вокруг горячими угольями. Будто ровно в полночь домовый выходит из-под печки и ужинает. С той поры он целый год бывает смирен и услужлив» (*И. Сахаров*). А для сотворения кудес, чтобы унять доможила, иные суеверы, соблазненные нечестивцами, приглашали колдуна.

«Колдуны и знахари, обольщающие поселян, уверили простодушных, что домового можно унять кудесами; а чтобы его всегда держать в смирении, то нужно ставить на ночь гостинцы. Поселяне, для смирения домового, после ужина оставляют на загнетке горшок каши, обкладывая его вокруг горячими угольями». (*И. Сахаров*)

В крестьянских повериях о нежити усадебной крылось изрядно грешного, но и смешного: скажем, суеверы думали, что дворовый хозяйнушко ежедневно пересчитывает домашний скот и птицу, и если замечает убыль, то шибко сердится, бушует, отчего волнуется в стойлах дворовая животины и куры с кудахтаньем мечутся по насестам. А посему, когда резали куриц на суп с лапшой, то головы оставляли в курятнике, привязав их к насесту. Дворовый пересчитывает кур по головам и не замечит убыли. Так же обводили дворового вокруг пальца, когда крепили на частоколах и тынах скотские черепа; впрочем, конскими черепами суеверы еще и отпугивали внешнюю нежить.

Выше говорилось об уничтожении в крестьянском месяцеслове неких святых, и в сей главе вспомним, что подвергся уничтожению и преподобный Ефрем Сирин (ок. 373-379; *память 10 февраля*), — знаменитый богослов и великий учитель покаяния, которого крестьяне прозвали *запечник, прибаутник, сверчковый заступник*, и в день его святой памяти ублажали домовых бесов. Также подвергся крестьянскому уничтожению и святой мученик Агафоник (ок. 305-311; *память 4 сентября*), коего крестьяне обозвали Агафон-огуменник, и по их грешному воображению в сей день леший выходит из тайги на поля и гумны *потешиться соломокой*: раскидывает снопы, перебрасывает их с гумна на гумно или развязывает снопы. Мужики ночью стерегут снопы от потехи лешего. Иван Сахаров описывает, с

какой детской простотой, что иногда хуже воровства, вершили мужики потешный обряд: «Поселяне, собираясь в ночную, надевают тулуп навыворот, голову обвязывают полотенцем, для обороны берут кочергу. Приходя на гумно, они кочергой обводят круг и садятся в него. (...) Леший тогда не смеет подойти к полю и гумну».

Случалось, в дни, когда бушует, лютует нечистая сила, крестьяне обращались к сельским попам, и те по доброте являлись на подмогу. В мифологических сказках, подготовленных фольклористом Валерием Зиновьевым, приводится случай, когда от лешего оборонял усадьбу сельский батюшка. «...Старуха к попу. Тот давай молебен служить, икону подымать. Потом сделал святу воду и избу ту окропил».

Вот так же, бывало, поселяне звали священника в Иванов день; и приходилось батюшке в день святого Иоанна Предтечи читать молитвы у каждого столба в крестьянском подворье, где, решили хозяева, шалют дворовые, домовые, банники, гуменники, — порождение языческих суеверий.

Крестьяне верили, что нежить ярится перед великими православными торжествами, а посему от волхвиток, колдунов, ведьм спасались крестами-оберегами, кои малевали смолой, углем или мелом на окнах и дверях изб, амбаров, бань, скотских стаек. При сем творили православные молитвы, шептали *Боговы слова*, отчего и трудно было усмотреть в сих обычаях грань между истинной Христовой верой и древними суевериями.

По крестьянским поверьям в ночь на Великий четверг шалит нечистая сила, от которой спасались опять же крестами, какие чертили свечой, негасимо доставленной из церкви, при сем читали молитвы. Но хозяевам казалось, что молитвы и крестов мало для одоления нежити, а посему вершили и потешные обряды...

«...Девушка до солнца садилась на помело, распускала волосы и в одной рубахе, без пояса, объезжала дом с постройками. Подъехав к окну, обращалась к матери: «Тетка Анна, скотина дома?» — «Дома!» Благословляла. И так три раза. Это чтобы скотина была здорова и от дому не отказывалась». (*Записано в Костромской обл.*)

«В глухой новгородчине это гадание обставляется несколько иначе: бабы открявают печную трубу и, набравши в подол овса, взбираются на крышу и кричат в трубу: «Коровы-то дома?» Кто-нибудь из семейных подает им из избы успокоительный ответ, и бабы уговаривают: «Так-то вот, коровушки, в лесу не спите, домой ходите». Затем, уйдя во двор, скармливают овёс скотине» (*С. Максимов*).

«...Если в избе развелось много тараканов, то баба берет помело и клюку между ног и в одной рубахе объезжает три раза свой дом, приговаривая: «Гребу и мету лишних тараканов и посылаю их за богатством» (*Записано в Вологодской губ. во второй половине XIX века*).

«...На кочергу садится хозяин и объезжает трижды вокруг избы и поля. При этом он говорит: «Крот, крот, не ходи в мой огород, в день чистого четверга тебе в ... кочерга!» (*Записано в Калининской обл.*)

— «...Ходят в лес кричать, для того чтобы не было хищных зверей. Кричат: «Волки, медведи — из слуха вон! Зайцы, лисы — к нам в огород!» При этом стучат в сковороды, звонят в коровьи колокольчики и тому подобное». (*Записано в Вологодской губ. во второй половине XIX века*).

Суеверные крестьяне даже сор не метут на двор или на улицу, а мечут в печь, когда затопят ее, потому что по сору, как по следу, знахарь (колдун) может наслать порчу.

Ворожба и колдовство — продажа души дьяволу... Толкуя о крестьянских обрядах и обычаях, грех забывать о великом богохульстве, когда в святочные, крещенские, ивановские, покровские церковные обряды, яко зловещий отзвук язычества, вплетались *гадания*. Бесам жряху... Для православных — на всё воля Божия, и нельзя гадать о своей судьбе, а уж тем паче, у самого беса визнавать, — ведь, случалось, что гадали, снимая нательный крестик, чтобы не спугнуть анчутку беспятого.

Известный сибирский фольклорист Валерий Зиновьев вкупе со студентами собрал по Прибайкалью столь быличек и бывальщин, связанных с гаданием, что собрался толстый том, изданный по советским временам сказочным тиражом. И в сем сборнике изрядно сказов о ворожбе и гадании...

Бродит молва, что слово и понятие *гадание* восходит к древнееврейской идолице счастья *Гаде*; но прочие народоведы полагали, что слово *гадать* родилось от санскритского *Гад* — исследователь или от слова *Гадам* — испытывать. Не случайно и ползучую тварь змею, мудрую и коварную, смертельно опасную, прозвали *гадом*.

Гадали на вещах; гадали при помощи оклички прохожих и подслушивания; гадали на курицах, лошадях; гадали у ворот и при помощи брошенного башмака; гадали на перекрестках дорог, в овинах; при помощи лучин, зеркала, ключа, священной книги, коровьей шерсти и тому подобное. При гадании, именуемом «окличка прохожих и проезжих», в иных деревнях окликали с блином на голове, в чем, опять же, видимо, бессознательно выразилась древняя символика, поскольку блин — символ солнца, благополучия. (*Подробно у М. Забылина в книге «Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия»*).

Деревенская молодежь, лишь четыре зимних месяца знающая продых от крестьянских земляных трудов, веселилась на посиделках, вечерках, на игрищах, где шло сватовство, игрались свадьбы. Девки, верующие во Христа, но по немочи впадающие в языческие суеверия, увы, грешили, тешили беса: ворожили, гадали на жениха в бане, на росстани дорог, в овинах, в чистом поле, у ночных прорубей, а также говаривали в печную трубу присухи: *Суженый-ряженный, приди ко мне наряженный, ночь ночевать, волосы причесать, по мостику гулять*.

При гадании на жениха «курицу или петуха пускают в середине круга, составленного из колец и перстней, принадлежащих разным девушкам. Чье кольцо, перстень или серьгу клюнет птица, та выйдет замуж в течение года. Но выйти замуж вообще не трудно, каково быть замужем? — задается вопросом каждая девица. В этом случае девушка-гадательница применяет (...) воду, уголь, хлеб и кольца. Затем пускает курицу. Если курица или петух станет пить воду, то муж будет пьяница. Если будет есть хлеб, то муж будет достаточный, когда же примется за уголь, то муж будет бедняк, или, как говорится, прогорит; золотое кольцо — богач, серебряное — достаточный, медное — скудный по труду, иногда волокита. В Сибири (...) впускают на середину комнаты курицу с петухом, пускают по полу и замечают: если петух гордо расхаживает и щиплет курицу, то муж будет сердитый; но если курица будет храбриться, то это знак того, что жена будет одерживать верх над мужем». (*М. Забылин*).

Молили и гадали о женихах и невестах на святого Андрея Первозванного и мученицу Екатерину; готовились к большим святочным гаданиям. Особо, как выше речено, грешили ворожбой девицы, потом слезно раскаиваясь на церковных исповедях, истово замаливая грех.

На святого Андрея Первозванного — веселый сельский праздник; девки и парни, помолвившись святому Андрею, надеются во сне увидеть жениха или невесту; ложась спать, парень кладет в головы что-то из наряда своей зазнобушки ... поясок ли, пуговку... с приговоркой: «Андреюшко, батюшко! Покажи невесту!» Так же просят и девицы жениха...

Часто случалось, что девичьи гадания деревенские парни поднимали на смех и всячески подшучивали над гадальщицами. «Один раз стали наши девки гадать, пошли в овчарух, обвязали овечек поясами, да и ушли в хату. А ребята поразвязали овец, наловили собак, обвязали их поясами, да и пустили в овчарух. Пришли наутро девки — глядь, а вместо овец собаки... И что же вы думаете — закончила рассказчица свое повествование — повышли те девки замуж, и у всех до единой собачья жизнь была» (С. Максимов).

В исторической повести «Не родит сокола сова» (Москва, Вече, 2011, 2018) я описал деревенские гадания...

«...С ворожкой в деревне беда: гадала накануне Рождества Христова Малаша, нынешняя молодуха Краснобаевых, кинула сапог через ворота ...не подвернулся под руку легонький чирок... и тем сапогом прямо в будущего тестя Калистрата Краснобаева и угодила. Долго потом отец Малашин винился перед Калистратом, а через год ...неисповедимы пути... породнились. А то был случай: пошли девки овцам в темноте ленточки вязать ...на Крещение Господне ворожили... а парни, напялив вывернутые шубы, среди овец затаились. Шалый паренек и притиснул девку, когда сунулась ленточку вязать, та с перепуга заревела лихоматом, потом едва отвадились, к старцу в монастырь возили, чтобы изгнал из души испуг. Вот и нынче... Сняли девки кресты, развязали пояса и, не благословясь, помянув немытика, потянулись впотьмах к бане, где, приотворив дверь и поочередно сунув в проем голый срам, испуганно шептали: «Суженый-ряженный, погладь меня...» Ждали: ежели мохнатой лапой баннушко огладит — фартовый выпадет жених, зажиточный; голой ладонью — голь перекатная; совсем не тронет — до Покрова в девках страдать. Фисиных подружек луканька банный огладил ласково, мохнато, а фискин срам так тиснул голой клешней, что та аж взвизгнула от боли... после чего в банной темени парни заржали, что жеребцы нелегчанные. Порадовали девки беса, сомустившего художников на богопротивное... судьба лишь в руке Божией... а заодно и потешили охальников...».

Русская церковная и царская власть испокон православного века сурово и праведно порицала гадания, ибо в гаданиях вершилось дело богопротивное — бесовские коби, поскольку великий грех загадывать о своей судьбе — на все воля Божия! — тем паче, вверяя свое будущее прорицателям от врага рода человеческого, то бишь демона; гадания не случайно творились без креста, без пояса и не благославясь, помянув немытика (такое гадание у гадальщиков и считалось самым верным). И не следует путать гадания с пророчествами христианских святых и всех, кого коснулась благодать Божия.

Безбожно согрешая, гадали и на великие православные праздники, кощунствуя, гадали о женихах, невестах и в дни памяти христианских святых, что приняли мученические венцы от языческих гадальщиков: скажем, в дни памяти святого Андрея Первозванного, мученицы Екатерины, мученика Агафоника и прочих, убиенных кровавыми идоласлужителями.

Православная молодежь, конечно, сознавала греховность колядования, гадания, но не могла удержаться от искушения, ставя земное благо — замужество,

женитьбу, — выше Небесного. Но уж на Крещение Господне (на Водокреши) с раскаянием, со слезной Христовой молитвой смывали грехи святой водой. Толпами входили в дымящийся крест, вырубленный в отмелях ледяной реки, и, смертно страшась Божьего наказания за святочные грехи, в слезах и молитвах покаявшись, окунались с головой. И верили, что выдержат крещенский зарок на всю оставшуюся жизнь...

* * *

Прямой сговор с дьяволом — чернокнижье, куда входят *кудесничество, чародейство, знахарство, ворожба*; и согласие с дьяволом выражается в том, что смерд, посвятивший себя чернокнижью, давал перед тем устное, а то и письменное, своей кровью, согласие об отречении от Бога и продаже дьяволу своей души. А художники крестьяне, что при горестях бежали не в храм Божий, а к чернокнижнику, брали на душу смертный грех, поскольку негласно отрекались от Бога и вверяли душу князю тьмы и смерти. Тяжкий грех — вера в слепую судьбу, ибо на всё воля Божия: «В руку Твою, Господи, жребии мои» (*Пс.30:16*)

Иван Сахаров, широко и основательно изучивший русское чернокнижье, писал: «Словесные предания русского народа говорят, что люди, посвятившие себя тайным сказаниям чернокнижников, отрекались от Бога, родных и добра. (...) В старину олицетворителей тайных сказаний оглашали разными названиями. Одних величали: кудесниками, чародеями, ведунами, колдунами; других называли: волхвами, ворожеями, знахарями, доками. Но все эти люди известны были под общим именем чернокнижников».

Если, как уже поминалось, из обыденных и праздничных обрядов русского простолудья ушло мистическое поклонение древним идолам — *Роду, Макоши, Дажьбогу, Перуну, Ладе, Леле...* — то суеверия, связанные с чернокнижьем, выжили и до нынешних времен. Фольклористы и этнографы записали тома мифологических сказов от крестьян, кои, тяжко согрешая, якшались с чернокнижьем — *кудесничеством, чародейством, знахарством, ворожбой*.

В сохранившемся народном предании времён русского царя Ивана Грозного читаем: «Когда царём в Москве был Иоанн Васильевич Грозный, то на русской земле расплодилось всякой нечисти и безбожия многое множество. Долго горевал благочестивый Царь о гибели народа христианского и задумал, наконец, извести нечистых людей на этом свете, чтобы меньше было зла, уничтожить колдунов и ведьм. Разослал он гонцов по царству с грамотами, чтобы не таили православные и выслали спешно к Москве, где есть ведьмы и переметчицы, по этому царскому наказу навезли со всех сторон старых баб и рассадили их по крепостям со строгим караулом, чтобы не ушли. Тогда Царь отдал приказ, чтобы всех привели на площадь. Собрались они в большом числе, стали в кучку, друг на дружку переглядываются и улыбаются. Вышел сам Царь на площадь и велел обложить всех ведьм соломой. Когда навезли соломы и обложили кругом, он приказал запалить со всех сторон, чтобы уничтожить всякое колдовство на Руси на своих глазах. Охватило пламя ведьм, и они подняли визг, крик и мяуканье. Поднялся густой чёрный столб дыма, и полетели из него сороки одна за другою — видимо-невидимо... Значит все ведьмы-переметчицы обернулись в сорок и улетели и обманули Царя в глаза. Разгневался тогда Грозный Царь и послал им вслед проклятие: «Чтоб вам, — говорит, — отныне и довеку оставаться сороками». Так все они теперь и лета-

ют сороками, питаются мясом и сырыми яйцами. До сих пор они боятся царского проклятия пуще острого ножа. Поэтому ни одна сорока не долетает до Москвы ближе 60 вёрст в округе».

Эх, ныне воцарился бы на Руси правоверный царь Иван Грозный да покарал бы исчадь ада — колдунов, чародеев, прохиндеев-знахарей, ворожей, экстрасенсов, чревовещателей, ложных прорицателей, заполнивших Русь, вещающих обывателям с «голубого экрана», с клубных подмостков, театральных сцен. О сих уловителях и губителях душ рече святитель Иоанн Златоуст: «Как торговцы невольниками, предлагая малым детям пирожки, сладкие фрукты и тому подобное, часто уловляют их такими приманками и лишают свободы и даже самой жизни, так точно и чародеи, обещая вылечить болезнь, лишают человека спасения души». *Святитель Иоанн Златоуст (46: 576)*.

Старинные русские гадания украшались цветистой речью, а нынешние суеверы тупо трут нос бронзовому коту, рога — железной корове, а в далекой итальянской Вероне — бронзовую грудь Джульетты, дабы пособила в сердечных делах; а веронцы гадают, что бы терли бродяги у Ромео, если бы статуя самоубийцы красовалась рядом с его возлюбленной.

«Не любопытствуй о будущем, но с пользой располагай настоящим. Ибо какая тебе выгода предвосхитить веление? Если будущее принесет тебе нечто доброе, то оно придет, хотя ты и не знал заранее. А если оно скорбно, зачем до срока томиться скорбью? Хочешь ли удостовериться в будущем? Исполни предписанное Евангельским Законом и ожидай наслаждения благами». (*Святитель Василий Великий (5:259)*).

Завершая главу, вновь напомню, что в прошлом веке народные праздники и крестьянские обряды вершились без религиозной языческой мистики; да и сами обряды выжили до нынешнего века от извечного крестьянского природолюбия, от консервативной традиционности, от пристрастия к милой русской старине и природным играм-увеселениям. А уж былым истуканам, болванам, идолам Роду, Макоши, Ладе, Леле, Перуну, Дажьбогу, Сварогу, Купале, Яриле, Велесу давным-давно никто не верит и не поклоняется, а всякое *новое язычество* — извечное духовное шатание и шараханье безбожной интеллигенции, искажающей народные воззрения, вовлекающей язычество в псевдонародные мистические учения.

Уже в позапрошлом веке знаменитый писатель-этнограф Иван Сахаров скорбел по сему поводу: «Затейливые наши старинари всячески стараются увеличивать нашу мифологию своими вымышленными мечтами. Отсюда происходят все выдумки, отсюда появилось и погребение Лады. Мало того, что смешивают без всякого основания мифологию с демонологией, символику с простыми обычаями, они еще под видом ученых исследований прибегают к небывалым открытиям и наводят на наших предков позорную тень многобожия».

* * *

Приметы верные и суеверные... Из углубленного постижения природы крестьяне выработали безчисленные приметы — мудрые, узорно выраженные в половицах и поговорках. О приметах в народе говорили:

Старики примечали и нам верить наказали: без примет ходу нет; кто не верит примете, нет тому житья на свете;

Как примета скажет, так и жито в закром ляжет;

Заприметишь, и сам сыт будешь, и внуки-правнуки по миру не пойдут.

Приметы, случалось, имели попутный иносказательный смысл, и таким образом мудрость природной жизни умудряла и человеческую обыденную жизнь. Старинари выделяли приметы верные, исходящие из многовековых наблюдений за Вселенной, и приметы суеверные, ветхие и новоявленные.

Александр Афанасьев, собравший тома русских народных сказок, великий знаток древнеславянской и древнерусской мифологии, писал о приметах: «...Приметы распадаются на два разряда: а) во-первых, приметы, выведенные из действительных наблюдений. По самому характеру первоначального быта, пастушеско-земледельческого, человек всецело отдавался матери-природе, от которой зависело все его благосостояние, все средства его жизни. Понятно, с каким усиленным вниманием должен был он следить за ее разнообразными явлениями (...). Результаты своих наблюдений, своей впечатлительности выразил в тех кратких изречениях, которые так незаметно переходят в пословицы и так легко удерживаются памятью. (...) Приведем несколько примеров: *если в то время, когда пахут землю, поднимается пыль и садится на плечи пахаря, то надо ожидать урожайного года*, т. е. земля рыхла и зерну будет привольно в мягком ложе. (...) *Луна бледна к дождю, светла — к хорошей погоде, красновата — к ветру* (...). б) Но, сверх того, есть множество примет суеверных, в основании которых лежит не опыт, а мифическое представление, так как в глазах язычника, под влиянием старинных метафорических выражений, все получает особый, сокровенный смысл. Древнейшее язычество состояло в обожествлении природы, и первые познания о ней человека были вместе с его религией».

Далее Александр Афанасьев приводит избранные суеверные приметы, коих тьма-тьмуца:

Не к добру, коли встал с левой ноги, встретил бабу с пустыми ведрами, коли невеста перед свадьбой, когда моется в бане, бьет головешки кочергой;

Темные святки — молочные коровы; светлые — ноские куры;

На святого Малахия хлев метелками обмахивай (против нечистой силы); Звезды яркие — народятся белы яркие (овцы);

Вихрь — ведьмы с ведьмаками свадьбу справляют; Если черт свадьбу справляет (вихрь), надо бросить в вихрь нож — увидишь кровь и беды избежишь;

Конский череп чертей отгоняет;

Кто на Грачевника в новые лапти обуется, у того весь день будет шея скрипеть...

На Рождество Христово баба на сносях лапти плетет — родится кривой, шьет — родится слепой...

В списках XVI и XVII веков известно поучение «О книгах истинных и ложных», где перечислялись и осуждались многочисленные суеверные приметы, от коих наш народ и по сей день не избавился: «Сонник, волховик — волхвующе птицами и зверьми, еже есть се: стенотреск, ухозвон, вранограй, куроцит (т. е. крик воронов и пение петухов), окомиг, огонь бучит, пес выет, мышеписк, мышь порты изгрызет, жаба вокочет (воркочет), квогчет, мышца подражат, сон страшен, слепца стряцет (встретит), изгорит нечто, огонь пищит, искра из огня (прянет), кошка мявкает, падет человек, свеча угаснет, конь ржет, вол на вол (вскочит)...»

Демоническая сила подобных примет в том, что и благочестивый христианин, вроде и чующий, где вера, где суеверие, и тот, бывало, затомится печальным

предчувствием, коли черная кошка перебежит дорогу. А простодушные крестьяне, пуще того, говаривали: мол, *рыжая корова, бредущая вечером впереди стада, предвещает ясную погоду на следующий день, а черная — ненастье*. Так же полагали, что *до года нельзя ребенка кормить рыбой — иначе долго не начнет говорить, ибо рыба нема*.

Святитель Василий Великий по сему поводу толковал: «Многим из христиан (суеверие) кажется делом безвредным — склонять к нему слух, собирать приметы, слушать истолкователей примет. Чихнул кто-нибудь на слове говорят: и это имеет значение. Кого-нибудь сзади назвали по имени, нога поскользнулась при выходе, зацепилась одежда — все это помеха. И люди весьма серьезные, ожидающие Судию с небес, легко впадают в этот вредный порок. Но слушай: отвержен народ, предавшийся этому. Это враг издевается над человеком: если показалась кошка, выглянула собака или утром встретился человек, хотя самый благорасположенный, но с поврежденным правым глазом или бедром, — он отскочит, отвернется, зажмурит глаза. Что бедственней такой жизни — все подозревать, во всем видеть препятствие, когда все должно возводить душу к Богу? (Святитель Василий Великий (5: 90, 91).

Русские в славянском мире

Помню, ознакомился с речами круглого стола, посвященного славянству, и, смекалистый, смекнул, что беседа сосредоточилась и обострилась, когда речь зашла о язычестве и христианстве древних славян, и особо русичей. Профессор З. выразил чисто культурологический взгляд на историю славянства, исключив православный аспект, с чем мне, православному славянину, трудно согласиться. Совершенно чуждо мне космополитическое, атеистическое отношение к славянству, выраженное в речи П., от которой дохнуло зловещим богоборчеством, словно из геенны огненной, где плач и скрежет зубов... Белорус Р. подивил великорусов глубоким и любовным знанием языческих обычаев и обрядов белых русов, кои, как и малые русы, даже в большей степени сохранили древнерусскость, нежели великие русы. Но меня огорчало и раньше, и ныне огорчает то, что белорусский этнограф в публичных, устных и печатных беседах навязчиво продвигает в народ языческую мистику, чем вольно ли, невольно противостоит православному христианству, а значит и Христу Богу, а значит, тоже впадает в богоборчество. Ярко и любознательно, с отзвуками былинной краснопевности, пишет о славянстве С., — словно вещий боян на киевских горах, возложив персты на гусли, с любовью поет о славянском природолюбии. Лишь смутно, невнятно, о каком Творце идет речь, потому что Иисус Христос не поминается, ибо если говорится не о Христе, воплощенном в неразлитной и неслиянной Святой Троице (Бог Отец, Бог Сын, Бог Святой Дух), — то значит говорится о князе тьмы, что кощунственно поименован «Творцом». Мои взгляды по отношению к славянству полностью совпадают со взглядами Т., кои выражены в его слове, где русский националист-монархист доказал уготовленность славян, некогда поклонявшихся природе, ко святому крещению и облачению во Христа Бога.

В молодые лета азартно постигал я древнерусские языческие обычаи и обряды, созвучные восточнославянским, и сочинял очерки, касаемые обрядовости

старославян, но осмыслял, описывал славянство и природу с Христовой точки зрения, запечатленной в Святом Писании, и, восхищаясь обрядовой, песенной поэзией древних славян, языческую магию вначале, будучи атеистом, отвергал, потом воспринимал яко бесовщину. Коли Бог, словно пастырь овчий, ведет грешные, но покаянные души к спасению для Вечного и Блаженного Царства Небесного, то языческие жрецы, а ныне воспеватели мистического язычества, — *бесам жряху*, то есть, бесам поклоняются и народ искушают бесовской прелестью, ибо языческие жрецы, языческие проповедники — слепцы, ведущие слепых в преисподнюю, на вечные муки. Духовно воинственное отношение к язычеству выражено в Библии устами ветхозаветных пророков, потом устами Сына Божия и устами апостолов, а в Священном Предании и устами святых, в земле славянской просиявших.

О русском и общеславянском язычестве изрядно толковали святые отцы Церкви, а ныне — богословы, а посему я, не богослов, не вступаю в споры с выше помянутыми толкователями славянства, кои, преклоняясь перед язычеством или атеистически отрицая христианско-мистические основы мира, вольно ли, невольно, восстают против Христа Бога, против православного христианства. Господь им судия, а я предлагаю читателям лишь данный очерк, где и выразились мои взгляды на старославянское, старорусское язычество в его столкновении с православным христианством. Впрочем, говоря мои взгляды, я не обольщаюсь по поводу своего духа и разума, ибо вольно ли, невольно ли повторил реченное православными мыслителями канувших веков.

По поводу взаимоотношений славянских держав с Царством Русским думаю с грустью и надеждой... Русские государевы мужи, избранные Богом, и горние любомудры мечтали о искреннем братстве славянских народов, и, скажем, освободитель славян, русский полководец Михаил Скобелев воображал: «Я рисую себе в будущем вольный союз славянских племен. Полнейшая автономия у каждого, одно только общее — войска, монета и таможенная система. В остальном — живи, как хочешь и управляйся внутри себя, как можешь...»

Федор Достоевский предполагал лишь духовное единение славян: «...Славянофильство означает стремление к освобождению и объединению всех славян под верховным началом России — началом, которое может быть даже и не строго политическим. И, наконец, (...) славянофильство, кроме этого объединения славян под началом России, означает и заключает в себе духовный союз всех верующих в то, что великая наша Россия, во главе объединенных славян, скажет всему миру, европейскому человечеству и цивилизации его свое новое здоровое и еще неслышанное миром слово».

Но и великий полководец, и великий писатель вскоре с печалью погребли блажь славянского единения...

Михаил Скобелев: «Племена и народы не знают платонической любви... Ка-толичество широко разольется... Оно захватит все и всех, и в первом спорном вопросе славяне южные пойдут против северных, и будет эта братоубийственная война торжеством всякой немецкой челяди...»

Федор Достоевский: **«Не будет у России, и никогда еще не было, таких ненавистников, завистников, клеветников и даже явных врагов, как все эти славянские племена, чуть только их Россия освободит, а Европа согласится признать их освобожденными!»** (*здесь и далее выделено мной. — А.Б.*) И пусть

не возражают мне, не оспаривают, не кричат на меня, что я преувеличиваю и что я ненавистник славян! Я, напротив, очень люблю славян... Начнут же они, по освобождении, свою новую жизнь, повторяю, именно с того, что выпросят себе у Европы, у Англии и Германии, например, ручательство и покровительство их свободе, и хоть в концерте европейских держав будет и Россия, но они именно в защиту от России это и сделают. *(Столь это похоже на послевоенных и нынешних славян, исключая сербов и белорусов. — А.Б.)* Начнут они непременно с того, что внутри себя, если не прямо вслух, объявят себе и убедят себя в том, что России они не обязаны ни малейшею благодарностью, напротив, что от властолюбия России они едва спаслись при заключении мира вмешательством европейского концерта, а не вмешайся Европа, так Россия, отняв их у турок, проглотила бы их тотчас же, «имея в виду расширение границ и основание великой Всеславянской империи на поработении славян жадному, хитрому и варварскому великорусскому племени». Может быть, целое столетие, или еще более, они будут беспрерывно трепетать за свою свободу и бояться властолюбия России; они будут заискивать перед европейскими государствами, будут клеветать на Россию, сплетничать на нее и интриговать против неё... **Особенно приятно будет для освобожденных [русскими] славян высказывать и трубить на весь свет, что они племена образованные, способные к самой высшей европейской культуре, тогда как Россия — страна варварская, мрачный северный колосс, даже не чистой славянской крови, гонитель и ненавистник европейской цивилизации.**

России надо серьезно подготовиться к тому, что все эти освобожденные славяне с упоением ринутся в Европу, до потери личности своей заразятся европейскими формами, политическими и социальными, и таким образом должны будут пережить целый и длинный период европеизма прежде, чем постигнуть хоть что-нибудь в своем славянском значении и в своем особом славянском призвании в среде человечества. Между собой эти земли будут вечно ссориться, вечно друг другу завидовать и друг против друга интриговать.

Разумеется, в минуту какой-нибудь серьезной беды они все непременно обратятся к России за помощью. Как ни будут они ненавистничать, сплетничать и клеветать на нас Европе, заигрывая с нею и уверяя ее в любви, но чувствовать-то они всегда будут инстинктивно (конечно, в минуту беды, а не раньше), что Европа естественный враг их единству, была им и всегда останется, а что если они существуют на свете, то, конечно, потому, что стоит огромный магнит — Россия, которая, неодолимо притягивая их всех к себе, тем сдерживает их целостность и единство. **России надолго достанется тоска и забота мирить их, вразумлять их и даже, может быть, обнажать за них меч при случае.** (Ф.М. Достоевский, ПСС в 30-ти томах, ПУБЛИЦИСТИКА И ПИСЬМА тома XVIII-XXX, ДНЕВНИК ПИСАТЕЛЯ ноябрь 1877, Том 26, глава II, параграф III, издательство «НАУКА» Ленинград 1984.)

Пророческие думы Федора Достоевского обрели скорбное воплощение, когда не токмо западные славяне, но и малорусы (украинцы — русские, живущие у края России), что даже *более русские*, нежели великорусы, и те, соблазненные *погаными латинянами*, подняли пята на Россию. Ладно, коли пожаром вспыхнул бы украинский национализм, а то ведь скинулись американцы с европейцами и купили продажную украинскую *владу*, чтобы лет за пятнадцать-двадцать взрастить

поколения малорусов, не токмо не чующих братского родства с великорусами, но и люто ненавидящих своих единокровных единоверцев. Говорил же Гитлер, исчадь ада, что «...мы тогда победим Россию, когда белорусы и украинцы поверят, что они не русские».

Но я верю, что Червонная Русь очнется от бесовских чар, и, словно евангельский блудный сын к отцу, вернется к Святой Руси, где по ней тоскуют родичи, где ее с братской искренней любовью встретят Белая Русь и Великая Русь.

Эпилог

Приобщение Руси к христианству было великим и душеспасительным Промыслом Божиим; к сему Русская Православная Церковь стала прочным остовом, на коем надежно держалась идеологическая, культурная, хозяйственная жизнь России. Валентин Распутин по этому поводу писал: «*Это можно было сравнить с тем, что, имея землю, Русь получила небо, а славянин, имея тело, получил душу*».

Но запредельно сложен, запредельно противоречив русский характер, в коем мучительно, нередко для души разрушительно уживались иступленная вера и дикий разгул, слезное покаяние и свирепый грех. Церковь и кабак... Я бы даже сказал, что русский характер и русским, особо скудоверным, подчас непостижим; они и сами-то не могут понять свою душу, и порой не ведают, что ожидать от себя завтра. Это особо выразилось в русской народной жизни, когда лукавый искушал православные души языческой *вольницей*, и нация, словно стадо свиней, в коих вошли бесы, с диким воплем летела в пропасть.

А виною великих российских смут, кровавых восстаний, коли взглянуть на лихолетья православно, — не истребленное в русских душах языческое понимание воли, созвучной *воле* дикого зверя. Как уже говорилось в предыдущих главах, христианское понятие воли — духовное: вольность от земных похотей и плотских страстей, а в язычестве понятие *воли* — плотское: свобода для жизни во грехах и пороках. Разумеется, лишь святые пожизненным постничеством, молитвенным подвигом достигали духовной *воли*, но и православные христиане жили в устремлении к *воле* Христа ради, жили в борьбе с языческим наваждением. Русские крестьяне особо чували, что жить следует не по *своей воле ...своя воля страшнее неволи...* но по воле Божией, а посему крестьяне с жалостью осуждали *своевольных* людей.

История духовного, культурного, хозяйственного развития русского крестьянства не завершилась в начале двадцатого века, но резко осеклась; мировая сатанократия, опираясь на правящее российское сословие, обезбоженное, прозападное, чуждое простолюдию, веками расшатывала древо русской народно-православной государственности, веками искушала народ *языческой волей*, из чего и народилась кровавая российская смута. Господь попустил за языческие грехи, и Россия вверглась в братоубийственную сечу; да и Отечественную войну Господь попустил за богоотступничество и богоборчество; и *вольнлюбцы* без Бога и царя в голове сокрушили отчий дом — Святую Русь с ее государственной симфонией — Православие, Самодержавие, Народность. Великий русский мыслитель Иван Ильин писал: «*Суцность катастрофы духовна. Это есть кризис русской религиозности.*

Кризис чести и совести. Кризис русского национального сознания. Кризис русской семьи. Великий и глубокий кризис всей русской истории».

Некое время простолюдые верило в новоявленных идолов-большевиков, посуливших народу волю, а с волей крестьянам землю, рабочим заводы и фабрики; но, увы, народ жестоко и коварно был обманут: взяв полную, защищенную подневольными штыками, злобную власть, жрецы языческой революции, словно древние иудеи и греко-римские язычники, с безумными, сладострастными воплями напали на православных христиан, — с дьявольским святотатством порушенные храмы, умученные иереи, архиереи, миряне — что и выразило религиозно мистический (*сатанинский, богоборческий*) характер революции. И тогда даже искушенные *языческой волей*, но не утратившие земной совести, очнулись, ужаснулись, узрев под горделивыми личинами жрецов революции бесовские хари²⁰ с кривыми рогами, увидев, что из-под долгополых кожаных пальто видны бесовские копыта. Но запоздало пробуждение: богоборцы-большевики загнали *вольнoлюбивое* простолюдые в такую неволю, перед которой смеркло и крепостное право, что рабским ярмом два века сжимало крестьянские выи. И, лишенные Бога, остались *вольнoлюбивые* души с пустотой, кою заполняли скудным хлебом, диким зрелищем и *воспетым* грехом.

Но и красная российская власть вышла духовно неоднородной; с уходом троцкистско-ленинских большевиков, кои люто ненавидели русский православный люд, с приходом властелина Сталина, обрусевшего душой, что яро боролся с безпамятством и безродством, случилась попытка возрождения исторической, православно-самодержавной Российской Империи. Но, увы, попытка не увенчалась успехом: Сталин ушел или его *ушли* недобитые троцкистско-ленинские космополиты, и вновь на Руси воцарился богоборец.

Говоря о духовном падении народа в начале XX века, которое привело к поражению России, мы имеем в виду падшее дворянство и смутную интеллигенцию; духовенство же и крестьянство стали жертвой безбожной власти, полонившей Русь. Революция, словно зверь, пожирает своих сынов: либеральные дворяне, революционные разночинцы потом тоже пострадали от антихристовой власти, но, как в народе говорят, за что боролись, на то и напоролись. Грехопадение обезбоженных *россиян*, впавших в богоборчество, породило сонм праведников, что не изменили Вере, Царю и Отечеству.

Завершая очерковое повествование, вынужден с грустью повторить слова, сказанные Иваном Сахаровым, знаменитым русским старинарём, глубинным знатоком календарных обычаев, обрядов и примет: «Старина, старина! Как была ты мила нашим предкам, и как мы, их потомки, успели скоро променять тебя на заморские причуды!»

Спасение русского народа, возрождение Святой Руси случится лишь тогда, когда народ не из традиции лишь, а по велению измученной души, жаждущей праведности, вернется в лоно Русской Православной Церкви; когда народ возродит древнюю народную монархию, подвластную Церкви, одухотворенную и окормленную любовью к Вышнему и ближнему, к русской земле.

²⁰Личины, хари — ярко раскрашенные святочные маски, изображающие нечистую силу.

Список использованной литературы

- Афанасьев А. Поэтические воззрения славян на природу. М., 1865.
- Байборodin А. Яко богиню землю нареки. М., 1991 г.
- Белов В. Лад. М., 1989.
- БИБЛИЯ. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. М., 1991.
- Болонев Ф. Народный календарь семейских Забайкалья (старообрядцев). Вторая половина XIX — начало XX в. в. Новосибирск, 1978.
- Болонев Ф. Старообрядцы Забайкалья в XVIII-XX в.в. Новосибирск, 1994.
- Бурцев А. Народный календарь примет, обычаев и поверий на Святой Руси. СПб., 1911.
- Виноградов Г. Материалы для народного календаря русского старожилого населения Сибири. Иркутск, 1925.
- Громыко М. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. М., 1986.
- Даль В. Пословицы русского народа. М., 1957.
- Ермолов А. Народная сельскохозяйственная мудрость в пословицах, поговорках и приметах. Т. 2 — Народная агрономия; Т. 3 — Животный мир; Т. 4 — Народное погодоведенье. М., 1905.
- ЖИТИЯ СВЯТЫХ, на русском языке изложенные по руководству Четьи-Минеи св. Димитрия Ростовского. М., 1908.
- Журнал Московской Патриархии. М., 1978-1990.
- Забьлин М. Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. М., 1880.
- Зиновьев В. Русские сказки Забайкалья. Иркутск, 1980.
- Зиновьев В. Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири. Иркутск, 1987.
- Карамзин Н. История Государства Российского. С.-Петербург, 1842.
- Калинский И. Церковно-народный месяцеслов на Руси. СПб., 1877.
- Козлов М. О покровителях Земли Русской. Литературный Иркутск. Иркутск, 1990.
- Козлов М. Назад к Перуну? (Заметки о язычестве древнем и современном). «Литературный Иркутск». Иркутск, 1991.
- Костомаров Н. Домашняя жизнь и нравы великорусского народа. М., 1993.
- Календарно-обрядовая поэзия сибиряков. Новосибирск, 1981.
- Круглый год. М., 1989.
- Круглов Ю. Русские обрядовые песни. М., 1989.
- Лирические песни. М., 1990.
- Александр Лопухин. Библейская история Ветхого и Нового Заветов. М. Альфа-книга. 2016.
- Макаренко А. Сибирский народный календарь в этнографическом отношении. СПб., 1913. Т.36.
- Максимов С. Крестная сила. Собр. соч. в 20-ти томах. СПб., 1912. Т. 17, с. 3-238.
- Максимов С. Нечистая сила. Неведомая сила. Собр. соч. в 20-ти томах. СПб., 1912. Т. 18.
- МЕСЯЦЕСЛОВ. Настольная книга священнослужителя. Издание Московской Патриархии. М., 1979.
- Митрополит Иларион. Слово о Законе и Благодати. Альманах библиофила. Выпуск 26. М., 1989.

- Распутин В. Россия: дни и времена. Иркутск, 1993.
Россия древняя и вечная. Сост. А. Байбородин. Иркутск, 1993.
Русские народные сказители. М., 1989.
Русская свадьба. М., 1985.
Рыбаков Б. Язычество Древней Руси. М., 1978.
Сахаров И. Сказание русского народа. Народный дневник. Праздники и обы-
чай. СПб., 1885.
Святой Николай, мирликийский чудотворец. Его жизнь и чудеса. С.-Петер-
бург, 1906.
Снегирев И. Русские в своих пословицах. М., 1832.
Снегирев И. Русские простонародные праздники и суеверные обряды. Вып. 1. —
В университетской типографии, 1837. — 264 с.
Селиванов В. Год русского земледельца. Владимир, 1902.
Степанов Н. Народные праздники на Святой Руси. СПб., 1899.

Февраль 1992 года, осень-зима 2011 года, осень-зима 2018 года.

ТАМАРА ТИЙТТАНЕН

Учитель! Поэт! Человек!

ПАМЯТИ ЛИИ АЛЕКСЕЕВНЫ БОЛДЫРЕВОЙ

«Иду. Бывает, спотыкаюсь.
А горизонт маняще чист.
Пусть падать мне на эти камни,
Но рассыпаться на лучи».

Лия Болдырева

Лия Алексеевна Болдырева

Более полувека прошло с выпускного школьного вечера, когда мы, утомленные официальным прощанием со школой и танцами, решились пойти встречать рассвет на реку — в лучших традициях выпускников того времени. Не решились, а именно решились, потому что от нашей школы № 12 города Ангарска в 8 районе, что располагался рядом с Цементным поселком, до реки Китоя — более десяти километров. Несмотря на решительность и молодой энтузиазм, в то утро до реки мы так и не дошли, а рассвет встречали на лавочках у вокзала поселка Майск, где в последнем домике на улице Лесной жила наша учительница литературы ЛИЯ АЛЕКСЕЕВНА БОЛДЫРЕВА. Конечно же, она была с нами — не потому, что жила по

пути нашего маршрута, а просто была нашим внештатным классным наставником и любимой учительницей.

После школы разлетелись по белу свету, но кто-то остался в родном городе или соседнем Иркутске. Встречались. Сначала на традиционных школьных вечерах, потом собирались у кого-нибудь из одноклассников или в кафе. Но встречу в год 50-летия окончания школы решили посвятить любимой учительнице литературы, да и события как-то подвели к тому.

Пришла однажды наша одноклассница Людмила Терина (Юмакаева) на могилу Лии Алексеевны и встретила там с библиотекарем Дома детского и юношеского творчества Верой Николаевной Красновой. «Я с детства любила стихи Лии Алексеевны и очень была удивлена, что ученики до сих пор помнят и посещают ее», — поведала Вера Николаевна. Так познакомилась с библиотекарем-энтузиастом — она много лет собирает материалы о писателях и поэтах города, чтобы создать Литературный музей Ангарска. Люся познакомила В.Н. Краснову с одноклассницей Тамарой Тийттанен, которая пошла по стопам Лии — окончила тот же факультет, работала вместе с Лией, сохранила ее тетради, книги, стихи,

фотографии, полувековой давности газеты с ее стихами и статьями, написанные рукой учительницы стихотворные строки, коллективные сборники, в которых публиковали ее поэзию и через годы после трагической гибели. К сожалению, Лии суждено было рано уйти из жизни — в 33 года, но память о ней жива до сих пор, и не только у ее учеников.

Встреча прошла в библиотеке у В.Н. Красновой. Одноклассники написали свои воспоминания о Лии и за последующие пять лет опубликовали их — в газетах, журнале «Признание», в сборнике «Встречи». Надо ли говорить, что все оригиналы материалов пополнили коллекцию Литературного музея?!

А на встрече решили собрать и издать стихи Лии Алексеевны Болдыревой. Идея материализовалась, и помог нам в ее осуществлении племянник Спартак Николаевич Черныш, который разыскал в семейном архиве две тетрадки с Лииными стихами. Уже через год мы держим в руках сборник ее поэзии «Мой путь по радуге».

Лия Алексеевна Болдырева родилась 6 мая 1935 года в Иркутске. В семье четверо детей: два брата и две сестры. В 20-30-х годах прошлого века в Россию пришли новые имена. И Болдыревы детей назвали необычно: Галла, Рюрик, Лия, Арнольд.

Лия — имя древнееврейское — «антилопа». Люди с этим именем надежные, покладистые, обязательные и добрые, обладают чувством юмора. Они скромны, но в то же время уверены в себе, знают себе цену и себя в обиду не дадут. Им свойственно внутреннее напряжение, как будто находятся в постоянной готовности к чужой агрессии. Они трудолюбивы, упорны, аккуратны, пунктуальны, обладают аналитическим умом и могут достичь высокого положения. Способны идти на жертвы ради близких. Эта характеристика полностью соответствует характеру и личности Лии Алексеевны.

В 1 класс Лия пошла в 1943 году в селе Урик Иркутского района, где папа, Алексей Ефимович, работал председателем совхоза «Искра». В комсомол вступила в 1949 году в средней школе села Олонки — отца перевели туда работать директором маслозавода. Сохранилось фото Лии в 6 классе, на котором она написала «Может быть, впервые задумалась».

Детство, даже военное, всегда вспоминается светло:

*Мне хочется снова стать маленькой,
В далекое детство сбежать,
Бродить по зарослям манговым,
Под солнцем беспечно лежать,
Юбочку собрав, босиком
По лужицам теплым прошлепать,
С березовым туеском
Пойти по нехоженным тропам.
С мальчишкой подрасться отчаянно,
А ночью спокойно уснуть.
Не знаешь ли ты случайно
В детство обратный путь?*

В 9 классе Лия училась уже в Ангарской средней школе №3, а жили они в ту пору на станции Южная, куда ее отец переведен на работу директором хлебозавода. Мама — домохозяйка. Первоначально у них там не было даже своего угла, и жили они в кабинете отца, а братья Лии вспоминали, как им, двум мальчишкам, пришлось гнать в Ангарск коровку-кормилицу из-за Иркутска — почти 100 км.

*Станция «Южная»
Вовсе не южная.
Станция «Южная» —
Станция вьюжная.
Ветер простуженный рвет там и мечет...
Милая станция, счастье не вечно.
Снова стою у знакомой ограды.
Может, теперь вспоминать и не надо
Звезды сквозные и ночи. Ах, ночи
Были тогда почему-то короче.
Сказки смешные. Не было? Было?
Сердце, оно ничего не забыло.*

Мы не знаем точно, когда Лия начала рифмовать, но в альбоме для стихов первые страницы датированы 1958 — годом окончания филологического факультета Иркутского госуниверситета. После некоторых стихов указан курс написания — значит, переписывала их уже позднее и строго отбирала, критически относилась к своему творчеству.

После института работала в Слюдянке в редакции газеты, а позднее в школе № 12 города Ангарска. Кроме преподавания, была еще и комсомольская работа, и чтение лекций через общество по распространению политических и научных знаний, и написание статей в газеты, и литобъединение, и учеба на факультете журналистики Вечернего университета марксизма-ленинизма, и даже элементарный плавательный бассейн.

А для нас она была просто любимой учительницей, да такой, что ей посвящали стихи ученики, что о ней вспоминали они в течение полувека на своих встречах, что сохранили ее вирши до седых своих волос и опубликовали их, что о ней написали свои мемуары и даже решились создать фильм. Да и Лии было у кого учиться: имя старшей сестры ее Галины Алексеевны Черныш, тоже учителя русского языка и литературы, славилось в городе.

«Лия Алексеевна! Яркий, творческий человек, талантливый преподаватель, она превращала свои уроки в маленькие шедевры. Свою любовь к русской литературе она незаметно, настойчиво передавала нам. И все это проходило не через сухие образы, а в постоянных спорах и обсуждениях. И книжные герои уже на всю жизнь становились нашими спутниками», — вспоминает Валя Пелехова спустя 50 лет после школы.

А сама Лия Алексеевна напишет о нас: *«Были это неоперившиеся птенцы, очень живые, любознательные. Они ничего не принимали на веру, поэтому на уроках часто у нас возникали споры. Началось с пушкинского Алеко. А потом пришли Онегин, Татьяна, Печорин...»*. Споры действительно были жесткими. «С благодарностью мы вспоминаем учителей, которые терпеливо нас учили. Но особая наша любовь (и чем старше мы становимся, тем более эта любовь приобретает особый смысл) — к Лии Алексеевне Болдыревой, которая вела у нас уроки литературы. Уроки эти незабываемы. Вот мы спорим, как бы каждый из нас поступил на месте молодогвардейцев из «Молодой гвардии», вот пытаемся поставить себя на место героев из «Поднятой целины». Это Лия Алексеевна научила нас любить поэзию. А поездки в Иркутские театры и музеи — всегда наша учительница была рядом. Всё это помогало нам взрослеть, становиться самостоятельными», — пишет Светлана Сафонова.

В сборнике Л.А. Болдыревой всего десять стихотворений о школе и своих учениках — маленькая школьная поэма. Десять шагов — от волнительного шага

на свой первый урок «не ученицей — учителем» до выпускного вечера в нашем классе. А класс был экспериментальным. Кроме того, что мы учились не 10, а 11 лет, потому что два дня в неделю работали на заводах, у нас еще отсутствовал классный руководитель: мы находились на самоуправлении, а всю работу классного шефа у нас исполняли староста и комсорг. Лия же стала нашей неофициальной «классной» — не потому, что ей это вменили в обязанность, а потому, что нашла творческих единомышленников в наших душах, и на этой почве более, чем с другими классами, общалась с нами неформально: ездила в походы, возила в театры, музеи, на выставки, ходила на каток, создала радио-литературный кружок, учила писать стихи, репортажи, сценарии для школьных вечеров, брать интервью, водила в литобъединение — и много-много еще того, что не требовалось от учителя литературы. Будучи студенткой, она мечтала, как «уедем в края мы с тобой далекие, чтоб ребятишек жизни учить». Именно жизни, а не только литературе и языку учила она нас.

И вот он — первый рабочий день:

*Старательно новый костюм отглажен,
Значок до блеска начищен.
Девчонка выглядеть хочет важной,
Держится строго и чинно.
Идет на свой самый первый урок...*

Да, у Лии всегда на пиджаке или строгом сарафане был университетский значок; и многие другие, имеющие высшее образование, с гордостью носили этот знак отличия — после войны мало было людей, окончивших институт.

Школа наша была двухэтажной, классы располагались наверху, там и висел громкоговоритель электрический звонок.

*Насмешливо дразнится сверху звонок,
Хихикает многозначительно.
Проказник даже язык показал —
Вот до чего распоясался!
Длинным-длинным кажется зал
И весь этот путь до класса.*

«Путь до класса» обретает иносказательный смысл: учительский путь вообще, учительская стезя, путь к сердцу каждого ученика — и не только в школе.

...«Так получилось, что стала она не просто нашим учителем, но и нашим другом. Она любила поэзию, много нам читала, рассказывала о современных поэтах. И вот уже мы в книжных магазинах выискиваем услышанные от неё фамилии. Это от неё мы впервые узнали о Солженицыне и Булгакове. И музыка — это тоже она. До сих хранятся у меня пластинки, купленные под впечатлением её рассказов, — спустя 50 лет напишет Валя Пелехова. — Её любимый романс «Гори, гори, моя звезда». И вот уже сколько лет всегда при этих звуках я вспоминаю любимую учительницу. Она сама писала стихи и водила нас в литобъединение. А был ещё фотокружок — и мы опять с ней. Она увлеклась народным театром — и у нас в классе появились свои «народные артисты». А ещё была конькобежная секция — и мы вслед за ней встали на коньки...»

«Это она научила нас любить театр, — продолжает рассказ Вали Пелеховой Альбина Банщикова. — Это она в любую погоду ездила с нами из Ангарска в Иркутск. Помню, даже было минус 40, а мы всё равно ехали, потому что с нами была наша любимая Лия».

«Лично меня, — вспоминает Галина Цурикова, — Лия Алексеевна пригласила на заседание Ангарского литературного объединения. Я читала что-то из своих стихов. Были передачи по местному радио. Ездили с выступлениями в Усолье, Черемхово, Иркутск по предприятиям и ДК. Знакомства с Марком Сергеевым, Иваном Козловым, Валерием Алексеевым, Иннокентием Новокрещенных, Верой Захаровой и другими литераторами изменили мою жизнь». Марк Сергеев был частым гостем на заседаниях Ангарского литобъединения, хорошо знал Лию Алексеевну и доброжелательно общался с нами, ее учениками. А Елена Жилкина редактировала напечатанные на пишущей машинке Лиины стихи. Листы с замечаниями маститого поэта и Лиинными правками сохранились и переданы нами В.Н. Красновой в Литературный музей.

Галина Анучина: «Это учитель от Бога. Она старалась нам привить честность, благородство, чувство справедливости, которые так воспевались в русской литературе». Будучи талантливым учителем, Лия проводила необычные, непривычные для нас уроки, а сочинения мы писали чуть ли не каждую неделю: то сказку о еловой ветке сочиняли, то отвечали на вопросы дочерей Карла Маркса, то слушали музыку и описывали свои впечатления от нее. Полвека мы помним, как однажды Лия Алексеевна принесла на урок веточку ёлки и сказала: «Напишите сказку об этой веточке. Каждый из вас увидит своё...» «И мы учились мечтать и одушевлять неживые предметы. Тогда я впервые, помню, написала сочинение, где за содержание была поставлена «пятерка», — рассказывает Аля Банщикова. А в рецензии на мое сочинение Лия Алексеевна написала: «Слабая получилась веточка. Где же ее гордость? Где сила характера?»

На одном из уроков Лия предложила нам ответить на вопросы анкеты дочерей Карла Маркса, что вылилось в интересное обсуждение наших достоинств и недостатков. В Лиинной тетради с поурочными планами сохранились краткие записи наших ответов и точные односложные замечания учительницы. Как хорошо она знала наши добродетели и изъяны, как точно формулировала, что надо нам преодолеть!

А «музыкальные» уроки даже вылились в Лиино стихотворение:

*В открытые окна класса
Чайковской ворвался властно.
По партам прошелся в вальсе,
Задумчиво встал у доски...*

«Отдельная страница истории нашего класса — школьный радиоузел», — вспоминает С. Сафонова. Наличие этой маленькой и первоначально захламлённой комнатки на втором этаже привело к тому, что литературный кружок, который вела Лия Алексеевна, переключился на подготовку радиопередач. И скоро большая перемена стала начинаться словами: «Внимание! Говорит школьный радиоузел».

На нашем выпускном вечере Лия прочитала посвященное нам стихотворение.

<i>И вот уже последний школьный вечер. За окнами июнь бушует дерзко, Цветы, оркестр, напутственные речи — Вот так от нас уходит наше детство. И мы грустим. Мы все грустим слегка О том, что никогда не повторится:</i>	<i>О лепетанье школьного звонка И о своей непойманной жар-птице, О пионерских песнях у костра, О комсомольских синих-синих зорях... Довольно грусти! Будем до утра Шутить и танцевать, мечтать и спорить.</i>
---	---

А звонок-то уже не хихикает, не распоясался, не дразнится, как было раньше, теперь он для нас лепечет, словно детсадовский малыш. Школьные мечты не по-

вторятся, непойманная жар-птица, пионерские песни... В СССР все дети бывали в пионерских лагерях; и на прощание там жгли огромный костер и пели возле него песни долго-долго — в этот вечер разрешалось нарушить ночной распорядок лагеря. А в комсомольской жизни были свои костры и уже зори. На школьном выпускном принято было до утра веселиться и идти встречать рассвет на реку, на мост — метафора предстоящего жизненного пути, той реки, в которую дважды не войти, и тех жизненных мостов, которые предстоит в будущем построить. А спорами была пронизана вся наша школьная жизнь, не только на уроках, но и на всех тематических школьных вечерах (современных дискотек в то время еще не было, но почти еженедельно проводились тематические вечера, на которых рассматривались и политические теории, и интересные научные факты, и гипотезы, и литературные произведения — спорили много).

*...Мальчишки! А какие вы большие!
Откуда в вас, мальчишки, эта стать?
Девчонки! Я и слов найти не в силах!
Где те, что робко жались у дверей?
Сидят царевны, строгие, красивые,
Смущаясь перед взрослостью своей.*

Лия отметила, что мальчишки повзрослели, расправили плечи, стали статными, готовыми взять на себя ответственность. А девчонки — не королевы и принцессы, а царевны — это по-русски. «Строгие» — нравственный принцип, который культивировался на Руси, и который Лия Алексеевна формировала у своих учениц.

<i>Хочу, чтоб вы такими и остались, Большими и красивыми прожили, Сильнее бури были, тверже стали, Богаче самой златоносной жилы.</i>	<i>Идите в жизнь дорогами ученых — Уж властно новый день зовет с собой. Счастливый путь, мальчишки и девчонки, Моя учительская первая любовь!</i>
---	---

Ну конечно, как же без напутствия своим ученикам: «Хочу...» Ох, как многого хотела и желала нам наша любимая учительница! И советовала идти в жизнь дорогами ученых, подчеркивая важность духовной культуры, научного знания. Науки начали бурно развиваться после восстановления разрушенного войной хозяйства. И учителя наши были уверены, что подготовили нас для научной работы, что мы талантливы и способны созидать «новый день». «Жить — ведь это значит открывать, самому, без формул, без рецептов», — учила Лия Алексеевна.

А самыми дорогими и откровенными для нас словами стала последняя строчка — признание в любви!

Редкий учитель возится столько со своими учениками, сколько времени и сил отдавала нам Лия. Галина Анучина: «В старших классах Лия Алексеевна приглашала нас к себе домой и устраивала чаепитие. Под гитару мы пели песни и читали стихи». «Очень нравилось нам приходить к ней в гости, где в её небольшой уютной комнатке на втором этаже в окно стучалась черемуха: весной — цветы, осенью — ягоды», — запомнила и Аля Банщикова. А я с благодарностью вспоминаю, как приезжала она ко мне в больницу с баночкой варенья, как подарила мне вязаную шапочку и платье, как «воспитывала» мою маму, которая держала нас в очень уж жестких «ежовых рукавицах», как помогала готовиться к первым моим самостоятельным урокам...

Любили мы слушать Лиины рассказы о достопримечательностях, коих в Ангарске пока не было вообще. Много рассказывала она об Иркутске — там прошли

её студенческие годы. В 60-е не только модно, но и доступно было ездить по стране, купив экскурсионные путёвки. Молодые учителя старались каждое лето воспользоваться такой возможностью, а потом рассказывали нам о разных уголках СССР, где им удалось побывать. Лия Алексеевна всегда осмысливала полученные знания в стихах: Гурзуф, Москва и Ленинград, Севастополь, Сочи, Алушта, Владивосток...

Нарисованные ею картинки мира переплетаются с судьбой страны и человека, с её судьбой. А у нас расширялся кругозор не только географический, но и литературный. Мы жили в мире поэзии, который создала Лия. Стихи читались в классе, на школьных вечерах, дома, в палатке ночами под шум дождя, у костра. И на встречах одноклассников после окончания школы читаем ее стихи и призываем друг друга — не стареть...

Твоя усталость. Моя усталость.

А в мире что-то еще осталось.

Осталась вечность дорог и весен,

И эта осень со снегом впроседь,

И облака белизной подталой.

Но ты не хочешь прогнать усталость.

Она, как герб, на твоих знаменах.

Привычным стало устало мерзнуть.

И если сердце опять проснется,

И если сердце в тоске рванется

Вослед последней на небе стая,

Ты не позволишь спугнуть усталость.

А кто-то слушает песни сосен.

А кто-то солнце в ладонях носит.

Твоя усталость. Моя усталость.

Вот так однажды приходит старость.

А вот записи из блокнота Альбины Банщиковой: «Большая заслуга Лии Алексеевны в том, что я, девчонка из многодетной семьи, где у матери не было ни одного класса образования, где не выписывали газет, не было журналов, смогла стать тем, кем являюсь сейчас. Лия Алексеевна лично мне давала жизненные советы. Это от неё у нас любовь к людям, понимание людей, участие в жизни людей. До сих пор память о Лии, любовь к ней живёт в моем сердце, в каждой клеточке моего организма, и память о ней, любовь и тепло к ней будут жить, пока я живу. Это она подготовила общешкольный тематический вечер, посвящённый жизненной морали, этическому поведению в обществе, нравственному отношению к людям, к себе, своим обязанностям в нашем возрасте. Это она предложила назвать тех, кто подходит под высокие человеческие правила, и отправить их имена во Вселенную... И что вы думаете? В том списке оказались Миша Слюнкин и Аля Банщикова. И, наверное, Вселенная нас объединила потом в пару, в одну судьбу, и вот уже 50 лет мы вместе. Я благодарна Лии за этот вечер. И не случайно наша регистрация брака была назначена на 6 мая — это день рождения Лии. Она была и у нас на свадьбе. Затем навещала меня в роддоме и обещала 8 марта прийти в гости, посмотреть на нашего сына. Но встрече не суждено было состояться: 7 марта её не стало. Была Лия для нас светлой личностью, самой лучшей, самой справедливой, самой доброй, самой-самой! Была для нас Другом!»

Галина Анучина: «Когда возникали проблемы в семье, я за советом шла к Лии Алексеевне. Я благодарна судьбе за то, что у меня был такой Учитель. У нее не было своих детей, и всю себя она отдавала нам. Мы были её детьми, и мы это чувствовали». «Обидно и горько осознавать, как рано ушла она из жизни, но то, что она успела ОСВЕТИТЬ нашу жизнь, — это точно», — напишет Валя Пелехова.

Наш одноклассник, математик, кандидат наук, к юбилею окончания школы сочинил «Балладу школьную», где в стихах (и это Лиина заслуга!) попытался рассказать о школьных друзьях и учителях:

Лия Алексеевна Болдырева!
Поэтесса. Как Пушкин, по духу — из Болдино.
Всех обязала прочесть квадратомник Толстого:
Каждый школу ведь должен окончить толково!
Красоту и театр приучала любить нас.
Вспоминаем ее мы с любовью сейчас,
Хоть из класса никто не попал на Евтерпы Парнас.

В 1964 году мы окончили школу.

А в январе 1966 года Лия Алексеевна уже в Ленинграде на семинаре работников Вечерних университетов марксизма-ленинизма — решил вопрос о назначении ее директором ВУМЛ (в 30 лет!). Эти учебные заведения были созданы по всей России для тех, кто в силу послевоенных условий не смог получить высшего образования, но хотел или по кадровой должности обязан был знать и понимать... Слушатели учились 2-3 года вечерами на факультетах экономики промышленности либо строительства, международных отношений, философии, журналистики, истории партии... Обучали лучшие преподаватели Иркутских вузов. Лия и сама окончила факультеты философии и журналистики, позднее преподавала курсы стилистики и лексики журналистам.

Начала публиковаться в 1962 году в ангарской городской газете «Знамя коммунизма». Отдельные стихотворения печатались в сборниках и альманахе «Ангара». Первая книжечка ее стихов «Испытание» вышла в серии «Бригада» в 1968 году уже после трагической гибели поэтессы и была издана её друзьями. Название сборника точно отражает ее жизненный путь... Из предисловия: «В поэзию приходят разными путями. Одни бегут в нее за славой и, не найдя того, что искали, уходят. Другие остаются в ней надолго, прочно, как в своем доме. Но и те и другие сначала останавливаются на пороге, озаренные ее светом, чтобы подумать о себе, о своих силах и призвании. Именно таким раздумчивым, полным честной неуверенности было начало поэтической работы ангарчанки Лии Болдыревой. Да, только начало. Лия Болдырева не дождалась выхода своей первой книжки. Эта небольшая книжка стала подлинным испытанием на право остаться жить в стране поэзии».

А! После смерти не поставят памятник! —
Нередко мне такое говорят.
Но если я останусь в чьей-то памяти,
Я буду знать, что прожила не зря.
Не так уж мало с вами нам отпущено,
И нужно только силы приложить,
Чтоб если быть, так быть из лучших лучшими,
А жить спешить, так в полном смысле жить.

Два альбома ее стихов — студенческие и взрослые. Раннюю и «позднюю» поэзию разделяют всего 10 лет. Но какой разный уровень их написания!

Любимые воспетые цвета ее — голубой и синий, белый и сиреневый, золотой и желтый — придают эмоциональную глубину и духовную насыщенность ее образам. Не зря эзотерики связывают эти цвета с высоким уровнем духовности человека. И к построению стиха не придираться: как филолог она знала законы стихосложения.

В ее поэзии не только художественное, но и медитативное осмысление мира — размышления на философские и общежитейские темы: для чего живем? Как понять наше житье-бытье? Как вести себя в этой жизни?

*И я впервые понимаю:
Ведь можно просто не успеть
Прожить, чтобы во всем свой почерк
И в жизни свой глубокий след —
Не тот, что ежедневно топчут
Ботинки наши на земле.*

Философское осмысление выводило ее на астральные, космические образы:

*Куда исчезают звезды,
Падая с небосклона?
Думаете — превращаются в пыль?
Нет, они залетают в окна к поэтам
И становятся стихами.
Куда исчезают люди,
Уходя из этого мира?
Думаете — превращаются в ничто?
Нет, они становятся звездами...*

И сама, как звезда: пролетела и сгорела, рассыпалась на лучи — остались лучики памяти, лучики-стихи.

Лия Алексеевна похоронена в Ангарске. На красивом памятнике поэтесса изображена в длинном платье, сидящей в кресле... Когда смотришь на высокую скульптуру, невольно охватывает чувство присутствия героини, она взирает на нас с высоты, и взгляд её вопрошает...

Болдыревы — известная в Ангарске фамилия. Алексей Ефимович запомнился высоким и очень худым, всегда в военном кителе. Узкое удлиненное лицо его, казалось, никогда не знало улыбки. Его побаивались не только мы, ученики, но и домашние. Всю жизнь работая по приказу партии, он и на пенсии был загружен общественной работой при ГК КПСС и горисполкоме. Мама Лии, Алефтина Иннокентьевна, маленькая, худенькая, с доброжелательным широкоскулым лицом, всегда общалась с нами и часто удивляла интересными фактами из биографий писателей и поэтов. Дома, под лестницей на второй этаж, у них лежали толстые подшивки газет и журналов, и мама успевала все это просматривать. В нашу бытность учениками жила у них одинокая и неграмотная пожилая женщина Настя, которую привезли из какой-то заброшенной деревни. Настя помогала по хозяйству (а всего хозяйства-то — десяток кур), была молчалива, а на просьбы что-нибудь сказать или сделать односложно отвечала низким голосом: «Я не смею». Запомнился нам черемухово-березовый садик с кустами крыжовника вокруг дома и маленькая деревянная лавочка, на которой мы когда-то сживали и читали стихи, и фотографировались; эта лавочка сохранилась и сейчас — мы съездили в дом Лии Алексеевны в день нашей встречи.

У Лии талантлива вся семья: сестра Галина Алексеевна Черныш — тоже одаренный учитель русского языка и литературы, основала в Ангарске первую школу моржевания; ее сын Спартак Черныш — журналист и инструктор парашютного спорта. Два брата Лии Алексеевны — офицеры, фотографии которых в военной форме всегда стояли у Лии Алексеевны на тумбочке рядом с кроватью. Один из братьев — Юрий Алексеевич Болдырев, известный в Ангарске и области создатель и бессменный руководитель военно-патриотической школы для подростков «Мужество» десантного профиля. Он тоже писал стихи, и они опубликованы. В день 30-летнего юбилея школы, которая носит имя Юрия Болдырева, десантники

навсегда увековечили его память, поставив на территории школы именной бюст. Арнольд Алексеевич, как и брат Юрий, окончил Благовещенское общеобразовательное училище, служил в СССР и за границей, офицер запаса в звании майора, вернулся в Читу, где жили родители его жены. Но дочери, повзрослев, уехали за границу, и отец с семьей уже 20 лет живет в Америке. Племянницы Лии — Татьяна Юрьевна Болдырева-Михайлова и Наталья Васильевна Чистопорова — тоже преподаватели; одна в школе, другая в Ангарской государственной технической академии, кандидат наук, также публикует свои поэтические строки.

Интересно, что в маленьком двухэтажном домике Болдыревых, который Лия Алексеевна называла «скворечником», когда-то располагалась первая в Ангарске школа. Города еще не было, а школа появилась в 1947 году в поселке Майск, где жили строители. Все должности, от уборщицы до директора, там занимала одна учительница — Кравченко Антонина Ивановна, она и сегодня живет в Ангарске. И тем обиднее, что сейчас лишь один человек, Спартак Николаевич Черныш, пытается сохранить и отстоять, отвоевать этот музейный экземпляр от наступления гаражей и частных мастерских. А почему бы не сделать там «Дом учителя (интеллигенции) XX века» или разместить литературный музей города? Есть же «Дом мещанина» в Иркутске.

Когда мы издали сборник стихов Лии, мои одноклассники выступали с его представлением в литобъединении г. Усолья-Сибирского, библиотеках Иркутска и Ангарска. Рассказы и публикации о Лии, презентации ее сборника — НАША ПАМЯТЬ, НАШЕ ПРИЗНАНИЕ В ЛЮБВИ, НАША БЛАГОДАРНОСТЬ.

Литература:

Изданные стихи Лии Алексеевны Болдыревой:

- Болдырева Л. Испытание : стихи // Бригада. — Иркутск : Вост-Сиб. кн. изд-во, 1968. — 18 с.
- Болдырева Л. Стихи // Подсказала строку Ангара. — Иркутск : Вост-Сиб. кн. изд-во, 1993. — С. 12-21.
- Болдырева Л. Россия. Живу не безупречно... // Ангарск поэтический. Антология. — Ангарск : Просторы, 2006. — С. 70.
- Болдырева Л. Как в левитановских картинах... // Славлю Россию, Иркутск и Байкал / сост. И.А. Лившиц, В.П. Скиф. — Иркутск, 2011. — С. 44.
- Болдырева Л. Я знать хочу, а что такое стойкость.../ сост. Т. Тийттанен, В. Краснова // Встречи. — № 3. — Ангарск, 2014. — С. 4-15.
- Болдырева Л. Мой путь по радуге : Поэтический сборник. — Ангарск : Издательская группа «Признание», 2016. — 128 с.

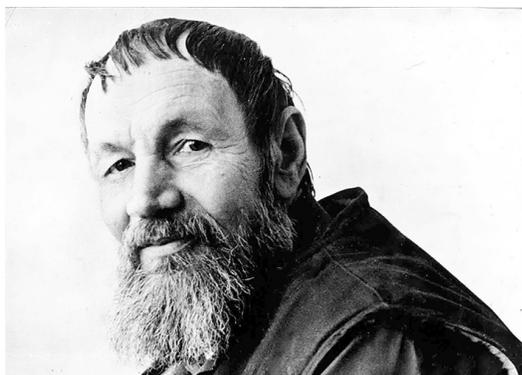
Публикации о Л.А. Болдыревой:

- Тийттанен Т. Чтобы помнили // Встречи. — № 2. — Ангарск, 2014. — С. 60-66.
- Тийттанен Т. Моя учительская первая любовь // Признание. — 2014. — № 21. — С. 42-44.
- Тийттанен Т. Сквозь годы... 50-летию окончания школы посвящается // Признание. — 2014. — № 22. — С. 26-29; — № 23. — С. 31-33. — 2015. — № 24. — С. 8-11; — № 25. — С. 32-36.
- Тийттанен Т. Лия Болдырева: «Люблю кусочек мира...» // Признание. 2016. — № 31. — С. 35-37.
- Тийттанен Т. Лия Болдырева: «...Открытые окна класса...» // Признание. 2016. — № 32. — С. 22-25.
- Тийттанен Т. Лия Болдырева: «...Осталась вечность...» // Признание. — 2016. — № 34. — С. 26.
- Тийттанен Т. Испокон века учитель растит человека // Признание. — 2018. — № 43. — С. 20-22

На пороге величия...

О ТВОРЧЕСТВЕ ХУДОЖНИКА АРКАДИЯ ВЫЧУГЖАНИНА

А.И. Вычугжанин

В 1984 году Аркадия Ивановича не стало, и это казалось настолько нелепым... в это не хотелось, невозможно было поверить. Ему исполнилось всего пятьдесят четыре года. Наступала зрелая пора творчества, в это время к художнику приходит ясность духовного зрения, всевозможные сомнения, обычно сопутствующие художнику до последних дней, уже не так досаждают его опытной душе. Впереди ничем не стесненное творчество, когда художник, вооруженный недюжинным мастерством

(за плечами Казанское художественное училище и Харьковский художественный институт), может творить в полную силу своего ума, своих чувств, своего мировоззрения....

Живописец был на пороге титанического величия!

Аркадий Иванович Вычугжанин родился в 1929 году 20 декабря в деревне Оверицы Вятской губернии. В самом сердце России. Правильно-то, оказывается — Оверицы. «Вычугжанины были в Пугачах, рядом с Оверицами». Это мне в «Одноклассниках» женщина одна, родом из тех мест, поведала. Нет теперь ни Пугачей, ни Овериц....

Закончив учение, Вычугжанин оказался в Иркутске. Сюда, к Байкалу, пригласил его бывший сокурсник по Харьковскому институту Анатолий Алексеев.

Профессиональное мастерство приезжего молодого художника оказалось уровня высочайшего, хотя и местная, иркутская школа живописи далеко не из последних — Иван Лаврович Копылов, основатель Иркутского художественного училища, заложил фундамент накрепчайший. Но мастерство, безупречный художественный вкус, требовательное отношение к себе ставили Вычугжанина выше и его сокурсников по Харькову. Кроме того, он совершенно не терпел никаких компромиссов в искусстве. Известен факт, что когда А. Алексеев и Г. Богданов (оба выпускники Харьковского института) начали работу над фундаментальной картиной «Сибирь социалистическая», получившей в дальнейшем на выставке «Советская Россия» в Москве высочайшую оценку, Вычугжанин не стал участвовать в этом... проекте (его ведь наверняка приглашали бывшие сокурсники). Вероятно, что и Алексеев, и Богданов вполне искренне писали социалистическую

Сибирь, но для Аркадия Ивановича, для его убеждений это был дичайший компромисс. Подумайте только, среди его работ — ни одного политического заказа.

Посмотрите на картину «Портрет чекистки Е.Н. Башариной-Соболевской» (1977). Посмотрите без предубеждения в лицо этой женщины. Такие люди, русские люди, свято верили в единение людей под лозунгом социального равноправия. Их жизненные установки, выработанные тысячелетием православия, прекрасно укладывались в идею коммунистического общежития. Скорее не их вина, а их беда, что они остались без Бога. И художник пожалел ее, пожалел эту уставшую от собственной идеологической несгибаемости женщину-чекистку, пожалел, как сын жалеет мать, — он накинул на ее плечи посадский цветастый платок, чтобы согрелась душа, чтобы радость проникла в ее сердце... Но платок превратился в пепел и полыхающие угли...

Сострадание, искренняя любовь к человеку светится в каждом портрете Аркадия Ивановича Вычугжанина.

Жил одно время в Иркутске молодой скульптор. Не могу дать ему оценки как художнику потому, что видел всего три его работы. И вот он, влекомый жаждой творчества, вытесал из двух больших каменных глыб две большие каменные головы. Они долго стояли в его мастерской, занимая много места. Потом, уезжая из Иркутска, скульптор закопал их прямо в мастерской... Что-то, по-видимому, мешало ему раздробить их на куски и вынести с мусором...

Пусть не обижается на меня скульптор Ряшенцев. Ситуация, конечно, гротесковская, но кто застрахован от подобного? Даже великие художники и прошлого, и настоящего постоянно, хотя бы втайне, терзаемы сомнениями по поводу самоценности своих творений. Это нынче, когда наступила еще одна, я думаю, все же тщетная попытка переоценки вековых ценностей, желторотые юнцы, не говоря уж о юнцах пожухлых, ляпают из сантехнических предметов нечто монстроподобное и кричат надрывно о своей подсознательно самовыразившейся гениальности... Да Бог им судья, несчастные....

Аркадий Иванович написал «Портрет скульптора Ряшенцева» (1966). В портрете нет и тени издевки над скульптором. Там есть образ мучительного размышления художника над своими творениями — что сотворил он, зачем эти молчаливые каменные истуканы?.. Там есть серьезное и глубокое размышление о судьбе художника, о судьбе его творчества, о смысле искусства вообще... Там есть сочувствие...

*Нам не дано предугадать,
Как слово наше отзовется,
И нам сочувствие дается,
Как нам дается благодать.*

Как точно эти тютчевские строки выражают сверхзадачу всего творчества Вычугжанина... Именно благодать сочувствия поселяет в душе зрителя художник своими творениями.

Сегодня мы, погрязшие в современной рационалистической суеде, отравленные «новейшими» взглядами общества, в котором ценность самой человеческой жизни, чего уж говорить о душе, поставлена под сомнение, мы, очерстевшие сердцем, не в силах по духовной слабости своей пробиться к животворной вере нашей. И потому именно теперь творения Аркадия Ивановича Вычугжанина и всех тех, кто нес и самоотреченно несет сегодня живой дух русского реализма, для нас, стоящих на краю inferнальной пропасти, жизненно необходимы, как поток живой воды.

Вот другой портрет — на мой взгляд, одно самых глубоких полотен художника. «Портрет телятницы Турской фермы И.Е. Нестерчук» (1961) — поэтическая, философская ода русской женщине.

На небольшом холсте изображена женщина в платье, темном, с мелкими цветочками. Белый цветастый платок на плечах. Крестьянскими натруженными, но удивительно нежными, материнскими руками женщина чуть смущенно придерживает края платка... В лице ее, потемневшем от холодов, ветров и зноя крестьянской жизни и похожем теперь на иконописные лики, вы не найдете особых характерных черт, они как бы выпиты повседневным нелегким трудом, переживаниями, какой-то высшей, надмирной, самоотреченной заботливостью... Беззащитно белеет шея... Всепрощающий и любящий взгляд направлен мимо зрителя... Она думает не о своей тяжелой доле....

Таких женщин на Руси всегда было множество. В обычной жизни мы, гонимые страстной жадой жизни, как правило, не замечаем их. А между тем, именно им, этим простым русским женщинам — нашим матерям — открыт тот самый смысл бытия, в поисках которого блуждаем мы до конца своей жизни... это та самая распутинская женщина, которая призвана спасти мир, спасти русский мир.

В истории не только русской, но и европейской живописи трудно найти более прониновенный образ женщины-жены, женщины-матери.

Ни в одном портрете работы Аркадия Ивановича вы не найдете ни малейшего повода почувствовать превосходство художника над портретируемым. Простая русская телятница не была для Аркадия Ивановича человеком какого-то низшего сорта. И даже напротив, он ставил ее много выше себя! Будь иначе, он просто никогда и не стал бы писать этот портрет. Более того, мне представляется, что для него вообще человеческая личность всегда была и глубже, и интересней, и значимей его собственного я. Безусловно, Аркадий Иванович руководствовался в своем портретном творчестве тем, не модным сегодня, соображением, что, познавая лучшее в людях, мы сами становимся и лучше, и понятней себе.

Вообще, надо сказать, что пятидесятые-шестидесятые годы прошлого теперь уже века были, несмотря ни на что, годами для искусства благословенными. Это был подъем в русском искусстве. Именно в то время расцвели такие русские гении, как Свиридов в музыке, Корин, Пластов, Попков в живописи, Астафьев, Белов, Распутин, Рубцов в литературе. Секрет такого подъема в том, что творчество этих художников не было оторвано от народной жизни, оно жило народной жизнью, оно питалось соками народной культуры. Оно не болело своей исключительностью, оно сознавало и создавало свою великую второстепенность!

Выскажу предположение, что Аркадий Иванович со своим «академическим» художественным образованием мог оказаться «беловой вороной» — в шестидесятые, восьмидесятые годы редкий художник в Иркутске мог похвастать столь фундаментальной школой, таким серьезным отношением к творчеству — но Вычугжанин легко и натурально вошел в иркутскую художественную среду. Имя его быстро обрело широкую известность. Авторитет Аркадия Ивановича стал непрекращаем. Ни одна зональная выставка Сибири не обходилась без его решающего голоса. Художники искали услышать его суждения об искусстве, о живописи, об их картинах, а кому посчастливилось учиться у Аркадия Ивановича, вспоминали его с поклоном. Вот слова Владимира Кузьмина: «Ученики благоговели перед Аркадием Ивановичем, как перед могучим мастером-живописцем, а и человек был незаурядный... любомудр, можно сказать... и начитанный. Бывало, ученики спро-

сят про нашу шумевшую книгу, а он сразу: дескать, читал, читал... И уж мнение своё имеет. И пел чудно. Любил кондовые сибирские песни, чтоб душа пела...»

В кругу Иркутских художников. (Вычугжанин сидит слева в рубашке)

Кроме того, Аркадий Иванович, как теперь принято выражаться, был личностью харизматической. Скромный, даже простоватый с виду, небольшого роста, крупные руки, лоб мыслителя, красивое русское лицо, спокойный внимательный взгляд, живая народная речь... Он, еще и не начав говорить, уже завладевал вниманием окружающих. А уж если Аркадий Иванович говорил, то присутствующие с жадностью ловили каждое его слово, которое всегда было точным, выразительным.

В семейном архиве Вычугжаниных хранится фотография, на которой запечатлен момент встречи группы иркутских художников с великим русским живописцем Павлом Дмитриевичем Кориным. В этой группе находится и молодой еще Аркадий Иванович. На фотографии отчетливо прочитывается, что Корин разговаривает именно с ним, что остальные только присутствуют при разговоре. Зная Аркадия Ивановича, с большой долей вероятности можно утверждать, что Корин и в самом деле из всей группы выделил для разговора именно его, что именно ему были направлены какие-то, возможно, очень важные, слова.

Полагаю, Аркадий Иванович прекрасно знал себе цену, и этого не могли не замечать коллеги по Союзу. Не то, чтобы у него не было друзей, но определенная сдержанность в отношениях с братьями-художниками чувствовалась. И все же друг у Аркадия Ивановича появился. Художник молодой, остроглазый, остроязыкий, талантливый, искрометный, обаятельный, стремительный, элегантный, современный — Галина Евгеньевна Новикова. Окончив училище искусств на курсе Вычугжанина, она тоже стала преподавать там, и я учился у нее...

И только по прошествии многих лет, когда постепенно истаял морок её обаяния, мне стала непонятна эта дружба. Два совершенно разных человека с противоположными взглядами на жизнь, два разных художника с взаимоисключающими принципами искусства. Два абсолютно разных мира....

Аркадий Иванович, крестьянский сын из многодетной семьи — основательный, неспешный, углубленный в свое дело человек. Он не терпел суеты, поверхностности... Философская направленность его произведений говорит о напряжен-

Беседа с великим русским живописцем Павлом Дмитриевичем Кориным. (Вычугжанин сидит справа, спиной.)

ной работе ума и сердца, о равнодушной и сострадательной натуре его. В своих портретах он бережно размышлял о человеческой судьбе, о сложных характерах. Главное в творчестве Вычугжанина — любовь к человеку как к творению Божию.

Беру на себя смелость утверждать, что Аркадий Иванович был верующим. Не воцерковленным — в те времена трудно было прийти к Церкви, но верующим по духовному складу души, по генетической памяти, по врожденному миропониманию... Портреты Аркадия Ивановича можно воспринимать как молитвы за людей, которых он писал... Проникновенные, глубокие молитвы...

Галина Евгеньевна писала характеристики. Хлесткие, точные, беспощадные, как приговор. Характеристики, не позволяющие портретируемому (третируемому) иметь сложную натуру: вот этот — мартовский кот, этот — желчный мизантроп, вот — циничный, с личным превосходством научный работник, а вот красotka с претензией на интеллект... да, наверное, все это есть в этих людях... и сходство потрясающее! Но настолько ли однозначен человек? Неужели вот так легко и просто познать и поставить на нем печать?

Нет, Галина Евгеньевна Новикова, безусловно, мастер. Мастер высочайшего класса! Но самое, что ни есть, могучее мастерство, в котором нет любви к человеку, разрушительно... и прежде всего для самого художника. Галина Евгеньевна, конечно, не злой гений. Просто она была слишком стремительной и остроглазой, что, очевидно, мешало ей углубляться в живую натуру...

Чист упругий белый холст: молодой мастер стоит перед ним, его лицо почти не видно зрителям, оно отрешенно, возвышенно задумчиво... Над чем так сосредоточен художник?.. На картине напряженный момент творчества, таинственный и непостижимый... Возможно, в это мгновение перед ним встают образы давно минувшего, образы его деревенского детства, когда складывалось его мирочувствие, его мировидение. За холстом подготовительные рисунки и эскизы к портрету старейшей поселенки М.Л. Прибытковой; это ее Аркадий Иванович называл «моя муза»...

В картине отображен самый главный, стержневой момент творческой жизни — момент выбора пути... Вернее, выбор уже сделан, и теперь на белом холсте худож-

Г.Е. Новикова. Автопортрет.

ник внутренним, духовным зрением уже видит свои самые сокровенные творения: и те, которые сбудутся, и те, которым сбыться не суждено.

Белый холст как завет творчества, как вечный зов Завещанной любви. Именно для нее искусствоведы придумали сухое, ничего не говорящее слово — реализм... Да, истинный реализм там, где художник творит, прежде всего, не от любви к краскам, а творит самозабвенно от любви и живого сострадания к человеку, к миру, там, где художник видит великий смысл бытия.

Белый холст как завет величайшей ответственности художника.

Аркадий Иванович, как глубоко русский художник, наверняка хотел поделиться со своим зрителем чем-то очень значимым и важным. Чем-то сокровенным, чем-то открывшимся только ему... Поделиться своими, как ему совершенно справедливо казалось, очень нужными и даже необходимыми, жизненно необходимыми мыслечувствами. Уж такова особенность русского художника, что жаждет он вложить в свое произведение наиболее и чувства, и смысла, чтобы оно могло жить своею жизнью, чтобы оно могло говорить языком души, языком сострадания с каждым живым человеком...

Аркадий Иванович работал неторопливо, проникновенно, с сознанием огромной ответственности перед людьми за свой дар, который он с легкостью мог бы обратить в житейские блага для себя. Но он работал, не помышляя ни о почестях, ни о наградах, коими с успехом обзаводились его коллеги. Он весь, без остатка был искренне предан искусству. Справедливости ради надо сказать, что ему хотели присвоить звание заслуженного художника СССР. Не один раз в Москву были отправлены необходимые для оформления документы и фотографии, но каким-то странным образом и фотографии, и документы терялись....

Несомненно, он много размышлял о назначении художника, об ответственности русского художника за своё творчество перед своим народом, плоть от плоти которого он был.

«Ещё в начале шестидесятых он загорелся написать портрет Андрея Рублёва, — пишет о Вычугжанине Лев Борисович Гимов, иркутский художник. — Он шёл к этой работе год за годом, всерьёз размышляя над феноменом русской иконописи. К этому времени вышел на экраны «Рублёв» Тарковского, и многие живописцы, недолго думая, взялись за кисти. Разумеется, работы этих торопыг были поверхностны в решении темы, грешили иллюстративностью. Аркадий Иванович вынужден был остановить себя — взялся за автопортрет, который можно без натяжки трактовать как серьёзную пробу в решении будущего портрета Андрея Рублёва».

Что же помешало Аркадию Ивановичу в дальнейшем прийти к решению этой темы? Мне кажется, художник в процессе работы над автопортретом, в ходе серьёзных размышлений над русской иконописью понял, что иконопись не есть живопись в прямом смысле. Что иконопись, по выражению Павла Флоренского, — богословие в красках.

«В России иконопись стала свидетельством не столько о вере христиан, сколько о жизни во Христе, о том, что может произойти в человеке, который не образно и символически, а лично и всерьёз воспринял слова Спасителя: «Будьте

совершенны, как совершенен Отец наш Небесный (Мф. 5, 48)» — так говорит об иконописи Патриарх Московский и Всея Руси Алексий II в предисловии к книге «Русская иконопись» (М., 1991).

Далее Патриарх говорит, что создаваемое подвижниками иконописцами — преподобным Алипием-иконописцем, Андреем Рублёвым и Феофаном Греком, а также тысячами многих, чьи имена ведомы только Богу, «зиздилось на духовном опыте Церкви, который стал и их личным опытом».

Вот что прозрел в сердце своем Аркадий Иванович, размышляя над образом Андрея Рублёва. Он увидел, что законы иконописи есть нечто иное, нежели законы мирской, светской живописи, что образ Андрея Рублёва не может уложиться в образ светского художника. Что в высшем смысле Андрей Рублев не был художником, что он был монах и богослов. Аркадий Иванович понял всю тщету задуманного. Врожденное православное миропонимание помогло Аркадию Ивановичу увидеть это.

Сегодня картины Аркадия Ивановича пылятся в запасниках художественного музея, появляясь «на люди» раз в пять-десять лет... Но картины как живые — им необходимо общение... От одиночества они теряют смысл своего существования. А мы — хладнокровные потребители эстетического — глянув сметливым глазом оценщика на предмет высокого искусства, запираем его в «долгий ящик» для сохранности и... все. Но ведь известно, с глаз долой — из сердца вон...

За последние тридцать лет изрядно иркутских художников, и заурядных, и даровитых, издали свои буклеты и альбомы, но и по сей день не издан альбом живописи Аркадия Вычугжанина, выдающегося мастера портрета. Странно, что культурная власть обошла художника, чьи избранные произведения в едином ряду с шедеврами классической русской живописи прошлых веков. Увы, что-то намеренное сквозит в сём умалчивании; и не пытаются ли нас заставить забыть о великом русском портретисте?..

И в наш новый, губельно рационалистический век, когда на смену человеколюбию, состраданию, жертвенности приходят ценности совершенно иного порядка, когда мерилom человеческих отношений становится упругость кошелька, мы убираем с глаз долой все, что способно тронуть сердце, все, что способно разбудить живые чувства, все, что может заставить человека мыслить человечно, то есть не так, как того требует сегодняшнее время, в котором властвует бездушный и недальновидный расчет.

И я задаю себе вопрос — для чего же трудились и трудятся сегодня иркутские художники, если их творения, просверкнув на какой-нибудь выставке, простаивают потом где-нибудь в мастерских или музейных запасниках? Зачем вообще нужна живопись, если ее никто не видит? Представьте себе, что произведения Пушкина, Гоголя, Достоевского, Распутина... так и остались лежать рукописями где-нибудь в запасниках музеев... Спектакли в театрах идут десятилетиями, на хорошие спектакли люди ходят по многу раз. Какое-либо музыкальное произведение слушается сотни раз и живет вечно. Чем же провинилась живопись, что спрятана от глаз людских?! Где выставочный зал иркутских художников? Почему иркутян лишают возможности обогащать свой духовный мир?

Хотя, какое уж там теперь духовное обогащение... Дело дошло уже до того, что говорят, будто реалистическому искусству пришел конец... Сентенция эта, разумеется, лишена малейшего смысла. Реализм был, есть и будет всегда, ибо он так же необходим человеку, как хлеб, вода, земля, воздух, солнце... Правда, сегодняшнее положение в искусстве, вроде бы, говорит об обратном, но это временный

упадок, который наступал каждый раз, как только революционеры и политики затевали перекройку народной жизни и навязывали народу, среди прочего, «новое» искусство. На этот счет есть весьма откровенное и красноречивое признание пламенного перестройщика образца 1917 года А. Луначарского:

«Я протянул руку футуристам главным образом потому, что в общей политике Наркомпроса нам необходимо было опереться на серьезный коллектив творческих художественных сил. Их я нашел почти исключительно здесь, среди так называемых левых художников».

Как говорится, комментарии излишни... Да, перестройщики всегда найдут на кого опереться — нездоровых голов и просто пройдох от искусства в любые времена хватало, и не оскудеют во все времена.

Для чего же тратит художник свои душевные силы? Или его творческие муки пусты, никчемны? Или идеалы добра, любви и впрямь препятствие на пути прогресса? И в самом деле надо «сбросить с корабля современности» всех этих «хлюпиков» добротолубия? Так давайте откровенно признаемся, что нам совершенно безразличны, и даже досаждают все эти «потрепанные тысячелетиями» идеалы! Давайте честно предадим огню духовные ценности русского народа! Давайте поменяем наши нравственные ориентиры на противоположные! Тем более что сегодня глумление над Россией, над ее святынями в большой моде, и даже оплачивается. И не придется больше натужно лить крокодильи слезы над «вымирающим» реализмом. Предадимся же честно торгашескому духу рынка, безраздельно властвующему ныне в искусстве. Все на продажу!

Да возможно ли?! Конечно, невозможно. Невозможно, если мы верим в высшее предназначение человеческой жизни, если мы хотим будущности нашим потомкам. История человечества всегда изобиловала войнами и революциями. Но любая страна, где это происходило, даже при изменении государственного строя, всегда восстанавливала свою национальную культуру, свои понятия нравственности и свою религию, пусть даже в некотором измененном виде, если желала быть. В противном случае исчезала и страна, исчезал и сам народ. Тому в истории масса примеров.

И если мы хотим быть, нам необходимо восстанавливать наш культурный слой. Восстанавливать и укреплять тысячелетние ценности, которые одни только и могут защитить народ наш от разрушительного разгула пошлости, эгоизма, человеконенавистничества, равнодушия, от власти кошелька...

Аркадий Иванович Вычугжанин является эталоном совести в искусстве. Его произведения должны всегда быть доступны. Они должны работать. Самой достойной памятью художника могла бы стать небольшая галерея его произведений. Это мог бы быть Дом русского искусства, где наряду с его произведениями беспрепятственно могли бы выставлять свои работы художники города и области. В этом доме могли бы проводить встречи все творческие силы области — и композиторы, и театральные деятели, и деятели кино, и писатели, словом все, кто всерьез озабочен состоянием нашей культуры. Создание такого Дома было бы хоть и небольшим, но весьма серьезным шагом в возрождении былой мощи русского искусства. Разобщение творческих сил, заложенное еще советской внутренней культурной политикой, весьма болезненно сказывается сегодня на состоянии национального искусства в целом, когда идет распад творческих союзов. Дом Русского творчества мог бы послужить объединению этих сил.

Вот такой Дом русского искусства вполне был бы достоин носить имя Аркадия Ивановича Вычугжанина.

Сумочка к ребру

СТЕПАН ПРАВДОРУБСКИЙ

«Когда с меня ты выбьешь дурь...»

Пародии

*Мы в жизни с судьбою играем в рулетку.
А что проиграли, уже не вернуть.
Осталось одно — снова к маме вернуться.
К ней голову молча полОжить на грудь.*

Владимир Седых (Иркутск)

Играли, играли, играли в рулетку.
И все проиграли, язык и барсетку.
Осталось язык тот в рулончик свернуть,
И автору тихо полОжить на грудь.

ПолОжить, повешать, родной стихоплет!
Ты речи «народной» великий оплот!

Орлица

*Надо мною, как орлица,
Кружиться будешь среди бурь.
Как штиль на море стану тихим,
Когда с меня ты выбьешь дурь.*

Владимир Седых (Иркутск)

Она с утра меня долбила	Не баба, ей же ей, орлица.
Дубьем, вытряхивая дурь.	Я буду тихим навсегда.
И дурь, конечно выходила,	С фингалами я вижу лица.
Вливаясь в мрак осенних бурь.	Ты их любила — вот беда!

Соловей и филин (басня литературному критику)

*Филин однажды сказал Соловью:
— Ты запевай, я тебе подпою.
Не раскрывай только широко рот,
И соблюдай содержание нот.*

*Так Соловей, напевая строфу,
Только и слышал от Филина: фу!
Мораль:
Стал дирижером наверно бы Филин,
Только в мозгах не хватает извилин.*

Владимир Седых (Иркутск)

И широко и высоко разинул некто рот.
Наполнил содержанием сей отворенный грот.
И плюнул строкою на весь околоток.
Восторг от макушки до самых обмоток.

Унять стихотворный приходится зуд,
Коль знанием был не наполнен сосуд.

ВАСИЛИЙ КОЗЛОВ

Орлиная песнь

Пародия

Так видит мой глаз, что орёл подарил.

Вл.Скиф

Парили мы с ним во вселенной вдвоём,
Как два скоростных звездолёта,
Хоть каждый и думал о страхе своём,
Сближало нас чувство полёта.

Мы с ним изучили всю местность окрест,
Заборы, дома, огороды.
А после присели на общий насест,
Хоть были орлиной породы.

Конечно, удобнее было на стул, —
Но курица тоже не птица.
Он в лапе когтистой мне глаз протянул:
— Бери, может быть, пригодится.

Работаешь ты, не жалея чернил,
И жизнью страны озабочен,
Немало ты в жизни стихов сочинил,
Но, всё же бываешь не точен...

И так бы, конечно, оно ничего,
За помощь спасибо, товарищ!
Но всё же, ты выклевал глаз у кого? —
Сказал бы, коль искренне даришь.

Он, не попрощавшись, рванул в облака...
Да, задал, пернатый, загадку...
...Бежал рано утром я в МНТКа,
Чтоб сделать скорей пересадку.

Теперь наплевать мне, что скажет Зоил,
Меня критикуя отважно:
Так видит тот глаз, что орёл подарил,
Как видит мой глаз, мне не важно.

ВЛАДИМИР СКИФ

С рябчиком

Пародии

*...Прилетай ко мне, рябок,
Посидим вдвоём под елью.*

*Без тебя скучаю я...
Ты не пьёшь, я выпью пива.*

Василий Козлов

Сон у рябчика глубок:
Спит он в снежной колыбели.
— Прилетай ко мне, рябок! —
Утром крикну из постели.

Я соскучился давно
По своим друзьям пернатым.
Дарит пиво и вино
На похмелку мне «СибАтом».

И поэтому сейчас
Мы напьемся всем на диво...
Сделал я большой запас:
Сорок шесть бутылок пива!

Ты сказал, что ты не пьёшь?!
Это странно, в самом деле.
Ну, да ладно! Ты spoёшь,
Серенаду мне под елью.

Целоваться, друг, не лезь,
Это нужно нам едва ли...
Птичья у меня болезнь:
Люди «пéрепел» назвали.

Со стариком Державиным

*И Пушкин вступит в разговор,
И Репин, и Серов.
Старик Державин бросит взор
Поверх седых голов
На серый пепел меж кустов,
На мёрзлую сирень:
— Привет, Кузьмин! Привет, Козлов!
Какой сегодня день?*

Василий Козлов

Широкий зал и коридор,
Роскошный цвет ковров.
Там Пушкин затевает спор,
И Репин, и Серов.

Они, конечно, для меня
Великие. И всё ж,
Я чувствую средь бела дня,
Что я на них похож.

Такой же мудрый, молодой,
Талантлив и умён.
Своей известен простотой
Среди любых времён.

...Передо мной лицей, друзья!
Себя я узнаю:
Великий Пушкин — это я —
Экзамены сдаю.

И шевелюра, как моя,
И время, вроде, то...
— Привет, Державин! —
крикнул я.
А он мне: — Это кто?

АЛЕКСАНДР ЛАПТЕВ

Обретение веры, или Разговор начистоту

(К ВЫХОДУ В СВЕТ НОВОЙ КНИГИ ВАСИЛИЯ ГИНКУЛОВА «ОБРЕТЕНИЕ ВЕРЫ»)

*Несколько поэтов. Достоевский.
Несколько царей. Орёл двуглавый.
И — державная дорога — Невский...
Что нам делать с этой бывшей Славой?
Бывшей, павшей, обманувшей, сгнившей...
...Широка на Соловки дорога,
Где народ, свободе изменивший,
Ищет, в муках, Родину и Бога.*

Георгий Иванов, 1949 г.

Прошлым летом, за полгода до своего девяностолетия, Василий Владимирович Гинкулов издал свою очередную книгу. Да не просто книгу, а целый роман с многообещающим названием «*Обретение веры*». Само по себе это и удивительно и достойно восхищения — писать романы в столь преклонные годы! Но удивление усиливается и теряет всякие границы, когда узнаёшь из самой книги, что ещё в пору своей первой молодости Василий Владимирович балансировал на грани жизни и смерти, что к тридцати годам здоровье его было настолько подорвано, что он не в состоянии был пройти ста метров без сердцебиения и длительного отдыха, что

он полностью утратил способность читать и размышлять о чём бы то ни было, что итогом этого стала инвалидность, и что в течение долгих шести лет вёл отчаянную борьбу с тяжким недугом — борьбу, в которой он имел все шансы погибнуть, но сумел выстоять и вернуться к полноценной жизни. И вот, человек, который в тридцать лет не мог читать даже детские сказки и с трудом мог донести ложку жидкого супа до рта, теперь не только читает и ест всё подряд, но с завидной энергией пишет романы, и ведёт себя так, словно не было за плечами ни голодного детства, ни изнуряющей учёбы в институте, ни страшного упадка сил, едва не стоившего ему жизни, ни всех тех потрясений, которые легли на плечи людей его поколения — граждан СССР, родившихся в год великого перелома, ког-

да «великий кормчий», ничтоже сумняшеся, затеял в измученной двумя войнами и революцией стране «второй Октябрь», последствия которого были настолько чудовищны, так пугающи, что о них боятся говорить всю правду даже и теперь, девяносто лет спустя!

Но тем ценнее книга Василия Гинкулова! Потому что это не просто книга и не обычный роман, а это настоящая исповедь умудрённого жизнью человека! Это — предельно честный рассказ о пережитом, воспоминания человека, который своими глазами видел жуткую действительность тридцатых-сороковых-пятидесятых годов — ту самую действительность, о которой сейчас рассказывают всякие небыллицы все те, кто знает об этом понаслышке. Беспристрастно повествуя о событиях тех давних лет, автор не щадит и себя, он предельно откровенно рассказывает и о своих заблуждениях, о своей немощи, о вспышках внезапной ярости и о том глубочайшем душевном кризисе, который едва не свёл его в могилу. Одно только это может служить оправданием всей книги! Потому что борьба человека с обстоятельствами, его непреклонная воля к жизни, отчаянное сопротивление стремящемуся поглотить его хаосу — это наиглавнейший вопрос для любого серьёзного писателя. Сопротивление хаосу, поиски смысла жизни, стремление к свету и гармонии, разоблачение лжи и восстановление истины — вот главные вопросы великой русской литературы, доставшейся нам в наследство от Достоевского и Толстого, Гоголя и Чехова. Василий Гинкулов в своём творчестве следует этой благородной и мужественной традиции, его книга как раз и повествует о борьбе с хаосом, о неодолимой тяге души человеческой к свету, о поисках смысла и оправдания нашей непростой и путаной жизни.

Название её — *«Обретение веры»* — говорит само за себя. Автор нашёл смысл жизни и её оправдание в великом учении Иисуса Христа.

Бывший сталинский стипендиат, член КПСС и активный пропагандист учения марксизма-ленинизма, в возрасте 28 лет Василий Владимирович Гинкулов выходит из рядов КПСС, прямо при этом заявляя, что он уверовал в Бога и не может более оставаться в рядах безбожных строителей коммунизма. Его не останавливает даже перспектива отстранения от любимой профессии учителя.

Вот как автор описывает в книге сцену исключения в райкоме КПСС:

— *А вы отдаёте отчет себе, гражданин Панкратов, что теперь не только в школу вам путь заказан, но и вообще никуда, где осуществляется обучение и воспитание граждан?* — (с пафосом восклицает первый секретарь Тайшетского райкома).

— *Так это само собою разумеется!* — (следует невозмутимый ответ).

Всё это происходило в августе 1957 года. Теперь можно лишь восхититься мужеством человека, решившегося на столь радикальный шаг в столь непростое время, когда ещё действовала чудовищная 58-я статья УК РСФСР, а гегемонию КПСС никто и не думал отменять, она тогда казалась вечной и незыблемой. Человек, осмелившийся бросить открытый вызов столь грозной и изощрённой системе, должен был быть готов ко всему, не исключая собственную смерть (уж не говоря о бытовых удобствах, хорошо оплачиваемой работе и душевном комфорте, членстве в СП России и прочих «мелочах»).

Угрозы первого секретаря не были пустым звуком: Василию Владимировичу больше уже не пришлось работать в школе. Бывший учитель, эстет и книголюб, человек отнюдь не богатырского сложения, да ещё после перенесённого недуга, вынужден был работать кочегаром, кладовщиком, электросварщиком и слеса-

рем-сантехником — вплоть до выхода на пенсию. Такова была расплата за смелый и честный поступок, совершённый в самом начале жизненного пути! Из этого можно заключить, что государство в те годы не жаловало людей честных — тех, кто прямо выражает свои взгляды, кто не ловчит и не приспосабливается, кто не держит фигу в кармане, а смело показывает её своим оппонентам. В те времена гораздо комфортнее себя чувствовали приспособленцы и фарисеи, люди без особых принципов и идей. Не это ли стало одной из причин столь стремительного и неожиданного для многих развала некогда великой страны?

Но обратимся к тексту романа. В нём много ценнейших и вполне достоверных сведений об ушедшей эпохе.

«Я постучал в обитую картоном дверь, не услышав ни звука изнутри, рванул на себя дверь, переступил порог и ажно испугался: до черноты закоптелые стены и такой же черный низкий потолок придавали жилью вид каменной пещеры. Пещерную темноту не могли осветить три маленьких, без штор обледенелых оконца. На мое приветствие никто не ответил, хозяйка, значит, на колхозной работе.

Дом состоял из одной большой комнаты, без перегородок. В ближнем левом углу русская печь, в левом дальнем стол с какой-то посудой. Ни кроватей, ни даже лавок и табуреток, неизменных для крестьянского жилища, не говоря уж о сундуке или чемоданишке с семейным добром, в густом сумраке я не углядел. Все стены и углы пустехоньки. А прямо передо мной посреди избы на охапке соломы под заплатанным ватным одеялом, улезиши под него с головой, спали дети, по-видимому, трое. Больше взгляду не на чем было задержаться».

В такой обстановке жила вдова солдата, погибшего в боях с фашистами за свою родину. Вот как автор оценивает это житьё-бытьё:

«Ныне у вдов-солдаток, коих на селе большинство, в стайках, котухах, пригонах и курятниках мертвая тишина: ни коровьего мычания, ни овечьего бляения, ни свиньячьего хрюканья, ни куриного квохтания, ни петушиного кукареканья!.. Словно Мамай прошел!.. Никакой помощи солдаткам за потерю кормильца семьи, ни налоговых льгот, ни освобождения от каждодневного «мантуленья» за «палочки» в табеле бригадира».

Или такая картинка с натуры:

«С хохотом дети промчались мимо меня вниз в клубах снежной пыли.

Ни носков, ни чулок, и попа голая! Так это что, неужели они с рожденья так и растут босиком и нагишом?!»

И вот вывод автора книги:

«Нынешняя нищета в деревне не вынужденная, а искусственная, злоумышленная. Государство не обнищало вконец, нет, шахтеры в Бударино, если перевыполнят план, получают до семи тысяч в месяц, не знают, куда деньги деть, а у вдовы-татарки нет 80 копеек на метр ситца, чтобы рубашонки-платьишки детям сшить!»

Такой была русская деревня в пятидесятые годы двадцатого столетия!

Спрашивается, зачем же было устраивать эту совершенно чудовищную коллективизацию и бесчеловечное раскулачивание? Ради чего был разрушен вековой уклад деревни и уничтожены миллионы крестьянских семей, если через десять лет после начала коллективизации, в относительно благополучные 1939–1940

годы валовой сбор и зерна и мяса был меньше, чем в 1928–1929 годы? И зачем в эти же годы были репрессированы 40 тысяч представителей духовенства и монашества, при этом были закрыты все монастыри, а количество действующих храмов сократилось до 10 000 (в 1914 году их было 67 100). Чем уж так помешало советской власти духовенство, если оно уже было отделено от государства и не получало от него никаких дотаций?

Массовые выступления крестьян (в одном только 1929 году их было более 9 тыс.), а также страшный голод 1932–1933 гг. (унёсший жизни 6,5 млн человек) вынудили Сталина пойти на уступки: в 1934 г. крестьянам разрешили иметь приусадебные участки и продавать излишки продуктов по свободным ценам (что-то похожее было в 1921 году, когда продразвёрстку заменили продналогом). И эта малость (как и в двадцать первом!) стала в 1934 году настоящим спасением для миллионов людей! Вот красноречивые данные: в 1938 году приусадебные участки (занимавшие всего 4% пахотной земли) давали более 40% сельскохозяйственной продукции и львиную долю денежного дохода крестьян. Это ли не приговор всем колхозам, и это ли не урок на будущее всем тем, кто захочет в два счёта сломать то, что складывалось и зрело веками? Это ли не жесточайший урок тем, кто с преступной лёгкостью жертвует чужими жизнями ради вздорной теории (и собственного величия)?

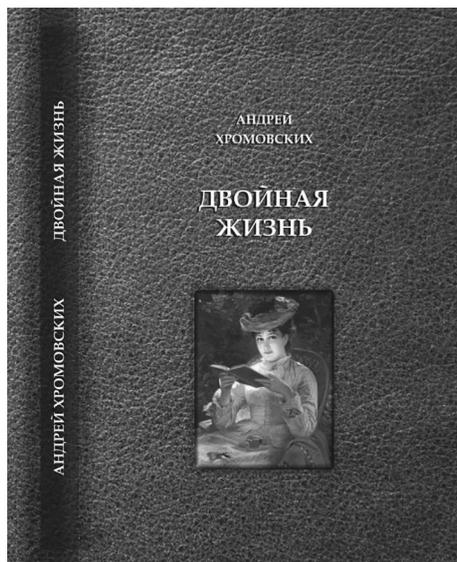
Но уже установлено: подобный эксперимент над людьми не может быть удачным. Можно на какое-то время превратить человека в раба. Иным удаётся довольно долго попирать справедливость и самый здравый смысл. Но всё это не может продолжаться сколько-нибудь долго! Рано или поздно раб сбросит с себя оковы, а истина восторжествует! Иначе не может быть. Иначе оно и не будет.

Именно этому учит великая русская литература. Об этом же книга *«Обретение веры»*. Я рекомендую всем прочитать эту книгу! Потому что в ней всё правда. Этим она и ценна.

СЕРГЕЙ КОРБУТ

Двойственность «двойной жизни»

О книге А. Хромовских «Двойная жизнь»

Что можно оценить в прозаическом произведении с самых первых страниц? Пожалуй, самое главное: литературное качество текста. Если оно подобно потоку свежего воздуха, смывающего осточертевшую духоту, значит, читателю повезло — он встретился с писателем, хорошо владеющим своим основным «инструментом», а именно литературным языком.

Повесть Андрея Хромовских «Двойная жизнь» — из такого свежего потока. Благодаря качеству текста и языковым приёмам автора, мы быстро погружаемся в жизнь, им придуманную, но кажущуюся реальной, близкой и даже знакомой, хотя это жизнь далёкая, аж из второй половины девятнадцатого века. Сюжетные линии

проявляются не сразу, герои представляются ненавязчиво, словно сквозь дымку июльской духоты, разморившей возлежащего в гамаке помещика: «Не то тоска от жары навалилась, не то скука с хандрою вперемешку...» — с подробностями быта (что они кушать изволят и как развлекаются в своём барском безделье) и деталями взаимоотношений. Всё это «покачивается» в голове героя в такт движению гамака вместе с ползшим «давеча вверх по террасной балясине голенастым, наглым, разжиревшим от кухаркиных щедрот прусаком» и «облачным непрерывным скаканьем».

Через десяток страниц автор плавно переносит нас в самую что ни на есть современность, используя техническую примету, соотносимую при этом с состоянием природы в предшествующем фрагменте: «От виска к подбородку и обратно неспешно бредёт шмелино жужжащая в облаках снежной пены бритва «Gillette»...»

Таких, казалось бы, незначительных, связующих отдалённые друг от друга времена, композиционных элементов в повести немало; они как бы окружают ореолом главные связи: жившего в прошлом и живущего сейчас Михаила Евгеньевича (помещик и клерк) и Машеньку (дочь помещика и такая же, как Михаил, мелкая служащая). При этом жизнь современных «двойников» представляется скупой, в обыденных, весьма серых и унылых тонах. Зато их встреча в девятнадцатом веке подобна налетевшей после затяжной духоты грозе: тут и громы, и молнии, и ливневая хлёткость чувств. Естественно, и внимания тому времени и тем взаимоотношениям уделяется значительно больше — это романтично-драматичная составляющая повести. К ней мы вернёмся позже, а сейчас попробуем разобраться, насколько в данном произведении присутствует сам автор.

В чём обычно такое присутствие проявляется, кроме рассказывания о себе лю-

бимом? В расстановке акцентов (это хорошо — это плохо), в характеристическом отношении к персонажам (положительный — отрицательный), в авторских комментариях к происходящему (чтобы читатель понял правильно, а не как ему вздумается). Но ничего такого в «Двойной жизни» нет. Люди живут в доставшейся им действительности, с присущими этой действительности нравами, привычками, манерами; и, как бы она их не тяготила, вырваться из неё им некуда, разве что в бунт «бессмысленный и беспощадный». Так что ж им оценки раздавать?! Даже гротескное изображение капитан-исправника Онуфрия Пафнутьевича Аксельбант-Адъютантского (одни ФИО чего стоят!), его супруги-исправничихи Альбины Ильиничны и в какой-то степени предводителя дворянства Льва Лукьяновича Длиннорукова, с которыми связан общественный нюанс существования Михаила Евгеньевича, явного налёта авторского отношения не имеет. Эта компания «чинов» образует вторую составляющую повести — сатирическую. Что тоже вполне естественно: кто же в России о чиновниках доброе слово скажет, кроме самих чиновников?! Писатели — не исключение. Тот же Александр Александрович Блок в речи «О назначении поэта» на торжественном собрании в 84-ю годовщину смерти Пушкина произнёс: «...уже на глазах Пушкина место родовой знати быстро занимала бюрократия. Эти чиновники и суть наша чернь; чернь вчерашнего и сегодняшнего дня». Нынешнего чиновничьего «боярства» Андрей Хромовских не касается, зато для «вчерашнего» не пожалел физиономических и речевых характеристик в купе с осмысливаемой Михаилом Евгеньевичем подноготной данного типажа.

Уже на второй странице текста капитан-исправник сравнивается с прусаком, а следом помещается фраза: «Надо было прусака пришлёпнуть чем-нибудь. Свежий номер журнала «Искра» очень кстати под рукой очутился, да что-то меня вдруг отвлекло...» (Очень многозначная в контексте фраза, не правда ли? Ведь и сам Михаил Евгеньевич что-то вроде писателя, которого всё время что-то отвлекает от пера и бумаги). Ну а при непосредственном появлении Онуфрия Пафнутьевича портрет детализируется уже с присущими всей повести изысками: «Вошёл неспешно, с видом несообразно его полицейскому званию значительным, от всех и вся независимым. Удивительно. В кресло не присел, как всегда, с краешку, а, не спрашиваясь, плюхнулся в самую его гобеленовую середину; ногу на ногу, руками при этом помогая, покряхтев, закинул; развалился вольно, словно на садовой скамейке... Усы вздыбил, отчего они сделались удивительно прусачьими, по резным кресельным подлокотникам жирные пальцы разбросал (грязь под ногтями, как всегда, не вычищена), глазками вперился... Глазки у него особливые: по причине отсутствия подвижности и живого блеску схожи с мутным голубым французским фаянсом, и ежели какой комар вздумает уколоть капитан-исправничий глаз, то хоботок, к превеликому комариному удивлению, лишь скользнёт по непроницаемой поверхности, принятой обманутым кровососом за обычную плоть, то бишь человеческую...»

Обратим внимание на слова «не присел, как всегда, с краешку» и «удивительно». За ними стоит весьма важная внутрисполитическая реалья: до 1862 года должность капитана-исправника (главы уездной полиции) в России была выборной от дворян, и естественно, что Онуфрий Петрович вынужден был перед ними расшаркиваться, а тут царским указом выборы отменяются, и «отныне и навеки должность более не выборная, а зависит едино от воли губернатора». Как говорится, пустили козла в огород: свобода своеволия и произвола! Вот и усы вздыбил, и глазками буравит, аж жуть... И ох не случайно автор вложил в его уста словосочетание «отныне и навеки».

Вот, собственно, и всё авторское присутствие в повести. Заметно, что ни к одному из своих персонажей он симпатии не испытывает, пишет их «такими, как есть», словно не сам придумал, а усмотрел откуда-то со стороны очень пристальным скептическим взглядом и передал так живо, что мы-то, читатели, начинаем переживать и с ними, и за них, нисколько не считаясь с авторским скепсисом и проглядывающей в самых чувственных местах иронией.

Не заметили иронии? Ну, может быть, я и ошибаюсь. Однако приметы заявленной в названии повести двойственности присутствуют всюду. Чувственные порывы «прошлого» Михаила Евгеньевича категорически противоречат его же рассуждениям о любви и браке. Евграф Иринархович Бессовестнов только внешне гуляка, игрок и хлебосольный хозяин поместья, любящий подшутить над своими гостями, а внутри у него чёрная тоска и раскаяние из-за давних, совсем не родительских, спяну, отношений с дочерью. Машенька, представшая поначалу перед влюбившимся в неё Михаилом Евгеньевичем невинным восхитительным созданием, вдруг (здесь автор, знающий, чем вся эта восторженная романтика закончится, прямо-таки жесток по отношению к читателю!) открывается с «тёмной» стороны (даже её портретные характеристики при этом разительно меняются) и тоже внутренне страдает от своей двойственности. В общем, перед нами богатейший набор психологических перипетий, связей и парадоксов, заставляющий читателя, вслед за персонажами, испытывать контрастные чувства.

Ну и, конечно, «двойная жизнь» напрямую связана со снами. Сны друг о друге видят оба Михаила Евгеньевича; причём, если нынешний рассказывает их нам «вживую» (ему, кстати, вообще свойственны многозначные, подробные, «картинные» сновидения, напоминающие фильмы), то второй записывает, хотя, судя по тексту, не всегда (да и что он может описывать, кроме технических диковин и моды на короткие юбки, остаётся непонятным). Сны о чистой, вдали от опостылевшего окружения, жизни на лоне природы видит Машенька. Сны — пустые, бессюжетные — предмет ежедневных обсуждений и толкований в женском коллективе, где прозябает на работе наш современник.

Всё это — словно попытки найти в жизни что-то более важное, осмысленное, красивое, чувственное — во всяком случае, другое, — чем нудная рутинная действительность, так или иначе берущая в плен любого. В самом начале повести мается душевно Михаил Евгеньевич: «Настоишься на коленях, отобьёшь поклонов несчётно, надышишься ладану — и, вот оно, просветление, снизошло... Так на душе становится хорошо, инда молебны петь хочется, не думается ни о чём, лишь одна мысль душу тешит: «Эх! Вот так-то бы всегда жить — в тиши, в благодати, умиротворении с жизнью и самим собою! И почему же я, неразумный, раньше не догадался так жить?!» А как встанешь с колен — сизнова мечешься...» — и, не находя выхода, после всех сюжетных переживаний и разочарований женится на своей горничной, погружаясь в семейную, простую размеренную, хотя и недолгую уже жизнь. С одной стороны, финал, вроде бы, и неожиданный, но с другой — ведь прочили ему это и остепенившийся друг Евграф Иринархович Бессовестнов, и поигравшая его чувствами Машенька Бессовестнова. Но всех опередил автор, ещё на третьей странице текста Андрей Хромовских выдал нам посещавшее помещика желание «опроститься». К этому всё и пришло.

Не знаю, удалось ли мне в кратком рассуждении раскрыть детали того, с чего начал рецензию, а именно литературного качества текста: непростого, с целой системой сюжетных переплетений, композиционных узлов и лексических взаимосвязей. А может быть, читатель откроет ещё и что-то своё, ускользнувшее от моего взора?

ЭДУАРД АНАШКИН

«...Смертны мы... Но ты — не верь!»

О КНИГЕ ЛАУРЕАТОВ ЛИТЕРАТУРНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
«Молодость. Творчество. Современность — 2018»

В Иркутске после долгого перерыва вновь возобновила свою работу с молодыми авторами когда-то знаменитая легендарная литературная конференция «Молодость. Творчество. Современность». Вот она — новая литературная смена писателям Иркутской области. Несколько десятков молодых людей от 16 до 35 лет, чьи произведения признаны заслуживающими внимания. География участников конференции широка — Иркутск, Ангарск, Братск, Усолье-Сибирское, Слюдянка, Новонкутск, Оса, Черемхово... «Пожурить» молодых согласился первый секретарь Правления Союза писателей России,

московский поэт Геннадий Иванов. Членами жюри в поэтических секциях стали писатели-иркутяне — Иван Козлов, Владимир Скиф, Артем Морс, Светлана Шегебаева. В жюри по прозе вошли Валерий Хайрюзов, Анатолий Байборodin, Александр Лаптев, Юрий Баранов, Светлана Зубакова...

И вот по итогам конференции тиражом 500 экземпляров вышел коллективный сборник «Пускай услышат наши голоса», куда вошли проза и стихи финалистов литературной конференции «Молодость. Творчество. Современность — 2018». Для кого-то это первая публикация, а кто-то из участников уже имеет в своем послужном списке другие публикации и даже авторские книги. В предисловии к коллективному сборнику один из членов жюри, известный сибирский российский поэт Владимир Скиф вспоминает, как когда-то, в далеком 1964 году, он, 18-летний юноша, вошел в число тех избранных молодых словотворцев, что были приглашены на престижную конференцию. Количество семинаров тогда доходило до 20. В это сегодня было бы трудно поверить, но мы знаем, что пишущей молодежи сегодня так много, что последние годы практически в каждом регионе проводятся фестивали и семинары для молодых литераторов.

Конечно, молодые должны сказать «спасибо» за возрождение творческой конференции «Молодость. Творчество. Современность» Правительству Иркутской области и Иркутскому Министерству культуры. Благодаря этой конференции начинающие авторы получили не только возможность творческого общения с ровесниками, но и с ведущими писателями-профессионалами, проводившими строгий отбор участников.

Молодость — пора экспериментов. Молодые прозаики и поэты пробуют себя в самых разных жанрах, не исключая даже такие не совсем обычные, которые не очень приветствуемы профессиональными писателями, как фэнтэзи (братчанин

Роман Лаконин представил на конференцию рассказ в этом стиле). Но, думаю, молодым словотворцам-иркутянам надо всегда помнить: Иркутск — одна из столиц русской классической прозы XX и начала XXI века. Ведь в этом городе жил и творил Валентин Распутин! И это ко многому обязывает, а именно — при всех неизбежных поисках нового хранить верность классическому наследию литературы.

Прозаики Мария Козлова, Алина Попова, Екатерина Сереброва, Вячеслав Демин... Поэты Софья Сороковикова, Денис Афонин, Анна Родовикова, Татьяна Черняева... Впрочем, стоит ли перечислять имена авторов сборника сейчас, если есть вера, что мы еще услышим эти имена, когда они станут Именами благодаря тому, что сохранят верность Слову. А такую верность хранить трудно, ведь нынешняя жизнь является непростой проверкой на эту верность. Сегодня занятие литературой не дает молодым тех материальных «преференций», что давала когда-то, во времена советской власти, когда молодых заботливо опекал ЦК ВЛКСМ. Сегодня литературу надо любить не благодаря, а вопреки обстоятельствам. Тем почетнее право любить литературу за нее саму, а не за «бонусы», что дает статус молодого писателя.

Зато сейчас молодые литераторы более свободны в творческом самовыражении. Никто из чиновников не говорит им, что надо писать непременно в духе «реализма». Это опять же — выбор каждого! К примеру, рассказы Кристины Подгорецкой, остановившие мое внимание, выдержаны в духе реализма, но скорее мистического. Главное для писателя — заставить читателя задуматься и попытаться задать самому себе порой очень непростые вопросы. Рассказы Кристины, несмотря на молодость автора, заставляют задуматься. Описана трагедия потери семьи. Кристина не поучает читателей, как надо вести себя в ужасной ситуации. Она следует художественной логике сюжета рассказа «Вечно счастливый». Главный герой сходит с ума. Но, как ни удивительно, в этом своём безумии обретает спокойствие и счастье. В своем спасительном безумии главный герой обретает потерянную семью, он в своих видениях постоянно видит перед собой погибших родных, разговаривает с ними... Как сказал бы классик: «Тьмы низких истин нам дороже нас возвышающий обман». Самообман для героя повествования не просто возвышающий, а спасительный.

Другой рассказ Кристины Подгорецкой тоже пронизан мистической тональностью. Рассказ называется «Встречи в глухом лесу» и посвящен, по сути, той же теме — теме соотношения смерти и бессмертия. Цитата:

«На самом деле мы не умираем. Мы просто засыпаем, и нам снится вечный сон, который не заканчивается, и когда мы спим, нам открывается кусочек нашей настоящей жизни. А может, наоборот. Наша жизнь — это всего лишь сон. А пробуждение приходит лишь со смертью. И тогда мы наконец понимаем, кто мы есть на самом деле...»

Тема сна, тема пробуждения, тема смерти и бессмертия — это, как ни крути, вечные темы мировой классической литературы. И русской литературы в особенности! «Жизнь моя, иль ты приснилась мне!» — воскликнул русский классик, погибший совсем молодым. А потому, несмотря на мистицизм, Кристина Подгорецкая продолжает развивать и осмысливать в духе современности классические неувядаемые традиции русской прозы. Пожелаем ей удачи на этом творческом пути!

Из поэтов хотелось бы отметить Елизавету Оводневу, автора книги стихов «Я не выдам тебя никому», вышедшей в Иркутске в 2019 году. В 2014 году ее произведения обсуждались в Иркутске на творческом семинаре «Молодые голоса», и по

результатам Елизавета завоевала второе место. И вот ноябрь 2018 года, когда она не только стала победителем Областной конференции «Молодость. Творчество. Современность», но и была рекомендована в члены Союза писателей России. Своим наставником в литературе Елизавета Оводнева считает Владимира Петровича Скифа. В творчестве молодой поэтессы я тоже, как очень позитивную тенденцию, хочу отметить явное тяготение к классической традиции. Об этом говорят даже посвящения Марине Цветаевой, Сергею Есенину, Михаилу Лермонтову...

«Нас отравила разлука, // Яда подсыпав в стихи. // Долгая смертная мука // Нам не за наши грехи. // Лодка по Стиксу уходит, // Поезд по рельсам плывет. // И за собою уводит, // И за собою зовет. // Ты поклонился вороне, // Крошками кинул: «Прости». // Долго стоял на перроне, // Счастье пытаюсь спасти».

«Не могу делать больно. И не могу не делать» — эта формула Цветаевой, по сути, является формулой жизни и формулой противостояния смерти. В жизни небесной каждый из нас является единым целым с другими людьми, на духовном уровне, все мы — неотъемлемые составляющие вселенной. И потому понимаем, что не вправе причинять боль себе самому, думая, что причиняем ее другому. А в жизни земной и телесной многое, к сожалению, от лукавого: почти все мы (за исключением разве монашествующих!) не можем не причинять друг другу боль. Все мы — чья-то боль! Но все мы — и чье-то исцеление... Очень много стихов у Елизаветы Оводневой, которые проникнуты такой узнаваемой, цветаевской стилистикой, которую считают весьма «заразной» для молодых поэтесс. Но я думаю, что влияние классики плохим быть не может.

«В неурочный час // Непривычный звон // Настигает нас // У святых икон. // Всякий звук в нем песнь // Света и тепла. // К сердцу, словно весть, // Благодать сошла. // Как услышишь звон, // Так воздай хвалу // За Всевышний трон // К образам в углу. // С чистотой души, // Сбив неверья лед, // Правый путь держи — // То Господь зовет».

Но особенно ложится мне на сердце стихотворение, которое Елизавета Оводнева посвятила памяти Валентина Григорьевича Распутина:

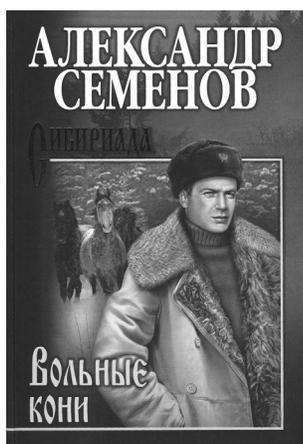
«И первый раз — я Вам не верю // И первый раз — я рок клянусь. // Так — непонятна клетка зверю, // Так — непонятна жизнь в плену. // ... И, зашумев, как ветер в кроне, // Он тихо-тихо стукнет в дверь: // «Что нынче передать вороне? // Что смертны мы... Но ты — не верь!»

Как видим, молодых едва ли не в первую очередь одолевают раздумья о смерти и бессмертии. Но ведь эти раздумья и роднят их с русской классикой, которую веками негромко подпитывает уверенность в том, что «весь я не умру». Этой уверенностью в человеческом бессмертии, залогом чего является душа человека (а к ней и обращаются в первую очередь все писатели!), проникнуто лучшее из того, что создается современной литературной молодежью. И раз уж речь зашла о Елизавете Оводневой, как одном из ярких представителей иркутской литературной молодежи, стоит процитировать ее стихотворение Памяти Сергея Есенина:

«Говорили, мол, Сереженька, // Не взлетай, как ястреб, к солнышку: // Обожжешься, скинет боженька, // Разобьешься, словно стеклышко. // А Сереженька: — Ну скажете! // Вон какая красотища-то! // С высоты Русь не изгажена. // С высоты она — не нищая...».

Хотелось бы, чтобы все молодые писатели и поэты, какие бы искушения ни подстерегали их на непростом литературном пути, никогда не теряли взгляда на Россию и свою жизнь с высоты птичьего полета, завещанного нам русской классикой.

Книжная полка

Семенов, А.М.

Вольные кони: повести, рассказы / А.М. Семенов. — М.: Вече, 2018. — 558 с. — (Сибиряда. Лауреаты премии им. В.Г. Распутина).

Повести и рассказы известного иркутского писателя Александра Семенова затрагивают такие важные темы, как нравственное понимание мира, гуманизм, обретение веры, любовь к Родине. В образах его героев видны духовная крепость простого народа, его самобытность, стойкость и мужество в периоды испытаний.

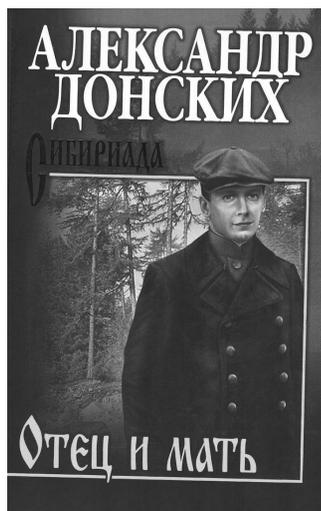
Донских, А.С.

Божий мир: повести, рассказы / А.С. Донских. — М.: Вече, 2018. — 464 с. — (Сибиряда. Лауреаты премии им. В.Г. Распутина).

Донских, А.С.

Отец и мать: роман / А.С. Донских. — М.: Вече, 2018. — 528 с. — (Сибиряда. Лауреаты премии им. В.Г. Распутина).

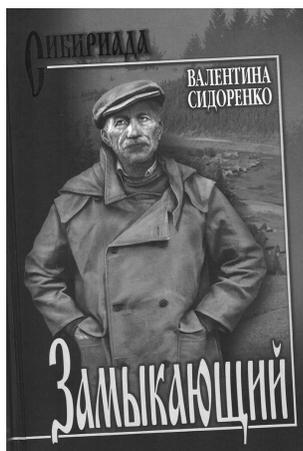

Донских, А.С.

Родовая земля: роман / А.С. Донских. — М.: Вече, 2018. — 368 с. — (Сибиряда).

Издательство «Вече», в серии «Сибиряда. Лауреаты премии им. В.Г. Распутина» выпустило в свет три книги иркутского прозаика Александра Донских: «Божий мир», которая включает повести «Солнце всегда взойдет», «Над вечным покоем», «Божий мир» и две книги романов: «Отец и мать» и «Родовая земля». Все произведения посвящены трудным судьбам сибиряков на фоне перипетий яростного, порой страшного XX века. Но жизнь каждого из героев — отдельная и уникальная история. Автор не только заглядывает в прошлое страны, но пытается понять, куда сейчас движется Россия и что ждет ее впереди.

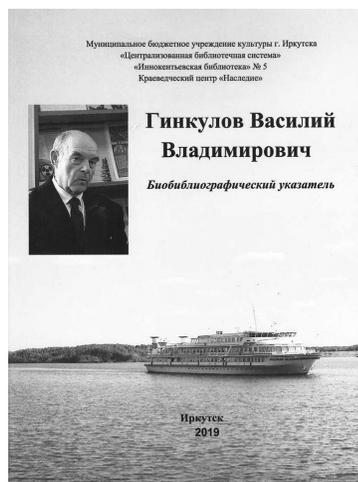
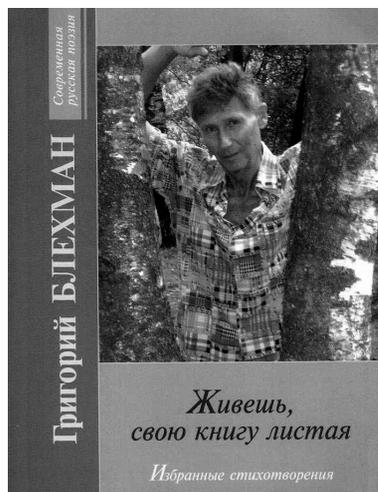

Сидоренко, В.В.
Замыкающий: повести / В.В. Сидоренко. — М.: Вече, 2018 — 496 с. — (Сибиряда).

В книгу сибирской писательницы Валентины Сидоренко вошли семь повестей, написанных в разное время. Почти все они о сибирской деревне, о трагедии народа, который в лихие времена сумел выжить, благодаря невероятной стойкости и потому, что не забывал заветы своих предков. Проза автора обращена к читателю, чуткому к звучанию русского слова, оттенкам его смыслов, к тем, кто имеет вкус к серьезному размышлению о дне сегодняшнем в потоке вечного времени.

Блехман, Г.
Живешь, свою книгу листая: избранные стихотворения / Г. Блехман. — М.: Российский писатель, 2019. — 255 с. — (Современная русская поэзия).

В новую книгу известного русского поэта Григория Блехмана вошли избранные произведения, написанные в разные годы.

Гинкулов Василий Владимирович: биобиблиографический указатель / Сост. Е.Е. Смагло. — Иркутск: [б.и.], 2019 (Тип. «Иркут»). — 64 с.

Справочно-биобиблиографическое издание посвящено 90-летию иркутского писателя, истинного знатока и защитника сибирской природы В.В. Гинкулова, который является автором 20 книг и 170 публикаций. Указатель рассчитан на литературоведов, учителей литературы, студентов-филологов, работников библиотек и читателей, интересующихся творчеством иркутских писателей.

Наши лауреаты

Поздравляем **Валерия Викторовича Дмитриевского** — лауреата литературной премии 2018 года издания «День литературы» в номинации «Поэзия» за талантливое поэтическое осмысление современной российской действительности.

Новости Иркутского Дома литераторов

Жизнь кипит в «Доме со львами»: творческие встречи, презентации, концерты, конкурсы — чего только ни случилось, чего только ни произошло в последние месяцы, а потому хочется поделиться событиями, радостными и печальными, но главное — общими для ценителей слова.

26 марта в ОГАУ «ИДЛ» прошёл Круглый стол на тему «Семейное воспитание в современном мире». Обсуждение открыло цикл ежегодных мероприятий под общим названием «Посоветуемся с Распутиным...», который затронет самые актуальные вопросы.

7 апреля творческим вечером отпраздновала своё семилетие литературно-драматическая студия «Слово».

Отборочный тур ежегодного областного конкурса чтецов «Сибирская лира» состоялся в Братском районе впервые. Он прошёл **13 апреля** в Вихоревской школе искусств.

А **23 апреля** отборочный тур областного конкурса «Сибирская лира» прошёл в Усолье-Сибирском во Дворце культуры.

29 апреля на Областном Пасхальном фестивале в Областной филармонии литературно-драматическая студия «Слово» показала спектакль по одному из «Провинциальных анекдотов» А.Вампилова — «История с метранпажем».

8 мая в Доме литераторов состоялось очередное мероприятие «Вахты памяти»: «Мы помним, мы гордимся», посвящённой великой Победе.

13 мая в Иркутском Доме литераторов презентовали первый номер журнала «Сибирь» за 2019 год. У журнала давняя история и неповторимая «сибирская» интонация. Свежий номер в очередной раз доказал, что высокая планка к публи-

куемым произведениям, — залог читательского интереса и любви. Поводов для обсуждений было немало, и дискуссия получилась жаркой. Поскольку многие высказались, а зал был практически полон, то с уверенностью можно утверждать: презентация прошла на высоком уровне, достойном журнала «Сибирь».

14 мая состоялась презентация сборника «Пускай услышат наши голоса», в котором опубликованы проза и стихи финалистов Областной литературной конференции «Молодость. Творчество. Современность», прошедшей в ноябре 2018 года.

21 мая к 220-летию А.С. Пушкина провёл свой творческий вечер «На крыльях стиха и ромansa» поэт и прозаик Александр Обухов

29 мая в Иркутском Доме литераторов прошёл вечер памяти известного иркутского детского писателя Михаила Трофимова, ушедшего из жизни. Вспомнить светлого человека, своего товарища собрались писатели, библиотекари, казаки Иркутского войскового казачьего общества.

2 июня в самом сердце Иркутска — на сквере им. Кирова — в рамках празднования Дня города состоялся традиционный «Литературный квартал», темой которого в этом году стал девиз «От книги к театру».

3 июня для воспитанников детских садов состоялся традиционный «Баранкин день».

6 июня, в день рождения Александра Сергеевича, в ИОГУНБ им. Молчанова-Сибирского состоялось торжественное собрание, посвященное Дню русского языка и 220-летию А.С. Пушкина, на котором выступил с речью директор Иркутского Дома литераторов Юрий Иванович Баранов.

Там же в этот знаменательный день Юрий Иванович провёл литературный вечер для детей по сказкам А.С. Пушкина «Чудеса Лукоморья».

6 и 7 июня для воспитанников летней детской площадки школы № 11 Правобережного округа города Иркутска поэт Светлана Шегебаева организовала «Пушкинские дни»: в частности, ребята поучаствовали в викторине по сказкам А.С. Пушкина.

8 июня в ИОГУНБ им. Молчанова-Сибирского состоялся открытый поэтический марафон «Иркутская поэзия 21-го века: мы — наследники славы русского слова», посвящённый 220-летию А.С. Пушкина.

Для ребят, отдыхающих на летних площадках школ №№ 11 и 17, **21 июня** в Иркутском Доме литераторов прошёл литературный урок «Сороковые, роковые». Мероприятие, посвящённое Дню скорби 22 июня, открыло цикл уроков «Горящее сердце».

Вечером **21 июня** в Иркутском Доме литераторов прошла презентация второго номера журнала «Сибирь» за 2019 год. Кроме редакторов выступили авторы номера поэт Светлана Третьякова, прозаик Алёна Шипицына, историк Артём Ермаков. Однако изюминкой встречи стал показ отрывка из фильма «Солнцем поцелованные», снятого по книге рассказов Елены Чубенко. Рассказы Елены Ивановны напечатаны и в презентуемом номере, так что ценители живой и образной деревенской речи могут их прочитать и по достоинству оценить. Елена Чубенко родилась в селе Улёты Забайкальского края, живёт в Чите, откуда специально приехала на презентацию. Отрывок из фильма дополнил слова автора о своём творчестве, любви к глубинке, цветастому говору, и проиллюстрировал особенную чуткость и совершенно непростой взгляд на переплетение судеб и человеческие взаимоотношения.

Вечером **24 июня** прошёл литературный диспут «Я научила женщин говорить...», приуроченный к 130-летию А. Ахматовой. Присутствующие не только высказывали своё мнение о том, что такое женская поэзия и стоит ли её отделять от мужской, но и читали свои (и не свои!) произведения.